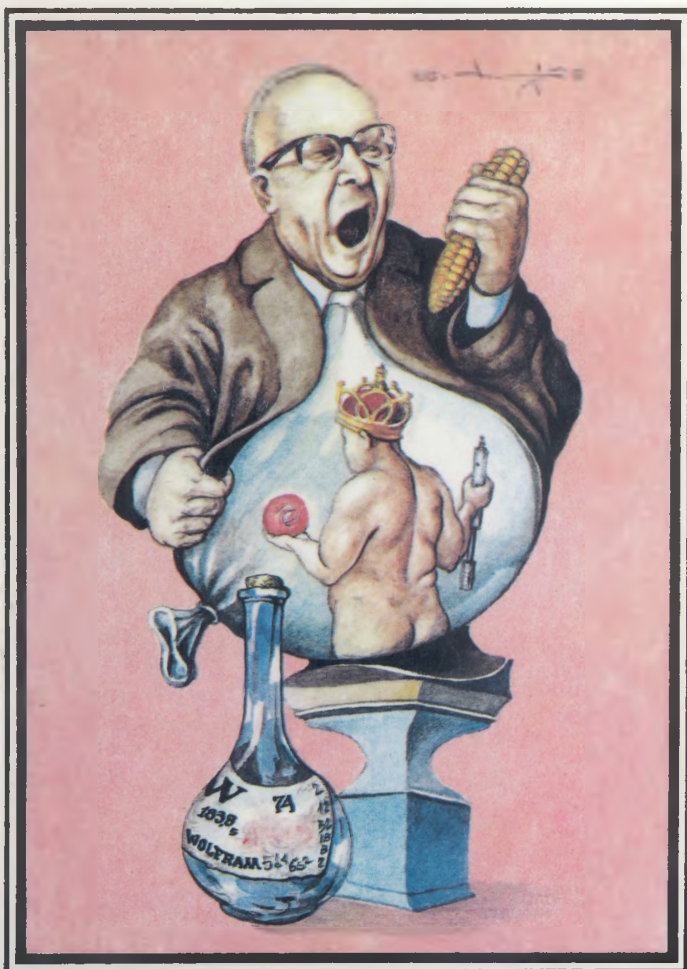
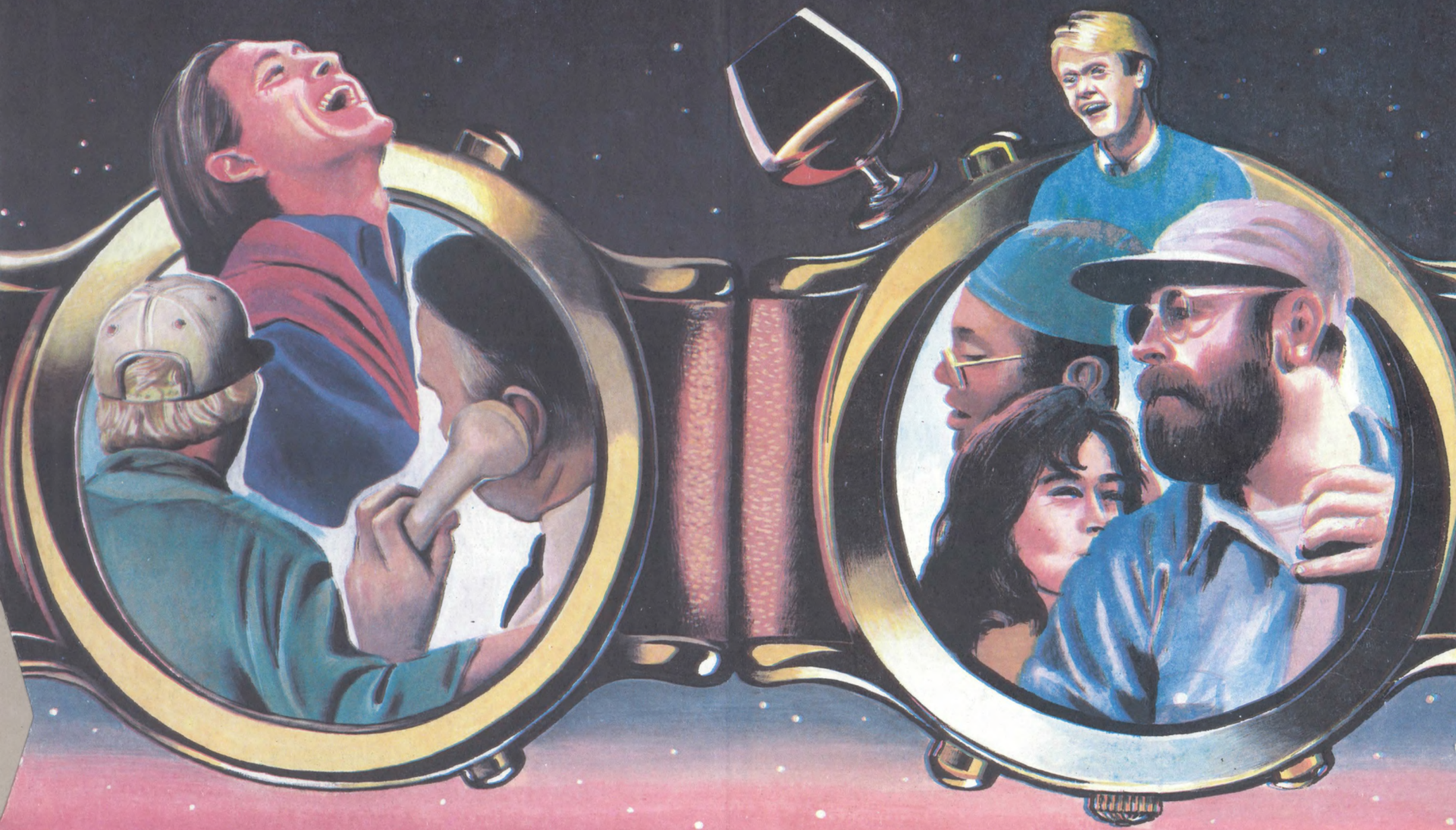

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ROBERT A. HEINLEIN

Volume thirteen

**BEYOND THIS HORIZON
WALDO
MAGIC, INC.**

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

Книга тринадцатая

ТАМ, ЗА ГРАНЬЮ

УОЛДО

КОРПОРАЦИЯ „МАГИЯ“

Издательская фирма «Полярис»

1994

Beyond This Horizon.

Copyright © 1948 by Robert A. Heinlein

Waldo.

Copyright © 1940 by Robert A. Heinlein

Magic, Inc.

Copyright © 1942, 1950

by Robert A. Heinlein

Там, за гранью.

© 1994 А. Дмитриев, С. Фомченко,

перевод на русский язык

© 1994 Издательская фирма «Полярис»,
*перевод на русский язык, оформление,
составление*

© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
название серии

Издание подготовлено при участии
издательства «TERRA FANTASTICA»,
г. Санкт-Петербург

Перепечатка отдельных романов и
всего издания в целом запрещена без
разрешения издателя и переводчика. Вся-
кое коммерческое использование данного
издания возможно исключительно с пись-
менного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-081-6

**ТАМ,
ЗА ГРАНЬЮ**

Глава 1

«Все они должны были быть очень счастливы...»

Все проблемы были решены: у них более не существовало бедных; болезни, увечья, хромота и слепота стали достоянием истории; древние поводы для войн исчезли; люди обладали свободой — куда большей, чем когда-либо имел Человек. Все они должны были быть счастливы...

Гамильтон Феликс * вышел из лифта на тринадцатом уровне Министерства финансов, ступил на движущуюся дорожку, уходящую влево, и покинул ее возле двери, на которой значилось:

Бюро экономической статистики
Аналитическо-прогностическая служба
Директор
Посторонним вход воспрещен

* Имя выбрано не случайно: по-латыни «Феликс» означает «счастливый». (Здесь и далее примечания переводчика.)

Набрав кодовую комбинацию, Гамильтон подождал визуальной проверки. Она произошла мгновенно; дверь распахнулась, и изнутри донесся голос:

— Заходите, Феликс.

Шагнув внутрь, он взглянул на хозяина и заметил:

— Вы — девяносто восьмой.

— Девяносто восьмой — кто?

— Девяносто восьмая кислая физиономия за последние двадцать минут. Это такая игра — я ее только что придумал.

Монро-Альфа Клиффорд был явно озадачен. Впрочем, при встречах с Феликсом это случалось с ним достаточно часто.

— Что вы имеете в виду? Ведь вы же наверняка подсчитали и нечто противоположное?

— Разумеется. На девяносто восемь рож, выражающих скорбь от потери последнего друга, пришлось семь счастливых лиц. Однако, — добавил он, — чтобы их стало семь, мне пришлось сосчитать и одного пса.

Монро-Альфа бросил на Гамильтона быстрый взгляд, сиюсья понять, шутит он или нет. Как обычно, разобраться в этом ему не удалось. Высказывания Гамильтона нередко казались несерьезными, а зачастую — попросту бессмысленными. В них не было и намека на шесть правил юмора — собственным чувством юмора Монро-Альфа гордился и неукоснительно требовал, чтобы подчиненные развивали в себе это ценное качество. Но разум Гамильтона, казалось, следовал какой-то странной, лишь ему присущей нелогичности — возможно, самодостаточной, однако, на первый взгляд, никоим образом не связанной с окружающим миром.

— И какова цель вашего обследования? — поинтересовался Монро-Альфа.

— А нуждается ли оно в цели? Говорю же, я его только что придумал.

— К тому же ваши числовые данные слишком скудны, чтобы на них можно было опереться. Основываясь на столь мизерном количестве данных, вам не удастся построить кривой. Кроме того, сами условия не поддаются проверке. А следовательно, и ваши результаты не означают ровным счетом ничего.

Гамильтон закатил глаза.

— Услышь меня, Старший Брат, — тихо проговорил он. — Живой Дух Разума, посети твоего слугу! В этом величайшем и процветающем городе я обнаруживаю, что соотношение уксусно-кислых физиономий к улыбающимся равно четырнадцать к одному, а он утверждает, будто это ничего не значит!

Монро-Альфа был явно раздосадован.

— Оставьте шутовство, — посоветовал он. — И вообще, подлинное соотношение составит шестнадцать к третьей к одному — собаку считать не следовало.

— А, забудьте! — махнул рукой его приятель. — Чем вы тут развлекаетесь? Гамильтон принялся бродить по кабинету, временами бесцельно брал что-то в руки, рассматривал и, сопровождаемый бдительным взглядом Монро-Альфы, ставил на место; наконец он остановился перед огромным интегратором-накопителем. — По-моему, наступает время вашего квартального прогноза, не так ли?

— Не наступает, а уже наступило. Перед самым вашим приходом я как раз закончил первую прогонку. Хотите взглянуть? — Подойдя к аппарату, Монро-Альфа нажал кнопку.

Когда выскочил фотостат, он, не взглянув на него, протянул бумагу Гамильтону. Смотреть ему и не надо было — данные в компьютер вводились проверенные, и Клиффорд был убежден в правильности полученного прогноза. Завтра он вернется к этой проблеме, но использует при решении иную методику. Если несовпадение результатов превысит пределы машинной погрешности, придется перепроверять исходные данные. Впрочем, этого, конечно же, не случится. Сам по себе конечный результат Монро-Альфу не интересовал — этим пусть занимается начальство; волновал Клиффорда исключительно сам процесс.

Гамильтон рассматривал фотостат. Даже непрофессионалу, можно было — хотя бы отчасти — понять, какое великое множество деталей пришлось учесть, чтобы получить этот простой ответ. На двух континентах человеческие существа занимались своими законными делами — покупали и продавали, производили и потребляли, тратили и сберегали, отдавали и получали. В Альтуне, штат Пенсильвания, для субсидирования

разработки нового метода получения железа из бедных руд группа людей выпустила пакет акций, не обеспеченных капиталом. Они были хорошо приняты в Нью-Боливаре, где образовался переизбыток доходов из-за процветания тропических городов-садов, разбросанных по берегам Ориноко («Купи лопоту рая!»). Возможно, этот успех объяснялся здоровым голландским влиянием, ощутимым в смешанной культуре региона; но мог объясняться и латинским влиянием, которое обеспечило в это же время беспрецедентный поток туристов с Ориноко в Патагонию, на озеро Луизы и в Ситку — не суть важно.

Так или иначе, а все сложное переплетение сделок нашло отражение на фотостате, который держал в руках Гамильтон. Где-то в Уалла-Уалла ребенок — тайком, косясь на дверь — сломал копилку, собрал монеты, которые так долго и тщательно откладывались, и купил возжеленную игрушку, способную не только совершать некие *действия*, но и произносить при этом соответствующие звуки. Где-то глубоко во внутренностях автоклерка, регистрирующего продажу игрушек в магазине, в бумажной ленте были тут же пробиты четыре дырочки. Эта пометка, появившаяся в счетах владельца, была отражена в бесконечной цепи посредников — складов, транспортников, обработчиков, первичных производителей, сервисных компаний, врачей, адвокатов, торговцев, управленческого аппарата — мир без конца.

Ребенок — маленькое, злобное, белообрисое отродье, предназначенное разочаровывать всех, кто его задумывал и воспитывал, — увидев, что у него осталось еще несколько монеток, обменял их на диетические конфеты («Псевдосласти «Дед Мороз» — во всей банке ни единой рези в животике»). Продажа была просуммирована со многими ей подобными и нашла отражение в отчетности Корпорации торговых автоматов в Сиэтле.

В цифрах на фотостате, который держал в руках Гамильтон, сломанная копилка и все ее взаимосвязи проступали крохотным фрагментом сверхмикроскопических данных, неразличимых даже в пятом знаке после запятой. Составляя прогноз, Монро-Альфа слыхом не слыхал об этой копилке — да и никогда не услы-

шит! — но подобных копилок были десятки тысяч, а за ними стояло неисчислимое количество предпринимателей — везучих и невезучих, проницательных и тупых; миллионы производителей, миллионы потребителей — и каждый со своей чековой книжкой, каждый — с печатными символами в бумажнике; мощными символами — как их ни называй: деньги, бабки, гроши, вампум, наличные, шекели, капуста...

Все эти символы — и те, что звенят, и те, что складываются, и особенно те, что являются собой лишь абстракцию, подписанное честным человеком обещание, — все эти символы или их скрупулезно отраженные тени проскользнули сквозь бутылочное горлышко компьютера Монро-Альфы и обрели там вид угловых скоростей, кружения трехмерных эксцентриков, электронных потоков, отклонений напряжения и всяческих прочих сложностей. И все это многообразие составляло динамическую абстрактную структурную картину экономической жизни полушария.

Гамильтон рассматривал фотостат. При повторном вложении накопившегося капитала требовалось увеличить субсидирование розничных продаж на три и одну десятую процента и увеличить месячный доход граждан на двенадцать кредитов — если только Совет экономической политики не решит распределять прирост общественного дохода иным способом.

— «С каждым днем я становлюсь богаче», — резюмировал Гамильтон. — Знаете, Клифф, эта ваша денежная машина — чудесное приспособленье. Поистине курочка, несущая золотые яйца!

— Понимаю вашу классическую аллюзию, — согласился Монро-Альфа, — однако интегратор ни в каком смысле не является производящей машиной. Это лишь компьютер, сопряженный с интегрирующим предиктором.

— Знаю, — рассеянно отмахнулся Гамильтон. — Скажите-ка, Клифф, а что будет, если я возьму топор и вдребезги разнесу эту вашу игрушку?

— Вас станут допрашивать, чтобы выяснить побудительные причины.

— Не пытайтесь казаться глупее, чем вы есть. Что случится с системой экономики?

— Полагаю, — проговорил Монро-Альфа, — вы хотите, чтобы я отметил, будто заменить машину невозможно? Любой из интеграторов региона мог бы...

— Разумеется. К черту их все.

— Тогда мы окажемся вынуждены прибегнуть к утомительным статистическим расчетам. Произойдет задержка на несколько недель — пока накопившиеся ошибки не будут исправлены в следующем прогнозе. Но ничего особо существенного не случится.

— Все это ерунда. Я хочу понять вот что: если никто не станет подсчитывать количество кредитов, которые необходимо выпустить, чтобы сбалансировать производство и потребление — что произойдет в этом случае?

— Ваше гипотетическое допущение так далеко от реальности, что теряет всякий смысл, — заявил Монро-Альфа. — Но если принять его, несомненно случится серия кризисов и бумов — наподобие тех, что имели место в начале двадцатого века. В предельном случае они могли бы даже привести к войне. Но ничего подобного, разумеется, не произойдет — структурная природа финансов слишком глубоко вросла в нашу культуру, чтобы псевдокапитализм смог вернуться. Всякий ребенок понимает основы расчетов и производственного баланса — для этого даже начальной школы кончать не надо.

— Я не понимал.

Монро-Альфа снисходительно улыбнулся.

— Трудно поверить. Вы же знаете Закон Стабильных денег.

— В стабильной экономике эмиссия денег, свободных от долгов, должна равняться сумме добавочных капиталовложений, — процитировал Гамильтон.

— Именно. Но это формулировка Рейзера. В целом мышление у Рейзера здоровое, но он обладает удивительным талантом туманно излагать самые простые вещи. Можно объяснить это гораздо проще. Экономические процессы столь разнообразны в деталях и влекут за собой так много отложенных действий, что человек не в состоянии осмыслить их, не прибегая к системе символов. Эту систему мы называем финансами, а символы — деньгами. Символическая структура должна абсолютно точно соответствовать физической связи

между потреблением и производством. Мое дело — следить за действительным развитием процессов и давать Совету экономической политики рекомендации, на основании которых производятся изменения в структуре символов, приводящие ее в соответствие с физической структурой.

— Будь я проклят, если вы изложили это хоть чуточку проще, — пожаловался Гамильтон. — Ну да ничего — я ведь не говорил, будто не понимаю этого сейчас; я лишь сказал, что не понимал, будучи ребенком. Но если по чести — не проще ли было бы установить коллективную систему и покончить с этим?

— Структура финансов является универсальной теорией и приложима к любому типу государственного устройства, — покачал головой Монро-Альфа. — Завершенный социализм будет так же нуждаться в структурной точности расчета цен, как и свободное предпринимательство. Соотношение уровня общественной собственности с уровнем частного предпринимательства — вопрос культуры. Пища, например, конечно, бесплатна, однако...

— Остановитесь, дружище. Вы только что напомнили мне об одной из двух причин, по которым я к вам заглянул. Как насчет обеда? Вечер у вас не занят?

— Частично. В девять у меня свидание с ортосупругой, но до того я свободен.

— Вот и хорошо. Я нашел новый платный ресторан в Меридиэн-Тауэр. Это будет сюрприз вашему пищеварительному тракту — гарантирую либо расстройство желудка, либо сражение с шеф-поваром.

Монро-Альфа заколебался — ему уже случалось участвовать в гастрономических авантюрах Гамильтона.

— Может, сходим в нашу столовую? Зачем платить наличными за плохой обед, если хороший включен в вашу основную прибыль?

— Потому что еще один сбалансированный обед окончательно меня разбалансирует. Пошли.

— Не хочу бороться с толпами, — покачал головой Монро-Альфа. — Честное слово, не хочу.

— Признайтесь, люди вам не нравятся?

— Неприязни они мне не внушают. По крайней мере, каждый в отдельности.

— Но они вам не нравятся. А мне по душе. Люди забавнее, чем кто бы то ни было. Сохрани Боже их маленькие глупые сердца — они способны порой на самые безумные вещи.

— А вы, разумеется, единственный нормальный среди сумасшедших?

— Я? Вот уж нет. Я — затянувшаяся шутка над самим собой. Напомните, чтобы я как-нибудь рассказал об этом. Но вот второй повод, по которому я к вам пришел. Обратили вы внимание на мое новое оружие?

Монро-Альфа бросил взгляд на кобуру Гамильтона. На самом деле он не заметил, что у его друга появилось новое оружие. Приди Феликс безоружным, Монро-Альфа, естественно, обратил бы на это внимание, но особой наблюдательностью в этом отношении он не отличался и вполне мог провести с человеком два часа, даже не задумавшись над тем, что у того в кобуре — коагулятор Стокса или обычный игольчатый излучатель. Но теперь, приглядевшись специально, он сразу же понял, что Гамильтон вооружен чем-то новым... чертовски странным и неуклюжим.

— Что это?

— Это? — Гамильтон вытащил оружие из кобуры и протянул собеседнику. — Хотя да! Вы же не знаете, как с ним обращаться, и оторвете себе голову. — Он нажал кнопку на рукоятке и длинный плоский контейнер упал ему на ладонь. — Вот, я вырвал ему зубы. Видели когда-нибудь хоть что-то подобное?

Монро-Альфа осмотрел механизм.

— Ну... думаю, да. Это ведь музейная реликвия, не правда ли? Ручное стрелковое оружие взрывного действия.

— И да и нет. Это новинка, но представляет собой точную копию экспоната из коллекции Смитсоновского института. Называется «автоматический пистолет Кольта * калибра ноль сорок пять».

— Ноль сорок пять — чего?

— Дюйма.

* Кольт, Сэмюэл (1814—1862) — американский конструктор и промышленник, усовершенствовавший револьвер и основавший фирму стрелкового оружия.

— Дюйма?... Пойдите-ка, сколько ж это будет в сантиметрах?

— Минутку... Три дюйма составляют ярд, а ярд — это около метра. Нет, не может быть*. Одним словом, так обозначается диаметр пули, которую пистолет выбрасывает. Вот, посмотрите, — Гамильтон извлек из обоймы патрон. — Чертовски близок к толщине моего большого пальца.

— И при ударе, полагаю, взрывается?

— Нет, просто прокладывает себе путь.

— Звучит не слишком впечатляюще.

— Вы будете удивлены, старина, — эта штука пробивает в человеке такую дырищу, сквозь которую собака пробежит.

Монро-Альфа протянул пистолет обратно.

— А тем временем противник прикончит вас лучом, который мчится в тысячу раз быстрее. Химические процессы очень медленны, Феликс.

— Не так уж и медленны. По-настоящему теряет время оператор. Половина слоняющихся вокруг нас ганфайтеров** поражают цель уже горячим лучом. Им недостает умения быстро прицелиться. Так что если кисть у вас хорошо развита, этой штукой вполне возможно их остановить. Давайте, я вам покажу — во что мы могли бы пострелять?

— М-м-м... Вряд ли кабинет подходит для стрельбы в цель.

— Расслабьтесь. Нам нужен какой-то предмет, который я мог бы сбить пулей, пока вы будете пытаться его сжечь. Как насчет этого? — Гамильтон взял со стола большое декоративное пластмассовое пресс-папье.

— Ну... пожалуй.

— Прекрасно. — Гамильтон снял с подставки в дальнем конце комнаты вазу с цветами и водрузил на ее место импровизированную мишень. — Мы оба вста-

* Действительно, не может быть, потому что в одном ярде (91,44 см) заключено три фута (30,48 см), в каждом из которых двенадцать дюймов (2,54 см). Калибр пистолета, таким образом, 11,4 мм.

** Ганфайтерами в XIX веке называли профессиональных стрелков, виртуозно владеющих оружием, преимущественно револьвером; во время так называемых коровьих войн их нанимали американские ранчеры для охраны стада от угонщиков.

нем к ней лицом примерно на равном расстоянии. Я буду наблюдать за вами — до того момента, когда вы начнете вытаскивать излучатель, словно мы и в самом деле собираемся стреляться. И тогда попробую сбить его с подставки прежде, чем вы успеете сжечь.

Заинтересовавшись, Монро-Альфа занял предложенное место. Он считал себя неплохим стрелком, хотя и понимал, что у Феликса более быстрая реакция. «Как раз на ту долю секунды, которой мне может не хватить», — подумал Клиффорд.

— Я готов.

— О'кей.

Монро-Альфа потянулся к излучателю.

Последовало единственное «БАХ!» — такое неистовое, что он не только услышал звук, но и ощутил его всей кожей. Поверх наложилось пронзительное «с-с-ринг-оу-оу!» от рикошетов запрыгавшей по кабинету пули. Потом наступила звенящая тишина.

— Черт возьми! — воскликнул Гамильтон. — Я еще ни разу не стрелял из него в помещении... — он шагнул вперед, туда, где находилась мишень. — Ну-ка, посмотрим, что у нас получилось?

Осколки пластмассы разлетелись по всей комнате; при всем желании невозможно было отыскать достаточно большого, чтобы на нем сохранились следы полировки.

— Трудно сказать, сожгли вы его или нет.

— Не сжег.

— Почему?

— Этот грохот меня так напугал, что я не успел выстрелить.

— Правда? Вот здорово! Вижу, что и наполовину не понимал преимуществ этой штучки. Это психологическое оружие, Клифф.

— Оно слишком грохочет.

— Конечно — это оружие устрашения. Не стремитесь поражать цель первым же выстрелом. Противник будет так испуган, что у вас появится время для второго. И это еще не все. Подумайте: городские смельчаки привыкли укладывать человека спать ударом молнии, даже не растрепав ему волос. А это — кровавая штука. Вы видели, что произошло с витролитовой вещицей.

Представьте себе, во что превратится человеческое лицо, оказавшись на пути одной из таких пуль. Похоронных дел мастеру придется прибегнуть к помощи стереоскульптуры, воссоздавая хоть какое-то сходство с покойным, чтобы друзья узнали его, когда придут проводить в последний путь. Кто отважится противостоять такому оружию?

— Может быть, вы и правы. Но все же оно слишком шумное. И вообще, пошли лучше обедать.

— Прекрасная идея. Но подождите-ка... У вас новый лак для ногтей. Он мне нравится.

Монро-Альфа растопырил пальцы.

— Не правда ли, шикарный? Это «Лиловый Радужный». Хотите попробовать?

— Нет, спасибо. Боюсь, я для него слишком темен. Но при вашей коже он очень хорош.

Когда они вошли в платный ресторан, облюбованный Гамильтоном, Монро-Альфа автоматически попросил отдельный кабинет, а Феликс одновременно с ним потребовал столик в общем зале. Сошлись на ложе балкона — она была полуизолирована и позволяла Гамильтону развлекаться, разглядывая собравшихся внизу.

Обед был заказан Гамильтоном заранее — что, собственно, и убедило его друга согласиться на эту вылазку. Подали все на удивление быстро.

— Что это такое? — с подозрением поинтересовался Монро-Альфа.

— Буйабесс. Нечто среднее между ухой и тушеной рыбой. Больше дюжины сортов разной рыбы, белое вино и Бог знает сколько всяческих трав и приправ. Все, заметьте, натуральное.

— Должно быть, ужасно дорого.

— Это произведение искусства — и платить за него одно удовольствие. Но не беспокойтесь: вы же знаете, я не могу не делать деньги.

— Да, знаю. Никогда не мог понять, почему вас так интересуют игры. Правда, за них хорошо платят.

— Вы ошибаетесь. Игры меня совершенно не интересуют. Разве вам случалось видеть, чтобы я истратил

доллар или кредит на любую из моих игр? Я с детства ни во что не играл. Мне совершенно ясно, что одна лошадь может бежать быстрее другой, что шарик останавливается на красном или черном, а тройка бьет две двойки. И видя эти примитивные игрушки, которыми взрослые люди забавляются, я невольно представляю себе нечто более сложное и увлекательное. Когда мне надоедает сидеть без дела, я делаю эскиз такой игрушки и отсылаю своему агенту. В итоге появляются новые деньги. — Гамильтон пожал плечами.

— А что же вас интересует по-настоящему?

— Люди. Ешьте суп.

Монро-Альфа осторожно попробовал похлебку — на лице его отразилось удивление, и он принялся за дело всерьез. Гамильтон, улыбнувшись про себя, пустился его догонять.

— Феликс...

— Да, Клифф?

— А почему вы причислили меня к девяноста восьми?

— К девяноста восьми? Вы имеете в виду обзор кислых рож! Ну, дружище, вы это заслужили. Если за этой смертной маской прячутся довольство и веселье — значит, вы умеете их прекрасно скрывать.

— Но мне не от чего быть несчастным!

— Насколько я знаю, нет. Но и счастливым вы тоже не выглядите.

Еще несколько минут они ели молча. Потом Монро-Альфа возобновил разговор:

— А знаете, это правда. Нет.

— Что «нет»?

— Я не счастлив.

— Да? М-м-м... Почему же?

— Не знаю. Если бы знал, то что-нибудь бы принял. Мой семейный психиатр не может определить причины.

— Вы не на той волне. Психиатр — последний, к кому следует с этим обращаться. Они знают о человеке все — за исключением того, что он такое и что заставляет его тикать. И кроме того, случалось ли вам видеть здорового психиатра? Да на всю страну не сыщется и двух, которые смогли бы пересчитать собственные пальцы и дважды подряд получить одинаковый результат.

— Он и вправду был не в состоянии мне хоть чем-нибудь помочь.

— Разумеется, нет. И знаете почему? Потому что он исходил из предположения, будто с вами что-то не в порядке. Естественно, он не смог ничего найти и зашел в тупик. Ему и в голову не пришло, что с вами все в порядке, но это-то непорядок и есть.

Монро-Альфа казался утомленным.

— Не понимаю. К тому же он сказал, что нашел ключ.

— Какого рода?

— Но... я ведь представляю собой девиант, вы же знаете.

— Знаю, — кивнул Гамильтон. Генетическая родословная друга была ему достаточно хорошо известна, однако он не любил, когда тот вспоминал об этом. Что-то в Гамильтоне противилось мысли, будто человек непременно и неотвратимо следует схеме, навязанной ему генетическими программистами. Больше того — он вовсе не был убежден, что Монро-Альфу следует считать девиантом.

Девиант — термин, вызывающий вопросы. Когда человеческие зиготы, образующиеся в результате слияния двух половых клеток-гамет, отличаются от тех, что были предсказаны генетиками, но не настолько, чтобы уверенно классифицировать их как мутацию, на сцене появляется слово «девиант». Вопреки расхожему мнению, это не термин, применимый для характеристики конкретного феномена, а просто обобщающий ярлык, прикрывающий недостаточность знания.

Монро-Альфа (именно этот Монро-Альфа — Клиффорд, 32-847-106 Б 62) — явился на свет вследствие попытки воссоединить две первичные линии Монро-Альфа и тем самым возобновить и укрепить математический гений его знаменитого предка. Однако математический гений заключен не в одном гене или даже группе генов. Предполагается, что это скорее всего комплекс генов, *организованных в определенном порядке*.

К несчастью, оказалось, что в линии Монро-Альфа этот комплекс генов тесно связан с невротической характеристикой, снижающей способность к выживанию. Природу этой характеристики не удалось опреде-

лить и привязать к какой-либо группе генов. Вроде бы было установлено, что такая взаимосвязь не является неременной, и потому инженеры-генетики, выбиравшие конкретные гаметы, которые должны были вызвать к жизни Монро-Альфу Клиффорда, полагали, будто исключили нежелательную черту характера.

Сам Монро-Альфа Клиффорд так не думал.

— Знаете, в чем ваша беда, дружище? — Гамильтон наставительно ткнул в его сторону пальцем. — По глупости вы ломаете голову над тем, чего не знаете. Ведь ваши конструкторы уверяют, что сделали все возможное, чтобы исключить из вашего «я» те черты, которые заставили вашего милого прадедушку Уиффенпупфа разводить ужей-полосатиков в собственной шляпе. Существует, конечно, вероятность, что им это удалось не в полной мере. Но кто заставляет вас верить в это?

— Мой прадед ничего подобного не делал. Некоторая склонность к агедонизму, тенденция к...

— Так зачем же вести себя так, словно его надо было выгуливать в наморднике? Вы меня утомляете. Родословная у вас чище, чем у девяноста девяти человек из ста, а карта хромосом четче и правильней шахматной доски. А вы все скулите по этому поводу. Как понравилось бы вам оказаться дикорожденным? Носить перед глазами линзы? Страдать от дюжин отвратительнейших болезней? Или оказаться без зубов и жевать искусственными челюстями?

— Разумеется, никто не хочет быть дикорожденным, — задумчиво отозвался Монро-Альфа, — впрочем, те из них, с кем я сталкивался, выглядели достаточно счастливыми...

— Тем больше у вас оснований покончить со своими страхами. Что вы знаете о болях и болезнях? Вы не можете судить о себе сегодняшнем, как рыба не в силах оценить воду. Доход у вас втрое больше, чем вы способны истратить; высокое положение и любимая работа — чего еще желать?

— Не знаю, Феликс, не знаю... Но чего-то, сам не понимаю чего, мне не хватает. И не давите на меня больше.

— Ну хорошо, простите меня. Займемся лучше обедом.

В буйабессе было несколько крупных крабьих ног, и Гамильтон положил одну из них на тарелку Клиффорда. Монро-Альфа с сомнением посмотрел на деликатес.

— Не будьте столь подозрительны, — посоветовал Гамильтон. — Смелее, попробуйте.

— Как?

— Возьмите ее в руки и раздавите скорлупу.

Монро-Альфа попытался последовать его совету, однако отсутствие опыта не замедлило сказаться — жирная, скользкая крабья нога выскользнула у него из пальцев; он попытался было ее поймать, но она улетела за перила балкона. Монро-Альфа стал подниматься из-за стола, но Гамильтон удержал его:

— Моя ошибка — мне и исправлять, — сказал он, и посмотрел вниз, на столик, оказавшийся прямо под их ложей.

Сам злосчастный дар моря Гамильтон заметил не сразу, хотя в том, куда именно он упал, сомневаться не приходилось. За столом сидели восемь человек, в том числе двое пожилых мужчин с нарукавными повязками, говорившими о том, что они безоружны, и четыре женщины. Одна, молоденькая и хорошенькая, промокала платком забрызганное платье; в стоявшем перед ней бокале, наполненном какой-то пурпурной жидкостью, плавала своенравная крабья нога. Увязать причину со следствием было не трудно.

Двое вооруженных участников застолья вскочили и впились взглядами в балкон. Юноша в ярко-алом прогулочном костюме уже положил ладонь на рукоятку излучателя и уже собрался было заговорить, однако второй, постарше, переведя холодные, опасные глаза с Гамильтона на своего юного компаньона, остановил его.

— С вашего позволения, Сирил, — проговорил он, — это мое право.

Молодой задира был явно раздосадован; тем не менее, он напряженно поклонился и опустился на стул. Старший чопорно вернул ему поклон и вновь повернулся к Гамильтону. Кружева его манжет касались кобур, но до оружия он не дотронулся — пока.

Гамильтон встал и наклонился, положив обе руки на перила так, чтобы их было хорошо видно.

— Сэр, моя неуклюжесть испортила вам удовольствие от трапезы и нарушила ваше уединение. Я глубоко виноват.

— Должен ли я понимать, что это произошло случайно, сэр? — Взгляд мужчины оставался по-прежнему холодным, однако к оружию он не потянулся. Но и не сел.

— Уверю вас, сэр, и покорно прошу меня извинить. Не окажете ли вы мне любезность, позволив возместить причиненный ущерб?

Человек опустил взгляд — не на юношу в алом, а на девушку в забрызганном платье. Та пожала плечами.

— Вашего предложения уже достаточно, сэр.

— Сэр, вы оставляете меня в долгу.

— Нисколько, сэр.

Они обменялись поклонами и уже были готовы занять свои места, когда из противоположной ложи балкона раздался выкрик:

— Где ваша повязка?

Оба посмотрели в ту сторону; один из собравшейся там компании — по-видимому, вооруженной, поскольку повязок ни у кого не было видно — перегнулся через перила и уставился на них с откровенной наглостью.

— Мое право, сэр, не так ли? — обратился Гамильтон к человеку внизу.

— Ваше право. Желаю удачи, — тот сел и повернулся к сотрапезникам.

— Вы обращались ко мне? — поинтересовался Гамильтон у крикуна с балкона.

— К вам. Вы слишком легко отделались. С вашими манерами надо обедать дома — если у вас есть дом, — а не в обществе воспитанных людей.

— Он пьян, — коснувшись руки Гамильтона, шепнул Монро-Альфа. — Не связывайтесь с ним.

— Знаю, — чуть слышно отозвался Феликс. — Но он не оставляет мне выбора.

— Может быть, его друзья вмешаются?

— Посмотрим.

Приятели буяна и в самом деле попытались его утихомирить. Один из них успокаивающим жестом при-

крыл рукой кобуру задиры, но тот резко ее стряхнул. Он явно играл на публику — весь ресторан притих, посетители демонстративно не обращали внимания на происходящее, хотя это было не более чем позой, маскировавшей всеобщий интерес.

— Отвечайте! — потребовал буян.

— Отвечу, — спокойно произнес Гамильтон. — Вы перебрали и потому не в силах контролировать собственные слова. Друзья должны обезоружить *вас* и надеть на *вас* повязку. А не то какой-нибудь вспыльчивый джентльмен может не заметить, что ваши манеры нацелены из бутылки.

Позади буяна возникло какое-то движение и перешептывание, там явно совещались, не внять ли совету Гамильтона. Один из спутников снова попытался урезонить задиру, но тщетно.

— Это вы что, о моих манерах? Вы, ошибка планировщиков!

— Ваши манеры, — спокойно возразил Гамильтон, — столь же отвратительны, сколь и ваш язык.

Буян выхватил излучатель, рука его взметнулась, намереваясь, очевидно, полоснуть лучом вниз.

Ужасающий гром кольта сорок пятого калибра заставил всех вооруженных граждан вскочить в полной боевой готовности — излучатели в руках, глаза насто-рожены. Но готовиться было уже не к чему. Коротко и пронзительно засмеялась женщина. Смех ее разрядил общее напряжение; пожимая плечами, мужчины садились на свои места. Подчеркивая свое безразличие к тому, что делается вокруг, все вернулись к прерванной трапезе.

Противника Гамильтона поддерживали под руки двое приятелей. Выглядел он совершенно трезвым и крайне удивленным. Возле правого плеча в рубашке его зияла дыра, вокруг которой расплывалось красное пятно. Один из поддерживающих его людей помахал Гамильтону свободной рукой с открытой ладонью. Феликс тем же жестом принял капитуляцию. Потом кто-то задернул занавески противоположной ложи.

Со вздохом облегчения Гамильтон опустился на подушки.

— Вот так мы и теряем крабов, — заметил он. — Хотите еще, Клифф?

— Нет, спасибо, — отозвался Монро-Альфа. — Я предпочитаю пищу, которую едят ложками. Ненавижу перерывы во время обеда. Он мог убить вас.

— И оставить вас расплачиваться за обед. Такое крохоборство вам не к лицу, Клифф.

— Вы же знаете, что это не так, — раздосадованно возразил Монро-Альфа. — У меня слишком мало друзей, чтобы я мог позволить себе легко терять их в случайных ссорах. Надо было занять отдельный кабинет — я же предлагал.

Он дотронулся до кнопки под перилами, и шторы закрыли арку, отгородив их от общего зала. Гамильтон рассмеялся.

— Немного возбуждающего полезно для аппетита.

В противоположной ложе человек, жестом признавший капитуляцию, яростно выговаривал раненому:

— Ты дурак! Неуклюжий идиот! Ты все испортил!

— Я ничего не мог поделать, — протестовал раненый. — После того, как он уступил право, мне оставалось только изображать пьяного и делать вид, будто я имел в виду другого, — он осторожно пощупал кровоточащее плечо. — Во имя Бога, чем это он меня прожег?

— Какая разница?

— Для вас — может, разницы и нет, а для меня есть. Я его разыщу.

— Уймись. Хватит и одной ошибки.

— Но я же думал, что он из наших. Думал, это входит в спектакль.

— Хм! Тебя бы предупредили.

Когда Монро-Альфа отправился на свидание, Гамильтону решительно нечего было делать. Столичная ночная жизнь предлагала человеку уйму способов избавиться от лишних кредитов, но все это ему давно опостылело. Он безуспешно попытался найти какое-нибудь оригинальное развлечение, но потом сдался и предоставил городу развлекать его по собственному усмотрению. Коридоры были, как всегда, переполнены,

лифты битком набиты, Большая площадь под портом кишела народом. Куда это они все несутся? Что за спешка? И что они ожидают найти там, куда так стремятся?

Впрочем, присутствие некоторых людей в объяснениях не нуждалось. Немногочисленные пешеходы с повязками оказались здесь просто по делу. Так же объяснялось и присутствие здесь немногочисленных вооруженных граждан, носивших, в то же время, повязки, утверждавшие их уникальный статус полицейских блюстителей, — они имели оружие, но при этом были неприкосновенны.

Однако остальные — вооруженные и разодетые мужчины со своими столь же кричаще разукрашенными женщинами, — почему они так суетились? Почему бы им со своими девицами не посидеть дома? Гамильтон сознавал, что, забавляясь наблюдениями над толпой, он и сам является ее частицей. И без всяких сомнений он не один занимал здесь такую позицию: более того, могло стать, что все остальные, устав от самих себя, собрались здесь, чтобы позабавиться, наблюдая безумства друг друга.

Некоторое время спустя он оказался последним посетителем маленького бара. Коллекция пустых рюмок возле его локтя выглядела впечатляюще.

— Герберт, — обратился он наконец к бармену, — почему вы держите эту забегаловку?

Владелец заведения перестал протирать стойку.

— Чтобы делать деньги.

— Хороший ответ, Герберт. Деньги и дети — какие еще могут быть цели в жизни? У меня слишком много одних и совсем нет других. Наливайте, Герберт. И давайте выпьем за ваших детей.

Герберт поставил на стойку две рюмки, но покачал головой.

— Лучше за что-нибудь другое. Детей у меня нет.

— Извините за бестактность. Тогда выпьем за детей, которых нет у меня.

Герберт наполнил рюмки — из двух разных бутылок.

— Что это вы там пьете? Дайте попробовать!

— Вам не понравится.

— Почему?

- Признаться, это просто подкрашенная вода.
- Вы пьете это под тост? Почему, Герберт?
- Вам не понять. Мои почки...

Гамильтон с удивлением уставился на бармена. Тот выглядел вполне здоровым.

— Вы и не догадались бы, верно? Да, я дикорожденный. Но у меня собственные волосы. И собственные зубы — в основном. Держу себя в форме. Не хуже любого. — Он выплеснул жидкость из своей рюмки и вновь наполнил ее — из той бутылки, откуда наливал Гамильтону. — Ладно! Один раз не повредит, — он поднял рюмку. — Долгой жизни!

— И детей, — механически добавил Гамильтон.

Они выпили. Герберт вновь наполнил рюмки.

— Взять вот детей, — начал он, — каждый хочет, чтобы у его детей жизнь складывалась лучше, чем у него самого. Я женат вот уже четверть века. Мы с женой принадлежим к Первой Правде и не одобряем этих нынешних порядков. Но дети... Это мы решили уже давно. «Марта, — сказал я ей, — неважно, что подумают братья. Главное, — чтобы наши дети были такими же, как все здоровые люди». Она подумала, подумала — и согласилась. И тогда мы пошли в Совет евгеники...

Гамильтон тщетно пытался остановить эти излияния.

— Надо сказать, они были очень вежливы и любезны. Сначала они предложили нам хорошенько подумать. «Если вы прибегнете к генетическому отбору, — сказали они, — ваши дети не получат пособия дикорожденных». Как будто мы сами этого не знали. Да разве в деньгах дело? Нам хотелось, чтобы дети выросли красивыми, здоровыми и были умнее, чем мы. Мы стали настаивать, и тогда они составили на каждого из нас карту хромосом. Прошло недели две или три, пока они нас снова пригласили. «Ну, док, — спросил я, едва мы вошли, — что скажете? Что нам лучше выбрать?» «А вы уверены, что хотите это сделать? — говорит он. — Оба вы — хорошие и здоровые люди, и государство нуждается в таких, как вы. Если вы откажетесь от своей затеи, я готов дать рекомендацию, чтобы вам увеличили пособие». «Нет, — сказал я, — я свои права знаю. Любой гражданин, даже дикорожденный, ес-

ли хочет, может прибегнуть к генетическому отбору». Тогда он мне все и высказал — напрямую.

— Что?

— А нечего там и выбирать — ни в ком из нас...

— Как это нечего?

— Правда... Хотя, может, и не вся. Можно было исключить сенную лихорадку Марты — но это, пожалуй, и все. А о том, чтобы создать ребенка, способного на равных соревноваться со всеми генетически запланированными детьми, и речи быть не могло. Не было материала. Они составили идеальную карту всего лучшего, что могло быть скомбинировано из наших с Мартой генов — и все же ничего хорошего у них не получилось. По общей шкале оценки сумма получилась лишь на четыре с хвостиком процента выше, чем у нас с женой. «Больше того, — сказал он нам, — вам и на это не приходится рассчитывать. Мы можем перебирать ваши зародышевые клетки на протяжении всего периода вашей половой зрелости — и ни разу не наткнуться на те две гаметы, которые могут быть увязаны в этой комбинации». «А как насчет мутаций?» — спросил я его. Он только плечами пожал: «Прежде всего, — говорит, — чертовски трудно зафиксировать мутацию в генетической структуре самой гаметы. Обычно приходится выжидать, пока новая характеристика не проявит себя в зрелой зиготе, и уже потом устанавливать изменения в структуре гена. А вам нужно не меньше тридцати мутаций сразу, чтобы получить ребенка, какого вы хотите. Это математически невозможно».

— И в результате вы отказались от мысли иметь запланированных детей?

— Мы вообще отказались от мысли иметь детей. Точка. Марта, правда, предложила стать приемной матерью любому ребенку, которого я смогу добыть, но я сказал — нет. Если это не для нас — значит, не для нас.

— Хм-м... Боюсь, что так. Если вы с женой оба дикорожденные, зачем вам держать этот бар? Дивиденды граждан плюс два пособия дикорожденных — вполне приличный доход. А вы не похожи на человека с экстравагантными вкусами.

— У меня их и нет. Сказать по правде, после того разочарования мы попробовали так жить. Но не вышло.

Тоска одолела. Раздражительность. Однажды Марта пришла ко мне и говорит: «Как хочешь, Герберт, а я собираюсь опять открыть свою парикмахерскую». И я с ней согласился. Вот так все и вышло.

— Вот как оно вышло, — кивнул Гамильтон. — В странном мире мы живем... Давайте еще по одной.

Герберт продолжал протирать стойку.

— Мистер, — наконец сказал он, — я не могу налить вам еще, пока вы не сдадите мне под расписку оружие и не позволите одолжить вам повязку.

— Вот как? Ну ладно, если так — значит, мне хватит. Спокойной ночи.

— Пока.

Глава 2

«Богач, бедняк, нищий, вор...»

Телефон начал жалобно всхлипывать, едва Гамильтон вошел в дом.

— Фиг тебе, — сказал Феликс, — лично я собираюсь поспать.

Первые два слова являлись кодом, заложенным в аппарат, и тот горестно смолк на середине зова.

В качестве превентивной меры Гамильтон проглотил восемьсот единиц тиамина, поставил кровать на пять часов непрерывного сна, швырнул одежду куда-то в сторону робот-лакея и вытянулся на простынях. Под обложкой матраса стала медленно подниматься вода, пока Феликс не всплыл — сухой, в тепле и уюте. Когда дыхание его успокоилось, колыбельная мало-помалу стихла. А как только работа сердца и легких с уверенностью засвидетельствовала глубокий сон, музыка умолкла совсем, выключившись без малейшего щелчка.

«Тут вот что, — говорил ему Монро-Альфа, — у нас избыток генов. В следующем квартале каждый гражданин получит по девятости шесть хромосом...» «Но мне это не нравится», — запротестовал Гамильтон. Монро-Альфа радостно улыбнулся. «Должно по-

нравиться, — заявил он. — Цифры не лгут. Все получится сбалансированно. Я вам покажу». Он шагнул к своему главному интегратору и включил. Зазвучала и стала нарастать музыка. «Слышите? — спросил Монро-Альфа. — Это доказывает». Музыка стала еще громче.

И еще.

Гамильтон ощутил, что вода ушла, не оставив между ним и губчатой подстилкой ничего, кроме простыни да водонепроницаемой оболочки. Протянув руку, он убавил звук будильника, и тогда до него дошел настойчивый голос телефона:

— Лучше обратите внимание, босс! У меня неприятности. Лучше обратите внимание, босс! У меня неприятности. Лучше обратите внимание, босс! У меня неприятности...

— У меня тоже. Полчаса!

Аппарат послушно затих. Нажав кнопку завтрака, Гамильтон прошел в душ и, бросив по дороге взгляд на циферблат, решил воздержаться от длительной процедуры. К тому же он проголодался. Так что четырех минут хватит.

Теплая мыльная эмульсия покрыла его тело, потом была сдута потоком воздуха, который на исходе первой минуты сменился игольчатым душем той же температуры. Потом колющие струйки стали прохладнее, а затем хлынул сплошной мягкий поток, оставивший после себя ощущение свежести и прохлады. Комбинация эта была собственным изобретением Гамильтона, и ему было все равно, как посмотрели бы физиотерапевты.

Поток воздуха быстро высушил кожу, оставив минуту для массажа. Гамильтон поворачивался и потягивался под настойчивым нажимом тысячи механических пальцев, пока не решил, что вставать все-таки стоило. На секунду он прижал лицо к капиллотому, после чего душевая обрызгала его духами и на прощанье легонько припудрила. Гамильтон вновь почувствовал себя чело-веком.

Он выпил большой стакан сока сладкого лимона и прежде, чем включить обзор новостей, всерьез потрудился над кофе.

В обозрении не было ничего, достойного внимания. «Отсутствие новостей, — подумал он, — делает стра-

ну счастливой, но завтрак — скучным». Дюжина сжатых видеосюжетов промелькнула перед Гамильтоном, прежде чем он переключил один из них на подробную версию. Не то чтобы там содержалось что-то важное — просто это касалось его лично.

— Игровая площадка Дианы открыта для публики! — провозгласил диктор, и вид ущербной Луны на экране сменился контрастным пейзажем лунных гор; глубоко под ними взгляду открылось сияющее зрелище рукотворного рая. Гамильтон нажал на клавишу «Расскажи больше».

— Лейбург, Луна. Игровая площадка Дианы, давно уже рекламируемая ее агентами как высшее достижение индустрии развлечений, не имеющее равных ни на Земле, ни за ее пределами, ровно в двенадцать тридцать две по земному основному была оккупирована первой партией туристов. Мои старые глаза повидали немало городов удовольствий, но и я был поражен! Биографы рассказывают, что и сам Лей не чурался веселых мест — оказавшись здесь, одним глазком смотрю на его могилу: а вдруг он появится?

Гамильтон вполуха слушал болтовню диктора, вполглаза поглядывал на экран, сосредоточив основное внимание на полукилограммовом кровавом бифштексе.

— ...ошеломляюще прекрасные, сверхъестественно чувственные танцы при малой силе тяжести. Залы для игр переполнены — вероятно, администрации придется открывать дополнительные помещения. Особенно популярны игровые автоматы, предложенные «Леди Лак, Инкорпорейтед»* — они называются «Азарт Гамильтона». В действительности...

Видеоператору все-таки не удалось создать ощущения ликующих толп — Гамильтон почти физически ощущал старания, с которыми тот искал точки, откуда можно было снимать нужные кадры.

— ...билеты на круговую экскурсию, позволяющую посетить каждый из аттракционов, и трое суток в отеле — при нормальной земной силе тяжести, поскольку каждая комната центрифугируется.

* Корпорация «Госпожа Удача» (англ.).

Гамильтон выключил новости и повернулся к телефону:

— Связь один-один-один-ноль.

— Специальная служба, — ответило ему сухое контрольное.

— Луну, пожалуйста.

— Конечно. С кем вы желаете говорить, мистер... э... Гамильтон?

— Да, Гамильтон. Я хотел бы поговорить с Блюменталем Питером. Попробуйте вызвать кабинет управляющего Игровыми площадками Дианы.

Через несколько секунд на экране возникло изображение.

— Блюменталь слушает. Это вы, Феликс? На этом конце изображение паршивое. Сплошные полосы от помех.

— Да, это я. Я звоню, чтобы спросить об играх, Пит... В чем дело? Вы меня слышите?

Долгих три секунды изображение на экране оставалось неподвижным, потом неожиданно заговорило:

— Конечно, слышу. Не забывайте о запаздывании.

Гамильтон почувствовал, что выглядит по-дурацки. Он умудрился забыть о запаздывании — впрочем, он всякий раз забывал. Ему всегда казалось затруднительным помнить, глядя в лицо собеседнику, что должно пройти полторы секунды, прежде чем этот человек — если он на Луне — его услышит, и еще полторы, пока его голос придет на Землю. В целом запаздывание составляло три секунды. На первый взгляд — сущий пустяк, однако за это время можно пройти шесть шагов или упасть на сорок один метр.

Гамильтон от души радовался, что до сих пор не установлена телефонная связь с малыми планетами — это ж с ума можно сойти, по десять минут вибрируя между репликами; легче отправить письмо...

— Виноват, — сказал он, — забылся. Как представление? Толпы выглядят не слишком внушительно.

— Ну, сказать что было слишком тесно, конечно, трудно. Но ведь и единственный корабль — не Ноев ковчег. Однако с играми все о'кей. Деньжат у них было предостаточно, и они спешили их истратить. Вашему агенту мы сообщили.

— Естественно. Извещение я получу, но пока хотел бы узнать, какие игры пользовались большим успехом.

— Хорошо шла «Заблудившаяся комета» Да и «Затмения» тоже.

— А как насчет «Скачек» или «Найди свое дитя»?

— Неплохо, но не в такой степени. Гвоздь этой забегаловки — астрономия. Я вам об этом говорил.

— Да, и мне стоило прислушаться. Что ж, я внесу поправки. Изменить название «Скачек» можно прямо сейчас. Назовите их «Высокой орбитой», а лошадкам дайте имена астероидов. Пойдет?

— Хорошо. А цвет декораций изменим на полумночную синеву и серебро.

— Годится. В подтверждение вышлю вам стат. Все, наверное? Я заканчиваю.

— Одну минутку. Я сам попробовал разок рискнуть в «Заблудившейся комете», Феликс. Это замечательная игра.

— Сколько вы спустили?

Блюменталь взглянул на него с подозрением.

— Около восьмисот пятидесяти, если хотите знать. А с чего вы взяли, что я проиграл? Игра честная?

— Разумеется, честная. Но я сам создавал эту игру Пит. Не забывайте этого. Она исключительно для лопухов. Держитесь от нее подальше.

— Но подождите же, я придумал способ с ней управиться. Думаю, вам следует об этом знать.

— Это вы так думаете, Пит А я — знаю. Беспроигрышной стратегии в этой игре нет.

— Ну... хорошо.

— Ладно. Долгой жизни!

— И детей.

Едва линия освободилась, телефон возобновил свой настырный призыв:

— Полчаса прошло. Лучше обратите внимание, босс. У меня неприятности! Лучше...

Аппарат смолк лишь после того, как Гамильтон извлек стат из щели приемника. Там значилось. «Гражданину Гамильтону Феликсу 65-305-243 Б 47. Привет! Окружной Арбитр по генетике свидетельствует свое уважение и просит гражданина Гамильтона посетить его в его офисе завтра в десять утра» Стат был датирован

вчерашним вечером и завершался постскриптумом с просьбой известить службу Арбитра, если указанное время будет сочтено неудобным, сославшись при этом на такой-то исходящий номер.

До десяти оставалось полчаса, и Гамильтон решил пойти.

Служба Арбитра поразила его уровнем автоматизации: либо ее было куда меньше, чем в подавляющем большинстве офисов — либо ее тщательно спрятали. Традиционные места роботов — например, секретарские — занимали люди, в большинстве своем — женщины, одни серьезные, другие веселые, но все как на подбор красивые и явно смысленные.

— Арбитр ждет вас.

Гамильтон встал, погасил сигарету в ближайшей пепельнице и взглянул на секретаршу.

— Должен ли я оставить вам пистолет?

— Только если сами хотите. Пойдемте со мной, пожалуйста.

Она проводила Гамильтона до дверей кабинета, открыла их и удалилась, пока он переступал порог.

— Доброе утро, сэр, — услышал он приятный голос.

— Доброе утро, — механически отозвался Гамильтон и замер, уставившись на Арбитра. — Будь я!..

Его правая рука рефлекторно потянулась к оружию, но остановилась на полпути. Арбитр оказался тем самым джентльменом, чей обед был нарушен вчера своей нравной крабьей ногой. Гамильтон постарался восстановить душевное равновесие.

— Это не соответствует протоколу, сэр, — холодно проговорил он. — Если вы не были удовлетворены, следовало послать ко мне одного из ваших друзей.

Арбитр, взглянув на него, в свою очередь расхохотался. У кого-нибудь другого такой смех можно было бы счесть грубым, но у Арбитра он звучал воистину гомерически.

— Поверьте, сэр, для меня это такой же сюрприз, как и для вас. Мне и в голову не приходило, что джентльмен, вчера вечером обменявшийся со мной лю-

безностями, окажется тем самым человеком, которого я хотел видеть сегодня утром. Что же до маленького осложнения в ресторане, то, по чести сказать, я вообще не придал бы ему значения, если бы вы сами меня к тому не вынудили. Я уже много лет не прибегал к оружию. Однако я забываю о приличиях — садитесь, сэр. Устраивайтесь поудобнее. Вы курите? Могу ли я предложить вам выпить?

— Вы очень любезны, Арбитр, — Гамильтон уселся.

— Меня зовут Мордан...

Это Гамильтон знал.

— ...а друзья называют меня Клодом. И я хотел бы, чтобы разговор наш проходил в дружественном тоне.

— Благодарю вас... Клод.

— Не за что, Феликс. Возможно, у меня есть на то свои причины. Но скажите, что за дьявольскую игрушку вы применили вчера к этому нахальному типу? Она поразила меня.

С довольным видом Гамильтон продемонстрировал свое новое оружие.

— Да, — проговорил Арбитр, рассматривая его. — Простой тепловой двигатель на нитратном топливе. Кажется, я видел его схему — по-моему, на выставке, в Институте.

Слегка разочарованный тем, что Мордан нимало не удивился, Феликс признал, что он прав. Но Мордан не замедлил искупить грех, с живым интересом обсуждая конструкцию и характеристики пистолета.

— Если бы мне приходилось драться, я хотел бы иметь такой, — заключил он.

— Могу заказать для вас.

— Нет, нет. Вы очень любезны, но вряд ли он мне пригодится.

— Я хотел спросить... — Гамильтон закусил губу. — Извините, Клод... Но разве разумно человеку, который не дерется, показываться на людях при оружии?

— Вы не так меня поняли, — Мордан улыбнулся и указал на дальнюю стену кабинета, покрытую геометрическим узором из расположенных почти вплоты друг к другу крохотных кружков, в центре каждого из которых темнела точка.

Молниеносным и свободным движением Арбитр выхватил из кобуры излучатель, находя цель прямо в восходящем движении. Казалось, оружие лишь на миг замерло на конце взмаха — и вернулось на место.

По стене пополз вверх маленький клуб дыма. А под ним распустился трилистник из новых соприкасающихся кружков; в центре каждого чернела маленькая точка. Гамильтон не проронил ни слова.

— Ну и как? — поинтересовался Мордан.

— Я подумал, — медленно проговорил Гамильтон, — что вчера вечером крупно выиграл, решив быть с вами елико возможно вежливым.

Мордан усмехнулся.

— Хотя мы с вами прежде и не встречались, однако вы и ваша генетическая карта были мне, естественно, интересны.

— Полагаю, что так: ведь я подпадаю под юрисдикцию вашей службы.

— И снова вы не так меня поняли. Я физически не в состоянии испытывать персональный интерес к каждой из мириад зигот в округе. Однако сохранять лучшие линии — моя прямая обязанность. Последние десять лет я надеялся, что вы появитесь в клинике с просьбой о помощи в планировании детей.

Лицо Гамильтона утратило всякое выражение. Не обращая на это внимания, Мордан продолжал:

— Поскольку вы так и не пришли за советом добровольно, я был вынужден пригласить вас. И хочу задать вопрос: намереваетесь ли вы в ближайшее время обзавестись потомством?

Гамильтон встал.

— Эта тема мне крайне неприятна. Могу ли я считать себя свободным, сэр?

Мордан подошел и положил руку ему на плечо.

— Пожалуйста, Феликс. Вы ничего не потеряете, выслушав меня. Поверьте, я не имею ни малейшего желания вторгаться в вашу личную жизнь. Но ведь я не случайный любитель совать нос в чужие дела — я Арбитр, представляющий интересы всех вам подобных. И ваши в том числе.

Гамильтон снова сел, однако оставался по-прежнему напряженным.

— Я вас слушаю.

— Спасибо, Феликс. Ответственность за улучшение расы в соответствии с принятой в нашей республике доктриной — дело нелегкое. Мы вправе советовать, но не можем принуждать. Частная жизнь и свобода действий каждого человека уважаемы и неприкосновенны. У нас нет иного оружия, кроме спокойных рассуждений, вызывающих к разуму всякого, кто хочет видеть следующее поколение лучшим, чем предыдущее. Но даже при самом тесном сотрудничестве мы можем не так уж много — по большей части дело ограничивается ликвидацией одной-двух негативных характеристик и сохранением позитивных. Однако ваш случай отличается от прочих.

— Чем?

— Вы сами знаете чем. Вы являете собой результат старательного сплетения благоприятных линий на протяжении четырех поколений. Десятки тысяч гамет были исследованы и отвергнуты, прежде чем удалось отобрать те тридцать, что составили цепь зигот ваших предков. Позор, если вся эта тщательная работа окажется выброшенной на ветер.

— Но почему вы остановили выбор на мне? Я — единственный результат этой селекции. У моих прапрадедушек должна быть минимум сотня потомков. Я вам не нужен. Я — брак. Я — неосуществившийся план. Я — сплошное разочарование.

— Нет, — мягко сказал Мордан. — Нет, Феликс, вы не брак. Вы — элитная линия.

— Что?

— Я сказал «элитная линия». Вообще-то обсуждение подобных вещей противоречит общепринятым правилам, но правила на то и существуют, чтобы было что нарушать. С самого начала эксперимента ваша линия шаг за шагом получала самые высокие оценки. Вы представляете собой единственную в линии зиготу, сконцентрировавшую в себе все положительные мутации, которых удалось добиться моим предшественникам. Помимо заложенных изначально, еще три выявились впоследствии. И все это проявилось в вас.

— Значит, я разочарую вас еще больше, — криво улыбнулся Гамильтон. — Не слишком-то многого я добился со всеми талантами, которые вы мне приписываете.

— У меня нет претензий к вашему послужному списку, — покачал головой Мордан.

— Но вы о нем не очень-то высокого мнения? Я растратил жизнь на мелочи, не создал ничего более существенного, чем дурацкие игры для бездельников. Может быть, вы, генетики, неверно оцениваете то, что считаете положительными характеристиками?

— Возможно. Однако я уверен в обратном.

— Так что же вы считаете положительными характеристиками?

— Фактор выживаемости — в самом широком смысле. Способность изобретать, которую вы в себе совсем не цените, — очень яркое проявление фактора выживаемости. У вас он пока остается латентным — или прилагается к малосущественным вещам. Да вы в этом и не нуждаетесь, поскольку в социальной матрице заняли такое место, где не надо предпринимать ни малейших усилий, чтобы выжить. Но эта изобретательность может приобрести решающее значение для ваших потомков. Именно она может послужить границей между жизнью и смертью.

— Но...

— Именно так. Легкие для индивидуумов времена плохи для расы в целом. Бедствия — это фильтр, не пропускающий плохо приспособленных. Сегодня бедствий у нас нет. И поэтому, чтобы сохранять расу сильной и даже сделать еще сильнее, необходимо тщательное генетическое планирование. В своих лабораториях инженеры-генетики исключают те линии, которые прежде устранялись естественным отбором.

— Но откуда вы знаете, что отобранные вами признаки действительно способствуют выживанию? У меня, например, многие из них вызывают большие сомнения...

— А! В том-то и загвоздка. Вы хорошо знаете историю Первой генетической войны?

— В общих чертах.

— Тогда не помешает повторить. Проблема, с которой столкнулись ранние генетики, типична...

Проблемы экспериментов начального этапа оказались характерными и для всего генетического планирования. Естественный отбор попросту уничтожает линии, неспособные к выживанию. Однако естественный отбор медлителен, это статистический процесс. При благоприятных обстоятельствах слабые линии способны просуществовать довольно долго. Позитивные же мутации в исключительно неблагоприятных условиях способны на какое-то — и порой весьма длительное — время исчезнуть. Могут они и вовсе затеряться из-за слепой расточительности стихии размножения — ведь каждая отдельная особь представляет собой ровно половину потенциальных характеристик своих родителей; и отброшенная половина может содержать куда более ценные признаки, чем оставшаяся. Естественному отбору потребовалось восемьсот поколений, чтобы появился новый ген лошади. Зато искусственный отбор быстр — *если знать, что отбирать.*

Однако мы этим знанием не обладаем. Нужно быть гением, чтобы создать сверхчеловека. Раса обзавелась техникой искусственного отбора, но не приобрела знания, что именно отбирать.

Возможно, человечеству не повезло в том, что основы техники генетического планирования были разработаны, когда последняя из неонационалистических войн уже закончилась. Можно, разумеется, задаваться академическим вопросом: не будь генетических экспериментов, обеспечило бы мир на планете введение современной экономической системы после краха системы Мадагаскарской? Или же этого все равно оказалось бы недостаточно? Но так или иначе, а пацифистское движение было в тот момент на взлете, и разработка техники паразктогенеза представлялась тогда Богом данной возможностью навсегда избавиться от войн, изгнав их из человеческой души.

Те, кто выжил после атомной войны 1970 года, установили жесткие генетические законы, преследовавшие единственную цель — сохранить рецессив «острова Пармали-Хичкока» в девятой хромосоме, исключив маскирующую его, как правило, доминанту — то есть воспитывать овец, а не волков.

Любопытно, что «волки» того периода — ведь «остров Пармали-Хичкока» рецессивен, и потому природных «овец» на свете мало — были захвачены всеобщей истерией и активно способствовали попытке устранить самих себя. Но некоторые заартачились. В итоге возникла Северо-Западная Колония.

То, что Северо-Западный Союз в конечном итоге стал сражаться с остальным миром, — проявление биологической целесообразности. И привело это к неизбежному результату: «волки» (детали сейчас несущественны) съели «овец». Не физически, разумеется, ни о каком реальном уничтожении и речи идти не могло, однако генетически современное общество происходит от «волков», а не от «овец».

Они пытались вытравить из человека бойцовский дух, — заключил Мордан, — не осмыслив его биологической пользы. Они лишь выразили в рациональных терминах идею первородного греха: насилие — «плохо», а ненасилие — «хорошо».

— Но почему вы решили, — запротестовал Гамильтон, — будто воинственность необходима для выживания? Конечно, она есть — во мне, в вас, в каждом из нас. Но что толку противопоставлять ее атомной бомбе? Какая от нее может быть польза в этом противостоянии?

Мордан улыбнулся.

— *Бойцы выжили.* Это неопровержимое доказательство. Естественный отбор продолжается все время — несмотря на сознательную селекцию.

— Подождите минутку, — попросил Гамильтон. — Здесь концы с концами не сходятся. Если так, то мы должны были бы проиграть Вторую генетическую. Их «мулы» воевали с азартом.

— Действительно, — согласился Мордан. — Но я ведь не утверждал, будто воинственность является *единственной* характеристикой, необходимой для выживания. Будь это так — миром правили бы пекинесы. Бойцовскими инстинктами должно управлять разумное стремление к самосохранению. Почему вы не затеяли перестрелку со мной вчера вечером?

— Не видел достаточных оснований.

— Совершенно верно. Генетики Великого Хана, по существу, повторили ошибку, сделанную тремя веками ранее: они сочли, что вправе валять дурака с балансом человеческих характеристик, который образовался в результате миллиарда лет естественного отбора. Они воспылали желанием вывести расу суперменов, основываясь на идее «эффективной специализации». Однако они упустили из виду самую главную человеческую характеристику. Человек — животное неспециализированное. Тело его — если исключить громадноеместилище для мозга — достаточно примитивно. Он не может вгрызаться в землю, не способен быстро бегать, не умеет летать. Но зато он всеяден и выживает там, где козел сдохнет с голоду, ящерица изжарится, а птица замерзнет на лету. Узкой приспособленности человек противопоставил универсальную приспособляемость.

Империя Великого Хана возродила устарелую общественную систему — тоталитаризм. Лишь при абсолютной власти можно было осуществить генетические эксперименты, приведшие к созданию *Homo Proteus**, потому что в основе их лежало полнейшее безразличие к благополучию отдельного человека.

Имперские генетики видели в искусственном отборе лишь вспомогательный инструмент. В основном они использовали мутации, вызываемые воздействием радиации и применением геноселективных красок; кроме того, они практиковали эндокринную терапию, а также хирургические операции на эмбрионах. Ханские ученые кроили человеческие существа — если их можно так называть — столь же легко и непринужденно, как мы строим дома. В период расцвета Империи, как раз перед Второй генетической войной, они вырастили больше трех тысяч разновидностей, в том числе тринадцать типов гипермозга; почти безмозглых матрон; сообразительных и до отвращения красивых шлюх, лишенных способности беременеть, и бесполов «мулов».

Обычно мы отождествляем термин «мул» с бойцом, ибо лучше всего знали их именно как солдат, но в

* Человек Простейший (лат.), то есть с одной узкой специализацией.

действительности существовало множество разновидностей «мулов», приспособленных для выполнения тех или иных простых работ. Воевали те из них, кто изначально был создан исключительно как воин.

Но какие это были солдаты! Они не нуждались в сне; были втрое сильнее обычных людей; выносливость же их и вовсе не поддается описанию, ибо они продолжали наступать до тех пор, пока увечья полностью не выводили их из строя. Каждый из них имел при себе двухнедельный запас горючего — слово «горючее» подходит здесь куда больше, чем «пища», — но и после того как продовольствие кончалось, каждый «мул» мог исполнять обязанности еще не меньше недели. Не были они и тупицами — специализация солдат подразумевала и остроту ума, — «мулами» были даже имперские офицеры, и их искусство стратегии и тактики, а также умение использовать современнейшие виды вооружений были мастерскими. В чем они были слабы — так это в области военной психологии: они совершенно не понимали своих противников. Однако и противники их тоже не понимали — это было вполне взаимно.

Психологическая мотивация их поведения основывалась на «субституции сублимации секса»; впрочем, наукообразное это словосочетание так и осталось ничего не объясняющим ярлыком. Лучше всего она описывается негативно: пленные «мулы» сходили с ума и кончали жизнь самоубийством не позднее, чем через десять дней — даже если их кормили исключительно трофейными рационами. Прежде чем окончательно рехнуться, они просили чего-то, именуемого на их языке «вепратой» — наши семантики так и не сумели раскопать ничего, способного объяснить этот термин.

«Мулы» нуждались в каком-то допинге, который их хозяйка могли им дать, а мы нет; лишенные его, они умирали.

«Мулы» воевали прекрасно — но победили все-таки настоящие люди. Победили потому, что сражались как отдельные личности, способные вести не только регулярные военные действия, но и партизанскую войну. Самым уязвимым местом Империи оказались ее координаторы — сам Хан, его сатрапы и администраторы. Биологически Империя, по существу, являлась

единым организмом — ее можно было уничтожить, как пчелиную колонию, погубив ее матку. В итоге несколько десятков убийств решили судьбу войны, которую не могли выиграть армии.

Нет смысла вспоминать о терроре, который последовал за коллапсом, после того как Империя была обезглавлена. Довольно сказать, что в живых не осталось ни одного представителя *Homo Proteus*. Этот вид разделил судьбу гигантских динозавров и саблезубых тигров.

Ему не хватило приспособляемости.

Генетические войны послужили жестокими уроками, — печально сказал Мордан, — однако они научили нас очень осторожно вмешиваться в человеческие характеристики. Если какая-то характеристика отсутствует в зародышевой плазме, мы не пытаемся ее туда вложить. Когда проявляются естественные мутации, мы долго проверяем их, прежде чем начать распространять на всю расу: большинство мутаций оказываются или бесполезны или определенно вредны. Мы исключаем явные недостатки, сохраняем явные преимущества — и это, пожалуй, все. Я заметил, что у вас тыльные стороны рук волосатые, а у меня — нет. Это говорит вам о чем-нибудь?

— Нет.

— Мне тоже. В вариациях волосатости человеческой расы ни с какой точки зрения невозможно усмотреть преимуществ. Поэтому мы оставляем эти характеристики в покое. А вот другой вопрос: у вас когда-нибудь болели зубы?

— Конечно, нет.

— Конечно, нет... А известно ли вам почему? — Мордан выдержал продолжительную паузу, показывая тем самым, что вопрос не является риторическим.

— Ну... — протянул в конце концов Гамильтон. — Наверное, это вопрос селекции. У моих предков были здоровые зубы.

— Не обязательно у всех. Теоретически, достаточно было одному из ваших предков иметь здоровые от природы зубы — при условии, что его доминантные характеристики присутствовали в каждом поколении. Однако любая из гамет этого предка содержит лишь

половину его хромосом; если он сам унаследовал здоровые зубы лишь от одного из родителей, то доминанта будет присутствовать лишь в половине его гамет. Мы — я имею в виду наших предшественников — произвели отбор по показателю здоровых зубов. В результате сегодня трудно найти гражданина, который не унаследовал бы этой характеристики от обоих родителей. Больше нет необходимости производить отбор по этому показателю. То же самое с дальтонизмом, раком, гемофилией и многими другими наследственными болезнями и дефектами — мы исключили их путем отбора, ни в чем не нарушая обычной, нормальной, биологически похвальной тенденции человеческих существ влюбляться в себе подобных и производить на свет детей. Мы просто даем каждой паре возможность обзавестись лучшими из потенциально возможных для них отпрысков — для этого нужно лишь не полагаться на слепой случай, а прибегнуть к селективному комбинированию.

— В моем случае вы поступили иначе, — с горечью заметил Гамильтон. — Я — результат эксперимента по выведению породы.

— Это правда. Но ваш случай, Феликс, — особый. *Ваша линия — элитная.* Каждый из тридцати ваших предков добровольно принял участие в создании этой линии — не потому, что пренебрегал Купидоном с его луком и стрелами, а потому что был соблазнен возможностью улучшить расу. Каждая клетка вашего тела содержит в своих хромосомах программу расы более сильной, более здоровой, более приспособляемой, более стойкой. И я обращаюсь к вам с просьбой не пустить это наследие по ветру.

Гамильтон поежился.

— Чего же вы от меня ждете? Чтобы я сыграл роль Адама для целой новой расы?

— Отнюдь нет. Я лишь хочу, чтобы вы продолжили свою линию.

— Понимаю, — подавшись вперед, проговорил Гамильтон. — Вы пытаетесь осуществить то, что не удалось Великому Хану: выделить одну линию и сделать ее отличной от всех остальных — настолько же, насколько мы отличаемся от дикорожденных. Не выйдет. Я на это не согласен.

— Вы дважды не правы, — медленно покачал головой Мордан. — Мы намереваемся и впредь двигаться тем же путем, каким добились здоровых зубов. Вам не приходилось слышать о графстве Деф-Смит?

— Нет.

— Графство Деф-Смит в Техасе было административной единицей старых Соединенных Штатов. У его обитателей были здоровые зубы, но не из-за наследственности, а из-за того, что почва поставляла им диету, богатую фосфатами и флюоридами. Вы и представить себе не можете, каким проклятием являлся в те дни кариес для человечества. В то время зубы гнили во рту, становясь причиной многих заболеваний. Только в Северной Америке было около ста тысяч техников, занимавшихся исключительно лечением, удалением и протезированием зубов. Но даже при этом четыре пятых населения не имели возможности получить такую помощь. Они страдали, пока гнилые зубы не отравляли их организм. И умирали.

— Что ж общего это имеет со мной?

— Увидите. Сведения о графстве Деф-Смит дошли до тогдашних техников — их называли медицинскими работниками, — и они увидели здесь решение проблемы. Повторите диету графства — и кариесу конец. Биологически они были совершенно не правы, поскольку для расы ровно ничего не значит преимущество, которое не может быть унаследовано. Найдя ключ, они не сумели его правильно использовать. Мы же искали мужчин и женщин, зубы которых были безупречны, несмотря на неправильную диету и недостаток ухода. Со временем было доказано, что это свойство возникает, если присутствуют группы из трех ранее неизвестных генов. Называйте это благоприятной мутацией или, наоборот, называйте подверженность зубным болезням мутацией неблагоприятной, лишь по случайности не распространившейся на весь род людской — все равно. Так или иначе, наши предшественники сумели выделить и сохранить эту группу генов. Вам известны законы наследственности — вернитесь в прошлое на достаточное количество поколений, и окажется, что мы все произошли от всего человечества. Но вот наши зубы генетически восходят к одной маленькой группе,

ибо мы производили искусственный отбор ради сохранения этой доминанты. А с вашей помощью, Феликс, мы хотим сохранить все реализовавшиеся в вас благоприятные вариации — сберечь до тех пор, пока они не распространятся на все человечество. Вы не станете единственным предком грядущих поколений, нет! Но, с точки зрения генетики, окажетесь всеобщим предком в тех характеристиках, в которых превосходите сейчас большинство.

— Вы не того человека выбрали. Я неудачник.

— Не говорите мне этого, Феликс. Я знаю вашу карту. А значит, знаю вас лучше, чем вы знаете себя. Вы — тип с ярко выраженной доминантой выживания. Если поместить вас на остров, населенный хищниками и каннибалами, то две недели спустя вы окажетесь его хозяином.

— Может, и так, — не удержался от улыбки Гамильтон. — Хорошо бы попробовать...

— В этом нет нужды. Я знаю! Для этого у вас есть все необходимые физические и умственные способности. И подходящий темперамент. Сколько вы спите?

— Часа четыре.

— Индекс утомляемости?

— Около ста двадцати пяти часов. Или немного больше.

— Рефлекторная реакция?

Гамильтон пожал плечами. Неожиданно Мордан выхватил излучатель, но прежде чем Феликс оказался на линии огня, его «кольт» успел прицелиться в Арбитра и скользнуть обратно в кобуру. Мордан рассмеялся и также убрал оружие.

— Заметьте, я вовсе не играл с огнем, — сказал он, — я ведь прекрасно знал, что вы успеете выхватить оружие, оценить ситуацию и принять решение не стрелять куда раньше, чем средний человек сообразил бы, что вообще происходит.

— Вы очень рисковали, — с жалобной ноткой в голосе возразил Гамильтон.

— Ничуть. Я знаю вашу карту. Я рассчитывал не только на ваши моторные реакции, но и на ваш разум. Разум же ваш, Феликс, даже в наше время нельзя не признать гениальным.

Воцарилось долгое молчание. Первым нарушил его Мордан.

— Итак?

— Вы все сказали?

— На данный момент.

— Ладно, тогда скажу я. Вы ни в чем меня не убедили. Я понятия не имел, что вы, планировщики, проявляете такой интерес к моей зародышевой плазме. Однако в остальном вы не сообщили ничего нового. И я говорю вам: «Нет!»

— Но...

— Сейчас моя очередь... Клод. Я объясню вам почему. Готов допустить, что обладаю сверхвыживаемостью — не стану спорить, это действительно так. Я находчив, способен на многое — и знаю об этом. Однако мне не известно ни единого аргумента в пользу того, что человечество должно выжить... кроме того, что его природа дает ему такую возможность. Во всем этом мерзком спектакле нет ничего стоящего. Жить вообще бессмысленно. И будь я проклят, если стану содействовать продолжению комедии.

Он умолк. Немного помолчав, Мордан медленно произнес:

— Разве вы не наслаждаетесь жизнью, Феликс?

— Безусловно, да, — с ударением ответил Гамильтон. — У меня извращенное чувство юмора, и все меня забавляет.

— Так не стоит ли жизнь того, чтобы жить ради нее самой?

— Для меня — да. Я намереваюсь жить столько, сколько смогу, и надеюсь получить от этого удовольствие. Однако наслаждается ли жизнью большинство? Сомневаюсь. Судя по внешним признакам, в пропорции четырнадцать к одному.

— Внешность бывает обманчива. Я склонен полагать, что в большинстве своем люди счастливы.

— Докажите!

— Тут вы меня поймали, — улыбнулся Мордан. — Мы способны измерить большую часть составляющих человеческой натуры, но уровня счастья не могли измерить никогда. Но в любом случае, разве вы не думаете, что ваши потомки унаследуют от вас и вкус к жизни?

— Это передается по наследству? — с подозрением поинтересовался Гамильтон.

— Точно мы, признаться, не знаем. Я не в силах ткнуть пальцем в определенный участок хромосомы и заявить: «Счастье здесь». Это куда тоньше, чем разница между голубыми и карими глазами. Но давайте заглянем немного глубже. Феликс, когда именно вы начали подозревать, что жизнь лишена смысла?

Гамильтон встал и принялся нервно расхаживать по кабинету, испытывая волнение, какого не знал с подростковых лет. Ответ был ему известен. Даже слишком хорошо. Но стоило ли говорить об этом с посторонним?

Насколько Гамильтон мог припомнить, в первом центре детского развития он ничем не отличался от остальных малышей. Никто не говорил с ним о картах хромосом. Разумно и сердечно воспитываемый, он представлял безусловную ценность лишь для себя самого. Сознание того, что во многом он превосходит сверстников, приходило к нему постепенно. В детстве тупицы нередко господствуют над умниками — просто потому, что они на год-другой старше, сильнее, информированнее, наконец. И кроме того, поблизости всегда есть эти недосягаемые, всеведущие существа — взрослые.

Феликсу было лет десять — или одиннадцать? — когда он впервые заметил, что в любых состязаниях выделяется из среды сверстников. С тех пор он начал стремиться к этому сознательно — ему хотелось превосходить ровесников, главенствовать над ними во всем. Он ощутил сильнейшую из социальных мотиваций — желание, чтобы его ценили. Теперь он уже понимал, чего хочет добиться, когда «станет взрослым».

Другие рассуждали о том, кем хотят быть («Когда я вырасту, то стану летчиком-реактивщиком!» — «И я тоже!» — «А я — нет. Отец говорит, что хороший бизнесмен может нанять любого пилота, какой ему понадобится». — «Меня он нанять не сможет!» — «А вот и сможет!»). Пусть их болтают! Юный Феликс знал, кем хочет стать: энциклопедическим синтетистом. Синтетистами были все подлинно великие люди. Им принадлежал весь мир. Кто как не синтетист имел наибольшие шансы быть избранным в Совет политики? Существовал ли в любой области такой специалист,

который рано или поздно не получал указаний от синтетиста? Они были абсолютными лидерами, эти всеведущие люди, цари-философы, о которых грезили дрезние.

Гамильтон таил мечту про себя. Казалось, он благополучно миновал стадию отроческого нарциссизма и без особых осложнений входил в сообщество подростков. Воспитателям его было невдомек, что питомец их прямехонько направляется к непреодолимому препятствию: ведь юность не умеет реально оценивать свои таланты — чтобы различить романтику в формировании политики, нужно обладать воображением куда более изощренным, чем обычно свойственно этому возрасту.

Гамильтон посмотрел на Мордана: лицо Арбитра располагало к откровенности.

— Ведь вы синтетист, а не генетик?

— Естественно. Я не смог бы специализироваться в конкретных методиках — это требует всей жизни.

— И даже лучший из генетиков вашей службы не может надеяться занять вашего места?

— Разумеется, нет. Да они и не хотели бы.

— А я мог бы стать вашим преемником? Отвечайте — вы ведь знаете мою карту!

— Нет, не могли бы.

— Почему?

— Вы сами знаете почему. Память ваша превосходна и более чем достаточна для любой другой цели. Но это — не эйдетическая память, которой должен обладать всякий синтетист.

— А без нее, — добавил Гамильтон, — стать синтетистом невозможно, как нельзя стать инженером, не умея решать в уме уравнений четвертой степени. Когда-то я хотел стать синтетистом — но выяснилось, что я создан не для того. Когда же до меня наконец дошло, что первого приза мне не получить, второй меня не увлек.

— Синтетистом может стать ваш сын.

— Теперь это не имеет значения, — Гамильтон покачал головой. — Я сохранил энциклопедический взгляд на вещи, а отнюдь не жажду оказаться на вашем месте. Вы спросили, когда и почему я впервые усомнился в ценности человеческого существования. Я рассказал.

Но главное — сомнения эти не рассеялись у меня по сей день.

— Подождите, — отмахнулся Мордан, — вы ведь не дослушали меня до конца. По плану эйдетическую память надлежало заложить в вашу линию либо в предыдущем поколении, либо в этом. И если вы станете с нами сотрудничать, ваши дети ее обретут. Недостающее должно быть добавлено — и будет. Я уже говорил о вашей доминанте выживаемости. Ей недостает одного — стремления обзавестись потомством. С биологической точки зрения это противоречит выживанию не меньше, чем склонность к самоубийству. Вы унаследовали это от одного из прадедов. Тенденцию пришлось сохранить, поскольку к моменту применения зародышевой плазмы он уже умер и у нас не оказалось достаточного запаса для выбора. Но в нынешнем поколении мы это откорректируем. Могу вам с уверенностью обещать, ваши дети будут чадолюбивы.

— Что мне до того? — спросил Гамильтон. — О, я не сомневаюсь, вы можете это сделать. Вы в состоянии завести эти часы и заставить их ходить. Возможно, вы сумеете убрать все мои недостатки и вывести линию, которая будет счастливо плодиться и размножаться ближайшие десять миллионов лет. Но это не придает жизни смысла. Выживание! Чего ради? И пока вы не представите мне убедительных доводов в пользу того, что человеческая раса должна продолжать существование, мой ответ останется тем же. Нет!

Он встал.

— Уходите? — спросил Мордан.

— С вашего позволения.

— Разве вы не хотите узнать что-нибудь о женщине, которая, по нашему мнению, подходит для вашей линии?

— Не особенно.

— Я истолковываю это как позволение, — любезным тоном продолжил Мордан. — Взгляните.

Он дотронулся до клавиши на столе — секция стены растаяла, уступив место стереозкрану. Казалось, перед Гамильтоном и Арбитром распахнулось окно, за которым раскинулся плавательный бассейн. По поверхности воды расходились круги — очевидно, от ны-

ряльщика, которого нигде не было видно. Потом показала голова. В три легких взмаха женщина подплыла к краю, грациозно, без усилий выбралась на борт и, перекатившись на колени, встала — обнаженная и прелестная. Она потянулась, засмеялась — очевидно, от ощущения чисто физической радости бытия — и выскользнула из кадра.

— Ну? — поинтересовался Мордан.

— Она мила. Но я видывал не хуже.

— Вам нет необходимости с ней встречаться, — поспешно пояснил Арбитр. — Она, кстати, ваша пяти-юродная кузина, так что комбинировать ваши карты будет несложно. — Он сделал переключение, и бассейн на экране сменился двумя схемами. — Ваша карта справа, ее слева. — Мордан сделал еще движение, и под картами на экране возникли две диаграммы. — Это оптимальные гаплоидные карты ваших гамет. Комбинируются они так... — он опять нажал клавишу, и в центре квадрата, образованного четырьмя схемами, возникла пятая.

Схемы не являлись картинками хромосом, а были составлены стенографическими знаками, — инженеры-генетики обозначают ими исчезающе малые частицы живой материи, от которых зависит строение человеческого организма. Каждая хромосома здесь больше всего напоминала спектрограмму. Это был язык специалистов — для непрофессионала карты были лишены всякого смысла. Их не мог читать даже Мордан — он полностью зависел от техников, которые при необходимости давали ему разъяснения. После этого безошибочная эйдетическая память позволяла ему различать важные детали.

Однако даже для постороннего взгляда было очевидно: хромосомные карты Гамильтона и девушки содержали вдвое больше схем — по сорок восемь, если быть точным, — чем гаплоидные карты гамет под ними. Но пятая карта — предполагаемого отпрыска — снова содержала сорок восемь хромосом, по двадцать четыре от каждого из родителей.

Старательно скрывая проснувшийся в нем интерес, Гамильтон прошелся взглядом по картам.

— Выглядит интригующе, — безразличным тоном заметил он. — Только я, конечно, ничего в этом не смыслю.

— Буду рад вам объяснить.

— Не беспокойтесь — вряд ли стоит.

— Наверно, нет. — Мордан выключил экран. — Что ж, извините за беспокойство, Феликс. Возможно, мы еще поговорим в другой раз.

— Конечно, если вам будет угодно. — Гамильтон не без некоторого замешательства посмотрел на хозяина кабинета, но Мордан был все так же дружелюбен и столь же любезно улыбался. Несколько секунд спустя Феликс уже был в приемной. На прощание они с Арбитром обменялись рукопожатием — с той теплой формальностью, какая приличествует людям, обращающимся друг к другу по имени. И тем не менее Гамильтон ощущал смутную неудовлетворенность, словно их беседа закончилась преждевременно. Он отказался — но не объяснил причин своего отказа достаточно подробно...

Вернувшись к столу, Мордан снова включил экран. Он изучал карты, припоминая все, что ему о них говорили эксперты. Особенно привлекала его центральная.

Колокольчики сыграли музыкальную фразу, возвещая приход руководителя технического персонала.

— Входите, Марта, — не оборачиваясь, пригласил Арбитр.

— Уже, шеф, — отозвалась та.

— А... да, — Мордан наконец оторвался от созерцания карт и повернулся.

— Сигарета найдется, шеф?

— Угощайтесь.

Марта взяла сигарету из украшенной драгоценностями шкатулки на столе, закурила и устроилась поудобнее. Она была старше Мордана, в волосах ее отливала сталью седина, а темный лабораторный халат контрастировал с подчеркнутой элегантностью костюма, хотя характеру ее равно соответствовало и то и другое.

Внешний облик Марты вполне соответствовал ее компетентности и уму.

— Гамильтон двести сорок три только что ушел?

— Да.

— Когда мы приступим?

— М-м-м... После дождика в четверг.

— Так плохо? — брови ее взметнулись.

— Боюсь, что да. По крайней мере, так он сказал. Я корректно выдворил его, прежде чем он успел наговорить вещи, от которых ему позже неудобно было бы попятиться назад.

— Почему он отказался? Он влюблен?

— Нет.

— Тогда в чем же дело? — Марта встала, подошла к экрану и уставилась на карту Гамильтона, словно надеясь найти там ответ.

— М-м-м... Он задал вопрос, на который я должен правильно ответить, в противном случае он действительно не станет сотрудничать.

— Да? И что это за вопрос?

— Я задам его вам, Марта. В чем смысл жизни?

— Что?! Дурацкий вопрос!

— В его устах он не звучал по-дурацки.

— Это вопрос психопата — лишенный и смысла, и ответа.

— Я в этом не так уж уверен, Марта.

— Но... Ладно, не стану спорить, это — за пределами моего разума. Но мне кажется, что «смысл» в данном случае — понятие чисто антропоморфное. Жизнь самодостаточна; она просто *есть*.

— Да, его подход антропоморфен. Что такое жизнь для людей вообще и почему он, Гамильтон, должен способствовать ее продолжению? Конечно, мне нечего было ему сказать. Он поймал меня. Решил разыграть из себя сфинкса. Вот нам и пришлось прерваться — до тех пор, пока я не разгадаю его загадку.

— Чушь! — Марта свирепо ткнула сигаретой в пепельницу. — Он что, думает, будто Клиника — арена для словесных игр? Мы не можем позволить человеку встать на пути улучшения расы. Он — не единственный собственник жизни, заключенной в его теле. Она

принадлежит нам всем — расе. Да он же попросту дурак!

— Вы сами знаете, что это не так, Марта, — умиротворяюще произнес Мордан, указывая на карту.

— Да, — вынужденно согласилась она. — Гамильтон не дурак. И тем не менее, надо заставить его сотрудничать с нами. Ведь это ему не только не повредит, но даже ни в чем не помешает.

— Ну-ну, Марта... Не забывайте о крошечном препятствии в виде конституционного закона.

— Да знаю я, знаю. И всегда его придерживаюсь, но вовсе не обязана быть его рабой. Закон мудр, но этот случай — особый.

— Все случаи — особые.

Ничего не ответив, Марта вновь повернулась к экрану.

— Вот это да! — скорее про себя, чем обращаясь к собеседнику, проговорила она. — Какая карта! Какая прекрасная карта, шеф!

Глава 3

«В этом мы присягаем во имя Жизни Бессмертной...»

«Мы ручаемся собственной жизнью и священной честью:

- не уничтожать плодородной жизни;*
- неукоснительно хранить в тайне все, касающееся частной жизни наших клиентов и их зигот, что может быть доверено нам прямо или косвенно, благодаря технике нашего искусства;*
- практиковать свое искусство лишь при полном согласии наших клиентов;*
- более того, считать себя облеченными полным доверием опекунами зигот и детей наших клиентов и делать исключительно то, что по здравом размышлении сочтем соответствующим их интересам и грядущему благополучию;*
- скрупулезно уважать законы и обычаи социальных групп, среди которых практикуем.*

В этом мы присягаем во имя Жизни Бессмертной».

Извлечение из Клятвы Менделя,
ок. 2075 г. от Р. Х. (по старому стилю)

Сладкий горох, вечерний первоцвет, крошечные уродливые плодовые мушки-дрозофилы — вот скромные инструменты, при помощи которых в XIX и XX веках монах Грегор Мендель и доктор древнего Колумбийского университета Морган открывали основополагающие законы генетики. Законы простые, но тонкие.

В ядре каждой клетки — человека или дрозофилы, горошины или скаковой лошади, неважно — есть группа нитевидных тел, именуемых хромосомами. Вдоль этих нитей расположено нечто уже совсем крохотное, — оно всего-навсего раз в десять больше крупных белковых молекул. Это гены, каждый из которых управляет каким-либо элементом структуры всего организма человека или животного, в котором эта клетка находится. И каждая клетка содержит в себе структуру всего организма.

Клетки человеческого тела содержат сорок восемь хромосом — двадцать четыре пары. Половина их ведет свое происхождение от матери, другая — от отца. В каждой паре хромосом находятся гены — тысячи генов, идентичных тем, что присутствуют в родительских хромосомах. Таким образом, каждый из родителей обладает «правом голоса» в любой характеристике отпрыска. Однако некоторые из «голосов» весомее других. Они называются доминантными, тогда как менее слышимые — рецессивными. Если один из родителей, например, поставляет ген кареглазия, а другой — голубоглазия, то ребенок окажется кареглазым; ген кареглазия доминантен. Если оба родителя передают отпрыску гены карих глаз, то голосование единодушно и приводит к тому же результату в этом поколении. А вот чтобы получить голубые глаза, всегда требуется «единогласие».

Тем не менее, гены голубоглазия способны переходить из поколения в поколение — незаметными, но неизменными. Потенциальные возможности вида родители всегда передают детям неизменными — если оставить в стороне мутации, разумеется. Они могут быть перетасованы, сданы и снова перетасованы, производя невообразимое количество уникальных индивидуальностей, но сами гены остаются неизменными. Так шахматные фигуры могут быть расставлены на доске в различ-

ных комбинациях, хотя сами фигуры при этом не меняются. Пятьдесят две игральные карты могут дать невообразимое число раскладов, но карты остаются все теми же самими.

Но предположим, что вам разрешено составить любую комбинацию из пяти карт, используя первые десять сданных. Шансы получить самую лучшую комбинацию возрастают у вас в двести пятьдесят два раза!

Именно таков метод улучшения расы посредством генетического отбора.

Клетка, производящая жизнь, готова разделиться в гонадах самца, чтобы образовать гаметы. Сорок восемь хромосом неистово переплетаются — каждая со своей напарницей. Это соединение столь тесно, что гены или группы генов могут даже меняться местами с противоположными им генами других хромосом. Потом танец прекращается, каждая пара хромосом «разъезжается» — до такой степени, пока в разных концах клетки не образуется скопления из двадцати четырех хромосом. Затем клетка делится, образуя две новые клетки, каждая — со всего лишь двадцатью четырьмя хромосомами; и каждая из них содержит ровно половину характеристик родительской клетки, а значит — и будущей зиготы.

Одна из получившихся в результате этого деления клеток содержит так называемую X-хромосому; любая образованная с ее помощью зигота окажется женского пола.

Две клетки делятся вновь. Однако теперь уже разделяются сами хромосомы — вдоль, сохраняя таким образом каждый ген и каждую из двадцати четырех хромосом. Конечным результатом являются четыре живчика — мужских гаметы, сперматозоида, половина из которых может производить женщин, половина — мужчин. Производящие мужчин идентичны в своем наборе генов и представляют собой *точное дополнение к тем, что производят женщин*. Это — ключевой момент в технике генетического отбора.

Головки сперматозоидов, производящие мужчин, достигают в длину примерно четырех микрон, производящие женщин — приблизительно пяти микрон. Это — второй ключевой момент.

В женских гонадах происходит такая же эволюция гаметы или яйцеклетки — за двумя исключениями. После деления, при котором число хромосом в клетке сокращается с сорока восьми до двадцати четырех, появляются не две гаметы, а яйцеклетка и «полярное тело». Это «полярное тело» представляет собою псевдо-яйцеклетку. Оно содержит хромосомную структуру, дополняющую структуру настоящей яйцеклетки, однако оно стерильно. Это «никто», которое никогда не станет кем-либо.

Яйцеклетка делится вновь, отбрасывая другое «полярное тело», с той же структурой, что и у нее самой. Первичное «полярное тело» тоже делится, производя еще два «полярных тела» с дополнительными структурами. Таким образом, «полярные тела» с дополнительными по отношению к яйцеклетке структурами количественно всегда превосходят те, что имеют структуры, идентичные яйцеклетке. Это — ключевой факт. Все яйцеклетки могут развиваться в мужские или женские — пол ребенка определяется отцовской гаметой, мать в этом не участвует.

Приведенная выше картина очень приблизительна. По необходимости пришлось сократить, преувеличить, опустить детали, воспользоваться переупрощенными аналогиями. Так, например, термины «доминантный» и «рецессивный» весьма относительны, а характеристики организма крайне редко управляются единственным геном. Кроме того, мутации — случайные изменения в самих генах — встречаются чаще, чем явствует из этого описания. Однако в общих чертах картина достаточно верна.

Но как использовать все эти факты, чтобы произвести на свет именно таких мужчину и женщину, каких хотелось бы? На первый взгляд, ответ кажется простым и очевидным. Взрослый мужчина производит сотни миллиардов гамет. Яйцеклеток производится не так много, но тоже вполне достаточно. Казалось бы, чего проще: надо лишь определить, какую комбинацию вы хотите получить, а затем дожждаться, пока она образуется... Или, в крайнем случае, дожждаться комбинации настолько близкой к идеалу, чтобы ее можно было признать удовлетворительной.

Но нужную комбинацию необходимо еще распознать — а это возможно лишь после исследования структуры генов в хромосоме.

Ну так что же? Гаметы мы можем сохранять живыми вне тела, а гены, хоть они и бесконечно малы, все же достигают достаточных размеров, чтобы рассматривать их при помощи современных ультрамикроскопов. Пошли дальше. Смотрим: та ли это гамета, которая нам нужна, или всего лишь один из ее младших братьев? Если последний — отбросим его и продолжим поиск.

Но подождите минутку! Гены столь малы, что сам процесс исследования нарушает их структуру. Излучения, с помощью которых детально исследуют гамету — а ведь о ее хромосомах надо получить исчерпывающее представление! — породят целый шквал мутаций. Того, что вы изучали, более уже не существует. Вы изменили его — а возможно, и убили.

Значит, приходится вернуться к наиболее тонкому и вместе с тем самому мощному инструменту исследователя — к выводам. Вы помните, что единственная клетка производит в мужских гонадах две группы гамет, хромосомные структуры которых дополняют друг друга. Женские производители крупнее, мужские — подвижнее. По этому признаку их можно разделить.

Если в небольшой группе мужских гамет исследовано достаточное количество, чтобы определить, что все они восходят к одной родительской клетке, мы можем детально исследовать ту группу, которая производит ненужный нам пол потомка. По хромосомно-генной структуре этой группы можно достаточно обоснованно судить о структуре дополняющей группы, освобождая ее тем самым от опасностей исследования.

С женскими гаметами проблема аналогична. Яйцеклетка может оставаться в своей природной среде, в теле женщины. Исследуются лишь «полярные тела». Сами по себе они ничемны и нежизнеспособны, но их структуры идентичны или дополнительные по отношению к сестринской клетке, причем дополнительные многочисленнее идентичных. Таким образом, структура яйцеклетки может быть точно определена.

Теперь половина карт лежит лицом вверх. Мы уже знаем, какие карты лежат к нам рубашкой, и можем

начинать делать ставки — или дожидаться следующей сдачи.

Писатели-романтики первых дней генетической эры мечтали о многих фантастических возможностях создания живого существа — о «рожденных в колбе» и чудовищах, сформированных направленными мутациями, о детях, рожденных без участия отца или собранных по кусочкам от сотни разных родителей. Все эти ужасы действительно возможны — что доказали генетики Великого Хана — но мы, граждане этой республики, отвергли подобное вмешательство в поток нашей жизни. Дети, рожденные при помощи генетического отбора по усовершенствованной методике Ортеги-Мартина, происходят от нормальной зародышевой плазмы, рождаются нормальными женщинами и появляются на свет обычным путем.

Лишь в одном они отличаются от своих предшественников по биологическому виду — это самые лучшие дети, каких могли бы произвести на свет их родители!

Глава 4

Встречи

На следующий вечер Монро-Альфа снова посетил свою ортосупругу. Она встретила его с улыбкой.

— Два вечера подряд! Можно подумать, ты ухаживаешь за мной, Клиффорд!

— Мне казалось, тебе хочется пойти на этот прием, — безжизненным тоном отозвался Монро-Альфа.

— Конечно, дорогой. И очень ценю, что ты меня берешь. Я буду готова через полминуты.

Она встала и выскользнула из комнаты легким, грациозным движением. В свое время Ларсен Хэйзел была популярной звездой танца — как в записи, так и в прямом эфире. Но у нее хватило мудрости вовремя уйти со сцены и не бороться за место под солнцем с молодыми конкурентками. Сейчас ей было тридцать — на два года меньше, чем мужу.

— Вот я и готова, — объявила Хэйзел, хотя времени прошло едва ли больше, чем она обещала.

Монро-Альфе следовало, разумеется, оценить ее костюм, который и в самом деле того заслуживал, — он не только подчеркивал восхитительную фигуру, но и гармонировал ярко-зеленым русалочьим цветом с волосами, сандалиями и всеми аксессуарами цвета тусклого

золота. Во всяком случае, Монро-Альфа должен был отметить, что Хэйзел, подбирая костюм и украшения, учла металлический цвет его собственного облегающего одеяния. Однако вместо всего этого Монро-Альфа лишь сказал:

— Прекрасно. Мы успеем как раз вовремя.

— Это новое платье, Клиффорд.

— И очень милое. Пошли?

— Да, конечно.

По дороге он говорил мало, наблюдая за движением так внимательно, словно маленькая авиетка без его помощи не может отыскать путь в столпотворении транспорта. Когда машина наконец опустилась на крышу огромного высотного дома, Монро-Альфа уже начал было поднимать дверцу, но Хэйзел положила руку ему на плечо.

— Минутку, Клиффорд. Не могли бы мы немножко поговорить, прежде чем растеряемся в толпе.

— Ну разумеется. Что-нибудь случилось?

— Ничего. Или — все. Клиффорд, дорогой, нам совершенно незачем тянуть дальше то, что происходит.

— То есть? Что ты имеешь в виду?

— Ты поймешь, если хоть на минуту призадуматься. Я больше не нужна тебе — разве не так?

— Но... Как ты можешь это говорить? Ты замечательная женщина, Хэйзел. О лучшей никто не может и мечтать.

— М-м-м... Может быть. У меня нет тайных пороков, и, насколько мне известно, я никогда не делала тебе ничего плохого. Только я не это имею в виду. Тебе больше не радостно со мной, ты не испытываешь *душевного подъема*.

— Но... Это же совсем не так! Я не мог бы пожелать себе лучшего товарища, чем ты. У нас никогда не было спо...

Хэйзел прервала его жестом.

— Ты все еще не понимаешь. Может быть, даже лучше было бы, если бы мы иногда немного ссорились. Тогда бы я, быть может, поняла, что происходит там, внутри, за этими твоими большими, серьезными глазами. Не скажу, чтобы я тебе не нравилась — насколько тебе вообще кто-нибудь может нравиться. Иногда тебе

даже хорошо со мной — когда ты устал или просто под настроение. Но этого мало. И я слишком люблю тебя, дорогой, чтобы меня это не тревожило. Тебе необходимо что-то большее, чем могу дать я.

— Не представляю себе, каким образом женщина могла бы дать мне больше.

— А я знаю, потому что когда-то сама могла это делать. Помнишь то время, когда мы только что зарегистрировали наш брак? Вот тогда ты испытывал душевный подъем. Ты был счастлив. И делал счастливой меня. Ты так трогательно радовался мне и всему, что со мною связано, что порой мне хотелось заплакать просто от того, что ты рядом.

— Но я и не перестаю тебе радоваться.

— Сознательно — нет. Но мне кажется, я понимаю, как это произошло.

— Как?

— Тогда я все еще была танцовщицей. Великой Хэйзел. Всем, чем ты никогда не был. Блеск, музыка и яркий свет. Ты заходил ко мне после представления — и, чуть завидев меня, становился таким гордым, таким счастливым! А я — я была так увлечена твоим интеллектом (он и сейчас увлекает меня, дорогой) и так польщена твоим вниманием...

— Ведь ты могла выбрать любого красавца в стране!

— Никто из них не смотрел на меня, как ты. Но дело не в этом. Блеск мне не присущ — и никогда не привлекал. Я была лишь трудолюбивой девушкой, делавшей то, что она лучше всего умеет. А теперь огни погасли, музыка смолкла — и я тебе больше не нужна.

— Не говори так, девочка.

Хэйзел снова положила руку ему на плечо.

— Не обманывай себя, Клифф. Чувства мои не оскорблены. Они и всегда были скорее материнскими, чем романтическими. Ты — мой ребенок. И ты несчастлив. А я хочу видеть тебя счастливым.

— Что же делать? — беспомощно пожал плечами Монро-Альфа. — Даже если все обстоит именно так, как ты говоришь — что ж с этим поделаешь?

— Попробую угадать. Где-то есть девушка, и вправду такая, какой ты себе меня когда-то представлял.

Девушка, которая сможет дать тебе все, что когда-то давала я, просто оставаясь притом сама собой.

— Хм-м-м! Не представляю себе, где ее найти. Такой не существует в природе. Нет, девочка, корень зла во мне, а не в тебе. Это я скелет на празднике. Я утрюм от природы — вот в чем дело.

— Сам ты «хм-м-м!». Ты не нашел ее только потому, что не искал. Ты катишь по колее, Клифф. По вторникам и пятницам — обеды у Хэйзел. По понедельникам и четвергам — занятия в спортзале. По уик-эндам — выезд за город и поглощение природного витамина D. Тебя надо вышибить из колеи. Завтра я иду и регистрирую «по взаимному согласию».

— Ты не сделаешь этого!

— Обязательно сделаю. Тогда, если встретишь женщину, которая тебе по-настоящему понравится, ты сможешь без всяких препятствий остаться с ней.

— Но, Хэйзел, я не хочу, чтобы ты от меня отдалась.

— А я и не собираюсь отдаляться. Я лишь хочу встряхнуть тебя, чтобы ты повнимательнее посмотрел по сторонам. Можешь приходить ко мне — даже если женишься вновь. Но этим мероприятиям по четвергам и вторникам — конец. Попробуй поймать меня по телефону глубокой ночью или смойся из своего священного офиса в рабочее время.

— Но ведь на самом-то деле ты же не хочешь, чтобы я начал бегать за другими женщинами, правда?

Хэйзел взяла его за подбородок.

— Клифффорд, ты большой, очаровательный дурак. В арифметике ты Господь Бог, но в женщинах не разбираешься абсолютно. — Она поцеловала Монро-Альфу. — Расслабься. Mamochke лучше знать.

— Но...

— Нас ждут.

Монро-Альфа откинул дверцу, и они вышли.

Городской дом Джонсон-Смит Эстер занимал всю крышу огромного высотного «муравейника». Это был выдающийся пример выдающегося расточительства. Жилые помещения (ибо груду странным образом смонтированных строительных материалов язык не поворачивался назвать домом) занимали около трети пространст-

ва, остальное было отведено садам — крытым и открытым. Своим происхождением до смешного большой доход мужа Эстер был обязан автоматической мебели, и потому хозяйке взбрело в голову, что дома автоматика должно быть как можно меньше. Именно по этой причине накладки — у Монро-Альфы и Хэйзел их не было — предложили им живые слуги. Затем слуги проводили гостей к подножию широкой лестницы, на верхней площадке которой их встречала хозяйка. Приветствуя Клиффорда и Хэйзел, она протянула им обе руки.

— Дорогая моя! — зашебетала она, обращаясь к Хэйзел. — Как мило с вашей стороны прийти! И ваш блестящий супруг! — Эстер повернулась к почетному гостю, стоявшему возле нее. — Доктор Торгсен, эти двое — из числа *самых дорогих* моих друзей! Ларсен Хэйзел — это такая талантливая малышка! Правда-правда. И мистер Монро-Альфа Клиффорд. Он чем-то там занимается по части денег, в Министерстве финансов. Уверена, что вы поймете, но я — нет

Торгсен ухитрился нахмуриться и улыбнуться одновременно.

— Ларсен Хэйзел? Конечно же — я вас узнал. Вы будете сегодня для нас танцевать?

— Я больше не танцую.

— Какая жалость! Это первая неудачная перемена, которую я обнаружил на Земле. Меня здесь не было десять лет.

— Да, вы были на Плутоне. Как там живется, доктор?

— Прохладно. — На лице его вновь возникло немного пугающее двойственное выражение.

Клиффорд поймал его взгляд и отдал глубокий поклон.

— Я польщен, высокоученый сэр.

— Пусть это... я хочу сказать, как раз наоборот Или что-то в этом роде. Черт возьми, сэр, я совсем отвык от этой вычурной вежливости. Забыл, как это делается. У нас там общинная колония, знаете ли. Без оружия.

Только теперь Монро-Альфа с удивлением заметил, что Торгсен безоружен и носит повязку, хотя ведет себя с беззаботной надменностью уверенного в себе вооруженного гражданина.

— Должно быть, у вас там совсем другая жизнь? — предположил он.

— Да, знаете ли, совсем не такая. Работаешь, потом чуть-чуть поболтаешь — и на боковую, а там — снова за работу. А вы, значит, погрузились в финансы? Чем занимаетесь?

— Рассчитываю проблемы повторных капиталовложений.

— Вот оно что! Тогда я знаю, кто вы. О ваших уточнениях общих решений слышаны даже мы на Плутоне. Высший класс! Они превращают наши маленькие головоломки со стереопараллаксами в сущую безделицу.

— Я бы так не сказал.

— Зато я говорю. Возможно, нам выдастся еще случай потолковать. Вы могли бы мне кое-что посоветовать.

— Вы окажете мне честь.

Несколько опоздавших гостей уже топтались позади них, и Хэйзел видела, что хозяйка начинает проявлять нетерпение. Она тронула Монро-Альфу за руку, и они двинулись дальше.

— Развлекайтесь, дорогие мои, — напутствовала их Эстер. — Там есть — ну кое-что... — и она неопределенно взмахнула рукой.

«Кое-что» в самом деле было. В одном из двух зрительных залов демонстрировали все новейшие и наимоднейшие стереокассеты, во втором, для тех, кто был не способен расслабиться, не будучи в курсе всего, что происходит за пределами прямой видимости — шли выпуски текущих новостей. Разумеется, были здесь и комнаты для игр, а также дюжины уютных гнездышек, где небольшие компании или пары могли бы без помех насладиться обществом друг друга *tête-à-tête**. В толпе гостей бродил популярный иллюзионист, демонстрировавший всем, кому это было интересно, свои шутки, надувательства, невероятную ловкость рук. И повсюду были в изобилии представлены изысканные напитки и яства.

* Наедине (фр.).

В огромном бальном зале с разноцветным мозаичным полом народу было мало — танцы еще не начались. Громадное помещение зала смыкалось с одним из крытых садов — там было совершенно темно, лишь цветные лучи декоративной подсветки пробивались со дна маленьких прудов, выложенных камнем. Другая стена бального зала была прозрачна, и за нею находился плавательный бассейн, поверхность которого располагалась этажом выше. Лучи цветных прожекторов, пронизывая толщу воды и фигуры грациозно двигавшихся пловцов, вносили жизнь и гармонию в открывающуюся за хрустальной стеной картину.

Клиффорд и Хэйзел уселись возле этой стены, вглядываясь в глубину бассейна.

— Потанцуем? — спросил Монро-Альфа.

— Нет. Может быть, позже...

Сверху, с поверхности, скользнула девушка, замерла, разглядывая их, и выпустила цепочку пузырьков взмывших вдоль стекла. Хэйзел обвела пальцем по стеклу нос пловчихи. Женщины улыбнулись друг другу.

— Я бы тоже не прочь нырнуть, если не возражаешь.

— Нисколько.

— Компанию составишь?

— Нет, спасибо.

Когда Хэйзел ушла, Монро-Альфа несколько минут бесцельно слонялся по соседним залам, нерешительно подыскивая убежище, где бы мог в одиночестве понюхать свою меланхолию — развлечения оставляли его равнодушным; в лучшем случае он готов был немножко выпить. Но парочки — и отнюдь не меланхолические! — были охвачены тем же стремлением, так что все уютные уголки оказались заселены. В конце концов Клиффорд сдался и вошел в средних размеров комнату, где уже расположилась холостяцкая компания в полдюжины человек и предавалась древнему спорту — решала мировые проблемы, утопляя оные в словах.

На пороге Монро-Альфа заколебался было, вопросительно поднял брови, получил в ответ небрежно-любезное согласие одного из присутствующих, с которым встретился взглядом, и лишь тогда вошел и опустился на стул. Сессия пустозвонов тем временем продолжала работу.

— Дслустим, они. вскроют поле, — говорил один. — И что это даст? Что в нем обнаружится? Скорее всего, несколько каких-то изделий, возможно — записи того периода когда поле было поставлено. Но больше — ничего. Предположение, будто там, в стасисе, может всками сохраняться в неизменном виде жизнь — полная нелепость.

— Откуда вы знаете? — возразил другой. — Без сомнения, они полагали будто нашли способ приостанавливать, так сказать замораживать процесс накопления энтропии. Инструкции совершенно ясны...

Монро-Альфа начал понимать, о чем идет речь. Так называемое Адирондакское стасис-поле поколением раньше было обнаружено в глубине гор, от которых и получило название. В то время оно на несколько дней стало сенсацией. Не то чтобы это было эффектное зрелище — просто непроницаемая область полного отражения, этакое кубическое зеркало. Впрочем, о непроницаемости в полном смысле слова говорить было, пожалуй, нельзя — настоящих попыток проникнуть внутрь стасис-поля предпринято не было из-за плиты с инструкцией которая лежала рядом. В ней утверждалось, что поле установлено в 1926 году (по старому стилю) и содержит живые образцы, которые могут быть высвобождены нижеследующим способом... Но ниже ничего не было.

Поскольку поле не было передано в ведение какого-либо института, многие готовы были считать всю эту историю чьей-то мистификацией. Однако попытки раскрыть загадку отсутствующей на плите инструкции предпринимались постоянно. До Монро-Альфы дошел слух, будто бы надпись была наконец прочитана, хотя он не обратил на это особого внимания — программы новостей вечно сообщают о чудесах, которые на поверку оказываются чем-то вполне тривиальным. Сейчас Клиффорд не мог даже припомнить, как именно надпись была прочтена — в отраженном образе, в поляризованном свете?

— Интереснее всего другое, — вмешался в разговор третий, худощавый человек лет тридцати на вид, одетый в бирюзовый шелковый костюм, подчеркивающий бледность его лица. — Давайте попытаемся рас-

смотреть проблему гипотетического человека, перенесенного к нам таким образом из Смутных Времен, в чисто интеллектуальном аспекте. Что подумает он о мире, в котором неожиданно оказался! И что можем мы предложить ему взамен оставленного в прошлом?

— Что мы сможем ему предложить?! Да все! Оглянитесь вокруг.

— Да, — подтвердил молодой человек с надменной улыбкой, — оглянитесь вокруг. Машины — но зачем ему машины? Он является к нам из раннего, более отжившего мира. Мира достоинства и независимости. Каждый возделывал тогда свой участок земли — и жена его была рядом с ним. Он воспитывал своих собственных детей прямыми и сильными и учил их отвоевывать свой хлеб у матери-земли. В его доме не было искусственного освещения — но он в этом и не нуждался. Он вставал с зарей и занимался серьезными, основательными делами. На закате, утомившись от трудов праведных, он приветствовал ночной отдых. Трудовой пот он смывал, окунаясь в собственный ручей, и не нуждался в затейливых плавательных бассейнах. Твердо, как скала, стоял он на земле.

— И вы действительно полагаете, будто нынешний комфорт понравился бы ему меньше, чем его жизнь?

— Именно так. Эти люди были счастливы. Они вели естественную жизнь — как и было предначертано Богом.

Мысленно Монро-Альфа всесторонне рассмотрел предложенную концепцию. В ней было что-то чертовски привлекательное. Внезапно он ясно ощутил, что не питает ни малейшей любви к современной технике. Даже к своему главному интегратору. В конце концов, его всегда интересовали не машины, а сложные математические принципы. А с каких это пор математику нужны еще инструменты — помимо собственной головы? Пифагор отлично обходился палочкой да полоской песка. Что же до всего остального, то будь они с Хэйзел партнерами по вековой борьбе с матерью-землей за хлеб насущный — разве они расстались бы?

Закрыв глаза, он представил себя в простом и естественном 1926 году. На нем была домотканая одежда — творение умелых рук его жены; или даже звериные

шкуры, ею же выделанные после того, как он собственноручно распялил их на двери хижины. «И еще — где-то поблизости должны быть дети, штуки три», — подумал Клиффорд. Окончив дневной труд, он поднялся бы со старшим сыном на вершину холма, чтобы научить его любоваться красотой заката. А когда на небе проступят звезды — он станет приобщать мальчика к чудесам астрономии. Мудрость будет передаваться от отца к сыну, как это было всегда.

Будут и соседи — сильные, молчаливые люди, чей короткий поклон и твердое рукопожатие означают куда больше, чем случайные знакомства в современном «цивилизованном обществе».

Впрочем, отнюдь не все восприняли этот тезис с тою же готовностью, что и Монро-Альфа. Аргументы взлетали, перебивая друг друга, постепенно становясь все более язвительными. Молодой человек, с легкой руки которого и возник спор — кажется, его звали Джеральд — встал и, учтиво извинившись, удалился: похоже, он был недоволен тем, как были восприняты его идеи.

Монро-Альфа быстро поднялся и последовал за ним.

— Прошу прощения, благородный сэръ...

Джеральд остановился.

— Да?

— Меня заинтересовали ваши идеи. Может быть, мы где-нибудь присядем?

— С удовольствием.

Гамильтон Феликс появился на приеме довольно поздно. Репутация и финансовое положение обеспечивали ему приглашение на любой прием Джонсон-Смит Эстер, хотя она и не любила его, догадываясь о снисходительном презрении, с которым он к ней относился. Альтернативные варианты, которые в другом случае могли бы заставить его увильнуть от приглашения, не искушали Гамильтона — приемы Эстер прямо-таки кишели любопытными людьми в забавных комбинациях. Не обладая собственными талантами, она умела собирать у себя в доме блестящих, интересных людей, и

Гамильтону это нравилось. Во всяком случае, на ее приемах всегда собиралось множество народу, а народ был всегда забавен, и чем многочисленнее оказывалось собрание, тем веселее там было Гамильтону.

Почти сразу он встретил Монро-Альфу — в компании молодого человека, одетого в синее, что явно не гармонировало с цветом его лица. Гамильтон тронул друга за плечо.

— Привет, Клифф.

— О, привет, Феликс.

— Заняты?

— В данный момент — да. Может, позже?..

— Уделите мне секунду Видите того нахала, что прислонился к колонне? Вот — он смотрит в нашу сторону.

— И что же?

— Мне почему-то кажется, будто его лицо мне знакомо, но никак не могу вспомнить откуда.

— Зато я могу. Он из компании того задиры, которого вы подстрелили позавчера вечером. Если только это не его близнец, разумеется.

— Та-ак! Это становится интересным...

— Только постарайтесь не впутываться в неприятности, Феликс.

— Не беспокойтесь. Спасибо, Клифф.

— Не за что.

Монро-Альфа с Джеральдом двинулись дальше, оставив Гамильтона наблюдать за человеком, вызвавшим его любопытство. Тот, видимо, почувствовал, что привлек к себе интерес Феликса, поскольку оставил свое место возле колонны и напрямик направился к нему. Остановившись, как того требовал церемониал, в трех шагах, он произнес:

— Я пришел с миром, благородный сэръ.

— В Доме Гостеприимства нет места вражде, — столь же церемонно процитировал Феликс.

— Вы очень любезны, сэръ. Меня зовут Мак-Фи Норберт.

— Благодарю вас. А меня — Гамильтон Феликс.

— Да, я знаю.

Неожиданно Гамильтон резко сменил тон.

— Ага! А знал ли это ваш приятель, пытаясь полоснуть меня лучом?

Мак-Фи быстро оглянулся по сторонам, словно желая убедиться, что этих слов никто не услышал. Ему явно не по душе был оборот, который начал принимать разговор.

— Тише, тише, сэр, — запротестовал он, — я же сказал, что пришел с миром. Это было ошибкой — прискорбной ошибкой. Ссору мой знакомый затевал не с вами.

— Вот как? Тогда почему же он вызвал меня?

— Повторяю: это была ошибка. Я глубоко сожалею.

— Послушайте, — возмутился Гамильтон, — разве это по протоколу? Если ваш приятель искренне ошибся, то почему бы ему не прийти ко мне, как подобает мужчине? Я приму его миролюбиво.

— Он не в состоянии.

— Почему? Ведь я ранил его всего лишь в руку.

— И тем не менее, он не в состоянии. Уверяю вас. Он был... наказан.

Гамильтон внимательно посмотрел на собеседника.

— Вы говорите: «наказан». Так, что не в состоянии встретиться со мной. Может быть, он «наказан» настолько, что должен встретиться с гробовщиком?

Какое-то мгновение Мак-Фи колебался.

— Можем мы поговорить наедине? Конфиденциально?

— Похоже, здесь скрыто куда больше, чем видно над водой. Я не люблю секретов, друг Норберт.

— Жаль, — пожал плечами Мак-Фи.

Гамильтон обдумал ситуацию. В конце концов, почему бы и нет? Положение казалось забавным. Он взял собеседника под руку

— Раз так — давайте посекретничаем. Где?

Мак-Фи вновь наполнил стакан.

— Нам известно, друг Феликс, что вы не слишком симпатизируете смехотворной генетической политике нашей так называемой культуры.

— Откуда?

— Разве это существенно? У нас свои способы доискиваться до истины. Я знаю, что вы человек смелый и талантливый, вдобавок, готовый к неожиданно-

стям. Хотели бы вы приложить силы и дарования к работе над действительно стоящим проектом?

— Прежде всего я должен знать, в чем он заключается.

— Естественно. Позвольте сказать... Впрочем, нет может быть, лучше ничего не говорить. К чему отягощать вас секретами?

Гамильтон отказался делать встречный шаг. Мак-Фи держал паузу, сколько мог, но в конце концов вынужден был продолжить:

— Могу ли я доверять вам, друг мой?

— Если не можете — чего будут стоить мои заверения?

В первый раз напряженный взгляд глубоко посаженных глаз Мак-Фи немного смягчился, а по губам скользнул легкий намек на улыбку.

— Тут вы меня поймали. Ну... Я считаю себя неплохим знатоком человеческой натуры. И потому намерен довериться вам. И все же — не забывайте, это секрет. Можете ли вы представить себе научную программу, составленную так, чтобы дать нам максимум того, что позволяют наши научные знания, и не стесненную при этом дурацкими правилами, которыми руководствуются наши официозные генетики?

— Вполне.

— Программу, которую осуществляют и поддерживают люди с жестким мышлением, способные думать самостоятельно?

Гамильтон кивнул. Он по-прежнему гадал, куда клонит этот деятель, однако решил играть до конца.

— Я не вправе сказать вам больше — здесь, — заключил Мак-Фи. — Вы знаете, где находится Дом Волчицы?

— Разумеется.

— Вы член братства?

Гамильтон кивнул. К Древнему Благотворительному Братству Волчицы принадлежал едва ли не всякий — орден обладал избирательностью проливного дождя. Сам Феликс не заглядывал в Дом Волчицы и раз в полгода, однако располагать местом для встреч в любом чужом городе было удобно.

— Прекрасно. Можем мы встретиться там попозже, ночью?

— Конечно.

— Там есть комната, где собираются порой некоторые из моих друзей. Не трудитесь спрашивать у портье — она в холле Ромула и Рема, прямо напротив эскалатора. Скажем, в два часа?

— Лучше в половине третьего.

— Как вам угодно.

Впервые Монро-Альфа Клиффорд заметил ее во время большого бала. Трудно объяснить, чем именно она привлекла его взгляд. Разумеется, она была красива — однако сама по себе красота не является для девушек знаком отличия. Они просто не могут не быть красивыми — как персидские кошки, бабочки «сатурния луна» или чистокровные скакуны. Нет, объяснить исходящее от девушки обаяние было куда труднее.

Вероятно, достаточно просто сказать, что стоило Монро-Альфе увидеть ее, как он моментально забыл и о том восхитительно увлекательном разговоре, который еще недавно вел с Джеральдом, и о том, что, мягко выражаясь, не любил танцев и в бальном зале оказался по чистой случайности. Забыл он и о снедавшей его меланхолии.

Впрочем, во всем этом Клиффорд не отдавал себе отчета. Он только взглянул на девушку во второй раз — и потом уже до конца танца старался не упустить ее из виду, из-за чего танцевал еще хуже обычного. Вместе с фигурами танца сменялись и партнеры, так что Монро-Альфе не единожды пришлось извиняться перед временными дамами за свою неуклюжесть.

Впрочем, от этого он не стал двигаться ни на йоту более ловко и грациозно, поскольку все мысли его были заняты решением проблемы: сведут ли их с девушкой фигуры танца, сделав на какое-то время партнерами? Будь этот вопрос поставлен перед ним в качестве абстрактной задачи: «Дано: хореографическая партия танца; требуется установить: вступят ли в контакт единицы А и Б» — Клиффорд нашел бы ответ почти

интуитивно, если бы, разумеется, счел сие занятие достойным.

Но совсем другое дело — пытаться отыскать решение в динамичной ситуации, когда сам он являлся одной из переменных величин. Находился ли он во второй паре? Или — в девятой?

Монро-Альфа уже пришел было к выводу, что танец не сведет их, и начал подумывать, как под видом ошибки обменяться местами с кем-то из танцоров — и тут они встретились.

Он ощутил кончики пальцев девушки на одной руке, а талию — под другой и закружил партнершу, танцую в экстазе легко и прекрасно; он чувствовал, что превзошел самого себя...

...К счастью, она приземлилась сверху.

По этой причине Монро-Альфа даже не смог помочь ей встать. Девушка поднялась и протянула ему руку. Клиффорд начал старательно, в самых жалких и церемонных выражениях составлять витиеватое извинение — и вдруг заметил, что девушка смеется.

— Забудьте, — махнула она рукой. — Это было забавно. Как-нибудь мы с вами порепетируем это па — в более спокойной обстановке. Это будет великолепно!

— Ваше милосердие... — завел он опять.

— Танец! — перебив его, воскликнула девушка. — Мы потеряемся!

И, скользнув сквозь толпу, она отыскала свое место. Но Монро-Альфа был слишком деморализован происшедшим, чтобы пытаться найти свое. Он стал лихорадочно выбираться прочь, слишком взъерошенный и выбитый из колеи, чтобы беспокоиться о том, что совершал, оставляя свое место в танце до окончания фигуры — бестактно.

Некоторое время спустя Клиффорд снова нашел девушку, однако ее окружали несколько незнакомых молодых людей. Человек более светский тут же симпатизировал бы дюжину уловов, чтобы приблизиться к ней. Однако у Монро-Аلفы таких талантов не было. Всей душой он жаждал одного — появления своего друга Феликса. Уж Гамильтон придумал бы, что делать, он всегда отличался находчивостью в подобных делах. Люди никогда его не пугали.

Девушка чему-то смеялась, улыбались и окружавшие ее молодые люди. Один из них бросил взгляд в сторону Монро-Альфы. Черт возьми, может быть, они смеялись *над ним*?

Затем в его сторону взглянула и она. Взгляд ее был теплым и дружелюбным. Нет, конечно же, она смеялась не над ним. На мгновение Клиффорду показалось, что он знает ее, знает уже давным-давно, и что взглядом своим девушка так же ясно, как словами, приглашает его присоединиться к обществу. Во взгляде ее не было ни малейшего кокетства. Но не был он и мальчишеским — мягкий, честный и воистину женственный взгляд.

В этот момент он даже мог бы набраться храбрости и подойти к девушке, если бы чья-то рука не легла ему на плечо.

— Я всюду разыскивал вас, молодой человек.

Это был доктор Торгсен.

— Э-э-э... Как поживаете, сэр? — только и сумел выдавить из себя Монро-Альфа.

— Нормально. Вы не слишком заняты? Можем мы немного поболтать?

Монро-Альфа оглянулся на девушку: она уже не смотрела в его сторону, теперь внимание ее было полностью поглощено рассказом одного из компаньонов. «Что ж, — подумал Клиффорд, — нельзя же рассчитывать на то, что девушка, которую ты умудрился уронить на пол, приняла это нетрадиционное па за формальное представление». Он решил немного погодя найти хозяйку дома и попросить представить его юной гостье.

— Я свободен, — согласился он. — Куда мы направимся?

— Давайте отыщем какое-нибудь местечко, где тяжесть можно распределить равномерно на все части тела, — прогудел Торгсен. — А я прихвачу графин с выпивкой. Между прочим, в сегодняшних новостях сообщили, что ваше Министерство объявило еще одно повышение дивидендов...

— Да, — несколько озадаченно подтвердил Монро-Альфа: в том, что повысилась производительность ци-

визации не было ничего удивительного — обычный, рутинный процесс; странным явилось бы обратное.

— Полагаю, существует и нераспределенный избыток?

— Конечно. Он есть всегда.

Основная повседневная деятельность Совета экономической политики в том и заключалась, чтобы изыскивать способы распределения все новых и новых денежных сумм, обязанных своим происхождением непрерывно возрастающей продуктивности капиталовложений. Проще всего было прямо выплачивать свободные от задолженности деньги гражданам или же косвенно — в виде дотаций и субсидированного снижения розничных цен. Второй из этих способов облегчал непринудительный контроль над инфляцией, тогда как первый увеличивал заработную плату, уменьшая при этом стимул к труду. Оба метода помогали обеспечивать приобретение и потребление произведенных товаров, способствуя тем самым сбалансированности счетов каждого бизнесмена полушария.

Однако человек — животное трудящееся и трудолюбивое, причем работа его адски продуктивна. Даже если всучить ему жирные ежемесячные дивиденды, чтобы с помощью такого подкупа заставить держаться подальше от рынка рабочей силы, весьма вероятно, что в свободное время он соорудит какую-нибудь штуковину, способную заменить человека и в очередной раз увеличить производительность труда.

Мало кто обладает достаточно развитым воображением и подходящим темпераментом для того, чтобы проводить жизнь в праздности. Людьми овладевает трудовой зуд. Поэтому плановикам было необходимо все время отыскивать новые и новые пути распределения покупательной способности через заработную плату таким образом, чтобы оплаченный труд не увеличивал потока потребительских товаров. И даже непроеводительным общественным работам поставлен если не теоретический, то практический предел. Разумеется, один из самых очевидных путей расходования средств — субсидирование научных исследований, однако это лишь отодвигает кризис, поскольку все эти изыскания, какими бы отвлеченными и бесполезными они ни казались,

обладают досадной привычкой рано или поздно многократно оккупаться, вновь резко увеличивая производительные силы общества.

— ...избыток, — продолжал тем временем Торгсен. — Решено уже, как его распределять?

— Насколько мне известно, не до конца, — ответил Монро-Альфа. — Видите ли, я ведь только вычислитель, а не Планировщик...

— Да, я знаю. Но вы к ним гораздо ближе меня. А мне хотелось бы, чтобы Совет экономической политики субсидировал небольшой проект, который у меня на уме. Если вы готовы меня выслушать, я расскажу о нем поподробнее — и, надеюсь, заручусь вашей поддержкой.

— А почему бы вам не обратиться непосредственно в Совет? — поинтересовался Монро-Альфа. — При решении подобных вопросов у меня нет права голоса.

— Пусть так. Зато вы знаете в Совете все ходы и выходы, а я нет. К тому же я полагаю, вы сможете по достоинству оценить красоту проекта, хотя он, к сожалению, довольно дорог и совершенно бесполезен.

— Это как раз не помеха.

— Да? А я думал, что всякий проект должен быть полезен...

— Отнюдь нет. Он должен быть осмысленным и в конечном счете служить благу всего населения. Но в экономическом плане ему совершенно не обязательно быть целесообразным.

— Хм-м... Боюсь, мой проект трудно будет счесть «идущим на благо»...

— И это не обязательно послужит препятствием. «Благо» — понятие растяжимое. Но в чем суть проекта?

Прежде чем ответить, Торгсен какое-то мгновение колебался.

— Вы видели баллистический планетарий в Буэнос-Айресе?

— Нет, хотя, конечно, знаю о нем.

— Он великолепен! Подумайте только — машина, способная вычислить положение любого тела в Солнечной системе на любой момент прошлого, настоящего или будущего — и выдать результат с точностью до седьмого знака.

— Действительно, прекрасно, — согласился Монро-Альфа, — хотя, в сущности, это элементарная задача.

Так оно и было — для него. Для человека, постоянно имеющего дело со сводящими с ума блуждающими переменными социо-экономических проблем, где непредсказуемая прихоть моды способна сокрушить любой, даже самым тщательным образом составленный прогноз, эта задача, в которую вовлечены центральная звезда, девять планет, две дюжины их спутников да несколько сот главных астероидов, движущихся в соответствии с едиными, неизменными законами, не могла не являться элементарной. Возможно, с чисто технической точки зрения организовать все это было и не просто, но особых затрат интеллекта не требовало.

— Элементарно! — Торгсен казался чуть ли не обиженным. — Ну хорошо, пусть будет по-вашему. Но что вы скажете о машине, способной делать то же самое для всей физической Вселенной?

— Что? Я назвал бы эту идею фантастической.

— Сегодня так оно и есть. Но предположим, мы решим ограничиться нашей Галактикой?

— Все еще фантастично. Переменных здесь будет порядка десяти в тридцатой, не так ли?

— Верно, однако почему бы и нет? Было бы только достаточно времени — и денег, разумеется. Я предлагаю следующее, — голос Торгсена зазвучал очень серьезно. — Можно начать с нескольких тысяч масс, для которых нам известны точные значения векторов скоростей. На первом этапе мы ограничимся прямолинейным движением. Располагая станциями на Нептуне, Плутоне и Титане, мы сможем немедленно заняться проверкой. Впоследствии, когда работа машины будет выверена, мы сможем добавить к этому своего рода эмпирическую обработку краевого эффекта — я имею в виду пределы нашего поля, форма которого будет приближаться к сплюснутому эллипсоиду.

— Двойная сплюснутость, не так ли — включая параллакс, обусловленный нашим собственным звездным дрейфом?

— Да-да, это очень важно.

— И, полагаю, вы учтете солнечный регресс?

— А?

— По-моему, это самоочевидно. Ведь вы будете описывать звезды? А скорость преобразования водорода в гелий в каждом теле, безусловно, является ключевой характеристикой.

— Ну, дорогой, вы меня здорово обогнали. Я думал лишь об основных баллистических характеристиках.

— Зачем же ограничиваться этим? Почему бы, строя структурные аналоги, не приблизить их к действительности, насколько возможно?

— Конечно, конечно. Вы правы. Просто я не был столь самоуверен. Я соглашался на меньшее. Но скажите, как по-вашему, пойдет на это Совет?

— Почему бы и нет? Это осмысленно, будет стоить очень дорого, осуществление растянется на многие годы — и к тому же вряд ли принесет когда-нибудь экономические выгоды. Я бы сказал, это идеально скроено для получения субсидий.

— Рад это слышать.

Они договорились о встрече на следующий день.

Как только позволили правила приличия, Монро-Альфа извинился перед Торгсенем и вернулся туда, где видел девушку в последний раз. Но, увы, ее там уже не было. Клиффорд больше часа потратил на поиски и пришел к выводу, что девушка либо покинула прием, либо очень искусно скрывается от него. Ее не было в плавательном бассейне — если она не обладает способностью оставаться под водой больше десяти минут. Ее не было ни в одной из доступных комнат — Монро-Альфа совершенно бессознательно рисковал жизнью, с недопустимой тщательностью обыскивая все углы.

По пути домой он совсем уже было собрался рассказать о случившемся Хэйзел, однако не смог подобрать слов. В самом деле, о чем было рассказывать? Ну, встретил привлекательную девушку и по обычной своей неуклюжести умудрился подставить ей подножку. Что с того? Он даже не узнал, как ее зовут. Да и вообще, ему не казалось, что сейчас самое подходящее время говорить с Хэйзел о других женщинах. Добрая, славная Хэйзел... Она обратила внимание на задумчивость Монро-Альфы, явно не похожую на обычную мрачность.

— Доволен, Клиффорд?

- Кажется, да. Точно — да.
- Встретил интересных девушек?
- Что? А, да. Нескольких.
- Вот и хорошо.
- Послушай, Хэйзел, ты ведь не собираешься всерьез заниматься всей этой дуростью с разводом?
- Собираюсь.

Естественно было бы предположить, что этой ночью Монро-Альфа лежал без сна, предаваясь романтическим мечтаниям о прекрасной незнакомке. Ничуть не бывало! Он и впрямь подумал о ней — но лишь на короткое время, необходимое для того, чтобы вернуть себе душевное равновесие. Для этого он мысленно сотворил ситуацию, в которой отпускал по поводу собственной неуклюжести убийственно-остроумные реплики, а девушка их с готовностью воспринимала. И даже окружавшим ее поклонникам не было нужды угрожать — они сами аплодировали его остроумию.

Не слишком занимала мысли Монро-Альфы и Хэйзел. Если она считала нужным разорвать брачный контракт — ее дело. К тому же этот шаг вряд ли мог иметь серьезные последствия — Клиффорду и в голову не приходило, что их отношения могут почему-либо серьезно измениться. Однако он на время откажется от обязательных — дважды в неделю — визитов и совместных обедов. И, надо полагать, женщина оценит несколько сюрпризов...

Впрочем, все эти размышления лишь освобождали пространство для тех серьезных мыслей, после которых человек может спокойно заснуть. Предложение Торгсена: это действительно интересная проблема. Очень изящная...

Ночь Гамильтона Феликса была куда насыщеннее событиями. Настолько насыщенной, что на следующее утро, за завтраком, ему было над чем призадуматься. Надо было осмыслить ситуацию и принять решение. Он даже не смотрел новости, и, когда аннунциатор известил, что за дверью ожидает посетитель, Гамильтон рассеянно ткнул клавишу «Входите, пожалуйста», даже

не подумав, хочет ли кого-нибудь видеть. Какая-то женщина — заметил он на экране, однако дальше его мысли не пошли.

Она вошла и уселась на ручку кресла, болтая одной ногой.

— Ну, — заявила она, — с добрым утром, Гамильтон Феликс!

Он озадаченно взглянул на посетительницу.

— Разве мы знакомы?

— Нет, — спокойно отозвалась она, — но будем. Полагаю, мне пришла пора посмотреть на вас.

— Понял! — Он пронзил воздух указательным пальцем. — Вы та самая женщина, которую подобрал для меня Мордан!

— Совершенно верно.

— Будь проклята ваша наглость! Какого черта вам нужно? И как вы смеете врываться в мой дом?

— Ну-ну-ну! А то мамочка отшлепает! На что это похоже — разговаривать так с матерью ваших будущих детей?

— Матерью... Что за вздор! Если мне чего-то и не хватало, чтобы окончательно понять, до какой степени я не хочу иметь ничего общего со всеми этими дурацкими планами — так это знакомства с вами. И если у меня и появятся когда-нибудь дети, то уж точно не от вас.

При этих его словах женщина встала, положив руки на бедра. На ней были шорты и мальчишеская куртка, а на боку, с полным пренебрежением к традициям своего пола, она носила на ремне небольшой, но достаточно смертоносный излучатель.

— Что же у меня не в порядке? — медленно цедя слова, поинтересовалась она.

— Ха! Что не в порядке? Да что у вас в порядке? Я прекрасно знаю ваш тип. Вы одна из этих «независимых» женщин, которые претендуют на все мужские привилегии, отказываясь в то же время от какой бы то ни было ответственности. Я так и вижу, как вы с важным видом разгуливаете по городу с этой проклятой трещоткой на боку, требуя всех прав вооруженного гражданина. Вы вызываете на дуэли в спокойной уверенности, что ни один мужчина вызова не примет. Бр-р-р! Меня тошнит от вас!

Женщина не шелохнулась, только лицо ее закамелело.

— Вы проницательный знаток человеческой натуры, да? Теперь послушайте меня. Я годами не притрагивалась к оружию, кроме как на тренировке. Я не расхаживаю по городу с требованием привилегий и столь же щепетильно вежлива, как любой мужчина.

— Тогда зачем же вы носите оружие?

— А что плохого, если женщина претендует на достоинство вооруженного гражданина? Я не хочу, чтобы меня баловали и опекали, как ребенка. Я отказываюсь от неприкосновенности и пользуюсь своим правом носить оружие. Что, повторяю, в том плохого?

— Ничего — будь это и впрямь так. Но дело обстоит совсем иначе. Вы противоречите себе — хотя бы той манерой, с которой ворвались в мой дом. Мужчине такое не сошло бы.

— Ах так?! Осмелюсь напомнить вам, мужлан, что вы сами впустили меня, включив сигнал «Входите, пожалуйста». Могли бы этого и не делать! А едва я вошла, вы принялись рычать на меня, не дав даже вставить «да», «нет» или «может быть».

— Но...

— Но ладно! Вы утверждаете, что оскорблены. Я сказала, что годами не бралась за оружие, но это не значит, будто я не готова. Вот вам шанс рассчитаться за оскорбление, хвостун паршивый — оружие в руки!

— Не болтайте глупостей.

— Оружие в руки! Или я отберу его у вас и вывешу на площади.

Вместо ответа Гамильтон двинулся на нее. Гостья схватилась за рукоятку излучателя и наполовину извлекла его из кобуры.

— Назад! Назад или я сожгу вас!

— Боже! — В голосе Гамильтона зазвучало неподдельное восхищение; он замер. — Верю. Честное слово, верю, что вы на это способны.

— Разумеется.

— И это, — признал он, — меняет дело, не так ли?

Гамильтон отступил на шаг, как бы занимая подходящую позицию для переговоров. Полууспокоившись, женщина сняла руку с излучателя.

В тот же момент Феликс прыгнул — низко, стелясь над полом — и обхватил колени гостьи, рванув на себя. В короткой, но бурной схватке оба покатались по паркету. Наконец Гамильтону удалось ухватить гостью за запястье правой руки и стиснуть его с той же силой, с какой противница вцепилась в оружие. Резкое движение — и костяшки ее пальцев сухо ударились об пол. Схватив излучатель за ствол, Гамильтон вырвал его и отбросил в сторону. Потом поднялся на колени и, волоча гостью за собой, стал медленно передвигаться, игнорируя сыпавшиеся на него удары. Добравшись до ящика стола, он бросил туда оружие и только тогда обратил все свое внимание на гостью.

Не реагируя на ее бурное сопротивление, Гамильтон поднял женщину с пола, подхватил на руки и донес до большого, глубокого кресла, в которое и опустился, усадив гостью себе на колено. Зажав ее ноги между своих, Гамильтон завел ей руки за спину — стиснув в конце концов обе ее кисти одной рукой. Пока он занимался этими манипуляциями, женщина успела его укусить.

Окончательно лишив гостью возможности двигаться, Феликс откинулся назад, держа женщину подальше от себя, и заглянул ей в лицо.

— Вот теперь мы можем побеседовать, — бодро сказал он и, примерившись, влепил ей пощечину — не слишком сильную, но достаточно чувствительную. — Это за укус. Никогда больше не делайте этого.

— Отпустите меня!

— Будьте благоразумны. Приглядитесь повнимательней и увидите, что я тяжелее вас килограммов на сорок и значительно выше. У вас достаточно силы и твердости, этого нельзя не признать, да только я куда тверже и сильнее. Так что ваши желания сейчас значения не имеют.

— Что вы собираетесь со мной делать?

— Поговорить. И еще, пожалуй, поцеловать.

В ответ она выдала нечто вроде рева тропического циклона, обогащенного обертонами воя и рычания дикой кошки. Когда концерт закончился, Гамильтон приказал:

— Поднимите лицо.

Она не подчинилась. Тогда он свободной рукой забрал в горсть ее волосы и отогнул голову назад.

— Не кусаться, — предупредил Феликс, — или я выбью из вас всю эту дурь.

Укусить она его не укусила, но и не ответила на поцелуй.

— Пустая трата времени, — светским тоном резюмировал Гамильтон, — вы, «независимые» дамы, ничего в этом искусстве не смыслите.

— Я что, плохо целуюсь? — мрачно осведомилась она.

— С тем же успехом я мог поцеловать малолетку.

— Я прекрасно умею целоваться — когда хочу.

— Сомневаюсь. И сомневаюсь, что вы вообще когда-нибудь целовались. Мужчины редко делают авансы вооруженным девушкам.

— Неправда!

— Что, за живое задело? Но это правда, и вы сами это знаете. Даю вам шанс доказать, что не прав, а потом мы обсудим, стоит ли вас отпускать.

— Мне больно рукам.

— Ну...

На этот раз поцелуй длился раз в восемь дольше. Наконец Гамильтон отпустил ее, перевел дыхание, но ничего не сказал.

— Так что же?

— Юная леди, — проговорил он медленно, — я недооценил вас. Я недооценил вас дважды.

— Теперь вы меня отпустите?

— Отпустить вас? Ни в коем случае! Это заслуживает повторения.

— Нечестно!

— Леди, — совершенно серьезно проговорил Гамильтон, — честность — понятие совершенно отвлеченное. Кстати, как вас зовут?

— Лонгкот Филлис. Но не уклоняйтесь от темы.

— Так как насчет повторения?

— Ох, ладно...

Гамильтон совсем отпустил свою пленницу, и тем не менее повторение оказалось столь же продолжительным и захватывающим дух. Отстранившись, Филлис запустила пальцы ему в волосы и растрепала их.

— Вы негодай! Грязный негодай!

— В ваших устах это звучит как комплимент, Филлис. Выпьем?

— Не откажусь.

Гамильтон предложил госте выбрать напиток, торжественно извлек и наполнил бокалы, превратив будничные действия в пышную церемонию, в конце которой встал и торжественно предложил:

— Выпьем за мир?

— Сейчас? Сдается мне, время еще не пришло. Я хочу поймать вас вооруженным.

— Лучше не надо. Вы доблестно сражались и были побиты с честью. Правда, я шлепнул вас — но и вы меня укусили. Так что мы квиты.

— А как насчет поцелуев?

Гамильтон улыбнулся.

— Это тоже был равный достойный обмен. Не будьте столь обидчивы. Я не хочу, чтобы вы за мной охотились. Давайте! Мир — и пусть прошлое останется в прошлом!

Он поднял бокал, перехватил ее взгляд — и Филлис невольно улыбнулась.

— Ладно, да будет мир.

— Повторим?

— Нет, спасибо. Мне пора идти.

— Что за спешка?

— Мне и в самом деле пора. Могу я теперь получить свой бластер?

Гамильтон вытащил излучатель из ящика, полюбовался и смахнул с оружия пылинку.

— Он мой — и вы это знаете. Я его выиграл.

— Но вы же не оставите его себе!

— Именно это я имел в виду, утверждая, что вы, вооруженные дамы, лишь претендуете на мужские роли. Мужчина никогда не попросил бы оружия обратно. Он скорее надел бы повязку.

— Вы оставите бластер себе?

— Нет. Но хотел бы, чтоб вы его больше не носили.

— Почему?

— Потому что хочу пригласить вас пообедать сегодня со мной. И я буду чувствовать себя дураком, сопровождая вооруженную женщину.

Филлис внимательно посмотрела на него.

— Станный вы человек, Гамильтон Феликс. Побить девушку — и потом пригласить ее пообедать...

— Так вы согласны?

— Да, — она отстегнула пояс с кобурой и бросила его Гамильтону. — Потом отошлете его мне. Адрес — на рукоятке.

— В двадцать ноль-ноль?

— Или на несколько минут позже.

— Знаете ли, Филлис, — проговорил он, распахивая перед девушкой дверь, — у меня предчувствие, что у нас с вами впереди великое множество развлечений!

Девушка одарила его долгим взглядом.

— Поживем — увидим.

Глава 5

«Просто я более или менее честен...»

Закрыв дверь, Гамильтон вернулся в комнату. Предстояло немало дел — и срочных. Он подошел к телефону и вызвал Монро-Альфу.

— Клифф? Я вижу, вы уже на службе? Будьте у себя, — и он повесил трубку, не снизойдя до каких-либо объяснений.

Когда вскоре Феликс появился в кабинете Монро-Альфы, тот встретил его с обычной церемонностью.

— Доброе утро, Феликс. Мне кажется — или вы действительно чем-то обеспокоены? Что-нибудь не в порядке?

— Не совсем. Я хочу попросить вас об одолжении. Но скажите — с вами-то что случилось?

— Со мной? Что вы имеете в виду?

— Вчера вы напоминали труп недельной свежести, а сегодня прямо-таки искритесь и светитесь. И сплошные птичьи трели на устах... Что за метаморфоза?

— Не думал, что это так бросается в глаза. Но я действительно в приподнятом настроении.

— Почему? Ваша денежная машина объявила о новых дивидендах?

- Разве вы не смотрели утренние новости?
- Признаться, нет. А что случилось?
- Они вскрыли Адирондакский стасис.
- Ну и?..
- Там оказался человек. Живой человек.

Брови Гамильтона поползли вверх.

- Это, конечно, интересно — если только правда.

Но не хотите ли вы сказать, будто появление этого ожившего питекантропа является подлинной причиной вашей детской радости?

— Неужели вы не понимаете, Феликс? Неужели не *ощущаете* значения свершившегося? Ведь он явился к нам из золотого века, он — сын тех простых и прекрасных дней, когда род людской еще не успел испортить себе жизнь кучей бессмысленных усложнений. Только подумайте, о чем он может нам рассказать!

- Может быть... Из какого он года?

— М-м-м... Из тысяча девятьсот двадцать шестого — по старому стилю.

— Тысяча девятьсот двадцать шестой... Погодите-ка... Конечно, я не историк, но что-то не припоминаю, чтобы то время было такой уж сияющей утопией. Помоему, довольно примитивный век.

— Об этом я и говорю — он был прост и прекрасен. Я тоже не историк, но встретил вчера человека, который немало порассказал мне об этом периоде. Он специально изучал ту эпоху, — и Монро-Альфа пустился в восторженное изложение концепции Фрисби Джеральда о жизни в начале XX века.

Гамильтон выждал, пока Клиффорд не смолкнет на мгновение, чтобы перевести дыхание, и тогда вклинился в монолог:

— Не знаю, не знаю, но сдается мне, что у вас концы с концами не вяжутся.

- Почему?

— Видите ли, я вовсе не считаю, будто нашему времени незачем желать ничего лучшего, но уж в прошлом лучшего точно не сыскать. Нет, Клифф, клич: «Вернемся к добрым старым временам!» — это чушь. При минимальных усилиях мы научились получать гораздо больше, чем это было возможно когда-либо — на всем протяжении истории.

— Ну, конечно, — едко заметил Монро-Альфа, — если вам не уснуть, пока кровать не укачает да не споет колыбельную...

— Бросьте. При необходимости я мог бы спать хоть на камнях, но сворачивать с шоссе, просто чтобы потрястись на ухабах — увольте.

Монро-Альфа промолчал. Гамильтон почувствовал, что приятель уязвлен его словами, и добавил:

— Разумеется, это всего лишь мое субъективное мнение. Может быть, вы и правы. Забудем об этом.

— О каком одолжении вы говорили?

— Ах да. Вы знаете Мордана, Клифф?

— Окружного Арбитра?

— Его самого. Мне нужно, чтобы вы позвонили ему и договорились о встрече со мной — то есть с вами, я имею в виду.

— Зачем он мне?

— Вам он и не нужен. На встречу явлюсь я.

— К чему такие сложности?

— Не задавайте вопросов, Клифф. Просто сделайте это для меня.

— Вы играете со мной втемную... — Монро-Альфа откровенно колебался. — Это... чистое дело?

— Клифф!

— Простите, Феликс, — Монро-Альфа покраснел. — Я знаю, что, если о чем-то просите вы, в этом не может быть ничего неблагоприятного. Но как я добьюсь его согласия?

— Проявите настойчивость — и он придет.

— Куда, кстати?

— Ко мне... нет, так не пойдет. Давайте — к вам домой.

— Хорошо. Когда?

— В полдень.

Мордан явился на встречу, хотя и выглядел весьма озадаченным. Однако при виде Гамильтона лицо его вытянулось еще больше.

— Феликс? Что вас сюда привело?

— Желание повидаться с вами, Клод.

— А где же наш хозяин?

— Его не будет, Клод. Все это устроил я. Мне нужно было поговорить с вами, но сделать этого открыто я не мог.

— В самом деле? Почему же?

— Потому что у вас в офисе завелся шпион.

Мордан хранил выжидательное молчание.

— Но прежде чем говорить об этом, — продолжал Гамильтон после короткой паузы, — я хотел бы задать вопрос: это вы напустили на меня Лонгкот Филлис?

Теперь Мордан откровенно встревожился.

— Разумеется, нет. Вы с ней встречались?

— А как же! Вы подобрали для меня очаровательную ведьмочку.

— Не судите опрометчиво, Феликс. Может быть, она и экстравагантна, но во всем остальном в полном порядке. Ее карта восхитительна.

— О'кей, о'кей. Признаться, от этой встречи я получил удовольствие. А сейчас просто хотел удостовериться, что вы не пытались со мной хитрить.

— Ни в коем случае, Феликс.

— Прекрасно. Но я пригласил вас сюда не для того, чтобы задать этот вопрос. Я утверждаю, что в вашем офисе есть шпион, поскольку наш с вами приватный разговор стал известен и там, где знать об этом совсем не обязательно. — И тут Гамильтон коротко рассказал о своем знакомстве с Мак-Фи Норбертом и последующем визите в Дом Волчицы. — Они именуют себя «Клубом выживших». На первый взгляд — просто объединение любителей выпивки в составе ложи. Но на деле он служит «крышей» для шайки революционеров.

— Продолжайте.

— Они пришли к выводу, что я им подхожу — и я решил подыграть, поначалу больше из любопытства. А затем обнаружил вдруг, что зашел слишком далеко и обратной дороги нет, — Гамильтон сделал паузу.

— Да?

— Я примкнул к ним. Мне показалось, что это будет полезнее для здоровья. Не уверен, но подозреваю, что прожил бы не слишком долго, если бы не присягнул на верность идее. Они играют всерьез, Клод. — Феликс

вновь сделал паузу, потом продолжил: — Помните ту заварушку, которая нас познакомила?

— В ресторане? Разумеется.

— Доказательств у меня нет, но объяснить ее можно, только допустив, что охотились не за мной, а за вами. Вы — один из тех, кого им нужно убрать, чтобы осуществить свои планы.

— И что же это за планы?

— Детали мне не известны... пока. Но суть в том, что они против существующей генетической политики. И против демократических свобод. Они хотят создать то, что именуют «научным» государством, руководить которым должны «прирожденные» лидеры. Сами они считают этими «прирожденными лидерами» себя. И питают глубокое отвращение к синтетистам вашего типа, поддерживающим современное «отсталое» государство. Придя к власти, они намерены удариться в широкие биологические эксперименты. Общество, по их словам, должно стать единым организмом, отдельные части которого будут специализироваться на выполнении различных специальных функций. Настоящие люди, супермены — то есть они сами, — будут находиться наверху, а все остальное население — конструироваться их генетиками по мере необходимости.

— Все это выглядит на удивление знакомым, — невесело усмехнулся Мордан.

— Понимаю, что вы имеете в виду. Империя Великих Ханов. Но на это у них готов ответ: Ханы были дураки и не знали, что и как делать. А эти мальчики знают. Их идеи на сто процентов отечественного производства, и любые аллюзии, связывающие их намерения и политику Ханов — всего лишь результат вашего недомыслия.

— Так...

Наступило долгое молчание. Наконец Гамильтон потерял терпение.

— Ну?

— Зачем вы мне все это рассказали, Феликс?

— Как зачем? Чтобы вы могли что-то предпринять.

— Но почему вы хотите, чтобы мы приняли какие-то меры? Подумайте... пожалуйста. В тот раз вы заявили мне, что жизнь — такая, как она есть — ценности

в ваших глазах не представляет. Пойдя с этими людьми, вы сможете изменить ее так, как вам заблагорассудится. Можете полностью пересотворить по собственному разумению.

— Хм! Мне придется столкнуться с оппозицией — у них есть на этот счет свои планы.

— Вы можете их изменить. Я знаю вас, Феликс. Можно заранее утверждать, что стоит вам только захотеть — и вы займете лидирующее положение в любой группе. Пусть не в первые же десять минут, но — по прошествии времени. Вы и сами наверняка это понимаете. Так почему же вы не ухватились за представившуюся возможность?

— С чего вы взяли, что я на такое способен?

— Ну, Феликс!..

— Ладно, ладно. Предположим, я и впрямь смог бы. Но я этого не сделал. И не сделаю. Назовите это патриотизмом, если хотите. Или как угодно иначе.

— В сущности, все дело в том, что в глубине души вы одобряете современную культуру. Разве не так?

— Может быть. До некоторой степени. Я никогда не утверждал, что осуждаю способ управления нашим обществом. Я только сказал, что не вижу смысла вообще ни в каком образе жизни — в конечных и абсолютных терминах. — Гамильтон ощутил некоторое замешательство. На эту встречу он явился, чувствуя себя таким романтическим героем и ожидая, что за разоблачение шайки злодеев его благодарно похлопают по плечу. Мордана же его новости ни в коей мере не волновали — он настаивал на обсуждении чисто философских материй. Феликса это сбивало с толку. — В любом случае я не хочу видеть этих самодовольных молодых подонков у кормила власти. Я не желаю видеть, как они примутся строить Утопию.

— Я понял. Вы хотите сказать мне что-нибудь еще?.. Ну что ж, в таком случае... — Мордан привстал, как бы собираясь уходить.

— Подождите же!

— Да?

— Послушайте, я... Дело в том, что раз уж я оказался в их шайке... Словом, я могу провести небольшое любительское расследование. Мы могли бы догово-

риться о способе, с помощью которого я докладывал бы вам или кому-нибудь другому.

— Так вот в чем дело! Нет, Феликс, этого я одобрить не могу.

— Почему?

— Слишком опасно для вас.

— Мне это безразлично.

— А мне — нет. С моей профессиональной точки зрения ваша жизнь представляет собой слишком большую ценность.

— Ах это?! Черт возьми, мне казалось, я четко объяснил: нет никаких, равным счетом никаких шансов, что я соглашусь участвовать в генетической программе.

— Вы действительно объяснили. Но пока вы живы и здоровы, я по долгу службы обязан надеяться, что вы передумаете. И потому я не имею права позволить вам рисковать жизнью.

— Хорошо. Но как вы можете меня остановить? Принудить меня вы не можете — законы я знаю.

— Нет... Я в самом деле не могу запретить вам рисковать своей драгоценной жизнью. Но ликвидировать опасность — могу. И ликвидирую. Члены «Клуба выживших» будут арестованы — и немедленно.

— Но... Но послушайте, Клод! Если вы предпримете это сейчас, у вас не будет в руках необходимых улик. Гораздо правильнее было бы подождать до тех пор, пока нам не станет известно о них все. Сегодняшний арест одной этой группы может означать, что сотни или тысячи других просто-напросто укроются более тщательно.

— Знаю. Это риск, на который правительству придется пойти. Но мы не можем рисковать вашей зародышевой плазмой.

— Черт побери, Клод! — Гамильтон всплеснул руками. — Это же шантаж. Чистой воды принуждение.

— Вовсе нет. Я не собираюсь ничего предпринимать... в отношении вас.

— И тем не менее, это так.

— Ну а если мы пойдем на компромисс?

— Какой?

— Ваша жизнь является вашей собственностью. Вы имеете полное право расстаться с ней, играя в Бесстрашного Фрэнка. Я заинтересован лишь в ваших потенциальных возможностях в качестве предка грядущих поколений. Я имею в виду сейчас только свои профессиональные интересы. По-человечески вы мне симпатичны, и я предпочел бы, чтобы вы прожили долгую и счастливую жизнь. Но к делу это не относится. Если вы заложите в банк плазмы несколько миллионов своих гамет, я соглашусь не вмешиваться в ваши дела.

— Вот об этом я и говорил! Вы шантажом пытаетесь склонить меня к сотрудничеству.

— Не торопитесь. Живые клетки, оставленные вами, не будут пробуждены к развитию без вашего на то согласия. Они будут находиться в банке и по вашей воле могут быть даже уничтожены — если только вы не погибнете в этой аванюре. Только в случае вашей смерти я воспользуюсь ими для продолжения генетической программы.

Гамильтон сел.

— Давайте уточним. Вы не используете их, если только меня не укокошат. И все без обмана?

— И все без обмана.

— Когда все кончится, я могу их ликвидировать. И все без обмана?

— И все без обмана.

— И вы не поставите меня намеренно в такое положение, чтобы я оказался убит наверняка? Нет, ничего подобного вы не сделаете. Хорошо, я согласен. Я готов поставить на свою способность к выживанию — против ваших шансов воспользоваться моими гаметами.

Вернувшись в офис, Мордан послал за руководителем технического персонала. Не говоря ни слова, он вывел Марту из здания и продолжал хранить молчание до тех пор, пока они не оказались в таком месте, где их заведомо никто не мог подслушать — на уединенной скамейке в пустынном уголке Северного (крытого) пар-

ка. Здесь он рассказал ей о своем разговоре с Гамильтоном.

— Полагаю, вы сообщили ему, что о «Клубе выживших» мы давно знаем?

— Нет, — хладнокровно ответил Мордан. — Я ничего ему не сказал. Да он меня и не спрашивал.

— М-м-м... Знаете, шеф, вы извилисты, как кривая случайных совпадений. Этаким софист.

— Ну-ну, Марта! — проворчал Арбитр, однако в глазах его появилась улыбка.

— О, я не критикую. Вы поставили его в положение, при котором наши шансы осуществить эту работу заметно возросли. И тем не менее, вы сделали это, заставив его думать, будто мы и не подозревали об этом жалком заговоре.

— Но мы не знаем об этом заговоре всего, Марта. И Гамильтон будет полезен. Он уже раскопал один существенный факт: в нашей конторе есть утечка.

— Так вот почему вы уволокли меня из Клиники! Что ж, значит, предстоят некоторые перемены.

— Не слишком поспешные. Будем исходить из предположения, что женщинам мы можем безоговорочно доверять — вся эта затея по своей природе чисто мужская: женщины в ней не участвуют, и интересы их во внимание не принимались. Но с мужчинами будьте осторожны. Думаю, лучше вам самой заняться помещением в банк плазмы Гамильтона — и сегодня же. Впрочем... На всякий случай присматривайте и за женщинами.

— Хорошо. Но если говорить честно, шеф, не думаете ли вы, что следовало объяснить Гамильтону, во что он ввязывается?

— Вы забываете, что это не мой секрет.

— Я помню. И все-таки — он слишком драгоценной породы, чтобы рисковать им в подобных играх. Как вы полагаете, почему они его завербовали?

— Он считает, что из-за богатства и умения владеть оружием. Но я думаю, что вы сами уже ответили на свой вопрос. Он — из элитной линии. Прекрасный материал для разведения. «Выжившие» не так уж глупы.

— Ого! Об этом я как-то не подумала. И все равно — чертовски стыдно рисковать им в таком деле.

— Стражи общества не должны позволять себе роскоши личных симпатий. Им необходимо иметь более широкие взгляды.

— Может быть... Но должна признаться, в человеке с широкими взглядами есть нечто пугающее.

Глава 6

«Мы говорим на разных языках...»

Не без удивления Гамильтон Феликс обнаружил, что конспиратор может быть до крайности занятым человеком — особенно если он при этом занимается тайным сыском. Перед Мак-Фи Норбертом и другими членами «Клуба выживших» он разыгрывал роль этакго энтузиаста-неофита, готового всеми силами и способами содействовать общему делу. Как и следовало ожидать, курс индоктринации, весьма скучный, но необходимый для продвижения вверх внутри организации, занял немало времени. Гамильтон все это терпеливо сносил, стараясь поддерживать в себе романтически-приподнятое мироощущение, чтобы его поведение и ответы не возбудили подозрения у инструкторов.

Помимо изучения основ Нового Порядка в обязанности недавно принятых в организацию членов входило также выполнение отдельных поручений. Поскольку здесь царила жесткая вертикальная иерархия, смысл этих поручений никогда не разъяснялся и задавать вопросы было не принято. Задание с равным успехом могло действительно иметь значение для успеха разгово-

ра или же попросту служить очередным испытанием — новобранец этого знать не мог.

Гамильтон видел, что произошло с одним из новичков, который пренебрег серьезностью инструкций.

Судили его на общем собрании, где присутствие младших членов клуба являлось обязательным. Мак-Фи Норберт выступал в роли главного обвинителя и судьи одновременно. Адвоката у обвиняемого не было, однако объяснить свои действия ему все-таки было разрешено.

Подсудимому было поручено передать некое послание определенному человеку — причем непременно из рук в руки. Он так и поступил, но, узнав в адресате человека, знакомого по заседаниям клуба, он не счел нужным скрыть от него свою принадлежность к «выжившим».

— Вам говорили, что этот человек заслуживает доверия?

— Нет, но...

— Отвечайте однозначно.

— Нет, мне этого не говорили.

Мак-Фи повернулся к собравшимся и бледно улыбнулся.

— Вы несомненно заметили, что обвиняемый не имел возможности точно определить статус человека, с которым вступил в контакт. Тот мог быть и попавшим под подозрение братом, которого мы хотели испытать, и правительственным агентом, которого мы разоблачили; наконец, обвиняемый мог быть введен в заблуждение внешним сходством. К счастью, поступок его не повлек за собой отрицательных последствий — человек, к которому он был послан, является лояльным братом высшего ранга. — Мак-Фи вновь повернулся к подсудимому. — Брат Хорнби Виллем, встаньте.

Обвиняемый встал. Он был безоружен.

— Каков первый принцип нашей доктрины?

— Целое больше любой из его частей.

— Правильно. Теперь вы понимаете, почему я считаю необходимым избавиться от вас.

— Но я не...

Продолжить он не успел — Мак-Фи сжег его на месте.

Гамильтон оказался в числе тех, кому было поручено вынести тело и положить его в одном из дальних коридоров таким образом, чтобы создавалось впечатление, будто человек погиб на обычной дуэли, — для полиции это имело только статистический интерес. Командовал этой группой сам Мак-Фи, и Гамильтон невольно восхитился искусством, с каким тот управился со щекотливой ситуацией. В свою очередь, и Феликс заслужил одобрение брата Норберта понятливостью и рвением, которые проявил, выполняя эту миссию.

— Вы быстро растете, Гамильтон, — заметил он, когда все вернулись в клубную гостиную. — Вскоре вы уже достигнете моего ранга. Кстати, что вы думаете об этом инциденте?

— Не представляю себе, что бы вы еще могли сделать. Нельзя же приготовить яичницы, не разбив яиц.

— Не разбив яиц! Вот здорово! — рассмеявшись, Мак-Фи игриво ткнул Феликса пальцем под ребра. — Вы сами это придумали или где-нибудь слышали?

Гамильтон молча пожал плечами, решив про себя, что за этот тычок со временем отрежет Мак-Фи уши — пусть только вся эта история сперва завершится.

Окольными путями он сообщил Мордану все подробности случившегося, не скрывая и своего участия. Поиски этих самых окольных путей вообще занимали изрядную долю времени и мыслей Гамильтона, поскольку нельзя было допустить, чтобы хоть одна из его тайных жизней на мгновение выступила бы над поверхностью. Внешне поведение Гамильтона должно было оставаться привычным и неизменным — ему нужно было по мере необходимости встречаться со своим агентом, бывать на людях и вообще вести прежнюю светскую жизнь. Нет нужды перечислять все уловки, с помощью которых он находил в этом коловращении безопасные каналы для связи с Морданом — методы ведения интриги за тысячелетия изменились мало. Достаточно одного примера: Мордан снабдил Феликса адресом пневмопочты, на который — по утверждению Арбитра — можно было безопасно направлять донесения; посылать их с собственного телефона было заведомо рискованно, и даже выбранный наугад городской телефон-автомат вполне мог оказаться подсоединен-

ным к записывающей аппаратуре, так что кассеты с рапортами казалось предпочтительнее всего доверять анонимности почтовой системы.

Немало времени отбирала у Феликса и Лонгкот Филлис. Гамильтон готов был признать, что эта женщина заинтриговала его, но даже самому себе ни за что бы не сознался, что она представляет для него нечто большее, чем просто развлечение. А между тем легко можно было обнаружить его встречающим Филлис после работы. Дело в том, что, в отличие от многих, она работала — четыре часа в день, семь дней в неделю, сорок недель в год — психопедиатром в Уоллигфордском детском воспитательном центре.

Профессия ее до некоторой степени беспокоила Гамильтона: он не понимал, как может кто-нибудь добровольно возиться изо дня в день с оравой вопящих, прилипчивых маленьких чудовищ. Впрочем, во всех остальных отношениях она казалась вполне нормальной — нормальной и возбуждающей.

Все эти дни Гамильтон был слишком занят, чтобы интересоваться новостями, и потому не особенно внимательно следил за карьерой Дж. Дарлингтона Смита — «человека из прошлого». Он только знал, что Смит оставался сенсацией несколько дней — пока его не потеснили лунные собачьи бега и открытие (как выяснилось впоследствии, несостоявшееся) разумной жизни на Ганимеде. В общественном мнении Смит вскоре оказался на одной полке с утконосом и мумией Рамзеса II — разумеется, все это интересные реликвии прошлого, но какой в этом повод для волнений? Конечно, явись Дж. Д. Смит в наши дни в результате столь часто обсуждаемого, но теоретически невозможного путешествия во времени, все могло бы обернуться совсем иначе, а так — что ж, просто странный случай приостановленной жизни... Для тех, кто вообще уделял внимание подобным вопросам, аудиовидеозапись того времени могла представлять ничуть не меньший интерес.

Как-то раз Гамильтон видел Смита — несколько минут в выпуске новостей. Говорил пришелец из прошлого с варварским акцентом и был облачен в свой древний костюм — мешковатые панталоны, названные его

собеседником «брюками-гольф», и бесформенное вязаное одеяние, покрывавшее торс и руки.

Но все это ни в малейшей степени не подготовило Гамильтона к получению письма, имевшего к Дж. Дарлингтону Смиту непосредственное отношение. Суть послания, начинавшегося традиционным «Приветствую», сводилась к тому, что отправитель его, назначенный Институтом исполнять обязанности временного опекуна Дж. Д. Смита, просил Гамильтона оказать любезность и уделить час своего драгоценнейшего времени его подопечному. Никаких объяснений не приводилось.

В нынешнем своем смятенном состоянии Феликс вначале решил это послание проигнорировать. Но затем он сообразил, что такой поступок не будет соответствовать его прежнему поведению. Что ж, он посмотрит на этого варвара — из чистого любопытства.

В тот момент Гамильтон не был ничем занят и потому, позвонив в Институт и разыскав автора послания, договорился о немедленном визите Смита. Вспомнив о романтическом интересе своего друга к человеку из прошлого, он позвонил также и Монро-Альффе.

— Мне показалось, что вы захотите встретиться со своим примитивным героем.

— Моим героем?

— По-моему, именно вы живописали мне, из какого буколического рая он прибыл.

— Ах вы об этом! Произошла небольшая путаница в датах. Смит из тысяча девятьсот двадцать шестого. Автоматика, похоже, уже начала тогда отравлять культуру.

— Значит, вам неинтересно повидать его?

— Нет, пожалуй, взглянуть все-таки стоит. Это был переходный период. Возможно, Смит еще успел увидеть собственными глазами что-нибудь из старой культуры. Я приеду — только могу немного опоздать.

— Вот и хорошо. Долгой жизни, — и Гамильтон отключился, не дожидаясь ответа.

Смит явился точно в назначенное время — и один. Одежда на нем была уже современная, но хорошим вкусом не отличалась. Вооружен он не был. При виде его повязки Гамильтон на мгновение заколебался, но затем решил обращаться с гостем как с равным: он

почувствовал, что в подобных обстоятельствах дискриминация могла обернуться жестокостью.

— Меня зовут Джон Дарлингтон Смит, — представился визитер.

— Польщен вашим посещением, сэр.

— Ну что вы! Так любезно с вашей стороны...

— Я ожидал, что с вами кто-нибудь будет.

— А, вы имеете в виду мою няньку, — Смит мальчишески улыбнулся. Гамильтон подумал, что гость моложе его лет на десять — если не считать веков, проведенных в стасисе. — Я начинаю осваивать ваш язык, и для самостоятельных поездок мне этого вроде хватает.

— Похоже на то, — согласился Гамильтон. — Тем более, что в основе и там и тут — английский.

— Это не так уж трудно. Хотел бы я, чтобы язык оказался моей единственной трудностью.

Гамильтон пребывал в легком недоумении: как обращаться с гостем? Проявлять интерес к личным делам незнакомца было бы не этично и даже небезопасно — если имеешь дело с вооруженным гражданином. Но этот парень, казалось, нуждался в дружеской откровенности.

— Что вас беспокоит, сэр?

— Многое. Но все это трудно объяснить. Здесь все по-другому.

— Разве вы не ожидали, что все здесь будет иначе?

— Я ничего не ожидал. Я не ожидал попасть... *в теперь.*

— Да? А я считал, что... Неважно. Вы хотите сказать, будто не знали, что входите в стасис?

— И знал, и не знал.

— Что вы этим хотите сказать?

— Ну... Вы могли бы выслушать пространную историю? Я рассказывал ее тысячу раз и знаю, что, если попытаться сокращать — ничего хорошего не выйдет. Ее просто не понимают.

— Говорите.

— Мне придется начать издадека. Я окончил Восточный универ весной двадцать шестого и...

— Вы — что?

— Ну вот! В те времена школы...

— Виноват. Лучше рассказывайте по-своему. Обо всем, чего я не пойму — спрошу потом.

— Может, так оно и впрямь лучше. Так вот, мне предложили хорошую работу: торговать облигациями — один из лучших домов на Стрит. Я был довольно хорошо известен — целые два сезона защитник в американской сборной.

Гамильтон сдержался, но сделал в уме по крайней мере четыре зарубки.

— Это большая честь для спортсмена, — торопливо пояснил Смит, — вы поймете. Но я не хочу, чтобы вы подумали, будто я был бездельником-футболистом. Конечно, братство мне помогало немного, но каждый полученный мною цент был заработан. И в летние каникулы работал. И я учился. Специализировался я на рентабельности производства. Образование получил неплохое — организация производства, финансы, экономика, торговля... Работу я и вправду получил потому, что меня выдвинул Грантленд Райс — я имею в виду, что футбол помог мне обрести известность, — но я надеялся стать находкой для любой фирмы, которая меня наймет. Пока понятно?

— Конечно, конечно.

— Это важно, поскольку имеет прямое отношение к тому, что случилось потом. Не скажу, что я уже зарабатывал свой второй миллион, но все было вполне прилично. Гладко продвигалось. В ночь, когда это произошло, я отмечал приятное событие: сбавил пакет Южно-Американских республик...

— А?

— Облигаций. Хороший повод задать пирушку. Дело было субботним вечером, и все начинали с обеда и танцев в загородном клубе. Так уж повелось. Поприглядывался к девочкам, подходящей не нашел, а потому танцевать не стал — отправился вместо этого в гардероб раздобыть выпивки. Швейцар там приторговывал понемногу — надежным людям.

— Это напомнило мне... — Гамильтон вышел и секундой позже возвратился со стаканами и закуской.

— Спасибо. Тамошний джин был — чистый самогон, но обычно довольно надежный. Только, похоже, не той ночью. Или, может, мне следовало все же

пообедать. Как бы то ни было, вскоре я обнаружил, что прислушиваюсь к спору, который завязался в одном из углов. Разглагольствовал один из этих салонных большевиков — может, у вас еще сохранился этот тип? Накидывайся на что угодно — лишь бы респектабельно и прилично.

Гамильтон улыбнулся.

— Знаете, да? Вот он из них и был. Не читал ничего, кроме «Америкен Меркьюри» и «Юргена», но все знал и обо всем судил. Я человек без предрассудков и тоже это читал, да только верить не обязан. Я еще и «Литерари дайджест» читал, и «Таймс» — куда они отродясь не заглядывали. Так вот, он поносил администрацию и предсказывал, что страна вот-вот полетит к чертям... развалится на кусочки. Ему не нравился золотой стандарт, была противна Уолл-стрит, и он считал, что мы должны списать военные долги. Я заметил, что кое-кому из наших членов клуба, кто посolidнее, вся эта болтовня надоела. И я ввязался. «Они, — говорю, — брали ведь кредиты, не так ли?» Он усмехнулся — скорее даже оскалился: «Вы, полагаю, голосовали за него?» «Разумеется, — ответил я, хотя это было и не совсем точно, потому что на самом деле я не успел зарегистрироваться — дело-то было в самый разгар футбольного сезона. Но не давать же ему безнаказанно скалиться на мистера Кулиджа! — А вы, полагаю, голосовали за Девиса?» «Не угадали, — отвечает он. — За Нормана Томаса». Ну, тут я завелся. «Послушайте, — говорю, — таким, как вы, место только в красной России. Может, вы еще и атеист? Вам посчастливилось жить в самое великое время и в самой великой стране. В Вашингтоне у нас администрация по-настоящему знает свое дело. Мы вернулись в первоначальное состояние и собираемся его сохранить. И нам не нужно, чтобы вы раскачивали лодку. Мы вышли на уровень непрерывного и неограниченного процветания. Поверьте, не стоит продавать Америку задешево!» Я заработал настоящий взрыв аплодисментов. «Похоже, вы верите в то, что говорите», — замечает большевик. «А как же, — отвечаю, — я ведь работаю на Уолл-стрит». «Тогда с вами бессмысленно спорить», — он махнул рукой и гордо удалился.

Кто-то налил мне еще, и у нас завязался разговор. Это был приятный представительный человек — похоже, банкир или брокер. Я его не знал, но ведь всегда полезно завести новое знакомство. «Разрешите представиться, — говорит, — меня зовут Тадеуш Джонсон». Я представился в ответ. «Что ж, мистер Смит, — сказал он, — кажется, вы уверены в будущем страны». Я ответил, что безусловно. «Достаточно, чтобы побиться об заклад?» — «На любых условиях и на что угодно — хоть на деньги, хоть на мраморные шарики». — «Тогда у меня есть предложение, которое могло бы вас заинтересовать». Я наострил уши: «Какое?» — «Не хотите ли немного прокатиться со мной? А то среди этих саксофонов и ошалевших от чарльстона детишек собственных мыслей не услышишь». Я не возражал: раньше трех ночи эти танцы все равно не заканчиваются, а глоток свежего воздуха мне не помешает. У Джонсона была длинная, низкая, шикарная «испано-сюиза». Класс! Должно быть, я задремал — и проснулся только, когда мы остановились возле подъезда. Он провел меня к себе, предложил выпить и рассказал о «стасисе» — только называл его «полем равной энтропии». И даже показал: проделал кучу всяких фокусов, сунул туда кошку. — и оставил там, пока мы выпивали. Все было в порядке. «Это еще не все, — сказал он. — Даже не половина. Смотрите!» Он снова взял кошку и бросил ее туда, где было бы поле, будь оно включено. И когда кошка находилась как раз посреди этого пространства, Джонсон нажал кнопку. На этот раз мы подождали немного дольше. Затем он вырубил ток. *Кошка вылетела наружу, продолжая то же самое движение, что и до включения поля.* Она упала на пол, шипя и ругаясь. «Я просто хотел убедить вас, что внутри поля времени не существует. Энтропия там не накапливается. Кошка даже не знала, что включено поле». Потом он сменил тему. «Джек, — говорит, — какой будет страна через двадцать пять лет?» Я подумал и решил, что такой же. «Только, — говорю, — еще более такой». — «А как вы думаете, акции АТТ все еще будут надежным капиталовложением?» — «Конечно!» — «Джек, — сказал он тихо, — вошли бы вы в это поле за десять акций АТТ?» — «На сколько?» —

«На двадцать пять лет, Джек». Само собой, мне понадобилось время, чтобы решиться на такое дело. Десять АТТ меня не соблазнили; тогда он добавил десяток «Юнайтед стейтс стил». И положил все на стол. В том, что через четверть века эти акции будут стоить куда дороже, я был уверен — как в том, что сейчас сижу здесь; а ведь мальчику с еще тепленьким дипломом не часто достаются для игры синие фишки. Однако — четверть века! Это почти как смерть... Тогда он для пущего соблазна добавил еще десяток «Нейшнл сити» — и на всех тридцати бумагах сделал передаточную надпись на мое имя. Тут я решился: «Ладно, мистер Джонсон, я попробую — только, чур, на пять минут. Раз кошку это не убило — уж на столько и я задержу дыхание». — «Конечно, Джек», — отвечает он. Ну я и шагнул к тому месту на полу — пока еще смелость не испарилась. И по дороге заметил, как он потянулся к выключателю. Вот и все, что я знаю.

— Как? — Гамильтон Феликс резко выпрямился. — Как так?

— Это все, что мне известно, — подтвердил Смит. — Я только-только собрался сказать ему, чтобы он продолжал, как вдруг понял, что нахожусь уже не там. Комната была полна незнакомых людей — и это была другая комната. Я оказался *теперь*.

— По этому поводу стоит еще выпить, — заметил Гамильтон.

Они молча пропустили по стаканчику.

— Вся беда в том, — снова заговорил Смит, — что я совсем не понимаю этого мира. Я бизнесмен. Я и здесь хотел бы заняться бизнесом. Заметьте, я ничего против этого мира не имею; в этом времени вроде бы все о'кей, только я его не понимаю. И потому заняться бизнесом не могу. Черт возьми, все тут работает как-то не так. Все, чему меня учили в школе, все, чему я выучился на Уолл-стрит — совсем не похоже на то, как делается бизнес теперь.

— По-моему, нынешний бизнес не отличается от того, каким он был во все века — производство, продажа, покупка...

— И да и нет. Я финансист — но, черт возьми, финансы сегодня окоселые.

— Я готов допустить, что детали несколько усложнились, — возразил Гамильтон, — однако основные принципы достаточно очевидны. Вот что: скоро сюда придет мой друг, он — главный математик Министерства финансов. Вот он-то вам все и объяснит.

— Меня и так уже до смерти замучили консультациями, — решительно затряс головой Смит. — Нынешние специалисты на такой тарабарщине изъясняются...

— Ну ладно, — вздохнул Гамильтон. — Попробую взяться за эту проблему сам.

— Правда? Пожалуйста!

Гамильтон задумался. Одно дело было поддразнивать чересчур серьезного Монро-Альфу, проезжаясь по адресу его «денежной машины» — и совсем другое растолковывать роль финансов в экономике пришельцу с Арктура.

— Попробуем начать вот с чего, — проговорил он. — В основе всего лежат себестоимость и цена. Бизнесмен что-то производит. Это стоит денег — материалы, зарплата, строительство и так далее. Чтобы не прогореть, он должен эти затраты вернуть — за счет цены. Понимаете меня?

— Это очевидно.

— Прекрасно. Значит, наш с вами бизнесмен пустил в обращение некоторое количество денег — точно эквивалентное его затратам.

— Повторите еще раз.

— Э? Здесь же простое тождество. Деньги, которые он истратил, путив в обращение, и *составляют его затраты*.

— А... а как насчет прибыли?

— Прибыль является частью его затрат. Не хотите же вы, чтобы он работал за так?

— Но прибыль — не затраты. Она... она *прибыль*.

— Будь по-вашему, — Гамильтон был несколько озадачен. — Затраты — это все, что вы называете затратами, плюс прибыль — должны равняться цене произведенного товара. Затраты и прибыль создают покупательную способность, чтобы приобрести продукт по эквивалентной им цене.

— Но... он же не покупает сам у себя!

— Одновременно он и потребитель. А значит, использует свою прибыль, чтобы заплатить за товар — как собственный, так и других производителей.

— Но ведь его продукт — его *собственность*.

— Теперь вы и меня запутали. Забудьте о том, что он может покупать и собственный товар. Предположим, он приобретает все необходимое у других бизнесменов. В конце концов, это то же самое. Давайте двигаться дальше. Производство автоматически запускает в обращение деньги — в количестве, необходимом, чтобы купить произведенный товар, не больше и не меньше. Но какая-то часть денег должна быть вложена в развитие производства. Существует также и надбавка к стоимости, с той же самой целью. Все это сокращает покупательную способность. И это сокращение компенсирует государство, выпуская новые деньги.

— Вот это меня и беспокоит, — заметил Смит. — Выпускать новые деньги — обязанность государства, но оно должно их чем-нибудь *обеспечивать*, например золотом или государственными облигациями.

— Но что же, Бог мой, должен представлять собой символ — кроме своего номинального участия в процессе?

— Вы говорите так, словно деньги — простая абстракция.

— А что же еще?

Смит ответил не сразу. Две несхожих, по-разному ориентированных концепции столкнулись — и завели собеседников в тупик. Наконец «человек из прошлого» заговорил вновь, зайдя с другой стороны:

— Получается, что правительство попросту *отдает* эти новые деньги. Но это же чистая благотворительность! Это деморализует. Человек должен *зарабатывать* то, что получает. Но даже если оставить этот аспект в стороне, все равно вы не можете таким образом управлять экономикой. Правительство не может только отдавать и не получать никакого дохода, ведь правительство — это то же самое, что и фирма.

— Почему? Между государственным управлением и бизнесом нет ничего общего. Они существуют для совершенно разных целей.

— Но это же нелогично! Это ведет к банкротству. Почитайте Адама Смита...

— А кто это? Ваш родственник?

— Нет, он... О Боже!..

— Прошу прощения?..

— Бесполезно, — обреченно проговорил Смит. — Мы говорим на разных языках.

— Боюсь, трудность действительно в этом. Полагаю, вам стоит обратиться к консультанту по семантике.

— Как бы то ни было, — заметил Смит стаканчиком позже, — я пришел к вам не для консультации по проблеме финансов. Меня привело другое.

— Что же?

— Видите ли, я уже понял, что финансистом здесь стать не смогу. Но я хочу работать — каким-нибудь способом делать деньги. Здесь все богаты — кроме меня.

— Богаты?

— По крайней мере, выглядят богатыми. Дорого одеты. Хорошо питаются. Черт возьми, здесь раздают пищу — это абсурдно!

— Но почему бы вам не жить на дивиденды? К чему беспокоиться о деньгах?

— Можно, конечно, но я хочу работать. Кругом полно возможностей для хорошего бизнесмена: меня с ума сводит, что я не могу за них ухватиться; как подступиться, не знаю. Но есть одна область, которую я хорошо знаю помимо финансов. И я надеюсь, что вы могли бы мне подсказать, как на этом заработать.

— Что же это?

— Футбол.

— Футбол?

— Именно. Мне сказали, что вы большой спец по играм. «Игорный магнат» — так они вас окрестили. — Гамильтон не прореагировал на такую оценку, и Смит продолжал: — А футбол — это игра. И если правильно за нее взяться, она должна принести деньги.

— Расскажите поподробнее.

Смит пустился в пространное описание, чертя по ходу дела диаграммы, объясняя, что такое нападение, защита, блок, передача. Он рассказывал о толпах болельщиков, о продаже билетов, о тотализаторе.

— Звучит все это красиво, — согласился Гамильтон. — Сколько убитых за один матч?

— Убитых? Но никого же не убивают — травмы, конечно, случаются: сломанная ключица или еще что-нибудь, но не страшнее.

— Это можно изменить. И не лучше ли облачить защитников в доспехи? Иначе их придется заменять после каждой комбинации...

— Да нет же, вы не понимаете... Это... ну...

— Полагаю, вы правы, — согласился Гамильтон. — Я никогда не видел этой игры. Она не совсем по моей части. Обычно я занимаюсь механическими играми — машинами, на которые делают ставки.

— Значит, футбол вас не интересует?

Гамильтона это не заинтересовало. Но, взглянув на разочарованную физиономию юноши, он решил быть с ним помягче.

— Это интересно, но не по моей части. Я сведу вас с моим агентом. Думаю, он что-нибудь сообразит. Предварительно я с ним поговорю...

— Я вам очень благодарен.

— Договорились? Мне это не составит труда.

Когда аннунциатор сообщил о приходе посетителя, Гамильтон впустил Монро-Альфу и *sotto voce* * попросил общаться со Смитом как с равным себе вооруженным гражданином. После довольно длительного церемониального обмена любезностями Клиффорд с энтузиазмом начал:

— Насколько я понимаю, вы из промышленного города?

— В основном я действительно городской, если вы это имеете в виду.

— Да, я подразумевал именно это. Жаль. Я надеялся, что вы сможете рассказать что-нибудь о той простой и прекрасной жизни, которая вымирала как раз в это время.

— О чем вы говорите? Жизнь в деревне?

* Вполголоса (*ut.*).

Монро-Альфа коротко набросал ослепительный образ сельского рая, каким он его видел. Смит выглядел крайне озадаченным.

— Мистер Монро, или я здорово ошибаюсь, или кто-то нагородил вам кучу вздора. В этой вашей картине нет ничего похожего на то, что я видел.

На лице Клиффорда появилась чуть покровительственная улыбка.

— Так ведь вы же обитали в городе. Естественно, что эта жизнь вам незнакома.

— То, что рисуется вам, мне действительно незнакомо, но о сельской жизни я кое-что знаю. Два лета я работал на уборке урожая, а все детство и все летние, и рождественские каникулы проводил на ферме, на природе. Так вот имейте в виду: если вы воображаете, что жизнь *per se* *, напроць лишенная цивилизации, романтична и привлекательна, — вы глубоко ошибаетесь. Имейте в виду, что вам пришлось бы морозным утром мчаться на двор в уборную. А попробовали бы вы приготовить обед на дровяной плите!

— Но все это должно было стимулировать развитие в человеке жизненных сил! Это же основы естественной борьбы с природой...

— А вам мул никогда не наступал на ногу?

— Нет, но...

— Попробуйте как-нибудь. Честное слово, я не хочу показаться нахалом, но у вас где-то проводки перепутались. Простая жизнь хороша на несколько дней, на каникулах, но изо дня в день — это просто тяжкая, ломовая работа. Романтика? Да, черт побери, нет там времени ни для какой романтики. И стимулирующего тоже чертовски мало.

Улыбка Монро-Алфы сделалась несколько принужденной.

— Возможно, мы говорим о разных вещах. Вы все-таки явились из эпохи, когда преувеличенные представления о роли машин уже извратили естественную жизнь. Ваши критерии уже были искажены.

— Не хотел вам этого говорить, — начал понемногу распаляться Смит, — но вы понятия не имеете, о

* Само по себе, без примеси (лат.).

чем идет речь. Убогая деревенская жизнь в мое время становилась понемногу более сносной по мере того, как ее обеспечивала цивилизация. Да, у фермера еще не было водопровода и электричества, но в его распоряжении находился «Сирс Робак» и все, что с этим связано.

— У них было — что? — переспросил Гамильтон.

Смиту потребовалось некоторое время, чтобы объяснить механизм торговли по почте.

— А то, о чем вы ведете речь, мистер Монро, — это отказ от всего. Вы представляете себе такого благородного дикаря, простого и самодостаточного. Но когда ему надо срубить дерево — *кто продал ему топор?* А когда он собрался застрелить оленя — *кто сделал ружье?* Нет, мистер Монро, я знаю, о чем говорю — я изучал экономику...

«И это он говорит Монро-Альфе», — с трудом сдерживая улыбку, подумал Гамильтон.

— Никогда не было, да и быть не могло, — продолжал тем временем Смит, — того благородного и благообразного типа, которого вы тут описывали. Это был бы невежественный дикарь, грязный и завшивленный. Только для того, чтобы попросту выжить, ему пришлось бы вкалывать по шестнадцать часов в день. Спал бы он в убогой хижине на земляном полу. Интеллект его разве что на пару шагов опережал бы животное...

Когда дискуссия была прервана новым звонком аннунциатора, возвестившим появление еще одного гостя, Гамильтон почувствовал облегчение. Как раз вовремя — у Клиффа даже губы побледнели. Он был не в состоянии принять того, что говорил Смит. И, черт возьми, этого следовало ожидать. Феликс не устал удивляться, как может столь одаренный математик, каким, без сомнения, являлся Монро-Альфа, одновременно быть таким остолопом в человеческих делах.

Экран показал Мак-Фи Норберта. Гамильтон был бы рад не принять его, но это было бы неразумно. Этот подонок обладал отвратительной привычкой навещать своих подчиненных, и, хотя Гамильтона такое поведение возмущало, поделаться он с этим ничего не мог — пока.

Мак-Фи повел себя достаточно пристойно — для Мак-Фи. Было видно, что Монро-Альфа, чье имя и

положение были ему прекрасно известны, произвел на брата Норберта впечатление, хотя он и старался не выказывать этого. К Смигу же он отнесся высокомерно и покровительственно.

— Итак, вы человек из прошлого? Ну-ну — это забавно. Однако вы не слишком хорошо рассчитали.

— Что вы хотите этим сказать?

— А, это был бы уже целый рассказ. Но лет через десять времена, возможно, изменятся к лучшему — не правда ли, Гамильтон? — он рассмеялся.

— Может быть, — коротко ответил Гамильтон, пытаясь отвлечь внимание Мак-Фи от Смита. — Вам лучше обсудить это с Монро-Альфой. Он полагает, что мы можем улучшить жизнь.

Гамильтон тут же пожалел о своих словах, потому что Мак-Фи со внезапно вспыхнувшим интересом повернулся к Монро-Альфе.

— Интересуетесь социальными проблемами, сэр?

— Да, некоторым образом.

— Я тоже. Может, встретимся и поговорим?

— С удовольствием. Но теперь, Феликс, я должен вас покинуть.

— И я тоже, — быстро сказал Мак-Фи. — Может быть, я вас подвезу?

— Не беспокойтесь.

— Вы хотели меня видеть? — поспешил вмешаться Гамильтон.

— Ничего существенного. Надеюсь увидеть вас вечером, в клубе.

Гамильтон понял смысл, вложенный в эту фразу: это был прямой приказ явиться в удобное для Мак-Фи время. Норберт вновь повернулся к Монро-Альфе.

— Мне это ничего не стоит. Нам по пути.

Гамильтон наблюдал за их совместным уходом со смутным беспокойством.

Глава 7

«Сожгите его на месте!»

Заглянув в приемную воспитательного центра, Лонгкот Филлис кивнула Гамильтону:

— Хелло, Филти!

— Привет, Фил.

— Подождите минутку — я только переоденусь.

Она была облачена в глухой комбинезон со шлемом; респиратор свободно болтался на груди.

— О'кей.

Вскоре она вернулась — в более общепринятом и чисто женском одеянии, причем без оружия. Гамильтон посмотрел на нее с одобрением.

— Так-то лучше. Что это был за маскарад?

— Маскарад? А, вы имеете в виду асептическую форму? У меня теперь новая работа — с дикорожденными. С ними надо обращаться ужасно осторожно. Бедные малыши!

— Бедные?

— Вы знаете почему. Они подвержены инфекциям. Мы не можем позволить им кувыраться в грязи вместе с остальными. Маленькая царапина — и может случиться все, что угодно. Приходится даже стерилизовать их пищу.

— К чему столько хлопот? Почему бы не дать слабым вымереть?

Филлис казалась раздосадованной.

— Я могла бы ответить формально — что не прошедшие генетического отбора дети являются бесценным справочным материалом для науки. Но я скажу иначе: все они — человеческие существа. Они так же дороги своим родителям, как вы были дороги своим, Филти.

— Простите. Я не знал своих родителей.

Филлис посмотрела на Гамильтона с внезапным раскаянием.

— О, Феликс, я забыла!

— Неважно. И вообще, — продолжал он, — я никогда не мог понять, почему вы хотите похоронить себя в этом обезьяннике. Это ж — смертельное дело!

— Ну-ну! Дети забавны. И доставляют не слишком много хлопот. Корми их — временами, помогай — когда нужно, а главное, люби — все время, не переставая. Вот и все.

— Лично я всегда был сторонником теории дырки с затычкой.

— Чего-чего?

— Вы берете младенца и кладете в бочку. Через дырку вы его кормите, а когда ему стукнет семнадцать — вставляете в нее затычку.

— Знаете, Феликс, — улыбнулась девушка, — для славного малого у вас слишком гадкое чувство юмора. А если серьезно, то ваш метод упускает самую существенную часть детского воспитания — ласку, которую он получает от своих нянек.

— Что-то я не могу припомнить ничего подобного. Я всегда полагал, что в основе воспитания детей лежит забота об их физических нуждах, во всем же остальном их следует предоставить самим себе.

— Вы здорово отстали. Такое мнение бытовало, но было глупым — антибиологичным.

Филлис пришло в голову, что ошибочные взгляды у Гамильтона могли возникнуть из-за того, что он испытал на себе применение этой вышедшей из моды и совершенно безосновательной теории. Обычно от нее уберегал детей естественный материнский инстинкт,

однако случай Гамильтона был особенным. Филлис с болью ощущала в нем самое трагическое явление — ребенка, так и не покинувшего воспитательный центр. Когда среди ее собственных питомцев встречались подобные исключения, она окружала их особой, может быть, даже чрезмерной любовью. Однако Гамильтону она об этом ничего не сказала.

— Как вы думаете, — продолжала она вслух, — почему животные вылизывают своих малышей?

— Наверное, чтобы почистить их.

— Ерунда! Вы не можете требовать от животного, чтобы оно оценивало степень чистоты. Это просто ласка, инстинктивное выражение любви. Так называемые инстинкты весьма поучительны, Филти. Они указывают на ценности, способствующие выживанию.

Гамильтон лишь пожал плечами.

— Мы пришли.

Они вошли в ресторан — платный, разумеется — и направились в зарезервированный для них отдельный кабинет. К трапезе оба приступили молча. Свойственный Гамильтону сардонический юмор на этот раз был подточен копошившимися в глубине сознания мыслями. Он по легкомыслию ввязался в эту историю с «Клубом выживших», а теперь она стала приобретать оттенок, немало его тревоживший. Феликсу не терпелось, чтобы Мордан — или, вернее, правительство — поскорее приступили к действиям.

Ему не удалось выдвинуться внутри организации так быстро, как он рассчитывал. Заговорщики стремились использовать его, были готовы просить у него денег и принять их, но ясной картиной всей сети заговора он пока так и не получил. Он не знал даже, кому подчиняется Мак-Фи Норберт, понятия не имел о численности организации в целом.

А между тем ходить по канату становилось все труднее.

Не так давно он получил возможность убедиться, что организация гораздо старше и намного разветвленнее, чем он предполагал. Одним из последних актов приобщения к Новому Порядку стала поездка, в которой Гамильтона сопровождал лично Мак-Фи Норберт. В месте, расположение которого было тщательно скры-

то от Феликса, ему позволили ознакомиться с результатами тайных генетических экспериментов.

Ужасные маленькие чудовища!

Сквозь зеркальное, с односторонней видимостью стекло он увидел детей, которых с трудом можно было назвать человеческими — их зародышевые жабры искусственно сохранили и развили. Жуткие амфибии в равной степени чувствовали себя дома и в воде, и на воздухе — только им всегда была нужна влажная атмосфера.

— Пригодятся на Венере, как вы думаете? — прокомментировал Мак-Фи и продолжил: — Мы слишком поторопились с выводом, будто остальные планеты Солнечной системы для нас бесполезны. Разумеется, лидеры в большинстве своем будут жить на Земле, однако вспомогательные группы после соответствующей адаптации смогут постоянно находиться на любой из планет. Напомните, чтобы мы показали вам типы, выведенные для радиоактивной среды и для небесных тел с малым тяготением.

— Любопытно взглянуть, — правдиво, но не слишком уверенно откликнулся Гамильтон. — Кстати, а где вы получаете исходный материал?

— Неуместный и не относящийся к делу вопрос, однако я вам отвечу. По типу вы относитесь к лидерам, и рано или поздно вам придется узнать все. Мужскую сперму мы поставляем сами, а женщин, как правило, отлавливаем среди дикарей.

— Но не означает ли это, что материал плох?

— Да, конечно. Но ведь это лишь первые эксперименты. Ни один из этих опытных образцов не будет сохранен. Вот когда мы придем к власти — другое дело. В нашем распоряжении окажется самый лучший материал — для начала ваш, например.

— Разумеется, — Гамильтон не стал развивать этой темы. — Однако мне ничего не известно о ваших планах относительно дикарей.

— А их и незачем обсуждать с младшими членами. Кое-кого мы оставим для экспериментов, остальные же с течением времени будут ликвидированы.

«Четкий и радикальный план, — подумал Гамильтон. — Разрозненные племена Евразии и Африки, с трудом пробивающиеся обратно к цивилизации после бедствий Второй Войны и приговоренные — их согласия никто не спрашивал — к лабораторным опытам или к смерти...» Он решил отрезать уши Мак-Фи по кусочкам.

— ...возможно, и не самый впечатляющий экземпляр, — продолжал тем временем Мак-Фи, двигаясь дальше. Экспонат представлял собой идиота-гидроцефала, но такого уродства Гамильтон не видывал отродясь: перед ним был явно больной ребенок с огромным черепом-переростком. — Тетраплоидный тип, — продолжал пояснять Мак-Фи, — у него девяносто шесть хромосом. Мы полагали, будто в этом кроется секрет супермозга, однако ошиблись. Теперь наши генетики на правильном пути.

— Почему же вы его не убьете?

— Со временем. А пока он дает возможность узнать кое-что новое.

Было там и многое другое — такое, о чем впоследствии Гамильтон предпочитал не вспоминать. Он понимал, что, если ухитрится пройти через это испытание, не выдав ничем своих истинных чувств — это будет большой удачей.

Предполагаемое истребление дикарей навело его на мысль о другом. Чрезвычайно любопытно, что странное появление Джона Дарлингтона Смита оказало косвенное влияние на намерения «Клуба выживших». Железная логика планов Нового Порядка автоматически подразумевала уничтожение неработоспособных и бесполезных дикорожденных детей — да и взрослых тоже; они должны были составить компанию синтетистам, непокорным генетикам и вообще всякой «контре».

По отношению к этим последним планы лидеров заговора не пробуждали сколько-нибудь значительной оппозиции, однако многие из членов клуба питали сентиментальную нежность к дикорожденным. На них смотрели с той смесью родительской любви и пренебрежения, с какой представители правящего

класса нередко взирают на «низшие расы». Неразрешимость этой проблемы отдаляла наступление часа «ноль» Перемены.

Адирондакский стасис послужил ключом.

Об изменениях в тактике Мак-Фи объявил на заседании клуба вечером того самого дня, когда Гамильтона посетил Дарлингтон Смит. Дикорожденным — и детям, и взрослым — предстояло быть помещенными в стасис на неопределенный срок. Это была гуманная акция — пленникам не причинят никакого вреда, а в отдаленном будущем они даже будут освобождены. После собрания Мак-Фи поинтересовался у Гамильтона, что он думает об этом плане.

— Вероятно, он окажется популярным, — согласился Гамильтон. — Но что с ними делать после освобождения?

Сначала Мак-Фи удивился, а потом рассмеялся.

— Но мы же с вами практичные люди, — негромко проговорил он.

— Вы имеете в виду...

— Конечно. Только держите рот на замке.

Филлис решила, что пришла пора прервать мрачные размышления Гамильтона.

— Что вас грызет, Филти? — спросила она. — Вы и двух слов не проронили с тех пор, как мы здесь.

Вздвигнув, он вернулся к действительности.

— Пустяки, — солгал он, подавив желание рассказать ей обо всем. — Вы и сами были не слишком разговорчивы. Что у вас на уме?

— Я только что выбрала имя для нашего сына, — призналась она.

— Боже милостивый! А не находите ли вы, что это несколько преждевременно? По-моему, вы прекрасно знаете, что у нас никогда не будет детей.

— Это еще вопрос.

— Хм-м-м! — протянул Гамильтон. — И какое же имя выбрали вы для этого гипотетического отпрыска?

— Теобальд — «Смелый ради народа», — мечтательно произнесла она.

— «Смелый ради...» Лучше пусть будет Джабез.
— Джабез? Что это значит?
— «Он принесет горе».
— «Он принесет горе»! Филти, вы воистину непристойны*!

— Знаю. Почему бы вам не махнуть на все рукой, бросить этот шумный детский питомник и не соединиться со мной?

— Повторите помедленнее.

— Я предлагаю вам составить со мной пару.

Она казалась озадаченной.

— Что именно вы имеете в виду?

— Решайте сами. *Ортожена*, партнерша, любовница, зарегистрированный компаньон, законная жена — любой контракт по вашему усмотрению.

— И чему же, — проговорила она, растягивая слова, — я должна приписать эту неожиданную перемену в ходе ваших мыслей?

— Не так уж она неожиданна. Я думал об этом с тех самых пор... с того момента, когда вы попытались меня застрелить.

— Тут что-то не так. Две минуты назад вы заявили, что Теобальд не только гипотетичен, но и невозможен.

— Минуточку, — поспешно возразил Гамильтон, — я ни слова не говорил о детях. Это — вопрос отдельный. Я говорил о нас.

— Ах так? Тогда поймите, мастер Гамильтон, что я никогда не выйду замуж за человека, который рассматривает брак просто как сверхразвлечение.

С этими словами Филлис с деловым видом вернулась к прерванной разговором трапезе.

На несколько минут воцарилось глубокое молчание. Нарушил его Гамильтон.

— Вы обиделись?

— Нет. На крыс не обижаются.

— Это я тоже знаю.

* Здесь непереводаемая — увы! — игра слов. Произведенное Филлис уменьшительное от имени Феликс — Филти (Filthy) отнюдь не является общепринятым, зато одновременно означает «отвратительный», «мерзкий», «развращенный», «непристойный».

- Вот и хорошо. Проводите меня?
- Хотел бы, но сегодня не могу.

Расставшись с Филлис, он напрямик направился в Дом Волчицы. На этот вечер было назначено общее собрание — причины указаны не были, но отказы ни по каким причинам во внимание не принимались. Вдобавок это было первое собрание, на котором Гамильтону предстояло присутствовать в новом, недавно обретенном качестве командира полувзвода.

Двери клубной гостиной были распахнуты. Несколько собравшихся членов в полном соответствии с инструкцией вели себя в меру весело и шумно. Возможно, среди них затесались даже несколько непосвященных. Пока ничего важного не происходило, их присутствие являлось даже желательным, а потом их ненавязчиво спровадят.

Войдя и обменявшись кое с кем приветствиями, Гамильтон нацедил себе кружку пива и уселся наблюдать, как в одном из углов гостиной мечут в цель стрелки.

Некоторое время спустя торопливо вошел Мак-Фи. Окинув собравшихся взглядом, он нашел глазами обоих командиров полувзводов и кивком головы приказал им избавиться от единственного остававшегося к тому времени в клубе постороннего. Тот был изрядно навеселе и не хотел уходить, однако серьезной проблемы удаление его не составило. Когда он наконец ушел и двери были заперты, Мак-Фи объявил:

— К делу, братья! — и, обращаясь к Гамильтону, добавил: — Вы знаете, что участвуете сегодня в совещании?

Гамильтон еще только собирался ответить, когда почувствовал, что кто-то легонько тронул его за плечо, и услышал позади себя:

— Феликс! О, Феликс!

Он обернулся. Хотя голос сразу показался Гамильтону знакомым, однако лишь быстрота реакции позволила ему не выдать себя: это был Монро-Альфа.

— Я знал, что вы — один из нас, — счастливым голосом проговорил Клиффорд, — я только ждал когда...

— Идите в комнату своего полувзвода! — строго приказал Мак-Фи.

— Да, сэр! Увидимся позже, Феликс.

— Разумеется, Клифф, — сердечно ответил Гамильтон.

Он последовал за Мак-Фи в зал совещаний, довольный этой краткой паузой, давшей ему возможность привести в порядок бушующие мысли. Клифф! Великий Бог — Клифф! Что, во имя Жизни, делает он в этом гнезде заговорщиков? И почему он до сих пор не встречал Клиффа здесь? Разумеется, он знал почему: для члена одного отделения было крайне маловероятно встретиться в клубе с членом другого — разное время встреч и всякие прочие предосторожности. Гамильтон проклял всю эту систему. Но почему именно Клифф? Клифф был самым мягким и доброжелательным человеком из всех когда-либо носивших оружие. Почему же именно он должен был клюнуть на эту отвратительную приманку?

Гамильтон спросил себя, не может ли Монро-Альфа, подобно ему самому, также оказаться осведомителем, и тоже изумиться, обнаружив его здесь. А может быть, даже и не изумиться — он вполне мог оказаться информированным о статусе Гамильтона, хотя Феликс о нем самом ничего не знал. Но нет — подобное предположение было явно лишено смысла. Клифф был начисто лишен необходимых для этого способностей к лицедейству. Его эмоции всегда лежали на поверхности. Он был прозрачен, как воздух. Актерских талантов в нем не было ни на грош.

— Командиры! Мне приказано сообщить вам великую новость! — торжественно провозгласил Мак-Фи и после паузы произнес: — Час Перемены пробил!

Собравшиеся мгновенно подобрались и насторожились. Гамильтон выпрямился. «Черт возьми! — подумал он. — Корабль отправляется, а я связан Клиффом, этим юродивым!»

— Бурнби!

— Да, сэр.

— Вы и ваш полувзвод — главные коммуникации. Вот ваша кассета. Запоминайте сразу. Будете сотрудничать с шефом пропаганды.

— Слушаюсь.

— Стейнвиц, вашему полувзводу поручена Центральная силовая станция. Возьмите кассету. Харриксон!

— Да, сэр.

Процедура тянулась и тянулась. Гамильтон вполуха слушал с бесстрастным лицом, обдумывая, как выпутаться из своей ситуации. Прежде всего, как только удастся отсюда вырваться, необходимо предупредить Мордана. Потом, если появится хоть какая-то возможность спасти глупца от последствий его безумия, надо попытаться сделать это.

— Гамильтон!

— Да, сэр.

— Специальное задание. Вы...

— Одну секунду, шеф. Кое-что привлекло мое внимание — обстоятельство, которое может оказаться опасным для движения.

— Да? — в холодном голосе Мак-Фи прозвучало нетерпение.

— Один из младших членов, Монро-Альфа. Я хотел бы, чтобы его приписали ко мне.

— Невозможно. Занимайтесь собственным делом.

— Я не нарушаю дисциплины, — хладнокровно продолжал настаивать Гамильтон. — Так случилось, что я знаю этого человека лучше, чем любой из вас. Он рассеян и склонен к истеричности. Это человек с неуравновешенной психикой, но лично мне он предан. И я хочу, чтобы он находился там, где я смогу за ним присматривать.

Мак-Фи нетерпеливо постучал пальцами по столу.

— Совершенно невозможно. Рвение у вас превосходит чувство субординации. Не повторяйте этой ошибки. Более того, если то, о чем вы говорите, правда, то лучше, чтобы он оставался там, где находится сейчас: мы не можем его использовать. Мосли, вы — командир полувзвода, к которому причислен Монро-Альфа. Наблюдайте за ним. И если понадобится — сожгите.

— Да, сэр.

— Теперь вы, Гамильтон...

С упавшим сердцем Гамильтон понял, что попытка выручить Монро-Альфу лишь подвергла его друга еще большей опасности. Однако следующие слова Мак-Фи рывком вернули его к действительности.

— Ваша задача — добиться встречи с окружным Арбитром генетиков Морданом. Сожгите его на месте. И будьте особо осторожны — не дайте ему возможности взяться за оружие.

— Его реакция мне известна, — сухо заметил Гамильтон.

Мак-Фи несколько смягчился.

— Помощь вам не понадобится, поскольку вы единственный, кто может легко попасть к Арбитру — мы оба прекрасно это знаем.

— Совершенно верно.

— Таким образом, обстоятельство, что за вами не закреплен конкретный полувзвод, оборачивается во благо. Представляю, как вы довольны этим заданием — сдается мне, у вас есть и личный интерес, — и Мак-Фи наградил Гамильтона понимающей улыбкой.

«По очень, очень маленькому кусочку», — подумал Гамильтон. Однако сумел изобразить подобающую случаю мрачную усмешку и ответить:

— В этом есть нечто.

— О да. Это все, джентльмены. До моего приказа никому не расходиться, а потом — поодиночке и парами. К своим людям!

— Когда мы начинаем? — отважился кто-то спросить.

— Читайте ваши кассеты.

Гамильтон перехватил Мак-Фи на полпути из зала.

— У меня нет кассеты. Когда наступает час ноль?

— Ах да... Фактически, он еще не назначен. Будьте готовы в любой момент. И находитесь там, где вас легко найти.

— Здесь?

— Нет. У себя дома.

— Тогда я ухожу.

— Пока не надо. Уйдете вместе с остальными. Давайте выпьем — вы поможете мне расслабиться. Что это была за песенка — о детях космического пилота? Она мне понравилась...

Весь следующий час Гамильтон помогал Великому Человеку расслабляться.

Полувзвод Монро-Альфы был распущен незадолго перед тем, как Мак-Фи отпустил всех по домам. Свое новое положение одного из руководителей, пусть и не ахти какого ранга, Гамильтон использовал для того, чтобы обеспечить им с Клиффордом возможность просочиться наружу одними из первых. Оказавшись на лестнице, напряженный и возбужденный перспективой предстоящих действий, Монро-Альфа принялся что-то восторженно лепетать.

— Заткнитесь! — оборвал его Гамильтон.

— Но почему, Феликс?

— Делайте, что говорят! — свирепо приказал Гамильтон. — К вам домой!

Монро-Альфа надулся и смолк — что, в общем-то, было даже кстати: Гамильтон не хотел с ним разговаривать, пока они не останутся наедине. По дороге он высматривал телефон. На сравнительно небольшом расстоянии — несколько маршей и короткий пандус — они миновали две кабины; первая была занята, на второй светилась надпись: «Не работает». Гамильтон выругался про себя.

Они прошли мимо блюстителя, но Гамильтон даже не надеялся, что сумеет вдолбить в отупевший и мутный мозг смысл своего сообщения. И потому, едва двери квартиры Монро-Альфы закрылись за ними, Гамильтон быстро шагнул к приятелю и отобрал у него оружие прежде, чем тот успел что-либо сообразить.

Монро-Альфа удивленно отпрянул.

— Зачем вы это сделали, Феликс? — вскричал он. — Что случилось?

Гамильтон с ног до головы окинул его взглядом.

— Дурак, — констатировал он с горечью, — непреходимый, законченный, истеричный дурак!

Глава 8

«Ты со мной в первозданном краю...»

— Феликс! В чем дело? Что с вами?

На лице Монро-Альфы были написаны столь искреннее, неподдельное изумление, такая святая невинность, что на мгновение Гамильтон пришел в замешательство. Возможно ли, чтобы Монро-Альфа был таким же правительственным агентом, как и он? И мог ли Клиффорд знать, что Гамильтон является агентом?

— Минутку, — сказал он мрачно. — Какую роль вы играете во всей этой истории? Вы лояльный член «Клуба выживших»? Или проникли в него как шпион?

— Шпион? Вы думали, я шпион? И поэтому отобрали у меня оружие?

— Нет! — яростно возразил Гамильтон. — Я боялся, что вы не шпион.

— Но...

— Послушайте. Я — шпион. Я участвую в этом деле, чтобы развалить его. И, черт возьми, будь я настоящим шпионом, я мимоходом оторвал бы вам голову и продолжал бы свое дело. Вы мне все испортили, идиот несчастный!

— Но... но, Феликс... Я знал, что и вы в этом участвуете. Это послужило одним из доводов, убедивших меня. Я ведь знал, что вы не...

— Ну что ж, я и не! И в какое положение это ставит теперь вас? Где вы теперь? Со мной или против меня?

Монро-Альфа перевел взгляд с лица Гамильтона на бластер в его руке, потом снова посмотрел Феликсу в глаза.

— Вперед! Стреляйте!

— Не валяйте дурака!

— Стреляйте! Может, я и дурак, но не предатель.

— Не предатель? Вы? Вы уже предали — нас всех.

— Я рожден в этом обществе, — Монро-Альфа покачал головой, — но я его не выбирал и не обязан быть лояльным по отношению к нему. Здесь же я увидел образ достойного общества. И не пожертвую им ради спасения собственной шкуры.

В сердцах Гамильтон выругался.

— Упаси нас Боже от идеалистов! И вы предоставите этой банде крыс возможность управлять страной?

Телефон мягко, но настойчиво проговорил:

— Кто-то вызывает. Кто-то вызывает. Кто-то...

Ни один из собеседников не обратил внимания на этот призыв.

— Они не крысы. Они предлагают построить воистину научное общество — и я за него. Возможно, Перемена и будет слишком жесткой, но тут уж ничего не поделаешь. Ведь это — перемена к лучшему...

— Хватит. Мне некогда дискутировать с вами об идеологиях.

Гамильтон сделал шаг по направлению к наблюдавшему за каждым его движением Монро-Альфе и неожиданно, не отрывая взгляда от лица Клиффорда, резким движением ударил его ногой в пах.

— Кто-то вызывает. Кто-то вызывает...

Спрятав бластер, Феликс склонился над беспомощным Монро-Альфой и жестко ударил его прямыми пальцами в солнечное сплетение, парализуя диафрагму. Потом он подтащил Клиффорда к самому телефону — так, чтобы тот не попадал в поле зрения, коленом уперся ему в поясницу, а левой рукой схватил за горло.

— Не шевелиться! — предостерег он, правой рукой нажимая на клавишу. Лицо его было придвинуто к самому объективу, чтобы неизвестный собеседник не мог ничего больше разглядеть. На экране возникло лицо Мак-Фи Норберта.

— Гамильтон? Какого черта вы там делаете?

— Я проводил Монро-Альфу домой.

— Это прямое неповиновение. И вы за него ответите — позже. Где Монро-Альфа?

Гамильтон выдал краткое, насквозь ложное, но более или менее правдоподобное объяснение.

— Самое подходящее время для всего этого, — прокомментировал Мак-Фи. — Передайте ему: он освобожден от обязанностей. Прикажите ему убраться как можно дальше и оставаться там ближайшие сорок восемь часов. Я решил не рисковать.

— Правильно, — поддержал Гамильтон.

— А вы, вы понимаете, что едва не пропустили адресованный вам приказ? Вы должны начать действовать на десять минут раньше остальных. Приступайте.

— Немедленно?

— Немедленно.

Гамильтон выключил телефон. На всем протяжении разговора Монро-Альфа безостановочно пытался освободиться, так что под конец Феликс оказался вынужден сильнее надавить коленом ему на спину, одновременно еще крепче стиснув горло. Однако такое положение вещей не могло продолжаться до бесконечности. В конце концов он несколько ослабил хватку.

— Слышали приказ?

— Да, — с трудом прохрипел Монро-Альфа.

— Вам придется его выполнить. Где ваша машина?

Ответа не последовало. Гамильтон злобно надавил коленом.

— Отвечайте! На крыше?

— Да.

Не говоря ни слова больше, Гамильтон извлек из кобуры свой тяжелый револьвер и рукояткой ударил Монро-Альфу чуть позади правого уха. Голова дернулась, а затем мягко обвисла. Гамильтон повернулся к телефону и набрал личный номер Мордана. С тревогой он ожидал, пока электроника вела охоту, боясь полу-

чить ответ: «Нигде не найти». И облегченно вздохнул, когда вместо этого аппарат доложил: «Вызываю».

Прошла целая вечность — по меньшей мере, секунды три или четыре, — пока на экране появилось наконец лицо Арбитра.

— О, хелло, Феликс!

— Клод, время настало! Началось.

— Да, знаю. Потому я и здесь, — только теперь Гамильтон обратил внимание, что позади лица Мордана на экране виден его служебный кабинет.

— Вы знали?

— Да, Феликс.

— Но... Ладно. Я отправляюсь к вам.

— Да, конечно, — и Мордан отключился.

Гамильтон мрачно подумал, что еще один такой сюрприз — и он начнет отдира́ть тени от стен. Однако времени беспокоиться о подобной перспективе не было. Он бросился в спальню Клиффорда и сразу же нашел то, что искал — маленькие розовые капсулы, при помощи которых Монро-Альфа спасался от бессонницы. Вернувшись в кабинет, Феликс быстро осмотрел друга. Тот по-прежнему пребывал в глубоком обмороке.

Подхватив Клиффа на руки, Гамильтон вышел в коридор и направился к лифту. Встретившийся по пути сосед Монро-Альфы изумленно воззрился на него.

— Ш-ш-ш, вы его разбудите, — негромко проговорил Гамильтон. — Будьте любезны, откройте лифт.

Во взгляде гражданина промелькнуло сомнение, однако он пожал плечами и выполнил просьбу.

Гамильтон без труда разыскал маленькую авиетку Монро-Альфы, извлек из кармана Клиффорда ключ и открыл машину. Свалив свою ношу на сиденье, он ввел в автопилот адрес Клиники и нажал клавишу пуска ротора. На данный момент он сделал все, что мог — полет над городом на автопилоте был быстрее, чем на ручном управлении. Правда, пройдет не меньше пяти минут прежде чем он доберется до Мордана, но даже в этом случае ему удастся сэкономить добрых десять — по сравнению с наземным транспортом. Это до некоторой степени компенсировало потерю времени на возню с Монро-Альфой.

Тем временем тот понемногу начал шевелиться. Гамильтон достал из шкафчика чашку, а из холодильника — флягу с водой. Растворив три капсулы, он протянул чашку Монро-Альфе. Клиффорд никак не реагировал, и Гамильтону пришлось похлопать его по щеке. Наконец Монро-Альфа выпрямился на сиденье.

— В-вшемдело? — проговорил он, — Перестаньте. Что случилось?

— Выпейте! — Гамильтон поднес ему чашку к губам.

— Что стряслось? У меня болит голова.

— И должна — вы здорово стукнулись. Выпейте это. Полегчает.

Монро-Альфа послушно уступил. Гамильтон некоторое время наблюдал за ним, гадая, не придется ли снова оглушить Клиффорда, если память вернется к нему прежде, чем начнет действовать снотворное. Однако Монро-Альфа не проронил больше ни слова; он по-прежнему выглядел оглушенным, а вскоре крепко заснул.

Авиетка мягко приземлилась.

Гамильтон поднял панель коммуникатора, засунул ногу внутрь и надавил. Раздался аппетитный звук хрустящего стекла и рвущихся проводов. Потом Феликс запрограммировал автопилот на полет в южном направлении, не оговорив никакого пункта назначения, и вышел наружу. Обернувшись, он протянул руку к клавише ротора, но заколебался и не нажал ее. Снова войдя в машину, он вытащил из автопилота ключ, вышел опять, включил ротор и пригнулся. Стоило ему захлопнуть дверцу, как маленькая машина взмыла вверх, занимая свой крейсерский горизонт.

Гамильтон не стал ждать, пока она скроется из глаз, повернулся и зашагал вниз по лестнице.

Монро-Альфа проснулся с пересохшим ртом, мучительной пульсацией в голове, рвотным спазмом в желудке и предчувствием надвигающейся беды — все это он ощутил именно в такой последовательности.

Он знал, что находится в воздухе, в собственной авиетке, один, но никак не мог сообразить, как и почему здесь очутился. Во сне его мучили какие-то кошмары — кажется, они имели к этому некоторое отношение. Он должен был что-то сделать.

Это был День — День Перемены! Вот это что такое!

Но почему он здесь? Он должен быть со своим полувзводом. Нет. Нет. Мак-Фи сказал...

Но что же он такое сказал? И где Гамильтон? Гамильтон — шпион! Гамильтон собирается их всех предать!

Надо было немедленно известить об этом Мак-Фи. Где он? Неважно — главное его вызвать.

Тогда-то Монро-Альфа и обнаружил, что коммуникатор сломан. А яркий солнечный свет снаружи подсказал ему, что уже поздно — слишком поздно. К чему бы ни привело предательство Гамильтона — оно уже свершилось. Слишком поздно.

Разрозненные кусочки воспоминаний понемногу начали вставать на места. Монро-Альфа вспомнил неприятную встречу с Гамильтоном, поручение Мак-Фи, драку... Очевидно, от удара он потерял сознание. Теперь ему не оставалось ничего другого, как вернуться, обратиться к своему командиру и признаться в собственной неудаче.

Нет. Мак-Фи приказал ему убраться подальше и двое суток не показываться. Он обязан повиноваться. Целое больше любой из своих частей.

Но ведь этот приказ недействителен — Мак-Фи не знал о Гамильтоне.

Теперь он уже знает — в этом можно не сомневаться. А значит, приказ действителен. Как это сказал Мак-Фи: *«Я решил не рисковать»*?

Они ему не доверяли. Даже Мак-Фи принимал его за того, кем он и является. Неуклюжий идиот, который — будьте уверены! — все на свете умудрится сделать не так и не тогда.

Он вообще никогда ни на что не годился. Все, на что он пригоден — это проделывать разные немудрящие фокусы с цифрами. Он и сам прекрасно понимал это. Понимал это и каждый встречный. Это понимала Хэйзел. Встретив девушку, которая ему по-настоящему понравилась, он не придумал ничего лучше, чем сбить ее с ног. Понимал это и Гамильтон. Гамильтон даже не снизошел до того, чтобы убить его — даже смерти он не удостоился.

По-настоящему в нем не нуждались и в «Клубе выживших» — даже в трудный момент. Они лишь хотели, чтобы он оказался в их распоряжении, когда настанет пора организовать учет при Новом Порядке. Именно об этом говорил с ним Мак-Фи, интересуясь, справится ли он с такой задачей. Разумеется, справится. Вот и все, что он представлял собою — просто-напросто клерк.

Ну что ж, раз им нужно от него именно это — он возьмется за это. Он не гордый. Все, о чем он просит — это право служить. Правильно поставить систему учета в государстве коллективистского типа — задача не из сложных. Она не потребует много времени. А тогда он станет уже совсем бесполезен, и это послужит ему оправданием, если он захочет надолго уснуть.

Несколько утешившись сеансом полного самоуничтожения, Монро-Альфа встал, прополоскал рот, выпил добрый литр воды и почувствовал себя немного лучше. Пошарив в холодильнике, он обнаружил там банку томатного соку, выпил и ее тоже, после чего ощутил себя почти человеком, хотя и пребывающим в глубокой меланхолии.

Затем он попытался определить свое местонахождение. Машина парила, пролетев на автопилоте максимально допустимое расстояние. Земля внизу была скрыта тучами, хотя там, где находилась авиетка Клиффорда, сияло яркое солнце. Автопилот выдал Монро-Альфе широту и долготу этого места, а по карте он определил, что находится над горами Сьерра-Невады, почти точно над парком гигантских секвой.

Это вызвало мимолетный интерес Монро-Альфы. «Клуб выживших» — в своем публичном, для всех открытом качестве — провозгласил своим почетным президентом Дерево генерала Шермана. «Отменная штука,— подумал Клиффорд, — живое существо, идеально приспособленное к своей среде, старейшее на Земле и едва ли не бессмертное...»

Поврежденный автопилот заставил его призадуматься. Конечно, лететь можно и на ручном управлении, но в потоки движения над столицей при всем желании не вступишь, пока не заработает автоматика. Значит, надо найти какой-нибудь маленький городок...

Хотя нет — Мак-Фи приказал ему убраться подальше и двое суток не появляться на глаза, а брат Норберт всегда знал, что говорил. Стоит Монро-Альфе появиться в каком-нибудь городишке, и он даже против воли может оказаться вовлеченным в военные действия.

Даже самому себе Монро-Альфа не признался бы, что дело не только в приказе, что боевой пыл в нем как-то иссяк, а слова Гамильтона посеяли сомнения в душе.

И все-таки с автопилотом надо было что-то делать. Собственно, ремонтная станция может оказаться и в парке — если учесть непрерывный поток туристов. Здесь Перемена не может вызвать никаких сражений.

Монро-Альфа включил «туманное» зрение и устремился вниз.

Едва авиетка приземлилась, к ней направилась одинокая фигура.

— Парк закрыт, — объявил человек, приблизившись настолько, чтобы не надо было напрягать голос. — Здесь нельзя оставаться.

— У меня авария, — отозвался Монро-Альфа. — Почему закрыт парк?

— Понятия не имею. Какая-то заваруха там, внизу. Уже несколько часов назад всех егерей мобилизовали и направили на спецзадание, а нам пришлось выпроводить туристов. Кроме меня, тут не осталось никого.

— Вы можете починить авиетку?

— Могу... может быть. А что случилось?

Монро-Альфа показал.

— Это вам по силам?

— Только не переговорник. Для автопилота еще кое-что наскребу. А что случилось? Похоже, вы сами его разбили...

— Нет. — Монро-Альфа достал из шкафчика излучатель и сунул в кобуру; смотритель носил повязку и потому сразу же смолк. — Я немного прогуляюсь, пока вы будете с этим возиться.

— Да, сэр. Это не займет много времени.

Монро-Альфа извлек из бумажника двадцатикредитный банкнот и протянул смотрителю.

— Возьмите. А машину поставьте потом в ангар.

Ему хотелось остаться одному, ни с кем не разговаривать — и уж меньше всего с этим любопытным зрителем. К тому же ему до сих пор не случалось бывать в парке. Разумеется, он видел эти места на экране — а кто ж не видел? — но ведь картинки все-таки не деревья... Клиффорд отправился в путь, хотя собственное душевное смятение поглощало его куда сильнее, чем окружающие гигантские секвойи.

Однако постепенно очарование места покорило его.

Не было ни солнца, ни неба. Стволы деревьев тянулись ввысь и там, над головой, терялись в туманной дымке. Стояла ничем не нарушаемая тишина. Даже звук шагов полностью поглощался толстым многолетним ковром палой хвои. Ни о каком горизонте здесь не было и речи — только бесконечные, уходящие насколько хватало глаз колонны: статные, стройные, не больше метра в диаметре, колонны сахарных сосен и массивные красно-коричневые колонны самих великанов. Они уходили во все стороны, и не было видно ничего, кроме деревьев. Деревьев, дымки над головой да ковра из опавшей хвои и кусочков коры под ногами, кое-где покрытого упрямыми пятнами несошедшего снега.

Время от времени припускал своеобразный здешний дождик — капало с ветвей далеких крон.

Не было тут и времени. Этот мир был, есть и будет, и он не нуждается во времени — казалось, деревья равнодушно отрицали само это понятие. Они могли признавать разве что времена года — так человек мимоходом замечает и сразу же забывает проходящее мгновение. Монро-Альфа ощущал себя рядом с ними слишком маленьким и суетным, чтобы быть ими замеченным.

Он остановился, а потом приблизился к одному из старейшин — почтительно, как и подобает младшему при обращении к старцам. Клиффорд коснулся его одеяния — сперва осторожно и робко, а потом, постепенно обретя уверенность, нажал всей ладонью. Несмотря на осевшую влагу, поверхность коры была на ощупь не прохладной, как у других деревьев, а теплой и живой. И сквозь эту теплую косматую шкуру в него стало перетекать ощущение спокойной силы. На том нижнем уровне сознания, где мысли еще не облечены

в слова, Монро-Альфа ощущал уверенность, что дерево исполнено покоя и какого-то медлительного и смутного счастья.

Мало-помалу Клиффорда перестали волновать проблемы его собственного муравейника, ставшего на удивление далеким. Масштабы изменились, и яростные схватки этого мира утратили резкость очертаний, настолько размывшись как во времени, так и в пространстве, что Монро-Альфа перестал различать их детали.

К Патриарху он вышел неожиданно. Он просто брел лесом, воспринимая окружающее скорее чувствами, чем мыслями. Если и существовали какие-то знаки, способные предупредить о том, что ждет его впереди, Монро-Альфа их не заметил. Но открывшаяся его взгляду картина и не нуждалась ни в каких пояснениях. Другие гиганты были велики и стары, но этот господствовал над ними, как они господствовали над сахарными соснами.

Четыре тысячелетия стоял он здесь — все выдерживая, все преодолевая, создавая свои гигантские мышцы из живой древесной плоти. В дни его юности были молоды Египет и Вавилон. Пел и умер Давид. Великий Цезарь окрасил мозаичный пол Сената своей честолюбивой кровью. Мухаммед бежал. Христофор Колумб вконец надоел королеве... И белые люди обнаружили дерево, которое все так же вздымалось в высь и по-прежнему зеленело. Они называли его в честь человека, только этим и известного — Дерево генерала Шермана.

Но оно не нуждалось в имени. Оно было собой — старейшим гражданином этого мира, живущим вне тревог.

Монро-Альфа пробыл возле него недолго. Дерево помогло ему, но само его присутствие действовало на Клиффорда подавляюще — как и на всякого человека, когда-либо стоявшего у его подножия. Монро-Альфа повернулся и пошел назад, теперь, по контрасту, ощущая общество младших бессмертных почти с радостью. Не желая пока никого видеть, он сделал крюк и стороной обошел подземный ангар, возле которого оставил свою авиетку.

Вскоре дорогу ему преградила сплошная стена серого гранита, уходившая в обе стороны и вверх, в туман.

Туда же, навверх, вели ступеньки, искусно вырубленные в теле скалы, почти не нарушая ее естественности. У подножия этой узенькой лестницы Монро-Альфа заметил указатель: «Скала Моро». Но он и сам уже узнал ее — узнал, потому что не раз видел ее изображения и потому что она открылась ему на мгновение сквозь разрыв в тумане во время приземления. Это был громадный массив серого камня, высотой с горный пик и с добрую гору шириной — самое подходящее место для шабаша.

Клиффорд стал подниматься. Вскоре деревья исчезли. Не осталось ничего, кроме него самого, серого тумана и серой скалы. Чувство верха и низа стало зыбким, и Монро-Альфе пришлось сосредоточить все внимание на собственных ногах и на ступеньках, чтобы удержаться на них.

Он попробовал крикнуть: звук потерялся в пространстве, не породив эха.

Путь лежал по лезвию ножа — слева отвесная, плоская поверхность скалы, справа бездонное, пустое, серое ничто, откуда доносился лишь холодный ветер. Потом под ногами снова появилась тропа.

Клиффорд заторопился — он пришел к решению. Не ему соперничать в извечном спокойствии и уверенности со старым деревом — для этого он не создан. Как не создан — теперь он понимал это — и для жизни, которую вел до сих пор. Нет нужды возвращаться к ней, нет нужды выяснять отношения с Гамильтоном или Мак-Фи, кто бы из них ни вышел победителем из смертельной игры. Здесь было хорошее место — самое подходящее, чтобы умереть с достоинством.

Скала возвышалась на полных тысячу метров.

Наконец, слегка задохнувшись от последнего усилия, Клиффорд достиг вершины. Он был готов — и сцена тоже была подготовлена. И тогда он заметил, что находится здесь не один. Неподалеку лежал человек и, опершись на локти, смотрел в пустоту.

Монро-Альфа повернулся и собрался было уйти. Решимость его была поколеблена посторонним присутствием. Он чувствовал себя смущенным и незащищенным.

Фигура на земле шевельнулась, и, повернув голову, на Клиффорда посмотрела девушка. Во взгляде ее чита-

лось спокойное дружелюбие. Монро-Альфа сразу же узнал ее — безо всякого удивления, и именно это удивило его. Он видел, что и девушка узнала его тоже.

— Хелло! — тупо сказал он.

— Подходите и садитесь рядом, — отозвалась она.

Он молча принял приглашение, подошел и опустился на корточки. Больше девушка не произнесла ни слова — лишь рассматривала его, опершись на локоть; взгляд ее был не пристальным, а легким и спокойным. Клиффорду это понравилось. Она излучала теплоту, как секвойи.

— Я собиралась поговорить с вами после танца, — сказала она наконец. — Вы были несчастны.

— Да. Да, это правда.

— Вы и сейчас несчастны.

— Нет, — услышал он собственный ответ и поразился, поняв, что это правда, — Нет, сейчас я счастлив.

Они снова замолчали. Девушка, казалось, не испытывала потребности ни в светской беседе, ни в нетерпеливом движении. Ее поведение действовало на Монро-Альфу умиротворяюще, однако собственное его спокойствие было отнюдь не столь глубоким.

— Что вы здесь делаете? — спросил он.

— Ничего. Может быть, ждала вас, — ответ был неожиданным, однако он понравился Клиффорду.

Ветер постепенно становился все холоднее, а туман сгущался. Они начали спускаться. На этот раз путь показался Монро-Альфе короче. Он подчеркнуто помогал девушке, и та принимала его помощь, хотя держалась на ногах куда тверже Клиффорда, и оба это знали. Затем они оказались внизу, и у него уже не было больше оснований касаться ее руки.

Им встретилась группа длинноухих оленей — самец с пятью отростками на рогах, который посмотрел на них со спокойным достоинством и вернулся к серьезному делу — еде; две оленихи, воспринявшие встречу с людьми с безмятежной уверенностью давно оберегаемой невинности; и три олененка. Оленихи были добродушны, им нравилось, когда их почесывали — особенно за ушами. Оленята были пугливы и любопытны. Они толпились вокруг, наступая людям на ноги и обнюхивая их одежду — и вдруг, стоило сделать нео-

жиданное движение, с внезапной тревогой отпрыгивали прочь; их большие, мягкие уши забавно хлопали.

Девушка сорвала им листья с ближайших кустов и засмеялась, когда олениа принялись покусывать ей пальцы. Монро-Альфа последовал ее примеру и широко улыбнулся — покусывание щекотало. Ему хотелось вытереть пальцы, однако он заметил, что девушка не сделала этого, и удержался тоже.

По дороге у Клиффорда возникло острое желание рассказать ей обо всем — и, запинаясь, он попробовал. Смолк он задолго до того, как рассказ его смог стать достаточно вразумительным, и посмотрел на девушку, ожидая и опасаясь увидеть в ее глазах неодобрение, а то и отвращение. Однако ничего этого не было.

— Не знаю, что вы натворили, но только вы не плохой человек. Может быть, глупый, но не плохой, — она остановилась и добавила озадаченно и задумчиво: — Я никогда не встречала плохих людей...

Монро-Альфа попытался рассказать ей о некоторых идеях «Клуба выживших». Он начал с того, как предполагается поступить с дикорожденными, поскольку это было легче всего объяснить: никакой бесчеловечности, лишь необходимый минимум принуждения и свободный выбор между легкой и безболезненной процедурой стерилизации и путешествием в будущее — и все это исключительно в интересах расы. Он говорил обо всем этом как о вещах вполне осуществимых, если только народ окажется достаточно благоразумным, чтобы такую программу принять.

Девушка покачала головой.

— Не могу сказать, чтобы мне это нравилось, — ответила она мягко, но решительно, и Монро-Альфа поспешил сменить тему.

Он был удивлен, заметив, что уже темнеет.

— Думаю, нам стоит поторопиться в охотничий домик, — сказал он.

— Он закрыт.

Клиффорд вспомнил, что так оно и есть. Парк был закрыт, их присутствия здесь не предполагалось. Он начал было расспрашивать девушку, есть ли у нее тут авиетка или же она прибыла туннелем, но сразу прервал себя: любым из этих способов она могла его

покинуть. Монро-Альфа не хотел этого, к тому же сам он не торопился — его сорок восемь часов истекали только завтра.

— По дороге сюда я заметил несколько коттеджей, — проговорил он.

Вскоре они нашли эти хижины, укрывшиеся в ложбине. Коттеджи не были меблированы, и ими явно давно никто не пользовался, однако это было вполне приемлемое укрытие от непогоды. Пошарив в стенных шкафах, Клиффорд обнаружил маленький обогреватель с более чем достаточным зарядом, о чем свидетельствовали цифры в окошечке счетчика. Никакой провизии ему найти не удалось, однако водопровод действовал. Впрочем, особого голода Клиффорд и не испытывал. Не было здесь не только постельного белья, но и самих кроватей, однако пол оказался теплым и чистым. Девушка легла, уютно свернувшись клубком, словно зверек, сказала: «Спокойной ночи!» — и закрыла глаза. Монро-Альфе показалось, что уснула она в тот же миг.

Сам он ожидал, что заснуть окажется трудно, но погрузился в сон прежде, чем начал всерьез беспокоиться об этом.

И проснулся с ощущением умиротворения, какого не испытывал уже много дней, если не месяцев. Клиффорд даже не пытался ничего анализировать, а просто смаковал это чувство, купаясь в нем и блаженно потягиваясь, пока душа его, словно кот, умащивалась в привычном месте.

Потом он увидел рядом спящую девушку и понял, почему чувствует себя так радостно. Голова ее покоилась на сгибе руки, а яркое солнце, врываясь сквозь окно, освещало лицо. Монро-Альфа пришел к выводу, что называть его красивым было бы неправильно, хотя он и не нашел никаких изъянов в ее чертах. Очарование этому лицу придавала в первую очередь какая-то детскость, выражение постоянного живого интереса — как если бы девушка приветствовала каждое новое ощущение, всякий раз от души восхищаясь прелестью новизны. В нем не было и следа той желчной меланхолии, которой Монро-Альфа вечно *страдал*.

Именно — *спрагал*. И сейчас ему вдруг открылось, что энтузиазм девушки заразителен, подхватил его самого — и теперешним своим душевным подъемом он обязан присутствию незнакомки.

Клиффорд решил не будить ее. Как бы то ни было, ему следовало о многом подумать — прежде чем он будет готов говорить с другими. Теперь он понимал, что вчерашнее смятение духа было порождено просто-напросто страхом. Мак-Фи был толковым командиром, и, если он счел нужным убрать Монро-Альфу с линии огня — не следовало ни жаловаться, ни задавать вопросов. Целое больше, чем любая из его частей. Возможно, решение Мак-Фи было инспирировано Феликсом — из самых лучших побуждений.

Добрый старый Феликс! Как бы то ни было, он прекрасный парень — хотя и впавший в заблуждение. Надо будет постараться замолвить за него словечко при реконструкции. Они не должны позволить себе хранить друг на друга обиды — при Новом Порядке не будет места мелочным личным эмоциям. Только логика. И только наука.

Сделать предстоит еще очень и очень многое, и Гамильтон может пригодиться. Сегодня пришло время начать новую фазу — собрать дикорожденных и предложить им гуманный выбор — любую из двух возможностей. Кроме того, необходимо собрать правительственных чиновников всех рангов, допросить их и принять решение — годятся ли они по своему темпераменту для продолжения службы при Новом Порядке. Да, сделать предстоит еще очень и очень многое — Клиффорд сам удивился, с чего это вчера ему взбрело в голову, будто для него во всем этом нет места.

Будь он столь же искушен в психологии, как в математике, возможно, он распознал бы истинную сущность своего образа мыслей — религиозный энтузиазм, стремление ощутить себя частицей всеобъемлющего целого, верить собственные маленькие заботы попечению сверхсущества. Само собой, ему еще в школе объясняли, что революционные политические движения и воинствующие религии являют собой аналогичные процессы — их различают лишь словесные ярлыки и символика, — однако он никогда не испыты-

вал ни того ни другого *на собственном опыте* и потому не в состоянии был понять, что с ним на самом деле происходит. Что за чушь! — он искренне считал себя трезвомыслящим агностиком.

Девушка открыла глаза и при виде Клиффорда улыбнулась.

— Доброе утро! — не двигаясь, проговорила она.

— С добрым утром, — откликнулся он, — с добрым утром! Вчера я забыл поинтересоваться, как вас зовут...

— Марион. А вас?

— Монро-Альфа Клиффорд.

— Монро-Альфа, — повторила она, — это хорошая линия, Клиффорд. Полагаю, вы... — она не смогла продолжить; на лице ее внезапно отразилось удивление, она сделала два судорожных вдоха, спрятала лицо в ладони и конвульсивно чихнула.

Монро-Альфа резко сел, мгновенно насторожившись; ощущение безмерного счастья разом покинуло его. Она? Невозможно!

Однако он, не дрогнув, встретил первое испытание своей вновь обретенной решимости. Он понимал, что сделать это будет чертовски неприятно, однако долг превыше всего. Целое больше части.

Он даже испытал неосознанное горькое удовлетворение от того, что способен исполнить долг, как бы это ни было больно.

— Вы чихнули, — обвиняюще сказал он.

— Это ничего не значит, — торопливо проговорила Марион. — Просто пыль — пыль и солнце.

— И вы охрипли. У вас заложен нос. Признайтесь, вы дикорожденная, не так ли?

— Вы не понимаете... — запротестовала она, — я... ох!.. — Девушка дважды быстро чихнула и молча склонила голову.

Монро-Альфа прикусил губу.

— Мне это так же больно, как и вам, — проговорил он, — однако я должен считать вас дикорожденной, пока вы не докажете, что это неправда.

— Почему?

— Вчера я пытался вам объяснить. Я обязан доставить вас во временный комитет — то, о чем я вчера рассказывал, сегодня стало свершившимся фактом.

Марион не отвечала. Она только смотрела на Монро-Альфу, и от этого он чувствовал себя все неудобнее.

— Пойдемте, — сказал он. — И не надо делать из этого трагедии. Вам вовсе не обязательно уходить в стасис. Легкая, безболезненная операция, которая вас ни в чем не изменит — совершенно не затронет вашего эндокринного баланса. А может, она и вообще не понадобится. Позвольте взглянуть на вашу татуировку.

Марион по-прежнему хранила молчание. Монро-Альфа вытащил из кобуры излучатель и направил на нее.

— Не шутите со мной. Это серьезно, — и он полоснул лучом по полу у самых ступней девушки, инстинктивно отдернувшей ноги от опаленного, дымящегося дерева. — Не вынуждайте меня сжечь вас. Это не шутки. Покажите татуировку!

Поколебавшись, Марион пожала плечами.

— Хорошо... Но вы пожалеете.

Она подняла левую руку. Когда Клиффорд наклонил голову, чтобы прочесть вытатуированные под мышкой цифры, она резко ударила рукой по его правому запястью. И в тот же момент ее правый кулак нанес Монро-Альфе болезненный удар в низ живота.

Он уронил излучатель.

Клиффорд подхватил оружие еще в полете и, вскочив, бросился за девушкой, но та уже исчезла. В распахнутой двери коттеджа словно в раме виднелись сахарные сосны и секвойи, но человеческой фигуры нигде не было. Вообще не было заметно никакого движения — лишь мелькнула синевой да выругалась голубая сойка.

Монро-Альфа рванулся к дверям и посмотрел в обе стороны, обводя ту же дугу стволом излучателя, но Лес Гигантов поглотил Марион. Конечно, она была где-то поблизости — именно ее бегство встревожило сойку. Но где? За которым из полусотни ближайших деревьев? Будь земля покрыта снегом, ее выдали бы следы, но снег сохранился лишь в глубоких впадинах, а на хвойном ковре не оставалось следов, заметных нетренированному глазу. Не было здесь и подлеска, который бы затруднял и выдавал движения беглянки.

Клиффорд растерянно бросился из стороны в сторону словно сбившаяся со следа собака. Внезапно краем

глаза он уловил какое-то движение, резко повернулся, за деревом мелькнуло что-то белое — и он мгновенно выстрелил.

Клиффорд был уверен, что не промахнулся. Его жертва упала за небольшой сосной, почти спрятавшей ее от глаз Монро-Альфы, дернулась — и осталась лежать без движения. Клиффорд вяло побрел к дереву, чтобы милосердно прикончить девушку, если первый выстрел ее только покалечил.

Но это была не Марион, а всего лишь длинноухий олененок. Выстрел Монро-Альфы прожег ему крестец, глубоко проникнув во внутренности. Замеченное им движение было предсмертной судорогой. Глаза животного были широко раскрыты — по-оленьи доверчивые и, как показалось Клиффорду, полные кроткого упрека. Монро-Альфа быстро отвернулся, почувствовав легкую тошноту. Это было первое живое существо, не принадлежавшее к человеческому роду, которое он убил.

Он искал девушку еще несколько минут, но уже без особого рвения. Чувство долга его не мучило: он убедил себя, что у беглянки нет шансов выбраться из горного леса — тем более, что она простужена. Так или иначе ей придется выйти и сдаться.

В коттедж Монро-Альфа возвращаться не стал. Он ничего там не оставил, а портативный нагреватель, обеспечивший им тепло этой ночью, наверняка снабжен автоматическим выключателем. Но если даже нет — не велика беда: Клиффорду и в голову не приходило сравнить собственное неудобство с возможным ущербом. Монро-Альфа направился напрямик к подземному ангару, нашел свою авиетку, забрался в нее и включил ротор. Автоматическая система управления движением в воздушном пространстве парка отреагировала немедленно — на экране автопилота вспыхнула надпись: «Движение над Лесом Гигантов запрещено — поднимайтесь на три тысячи». Клиффорд выполнил предписание машинально — его занимало сейчас отнюдь не управление авиеткой.

Впрочем, его мысли вообще не были сосредоточены ни на чем конкретном. Душевная летаргия, горькая меланхолия, которые обессиливали его до начала Перемены, с новой силой завладели Монро-Альфой. Во имя

чего велась эта слепая, бессмысленная борьба? Лишь затем, чтобы остаться в живых, размножаться и сражаться? Клиффорд гнал машину с максимальной скоростью, направляясь прямо в обрывы Маунт Уитни в безрассудном, полуосознанном стремлении тут и решить навеки все свои проблемы.

Но эта машина была создана не для аварий. По мере увеличения скорости, автопилот расширял диапазон локаторов пространства, клистроны сообщили о встречной преграде трекеру, коротко протрещали соленоиды, и авиетка перевалила через пик.

Глава 9

«Умираем ли мы полностью, умирая?»

Отвернувшись от авиетки, в которой он отправил Монро-Альфу, Гамильтон выбросил из головы все мысли о друге — слишком многое предстояло сделать, и слишком мало времени оставалось в его распоряжении. Скорее!

Его встревожило, что дверь, ведущая с крыши в здание, распахнулась, едва он набрал повседневно употребляемый штатом Клиники код — цифровую комбинацию, которую дал ему когда-то Мордан. Охранников в холле тоже не оказалось — с таким же успехом можно было держать все двери открытыми настежь.

С этим Гамильтон и ворвался в кабинет Арбитра.

— Это место защищено не лучше церкви! — взорвался он. — Из каких соображений?

Только теперь он заметил, что кроме Мордана в кабинете находятся Бэйнбридж Марта, глава технического персонала Арбитра, и Лонгкот Филлис. Присутствием девушки Гамильтон был не только удивлен, но и раздосадован — Филлис опять была вооружена.

— Добрый вечер, Феликс! — коротко приветствовал его Арбитр. — Почему вы думаете, что Клиника должна быть защищена?

— Боже милостивый! Разве вы не собираетесь сопротивляться атаке?

— Но почему мы должны ждать нападения? — удивился Мордан. — Это же не стратегический пункт. Позже они, несомненно, намерены захватить Клинику, но стрельба будет в других местах.

— Это вы так считаете. А я знаю лучше.

— Да?

— Мне предписано явиться сюда и убить вас. За мной следует отряд, чтобы захватить Клинику.

Мордан не ответил — он сидел, молчаливый и погруженный в себя. Гамильтон начал было говорить еще что-то, но Арбитр жестом прервал его.

— Кроме нас в здании только три человека. Никто из них не вооружен. Сколько у нас времени?

— Десять минут — или меньше.

— Я поставлю в известность Центральную станцию охраны порядка. Может быть, они смогут выделить из резерва несколько блюстителей порядка. Марта, отошлите служащих по домам, — и он повернулся к телефону.

Неожиданно резко замигал свет. На мгновение плафоны погасли, но тут же вспыхнули вновь, хотя и вполнакала — включилось аварийное освещение. Объяснений не требовалось — выключилась Центральная силовая станция. Мордан отошел от телефона — аппарат молчал.

— Здания двоим не удержать, — размышляя вслух, проговорил Арбитр. — Да этого и не нужно. Но есть место, защитить которое необходимо — банк плазмы. Наши друзья отнюдь не дураки, но все равно стратегия у них никудышная. Они забывают, что попавший в капкан зверь может отгрызть себе лапу. Пойдемте, Феликс. Попытаемся это сделать.

Гамильтон не переставал размышлять о цели захвата Клиники. Банк плазмы. Банк этой столичной Клиники являлся хранилищем плазмы всех гениев двух последних столетий. Даже если мятежники потерпят поражение, но захватят банк, у них в руках окажется уникальный и незаменимый залог. В худшем случае они смогут обменять его на собственные жизни.

— Почему вы сказали «двое»? — спросила Лонгкот Филлис. — А как насчет этого? — и она похлопала рукой по кобуре.

— Я не смею рисковать вами, — ответил Мордан. — И вы знаете почему.

На мгновение их взгляды встретились. Девушка ответила всего двумя словами:

— Флеминг Марджори.

— Хм-м... Я понял вас. Хорошо.

— А что она здесь делает? — поинтересовался Гамильтон. — И кто такая Флеминг Марджори?

— Филлис приходила ко мне — поговорить о вас. Флеминг Марджори — другая ваша пятиюродная кузина. Вполне подходящая карта. Пошли!

И он быстро вышел из кабинета.

Гамильтон последовал за ним, торопливо соображая. Смысл последних слов Арбитра дошел до него не сразу. Когда же он понял, то был изрядно раздосадован, однако времени для разговоров сейчас не было. На Филлис Гамильтон старался не смотреть.

В коридоре к ним присоединилась Бэйнбридж Марта.

— Одна из девушек извещает остальных, — сообщила она Мордану.

— Хорошо, — отозвался на ходу Арбитр.

Банк плазмы возвышался в середине огромного зала в три этажа высотой и соответствующих пропорций. Сам банк представлял собой ряд многоярусных стеллажей, стоявших вдоль стен, как в библиотеке. На половине высоты он был опоясан платформой, с которой техники могли дотянуться до ячеек верхнего яруса.

Мордан напрямик направился к металлической лестнице, ведущей вверх, и взобрался по ней на платформу.

— Мы с Филлис возьмем на себя две передние двери, — скомандовал он, — Вы, Феликс, — заднюю.

— А мне что делать? — спросила Марта.

— Вам? Вы не стрелок.

— Но у нас же есть еще один излучатель, — заметила глава технического персонала, кивнув на пояс Гамильтона. Тот озадаченно взглянул на свой пояс. Женщина была права — он совсем забыл про заткнутое за ремень оружие Монро-Альфы — и протянул бластер Марте.

— Вы хоть знаете, как им пользоваться? — поинтересовался Мордан.

— Он ведь сожжет там, куда я направляю? Правда?

— Да.

— Это все, что я хотела знать.

— Очень хорошо. Филлис, вы вместе с Мартой возьмите на себя заднюю дверь. Мы с вами, Феликс, займемся передними.

Платформа была опоясана невысоким, по пояс, ограждением. Оно не было сплошным, в нем виднелись отверстия — составные элементы орнамента. План Мордана был прост — залечь за этим ограждением и вести наблюдение сквозь отверстия, при необходимости используя их в качестве бойниц.

Они ждали.

Гамильтон достал сигарету и затянулся — зажглась она при этом сама. Не спуская глаз с левой двери, Феликс протянул портсигар Мордану, однако Арбитр отвел его руку.

— Одного я не могу понять, Клод...

— А именно?

— Почему правительство не арестовало их всех прежде, чем дело зашло так далеко? Полагаю, я был не единственным осведомителем. Так почему же заговор не подавили в зародыше?

— Я не представляю правительство, — осторожно ответил Мордан, — я не член Совета политики. Однако, если хотите, рискну высказать свои соображения.

— Давайте.

— Единственно надежный способ выявить всех заговорщиков — подождать, пока они проявят себя. Теперь их уже не нужно будет даже судить — такой процесс был бы излишним. Теперь их попросту уничтожат — всех до единого.

Гамильтон обдумал его слова.

— Вряд ли наши политики правы, рискуя при таком промедлении судьбой государства.

— У политиков широкий взгляд на вещи. С биологической точки зрения лучше быть уверенным, что проведена полная чистка. Конечный же результат не ставился под сомнение никогда.

— Откуда такая уверенность? Вот мы с вами, например, из-за этого промедления оказались в хорошеньком положении.

— Мы в опасности, это верно. Но не общество. Блюстителям может понадобится некоторое время, чтобы мобилизовать контингент ополчения — достаточный, чтобы подавить сопротивление заговорщиков во всех ключевых точках, которые они успели захватить. Но чем это кончится — сомневаться не приходится.

— Проклятье, — жалобно сказал Гамильтон, — неужели было так необходимо дожидаться, пока потребуется набирать добровольцев? У государства должна быть достаточно сильная полиция!

— Нет, — возразил Мордан, — я так не думаю. Государственная полиция ни в коем случае не должна быть слишком многочисленной и вооруженной лучше, чем население. Готовые к самозащите вооруженные граждане — вот первооснова гражданских свобод. Впрочем, это, разумеется, всего лишь мое личное мнение.

— А если граждане не станут или не сумеют защищаться? Если эти крысы победят? Это будет на совести Совета Политики.

Мордан пожал плечами.

— Если восстание окажется успешным, невзирая на сопротивление вооруженных граждан, — значит, оно себя оправдало. Биологически оправдало. Кстати, не спешите стрелять, если первый из них войдет через вашу дверь.

— Почему?

— У вас слишком громкое оружие. Если он будет один — мы получим небольшую отсрочку.

Они ждали. Гамильтон уже начал подумывать, не остановились ли его часы, но заметил, что сигарета все еще продолжает тлеть. Он бросил быстрый взгляд на дверь, вверенную его попечению, сказал Мордану: «Тс-с-с!» — и переключил внимание на другую.

Человек вошел осторожно, высоко подняв излучатель. Мордан держал его на прицеле до тех пор, пока тот не вышел из зоны видимости возможных спутников, оставшихся за дверью. И лишь тогда аккуратно прошил ему голову лучом. Взглянув на убитого, Феликс узнал в нем человека, с которым выпивал этим вечером.

Двое следующих появились парой. Мордан жестом приказал Феликсу не стрелять. Но на этот раз Арбитр не смог выждать так долго: едва оказавшись в дверях, мятежники увидели тело товарища. Гамильтон не без восхищения отметил, что не взялся бы доказывать, который из них был застрелен первым — казалось, оба рухнули одновременно.

— В следующий раз вам не надо отдавать мне право первого выстрела, — заметил Мордан. — Элемент внезапности утрачен. — И добавил, полуобернувшись: — Первая кровь, леди. А что у вас?

— Пока ничего.

— Идут! — Ба-банг! Банг! Трижды выстрелив, Гамильтон ранил троих; один из них шевельнулся, пытаясь подняться и ответить на огонь. Феликс выстрелил еще раз, и тот успокоился.

— Спасибо! — бросил Мордан.

— За что?

— Это был мой секретарь. Но лучше бы я прикончил его сам.

— Помнится, — приподнял бровь Гамильтон, — однажды вы сказали, что государственный служащий должен избегать проявления личных чувств на работе?

— Все верно... Но не существует правила, запрещающего получать от работы удовольствие. Я предпочел бы, чтоб он вошел через мою дверь. Он мне нравился.

Гамильтон заметил, что за время, пока он с таким грохотом останавливал натиск противника на свою дверь, Арбитр беззвучно прикончил четверых. Теперь возле его двери лежали пятеро, еще четверо — у двери Мордана и один — посередине.

— Если дальше так пойдет, скоро тут появится баррикада из живого мяса, — заметил он.

— Бывшего живым, — поправил Мордан. — Но не слишком ли вы задерживаетесь у одной бойницы?

— Обе поправки принимаются. — Гамильтон сменил позицию, потом позвал: — Как там дела, девушки?

— Марта одного достала, — пропела Филлис.

— С почином ее! А у вас как?

— У меня все в порядке.

— Прекрасно. Жгите их так, чтоб не дергались.

— Они и не дергаются, — отрезала Филлис.

Больше нападающие не появлялись. Лишь время от времени кто-то осторожно высовывался в дверной проем, стрелял наобум, не целясь, и молниеносно нырлял обратно. Осажденные вели ответный огонь, не питая, впрочем, особой надежды попасть в кого-нибудь: мятежники ни разу не показывались дважды в одном и том же месте, появляясь лишь на доли секунды. Феликс с Морданом меняли позиции, стараясь сквозь двери простреливать возможно большее пространство комнат, однако противники стали очень осторожны.

— Клод... Мне пришлось на ум нечто забавное.

— И что же?

— Предположим, меня здесь убьют. Значит, вы выиграете наш спор?

— Да. Но в чем же юмор?

— Но если погибну я, то и вы, вероятно, тоже. Вы говорили, что мой депозит зарегистрирован лишь у вас в памяти. Вы выигрываете — и теряете все.

— Не совсем. Я сказал, что он не будет зарегистрирован в картотеке. Но в моем завещании он указан, и мой душеприказчик доведет дело до конца.

— Ого! Значит, я в любом случае папа. — Гамильтон выстрелил по силуэту, на мгновение мелькнувшему в дверях; послышался визг, и силуэт исчез. — Паршиво, — пожаловался Феликс, — должно быть, теряю зрение. — Он выстрелил в пол перед дверью, заставив пулю рикошетировать дальше, в комнату; затем повторил то же с дверью Мордана. — Это научит их держать головы пониже. Но послушайте, Клод, будь у вас выбор, что бы вы предпочли: чтобы ваши планы относительно моего гипотетического отпрыска были с гарантией осуществлены ценой нашей общей смерти или чтобы мы выжили и начали все сызнова?

Мордан задумался.

— Пожалуй, я предпочел бы доказать вам свою правоту. Боюсь, что роль мученика мне не подходит.

— Так я и думал.

— Феликс! — крикнул Мордан некоторое время спустя. — Похоже, они стали намеренно провоцировать наш огонь. То, во что я стрелял последний раз, определенно не было лицом.

— Полагаю, вы правы. Последние раза два я не мог промахнуться.

— Сколько зарядов у вас осталось?

Гамильтону не надо было считать — он знал, и это его беспокоило. Когда он отправился в Дом Волчицы, у него было четыре обоймы — три в гнездах пояса и одна в пистолете. Сейчас в пистолете была последняя, и он уже успел сделать два выстрела. Феликс поднял руку с растопыренными пальцами.

— А у вас?

— Примерно столько же. А ведь мог я за время этого спарринга использовать не больше половины заряда... — какое-то мгновение Арбитр размышлял. — Прикройте обе двери, Феликс.

Он быстро пополз по платформе туда, где женщины охраняли заднюю дверь. Марта услышала его и обернулась.

— Взгляните, шеф, — она протянула Мордану левую руку — две первых фаланги указательного пальца и кончик большого были срезаны и прижжены. — Вот беда, — пожаловалась она, — я никогда уже не смогу оперировать...

— Оперировать могут и ассистенты. Важна голова.

— Много вы в этом понимаете. Все они неуклюжие. Чудо еще, что одеваться сами умеют.

— Виноват. Сколько зарядов у вас осталось?

Картина и здесь была не лучше. Прежде всего, дамский бластер Филлис был всего на двадцать зарядов. Излучатели Мордана и Монро-Альфы были на пятьдесят, но отобранное у Клиффорда оружие израсходовало уже почти весь заряд. После того как Марта была ранена, Филлис отобрала у нее излучатель, чтобы воспользоваться им, когда боезапас ее собственного окончательно иссякнет. Мордан посоветовал ей стрелять поэкономнее и вернулся на свой пост.

— Что-нибудь произошло? — поинтересовался он у Феликса.

— Нет. А там?

Арбитр рассказал ему. Гамильтон присвистнул, не сводя глаз с дверей.

— Клод?

— Да, Феликс?

— Как вы думаете, выберемся мы отсюда?

— Нет, Феликс.

— Хм-м-м... Ну что ж, это была отличная вечеринка. — Он помолчал и добавил: — Черт возьми, я не хочу умирать. По крайней мере — сейчас... Клод, мне тут пришла на ум еще одна шутка.

— Слушаю вас.

— Клод, в чем вы видите то единственное, что придает нашей жизни смысл... *подлинный* смысл?

— Это вопрос, — отозвался Мордан, — на который я все время пытался вам ответить.

— Нет, нет. Я имею в виду сам вопрос.

— Тогда сформулируйте это почетче, — осторожно парировал Арбитр.

— Сейчас. Единственной подлинной основой нашего существования могло бы быть знание, *точное* знание того, что происходит с нами после смерти. Умираем ли мы полностью, умирая? Или нет?

— Хм-м-м... Даже если принять вашу точку зрения, то в чем же шутка?

— Шутка разыгрывается за мой счет. Или, скорее, за счет моего ребенка. Через несколько минут я, возможно, узнаю ответ. Но он не узнает. Он лежит там, позади нас, спит в одном из морозильников. И у меня не будет ни малейшей возможности рассказать ему этот ответ. А ведь как раз ему-то и необходимо это знать. Разве это не забавно?

— Если в вашем понимании это шутка, то лучше уж занимайтесь салонными фокусами, Феликс.

Гамильтон не без самодовольства пожал плечами.

— В некоторых кругах меня почитают заправским остряком, — похвалился он. — Иногда я сам поражаюсь... Идут!

На этот раз атака была организованной, нападающие веером развернулись от обеих дверей. Несколько секунд и Феликс, и Мордан были очень заняты, потом все кончилось.

— Кто-нибудь прорвался? — осведомился Гамильтон.

— Похоже, двое, — отозвался Мордан. — Прикройте лестницу, Феликс. Я буду отсюда следить за дверьми.

Арбитр не заботился о своей безопасности — такое решение было продиктовано тактикой. Глаз и рука Мордана были точны и быстры, но Гамильтон был моложе и сильнее. Лежа на животе, он наблюдал за лестницей — большая часть его тела была защищена при этом металлом платформы и стеллажей. С первым выстрелом Феликсу повезло — противник высунул голову, глядя в другую сторону. Феликс уложил его с дырой в затылке и оторванным лбом. Затем он поспешно сменил позицию. Однако пистолет его был пуст.

Второй противник быстро вскарабкался по лестнице. Феликс ударил его рукояткой пистолета и схватился врукопашную, стараясь вырвать бластер. Нападающий чуть было не стащил Гамильтона вниз, но тот изо всех сил рванул его голову назад; послышался хруст ломающейся кости, и мятежник обмяк.

Гамильтон вернулся к Мордану.

— Хорошо. Где оружие?

Феликс пожал плечами и развел руками.

— Два излучателя должны быть у подножия лестницы.

— За ними вы спуститься все равно не успеете. Лучше оставайтесь здесь и возьмите бластер Марты.

— Да, сэр.

Гамильтон отполз назад, объяснил, что ему нужен бластер, и посоветовал Марте укрыться между стеллажей. Та запротестовала.

— Приказ шефа, — не моргнув глазом соврал Гамильтон и повернулся к Филлис: — Как дела, малышка?

— В порядке.

— Держи нос повыше, а голову пониже.

Гамильтон взглянул на счетчики обоих излучателей — в них оставался одинаковый заряд. Опустив в кобуру оружие Монро-Альфы и быстро взглянув на дверь, которую охраняла Филлис, он взял ее за подбородок, повернул к себе лицом и торопливо поцеловал.

— На память, — сказал он и сразу же отвернулся.

За это время Мордан не заметил никакой активности со стороны противника.

— Но она непременно проявится, — добавил Арбитр. — Мы вынуждены экономить заряды, и скоро они это поймут.

Ожидание казалось бесконечным. Оба упрямо воздерживались от стрельбы по целям, которые им услужливо предлагались.

— Думаю, — заметил наконец Мордан, — стоит израсходовать в следующий раз один заряд — это может дать нам еще некоторую отсрочку.

— Уж не посетила ли вас бредовая мысль, будто мы все-таки сможем выкарабкаться? Я начинаю подозревать, что блюстители и не догадываются о нападении на Клинику.

— Может, вы и правы. Но мы все равно будем держаться.

— Разумеется.

Скоро перед ними появилась цель — и достаточно четкая, чтобы понять, что это человек, а не муляж. Мордан достал его лучом. Человек упал на видном месте, однако, экономя заряды, осажденные позволили ему беспрепятственно уползти.

— Послушайте, Клод, — Гамильтон коротко взглянул на Арбитра, — а ведь *стоило бы* постараться выяснить наконец, что же происходит, когда гаснет свет. Почему никто не взялся за это всерьез?

— Религия занимается. И философия.

— Я не это имею в виду. Этим следует заняться, как и любой... — он остановился. — Вам не кажется, что чем-то пахнет?

— Не уверен... — Мордан потянул воздух носом. — На что похож запах?

— Сладковатый... Он... — Неожиданно Феликс ощутил головокружение — ничего подобного прежде он никогда не испытывал. Он увидел двух Морданов разом. — Газ, — догадался он, — они до нас добрались. Пока, дружище.

Он попытался добраться до прохода, в котором дежурила Филлис, но сумел сделать лишь несколько неуверенных движений и, растянувшись, остался лежать ничком.

Глава 10

«...единственная игра в городе»

Быть мертвым оказалось приятно. Приятно и спокойно — без скуки. Но немножко одиноко. Гамильтону не доставало остальных — безмятежного Мордана, отважной Филлис, Клиффа с его застывшим лицом. И еще того забавного маленького человечка, трогательно-го владельца бара «Млечный путь». Как же его звали? Херби? Герберт? Что-то вроде этого... Гамильтон отчетливо представлял себе его лицо, однако имена без слов приобретали совсем иной вкус. Почему он назвал того человека Гербертом?

Неважно. В следующий раз он не изберет своим делом математику. Математика — материя скучная и безвкусная. Теория игр... Любую игру всегда можно прервать. Какой в ней интерес, если результат заранее известен? Однажды он изобрел подобную игру, назвав ее «Тщетность» — играя как уютно, вы были изначально обречены на выигрыш. Нет, это был вовсе не он, а игрок по имени Гамильтон. Сам он не Гамильтон — по крайней мере, в этой игре. Он генетик — вот здорово: игра в игре! Меняйте правила по ходу игры. Двигайте игроков по кругу. Обманывайте сами себя.

«Закройте глаза и не подглядывайте, а я вам что-то дам — и это будет сюрприз!»

Сюрприз — вот суть игры. Вы запираете собственную память на ключ и обещаете не подглядывать, а потом разыгрываете вами избранную часть, подчиняясь правилам, определенным для данного игрока. Временами, правда, сюрпризы могут оказаться страшненькими — очень неприятно, например, когда тебе отжигают пальцы.

Нет! Эту позицию проиграл вовсе не он. Это был автомат — некоторые роли должны быть отведены автоматам. Именно автомату он отжег пальцы, хотя в свое время это и показалось ему реальностью.

При пробуждении так бывало всегда. Всякий раз трудновато было вспомнить, какую из ролей ты играл — забывая, что играл все. Ну что ж, это была игра — единственная игра в городе, и больше заняться было нечем. Что он мог поделывать, если игра была жульничеством? Но в следующий раз он придумает другую игру. В следующий раз...

Глаза его не действовали. Они были открыты — но увидеть он ничего не мог. Чертовски странно — явно какая-то ошибка...

— Эй! Что тут происходит?

Это был его собственный голос. Он сел — и с лица упала повязка. Все вокруг было таким ярким, что стало больно глазам.

— В чем дело, Феликс?

Повернувшись на голос, Гамильтон попытался сфокусировать слезящиеся от рези глаза. В нескольких футах от него лежал Мордан. О чем это он хотел у Мордана спросить? Как-то вылетело из головы...

— Не могу сказать, чтобы я хорошо себя чувствовал, Клод. Как долго мы были мертвы?

— Вы не мертвы. Вы просто немного больны. Это пройдет.

— Болен? Это так называется?

— Да. Однажды и я болел — лет тридцать назад. Это было очень похоже.

— А... — он все еще никак не мог вспомнить, о чем же хотел спросить Мордана. Между тем это было нечто важное — такое, чего Клод не мог не знать. Клод вообще знал все — ведь правила составлял он.

— Хотите узнать, что произошло? — поинтересовался Мордан.

Может, он и хотел.

— Они пустили газ, да? Потом я уже ничего не помню.

А между тем там было нечто, о чем обязательно надо было вспомнить.

— Газ действительно был пущен, только — блястителями. Через систему кондиционирования воздуха. Нам повезло: никто не знал, что мы находимся внутри, в осаде, но, к счастью, они не были уверены, что весь персонал успел покинуть здание — иначе применили бы смертоносный газ.

В голове у Гамильтона мало-помалу прояснялось. Он уже вспомнил сражение во всех деталях.

— Вот, значит, как? И сколько же их осталось? Скольких мы не смогли достать?

— Точно не знаю, а выяснять, вероятно, уже поздно. Думаю, они все уже мертвы.

— Мертвы? Но почему? Не сожгли же их, пока они лежали без сознания?

— Нет... Но без немедленного введения противоядия этот газ тоже смертелен, а я опасаясь, что врачи были слегка переутомлены. Во всяком случае, наших людей спасали первыми.

— Старый лицемер, — ухмыльнулся Гамильтон и вдруг спохватился: — Эй! А что с Филлис?

— С ней все в порядке — и с Мартой тоже. Я проверил, когда очнулся. Кстати, вы знаете, что храпите во сне?

— Правда?

— Неистово. Я слушал эту музыку больше часа. Должно быть, вы глотнули больше газа, чем я. Возможно, вы боролись...

— Может быть. Не знаю. Кстати, где мы?

Гамильтон скинул ноги с кровати и попытался встать — предприятие, оказавшееся не слишком благоразумным; он едва не упал навзничь.

— Ложитесь, — посоветовал Мордан, — вам нельзя подниматься еще несколько часов.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Гамильтон, снова откидываясь на подушки. — Забавное ощущение: я думал, что вот-вот полечу.

— Мы рядом с больницей Карстера, во временной пристройке, — продолжал Мордан. — Естественно, сегодня здесь тесновато.

— Все кончилось? Мы победили?

— Разумеется, победили. Я же говорил, что конечный результат не вызывал сомнений.

— Помню, но мне никогда не была понятна ваша уверенность.

Прежде чем ответить, Мордан помолчал, размышляя.

— Вероятно, проще всего было бы сказать, что у них изначально отсутствовало главное слагаемое успеха. Их лидеры в большинстве своем — генетически скудные типы, у которых самомнение намного превосходит способности. Сомневаюсь, чтобы у кого-либо из них хватило воображения представить себе всю сложность управления обществом — даже таким мертворожденным, какое они мечтали создать.

— Говорили они так, словно во всем этом разбирались.

— Без сомнения, — кивнул Мордан. — Это всеобщий недостаток, присущий расе с тех пор, как возникла социальная организация. Мелкий предприниматель считает свой крохотный бизнес делом столь же сложным и трудным, как управление всей страной. А значит, он воображает, что способен быть компетентным государственным деятелем, таким же как глава исполнительной власти. Забираясь в дебри истории, можно без колебаний утверждать, что многие крестьяне считали королевские обязанности пустячным делом, с которым они сами справились бы ничуть не хуже, выпади им такой шанс. Корни всего этого в недостатке воображения и великом самомнении.

— Никогда бы не подумал, что им не хватает воображения.

— Между созидательным воображением и дикой, неуправляемой фантазией — огромная разница. Один — шизофреник, мегаломаньяк, неспособный отличить факт от фантазии, другой же — тупой и упрямый практик. Но как бы то ни было, факт остается фактом: среди

заговорщиков не было ни одного компетентного ученого, ни единого синтетиста. Осмелюсь предсказать: разобрав их архивы, мы обнаружим, что почти никто — а может быть, и вообще никто — из мятежников никогда и ни в чем не достиг бы заметного успеха. Они могли добиться превосходства лишь над себе подобными.

Гамильтон пришел к выводу, что и сам замечал нечто похожее. Заговорщики производили впечатление людей, которым всегда что-то мешало. Среди них ему не встретилось никого, кто представлял бы собой заметную фигуру вне «Клуба выживших». Зато уж в клубе они раздувались от самомнения, планировали то, решали это, рассуждали о великих делах, которые свершат, когда «возьмут власть». Мелочь они все — вот кто.

Но что бы ни говорил Мордан, мелочь опасная. Полудурок может сжечь вас с таким же успехом, как и любой другой.

— Еще не спите, Феликс?

— Нет.

— Помните наш разговор во время осады?

— М-м-м... да... полагаю, да.

— Вы собирались что-то еще сказать, когда дали газ.

Гамильтон медлил с ответом. Он помнил, что было у него на уме, однако облечь эти мысли в подходящие слова было трудно.

— Понимаете, Клод, мне кажется, что ученые берутся за любые проблемы, кроме по-настоящему существенных. Человек хочет знать, «зачем», а наука объясняет ему «что».

— «Зачем» — не дело науки. Ученые наблюдают, описывают, анализируют и предсказывают. Их проблемы — это «что», «как» и «почему». «Зачем» — это уже вне поля их деятельности.

— Но почему бы «зачем» не входить в сферу внимания науки? Мне не важно, как далеко отсюда до Солнца. Я хочу знать, зачем Солнце там, а я смотрю на него отсюда. Я спрашиваю, зачем существует жизнь, а они объясняют мне, как лучше испечь хлеб.

— А вы попробуйте обойтись без пищи.

— Обойдетесь — когда решите эту проблему.

— Вы когда-нибудь были по-настоящему голодны?

— Однажды — когда изучал основы социэкономки. Но это было учебным голоданием. Не думаю, чтобы мне еще когда-нибудь пришлось голодать — да и никому другому это тоже не предстоит. Это — решенная проблема, но она не помогает решить остальные. Я хочу знать: что дальше? куда? зачем?

— Я думал об этом, — медленно проговорил Мордан, — думал, пока вы спали. Философские проблемы беспредельны, а на безграничных вопросах нервным клеткам не слишком полезно задерживаться. Но прошлой ночью вы, казалось, ощущали, что ключевой проблемой является для вас старый-престарый вопрос: представляет ли человек нечто большее, чем его земное существование. Вас по-прежнему это волнует?

— Да... Пожалуй, да. Если бы после всей этой сумасшедшей крутоверти, которую мы называем жизнью, существовало еще хоть что-то, я мог бы увидеть в безумии бытия некоторый смысл — даже не зная до самой смерти окончательного ответа.

— Но, предположим, за пределами жизни нет ничего? Предположим, что, едва тело успеет полностью разложиться, от человека не останется и следа? Я обязан сказать вам, что считаю эту гипотезу вероятной.

— Ну что ж... Радости такое знание не прибавит, но это все же лучше неведения. По крайней мере вы можете рационально спланировать собственную жизнь. Человек может даже ощутить удовлетворение, экстраполируя какие-то улучшения в будущем, — в то время, когда его самого уже не станет. Предвкушая чью-то радость, испытывая удовлетворение от того, что кто-то будет счастливее.

— Уверяю вас, так оно и есть, — подтвердил Мордан, прекрасно знавший это по собственному опыту. — Но, признайтесь, в обоих случаях, на вопрос, поставленный вами при нашей первой беседе, вы получили удовлетворительный ответ.

— М-м-м... Да.

— Следовательно, вы дадите согласие участвовать в касающейся вас генетической программе?

— Да... Если.

— Я не жду от вас окончательного ответа сейчас и здесь, — спокойно проговорил Мордан. — Но вы со-

гласитесь сотрудничать, если будете знать, что принята серьезная попытка найти ответ на ваш вопрос?

— Полегче, дружище! Не торопитесь. Так уж сразу — вы выиграли, я — проиграл. Сначала я должен получить право взглянуть на ответ. Предположим, вы поручите кому-то этим заняться и он заявит к вам с отрицательным ответом, когда я уже выполнил свою часть сделки?

— Вы должны мне довериться. Такие исследования могут длиться годами — или вообще не завершиться на протяжении вашей жизни. Но предположим, я заявляю вам, что к исследованиям приступят — серьезно, трезво, не жалея ни сил, ни затрат — в этом случае согласитесь ли вы сотрудничать?

Гамильтон закрыл лицо руками. Его мозг перебирал миллиард факторов — некоторые из них он не вполне понимал и ни об одном не хотел разговаривать.

— Если бы вы... если вы... я думаю, возможно...

— Ну-ка, ну-ка, — зарокотал в комнате незнакомый голос, — что здесь происходит? Возбуждение вам пока противопоказано.

— Хелло, Джозеф! — приветствовал вошедшего Мордан.

— Доброе утро, Клод. Как самочувствие — лучше?

— Несколько.

— Вы все еще нуждаетесь в сне. Попробуйте заснуть.

— Хорошо. — Мордан откинулся на подушку и закрыл глаза.

Человек, которого Арбитр назвал Джозефом, подошел к Феликсу, пощупал пульс, приподнял веко и посмотрел зрачок.

— С вами все в порядке.

— Я хочу встать.

— Еще рано. Сначала вам надо несколько часов поспать. Посмотрите на меня. Вы чувствуете себя сонным. Вы...

Гамильтон отвел взгляд в сторону и окликнул:

— Клод!

— Он спит. Вы не в состоянии его разбудить.

— Вот оно что! Послушайте, вы гипнотизер?

— Конечно.

— Существует ли способ излечить храп?

Врач усмехнулся.

— Все, что я могу вам порекомендовать — это хорошенько выспаться. И хочу, чтобы вы немедленно занялись этим. Вас клонит в сон. Вы засыпаете... Вы спите...

Как только его выпустили из больницы, Гамильтон попытался разыскать Филлис. Занятие оказалось не из легких — более чем скромные площади больниц города были переполнены, и она лежала, как и он прежде, во временном помещении. Но и тогда, когда он наконец разыскал это помещение, его не пустили к ней, заявив, что пациентка спит. И даже не удостоили его никакой информацией о состоянии девушки, поскольку он ничем не мог удостоверить своего права на это знание, если оно относилось к священной сфере личной жизни.

Однако он проявил столько настырности и занудства, что в конце концов ему сказали, что Филлис вполне здорова, если не считать легкого недомогания, вызванного газовым отравлением. Этим ему и пришлось удовлетвориться.

Гамильтон мог бы встрять в серьезные осложнения, имей он дело с мужчиной, однако бороться ему пришлось с мрачной, негибкой матроной, которая была, пожалуй, вдвое жестче его самого.

У Феликса было завидное свойство — он способен был выбросить из головы ситуацию, в которой был бессилен помочь. И потому едва он вышел из больницы, Филлис напрочь исчезла из его мыслей. Машинально он направился было домой, но потом — впервые за много часов — вспомнил о Монро-Альфе.

Идиот несчастный! Что с ним могло произойти? Предпринимать какие-либо официальные шаги, чтобы это выяснить, Гамильтону не хотелось, ибо так можно было невольно выдать связь Монро-Альфы с заговорщиками. Впрочем, скорее всего, тот успел уже это сделать сам.

Ни тогда, ни в другое время Феликсу не приходило в голову «поступить достойно» и выдать Клиффорда.

Мораль Гамильтона была строго прагматична, почти совпадая с общепринятой, но в то же время в ней доминировал живой и эмоциональный эгоизм.

Феликс вызвал служебный кабинет Монро-Альфы — нет, Клиффорда там не было. Вызвал квартиру. Телефон не отвечал. Пораскинув мозгами, Гамильтон решил отправиться к другу домой, допуская, что может оказаться там первым.

На звонок в дверь никто не отозвался. Феликс знал код, хотя в обычных обстоятельствах ему бы и в голову не пришло им воспользоваться. Однако сейчас обстоятельства были исключительными.

Монро-Альфю он нашел в комнате отдыха. При виде Гамильтона Клиффорд поднял глаза, но не поднялся навстречу и не проронил ни слова. Гамильтон подошел и уселся перед ним.

— Итак, вы вернулись.

— Да.

— Давно?

— Не знаю. Несколько часов.

— Так ли? Я вам звонил.

— Так это были вы?

— Конечно, я. Почему вы не отвечали?

Монро-Альфа тупо и безмолвно посмотрел на Гамильтона и отвел взгляд.

— А ну-ка встряхнитесь! — рявкнул выведенный из себя Феликс. — Возвращайтесь к жизни! Путч провалился. Знаете?

— Да, — безжизненно кивнул Монро-Альфа и добавил: — Я готов.

— Готов — к чему?

— Разве вы пришли не арестовать меня?

— Я? Великий Боже! Я же не блюститель.

— Это неважно. Мне все равно.

— Послушайте, Клифф, — серьезно заговорил Гамильтон, — что с вами случилось? Вы все еще переполнены болтовней Мак-Фи? Или решили стать мучеником? Вы были дураком — но ведь нет смысла становиться полным идиотом! Я доложил, что вы были моим агентом (только сейчас его осенила эта идея — и позже, если понадобится, он ее осуществит). Вы совер-

шенно чисты перед законом. Ну же, говорите! Ведь вы не участвовали в боях?

— Нет.

— Так я и думал — особенно после снотворного, которым я вас начинил. Еще немножко — и вы бы слушали сейчас райских птичек. Тогда в чем же дело? Неужто вы все еще остаетесь фанатичным приверженцем всей этой чепухи проклятого «Клуба выживших»?

— Нет. Это было ошибкой. Я был не в своем уме.

— Что правда, то правда. Но поймите: хоть вы и не в состоянии сейчас этого оценить, но вы легко отделались. Вам не о чем беспокоиться. Просто въезжайте в старую колею — и никто ничего не заподозрит.

— Это не поможет, Феликс. Ничто не поможет. Но все равно, спасибо. — Монро-Альфа улыбнулся кроткой, слабой улыбкой.

— О Господи! Я готов съездить вам по физиономии, чтобы хоть как-то расшевелить!

Монро-Альфа не отвечал. Он сидел безучастно, закрыв лицо руками. Гамильтон потряс его за плечо.

— В чем дело? Да что, в конце концов, случилось? Что-нибудь, о чем я не знаю?

— Да, — это было сказано почти шепотом.

— Может, расскажете?

— Это неважно, — отмахнулся Монро-Альфа, однако тут же начал рассказывать — и уже не мог остановиться; размеренно, тихим голосом, не поднимая головы, он повествовал обо всем, что с ним приключилось. Казалось, он разговаривает сам с собой, что-то повторяя, чтобы заучить наизусть.

Гамильтон слушал — с ощущением неловкости, то и дело порываясь остановить друга. Никогда еще он не видел, чтобы человек так выворачивал душу. Это казалось непристойным.

Но Клиффорд все продолжал и продолжал, пока жалкая и расплывчатая картина не обрела беспощадной четкости.

— И вот я вернулся сюда. — Он смолк, так и не подняв глаз.

— И это все? — спросил пораженный Гамильтон.

— Да.

— Вы уверены, что ничего не опустили?

- Нет, конечно, нет.
- Тогда что же, во имя Бога, вы здесь делаете?
- Ничего. Мне просто некуда больше идти.
- Нет, Клифф, все-таки вы доведете меня до смерти! Действуйте! Начинайте! Поднимайте свою жирную задницу — и двигайте.
- Что? Куда?
- За ней, безмозглый идиот! Идите — и найдите ее. Монро-Альфа устало покачал головой.
- Видимо, вы не слушали. Говорю вам: я пытался ее сжечь.

Гамильтон глубоко вздохнул, задержал дыхание, выдохнул и только после этого заговорил:

— Послушайте меня. Кое-что о женщинах я знаю, хотя порой мне и кажется, будто на самом деле не понимаю в них ничего. Но вот в чем я совершенно уверен: женщина никогда не позволит такой мелочи, как попытка разок выстрелить в нее, стать между вами — если, конечно, вы вообще имели у нее хоть какой-то шанс. Она вас простит.

— Вы ведь не всерьез так считаете? — лицо Монро-Альфы все еще хранило трагическое выражение, но он уже уцепился за надежду.

— Разумеется, всерьез. Женщина простит все, что угодно, — и в проблеске внезапного озарения Гамильтон добавил: — В противном случае человечество давно бы уже вымерло.

Глава 11

«...тогда человек нечто большее, чем его гены!»

— Не могу сказать, — заметил distinguished член Совета от района Великих Озер, — чтобы меня убедила аргументация брата Мордана в пользу проекта, предложенного ради того, чтобы обеспечить согласие молодого Гамильтона на передачу по наследству его врожденных качеств. Правда, я не очень хорошо знаком с деталями вовлеченной генетической линии...

— А должны бы, — довольно едким тоном перебил Мордан. — Я представил полную расшифровку два дня назад.

— Прошу прощения, брат. Последние сорок восемь часов мне почти непрерывно пришлось вести слушания. Вы же знаете, история с Миссисипской долиной — довольно срочное дело...

— Виноват, — в свою очередь склонил голову Мордан. — Непосвященному простительно забыть о занятости Планировщика.

— Пустяки. Не будем впадать в излишнюю вежливость. Я просмотрел резюме и первые шестьдесят страниц. Вкупе с моими общими знаниями это позволило составить приблизительное представление о сути про-

блемы. Но скажите, прав ли я, полагая, будто в карте Гамильтона нет ничего такого, чего нет в других? Можете вы предложить иные варианты?

— Да.

— Вы рассчитывали завершить программу на его потомках. В случае использования других источников — сколько понадобится дополнительных поколений?

— Три.

— Так я и думал — и в этом причина моего несогласия с вашими аргументами. Генетическая цель последовательности, разумеется, представляет для расы величайшую важность, но отсрочка на каких-то сто лет вряд ли настолько существенна, чтобы ради этого предпринять развернутое исследование вопроса о жизни после смерти.

— Правильно ли я понимаю, — вмешался спикер дня, — что вы официально подаете голос против предложения брата Мордана?

— Нет, Хьюберт, нет. Вы поспешили — и ошиблись. Я поддерживаю его предложение, невзирая на тот факт, что считаю его аргументацию хотя и справедливой, но недостаточно обоснованной. Я расцениваю эту идею как достойную — вне зависимости от причин, на основании которых она выдвинута. Я считаю, что мы должны безоговорочно поддержать брата Мордана.

Член от Антильских островов оторвал глаза от книги, которую читал (все присутствующие знали, что это не свидетельство неуважения к коллегам — у него были параллельные мыслительные процессы, и никому даже в голову не приходило, что из вежливости он станет терять половину времени).

— Полагаю, — сказал он, — Джордж должен обосновать свою позицию более подробно.

— С удовольствием. Мы, политики, подобны лоцману, который пытается осторожно вести корабль, представления не имея о пункте назначения. Гамильтон нащупал самое слабое место в нашей культуре — ему самому следовало бы быть Планировщиком. Хотя в основе каждого принимаемого нами решения и лежит объективная информация, все же оно сформировано прежде всего нашими личными воззрениями. Именно в их свете мы рассматриваем любые факты. У кого из вас

есть собственное мнение о жизни после смерти? Прошу поднять руки. Ну же — будьте честными перед собой.

Нерешительно поднялось несколько рук.

— А теперь, — продолжал член Совета от Великих Озер, — я прошу поднять руки тех, кто убежден в правильности собственного мнения.

Поднятой осталась лишь рука члена Совета от Патагонии.

— Браво! — воскликнул Ремберт от Озер. — Я должен был догадаться, что вы уверены.

Вынув изо рта сигару, представитель от Патагонии рывкнула:

— Каждый дурак это знает! — и вернулась к своему вышиванию.

Ей уже перевалило за сто, и она была единственной дикорожденной во всем Совете. И вот уже более полувека избиратели неукоснительно подтверждали ее полномочия. Хотя зрение у нее мало-помалу слабело, однако зубы по-прежнему оставались своими, только с каждым годом все больше желтели. Морщинистое лицо цвета красного дерева свидетельствовало больше об индейской, чем о кавказской крови. Многие из членов Совета потихоньку признавались, что побаиваются ее.

— Карвала, — обратился к ней Ремберт, — может быть, вы сэкономите наши усилия, предложив готовый ответ?

— Ответа я вам предложить не могу — да если бы и предложила, вы бы мне не поверили. — Секунду помолчав, она добавила: — Пусть мальчик поступает как ему нравится. Он все равно так и сделает.

— Вы поддерживаете предложение брата Мордана или возражаете против него?

— Поддерживаю. Хотя не думаю, что вы сумеете подступиться к делу с правильной стороны.

Наступила короткая пауза. Каждый из присутствующих торопливо пытался припомнить, когда — если такое вообще хоть раз было — Карвала оказывалась в конечном счете не права.

— Мне совершенно очевидно, — заговорил Ремберт, — что единственно разумная личная философия, основанная на представлении о нашей полной и оконча-

пальной смертности — это философия гедонизма. Гедонист может получать от жизни наслаждения самыми тонкими, непрямыми, сублимационными методами — однако наслаждение должно быть его единственной разумной целью, сколь возвышенным ни казалось бы его поведение. С другой стороны, если жизнь представляет собой нечто большее, нежели видимый нам короткий промежуток — это открывает безграничные возможности для развития негедонистических воззрений. Объект исследования, таким образом, представляется мне заслуживающим внимания.

— Даже если ваша точка зрения справедлива, — заметила женщина, представлявшая Северо-Западный Союз, — в нашей ли компетенции заниматься этим? Наши функции и полномочия ограничены, Конституция запрещает нам вмешиваться в сферу духовной жизни. Что вы думаете по этому поводу, Иоганн?

Член Совета, к которому она обратилась с этим вопросом, был среди них единственным религиозным деятелем, Преподобнейшим Посредником для нескольких миллионов своих единоверцев к югу от Рио-Гранде. Его политическая карьера была тем более удивительной, что большинство его избирателей не принадлежало к этой конфессии.

— На мой взгляд, конституционные ограничения в данном случае неприменимы, Джеральдина, — отозвался он. — То, что предлагает брат Мордан, является чисто научным исследованием. Результаты его могут приобрести значение для духовной жизни в случае, если работа приведет к положительным результатам. Однако беспристрастное изучение проблемы в любом случае не является нарушением свободы вероисповедания.

— Иоганн прав, — заметил Ремберт. — Объектов, неуместных для научного исследования, не бывает. Мы слишком долго считали обращение к этой области монопольным правом вам подобных, Иоганн. Самый серьезный в мире вопрос был оставлен на усмотрение догадок или веры. Пришло время ученым либо заняться им — либо признать, что наука не больше чем переисчисляющие камешков.

— Действуйте, — поощрил его Иоганн. — Мне интересно, чего вы добьетесь — в лабораториях.

Хоскинс Джеральдина посмотрела на него.

— Интересно, Иоганн, в каком положении вы окажетесь, если исследования выявят факты, противоречащие положениям вашей веры?

— Это вопрос, — невозмутимо отозвался тот, — который я должен буду разрешить наедине с собой. Данного Совета он не касается.

— Полагаю, — заметил спикер, — можно перейти к предварительному голосованию. Мы знаем, что некоторые поддерживают предложение брата Мордана. Высказывается ли кто-нибудь против?

Ни одна рука не поднялась.

— Воздерживается ли кто-нибудь от выражения мнения?

И снова не поднялась ни одна рука — лишь один из членов Совета нерешительно шевельнулся.

— Вы хотели что-то сказать, Ричард?

— Пока — нет. Я поддерживаю предложение, но хотел бы позже о нем поговорить.

— Очень хорошо... Решение принято единогласно. Кандидатуру организатора проекта я представляю собранию позже. Теперь вы готовы, Ричард?

Чрезвычайный член Совета, представитель странствующих и путешествующих, полномочия которого не ограничивались каким-либо избирательным округом, кивнул.

— Намеченные исследования слишком локальны.

— Да?

— В качестве средства убедить Гамильтона Феликса сотрудничать с государственными генетиками они вполне достаточны. Но ведь теперь мы принимаем программу ради нее самой. Это так?

Спикер обвел взглядом зал — кивнули все, кроме престарелой Карвалы, казалось, совершенно не заинтересованной ходом обсуждения.

— Да, это так.

— Тогда мы должны исследовать не эту единственную философскую проблему, но весь комплекс. И по тем же причинам.

— Однако же мы совсем не обязаны быть последовательными и всеобъемлющими.

— Да, знаю. Но я исхожу не из формальной логики — перспектива представляется мне увлекательной. И потому я предлагаю расширить сферу исследований.

— Прекрасно. Я тоже заинтересован. И полагаю, что мы вполне можем посвятить обсуждению этого вопроса несколько ближайших заседаний. Выдвижение кандидатуры организатора проекта я задержу до тех пор, пока мы не решим, как далеко собираемся в этих исследованиях зайти.

Поскольку миссия его была практически завершена, Мордан уже некоторое время порывался испросить разрешения удалиться, однако при том повороте, который приняла дискуссия, почувствовал, что его не заставили бы покинуть зал ни пожар, ни землетрясение — его не выманил бы отсюда даже целый сонм очаровательных девиц. К тому же как всякий полноправный гражданин, он имел право присутствовать на любом заседании Совета, а поскольку являлся еще и заслуженным синтетистом, вряд ли кому-либо пришло бы в голову протестовать против его участия в обсуждении.

Член Совета от странствующих и путешествующих продолжал:

— Нам следует перечислить и исследовать все философские проблемы — особенно вопросы метафизики и гносеологии.

— Я полагал, — мягко вмешался спикер дня, — что гносеология достаточно разработана.

— Конечно, конечно — в ограниченных пределах, как соглашение о семантической природе символического общения. Для того чтобы общение было возможным. Речь и все другие символы общения неизбежно соотносятся с согласованными, четко определенными физическими фактами, как бы ни был высок уровень абстрагирования. Без этого мы не можем общаться. Вот почему мы с братом Иоганном не можем спорить о религии: свою он несет в себе, будучи не в состоянии объяснить ее — так же, как я ношу в себе свою. Мы даже не можем быть совершенно убеждены, что в чем-то друг с другом не согласны. Наши религиозные убеждения могут быть идентичными, однако мы не можем их выразить — и в результате помалкиваем.

Иоганн улыбнулся со своим обычным неколебимым добродушием, но ничего не сказал. Карвала, подняв глаза от вышивки, язвительно поинтересовалась:

— Это что, лекция для детского сада?

— Виноват, Карвала. Мы пришли к соглашению относительно метода символического общения — символ не *есть* обозначаемый им факт, карта не *есть* территория, звук речи не *есть* физический процесс. Мы идем дальше — и признаем, что символ никогда не включает в себя всех деталей явления, которое обозначает. И еще мы допускаем, что символы могут использоваться для манипуляции символами... Это опасно, но полезно. Мы согласились также, что для облегчения общения символы, насколько возможно, должны быть структурно уподоблены фактам, которые ими обозначаются. До этого предела гносеология разработана. Однако ее ключевую проблему — как мы знаем то, что знаем, и что это знание означает — мы договорились игнорировать, как игнорируем мы с Иоганном теологические вопросы.

— И вы всерьез предлагаете это исследовать?

— Да. Это ключевой вопрос в общей проблеме личности. Между ним и поднятой братом Морданом проблемой существует взаимосвязь. Подумайте: если человек «живет» после того, как тело его умерло, или же до того, как оно было зачато, значит, человек *представляет собой нечто большее, чем его гены и влияние окружающей среды*. Доктрина внеличной ответственности за персональные поступки стала популярной на основе прямо противоположных представлений. Не стану углубляться в этические, политические и иные следствия, вытекающие из этого тезиса — они достаточно очевидны. Отметим, однако, аналогию между географической картой и территорией, с одной стороны, и генетической картой и человеком — с другой. Все эти основополагающие проблемы взаимосвязаны, и решение одной из них может послужить ключом к решению другой — или даже всех остальных.

— Вы не упомянули о возможности прямого общения, минуя системы символов.

— Это подразумевалось. Такое общение служит прекрасным примером того класса явлений, о котором мы

договорились забыть, принимая негативные семантические утверждения в качестве последнего слова гносеологии. Однако такую точку зрения необходимо пересмотреть. В телепатии есть нечто — даже если мы не в состоянии ни измерить его, ни управлять им. Это прекрасно известно всем, кто счастлив в браке — даже если он не рискует признаваться в этом вслух. В какой-то мере телепатией пользовались первобытные люди, а сейчас — животные и дети. В свое время избыток самоуверенности заставил нас поторопиться с выводами, но теперь вопрос пора снова открыть.

— Если говорить обо всем комплексе философских проблем, — вставил член Совета от Нью-Болливара, — то исследование одной из них мы уже согласились финансировать — я имею в виду баллистический стеллариум доктора Торгсена. Происхождение и будущее Вселенной несомненно являются классической проблемой метафизики.

— Вы правы, — заметил спикер, — и если мы согласимся с предложением Ричарда, то проект доктора Торгсена должен рассматриваться в качестве составной части программы в целом.

— Полагаю, мы недостаточно субсидировали работу доктора Торгсена.

— Пока что он не так много истратил, хотя субсидии, разумеется, могут быть увеличены в любой момент. Похоже, он лишен таланта тратить деньги.

— Возможно, ему недостает толковых ассистентов. Я порекомендовал бы Харгрейва Калеба и, конечно, Монро-Альфу Клиффорда. В департаменте финансов Монро-Альфа только зря тратит время.

— Торгсен знаком с Монро-Альфой. Возможно, Монро-Альфа сам не хочет работать над этой проблемой?

— Ерунда! Всякому человеку нравится та работа, которая заставляет его напрягать мускулы.

— Тогда, может быть, Торгсен не решается пригласить его в свой проект? Торгсен так же скромен, как и Монро-Альфа.

— Это больше похоже на правду.

— В любом случае, — подытожил спикер дня, — эти детали решать уже организатору проекта, а не всему Совету. Готовы ли вы приступить к голосова-

нию? Ставится вопрос о предложении брата Ричарда в самом широком его смысле. Я предлагаю отложить конкретное рассмотрение подробностей проектов и методик на завтра и последующие дни. А сейчас — имеет ли кто-нибудь из членов Совета возражения?

Возражений не было — в Совете царило полное единодушие.

— Быть по сему, — заключил спикер и улыбнулся. — Кажется, мы пытаемся пройти там, где споткнулся Сократ.

— Проползти, а не пройти, — поправил Иоганн. — Мы ограничили себя методами экспериментальной науки.

— Что правда, то правда. Однако — «ползущий не может споткнуться». А теперь перейдем к другим делам — у нас все еще существует государство, которым необходимо управлять.

Глава 12

«Камо грядеши...»

— Хотели бы вы иметь половинную долю в гладиаторе? — спросил Гамильтон.

— О чем вы говорите? — не поняла Филлис.

— О предприятии Смита Дарлингтона — фитболе*. Мы собираемся зарегистрировать контракты всех игроков и продавать их. Наш агент считает это хорошим капиталовложением — и я, признаться, думаю, что он прав.

— Фитбол, — задумчиво повторила Филлис, — вы как-то говорили о нем, только я ничего не поняла.

— Занятие это, в лучшем случае, глупое. Двадцать два человека выходят на специальное поле и сражаются голыми руками.

— Зачем?

— Предлог для борьбы — маленький пластиковый сфероид, который мечется из одного конца игрового пространства в другой.

* Здесь кроется непереводаемая — увы! — игра слов: по-английски футбол (football) означает «ножной мяч», от foot — нога; Гамильтон Феликс производит название игры от feet — ноги во множественном числе, получая, так сказать, «многоножный мяч». Поскольку это слово — футбол — мы не переводим на язык родных осин, а лишь склоняем на свой лад, создать русский аналог Хайнлайнова каламбура, к сожалению, невозможно.

— А какая разница, в каком конце он находится?

— На самом деле — никакой, но в этом несколько не меньше смысла, чем в любой другой игре.

— Не понимаю, — заявила Филлис. — С какой стати кто-то сражается, если он не собирается убить другого?

— Это надо увидеть, чтобы понять. Возбуждающее зрелище. Я даже поймал себя на том, что как-то закричал.

— Вы?

— Да. Я — старый, спокойный, как кот, Феликс. Говорю вам — эта игра будет жить. Она станет популярной. Мы начнем продавать лицензии на личный просмотр, а потом и на все виды менее значительных прав — прямую трансляцию, запись и так далее. У Смита куча идей. Он хочет, чтобы различные группы игроков представляли города и организации, о присвоении им цветных символов, песен и еще всякой всячины. Для варвара Смит — прямо-таки удивительный молодой человек.

— Должно быть.

— Так разрешаете купить вам долю? Это чистейшей воды спекуляция — сейчас ее можно приобрести довольно дешево, а потом она принесет вам богатство.

— А зачем мне деньги?

— Не знаю... Можете истратить их на меня.

— Звучит довольно глупо — вы и так распухли от денег.

— Это, кстати, напомнило мне совсем о другом. Когда мы поженимся, вам придется серьезно подумать над тем, каким образом нам их тратить.

— Опять вы об этом?

— Почему бы и нет? Времена изменились. Препятствий больше нет. А Мордан обратил меня в свою веру.

— Он мне так и сказал.

— Он сказал? Великий Бог! Все происходит у меня за спиной! Ну да ладно. Так когда мы заключим контракт?

— А что позволяет вам думать, что мы это сделаем?

— Ну, мне казалось, что нас разделяло лишь мнение относительно детей?

— Вы ничего не поняли. Я сказала, что никогда не выйду за человека, который не хочет иметь детей.

— Но я думал, что вы... — он встал и принялся нервно расхаживать по комнате. — Скажите, Фил, я вам ни капельки не нравлюсь?

— Вы довольно милы — на совершенно неповторимый, прямо скажем, ужасный манер.

— Тогда в чем же дело?

Она молчала. Наконец Гамильтон не выдержал:

— Не знаю, стоит ли мне это делать, раз вы так настроены, но все равно я хочу сказать — я люблю вас. Вы ведь и сами это знаете?

— Иди-ка сюда.

Гамильтон послушно выполнил приказ; Филлис взяла его за уши и потянула вниз.

— Филти, дубина, — с этого надо было и начинать!

Завершив затяжной поцелуй, она проговорила мечтательно:

— Филти...

— Да, дорогая?

— После Теобальда у нас будет маленькая девочка, потом другой мальчик, а потом, может быть, еще девочка.

— Хм-м-м...

— В чем дело? — выпрямилась она. — Такая перспектива тебя не радует?

Филлис вперила в Гамильтона испытующий взгляд.

— Разумеется, радует...

— Откуда же тогда такая мрачность?

— Я подумал о Клиффе. Бедный болван!..

— Он до сих пор не напал на ее след?

— Ни намека.

— Бедняга! — вздохнула Филлис и снова обняла его.

Вернувшись на то же место в Лесу Гигантов, Монро-Альфа попытался разыскать девушку — но тщетно. В списке посетителей парка не значилось ни одной Марион; не отмечено было и появление зарегистрированной на это имя авиетки. Никто из сотрудников заповедника не узнал ее по сбивчивому описанию Клиффорда. Владельцы побывавших здесь в последнее время транспортных средств — как воздушных, так и наземных — тоже не знали ее. То есть знали они даже нескольких

женщин с таким именем, однако ни одна из них не была *Марион*; впрочем, трижды их словесные портреты почти совпадали с образом, запечатлевшимся в памяти Монро-Альфы, и это заставляло Клиффорда с отчаянной надеждой метаться по стране — и каждый раз испытывать в конце концов жестокое разочарование.

Оставалась еще Джонсон-Смит Эстер, в чьем городском доме Клиффорд впервые встретил Марион. Монро-Альфа обратился к ней сразу же после первой неудачной попытки найти девушку в парке. Однако та не могла сказать ничего вразумительного.

— В конце концов, дорогой мой мастер Монро-Альфа, здесь была такая *тьма* народу...

Сохранился ли у нее список приглашенных? Да, конечно, — какой же хозяйкой он ее считает? Нельзя ли взглянуть на него? Джонсон-Смит Эстер послала за секретарем, ведающим встречами и приемами.

В списке имени Марион не значилось.

После долгих поисков Монро-Альфа вновь обратился к ней. Не могла ли она ошибиться? Нет, никакой ошибки не было. Однако на такие званые вечера приглашенные гости порою прихватывают с собой друзей или знакомых. Имен этих последних в списке, разумеется, нет. Думал ли он о таком варианте? Нет, но не может ли она попробовать вспомнить такую ситуацию? Не только не может, но не стала бы и стараться — он хочет от нее слишком многого. А не сочтет ли она чрезмерной просьбу снять копию со списка приглашенных? Ни в коем случае — пожалуйста.

Только сначала ему пришлось выслушать ее. «Нынче стало просто невозможно подыскать прислугу за сколько-нибудь *разумную* плату...» Не может ли он чем-нибудь помочь? «Дорогой мастер Монро-Альфа...» Каким образом? Но ведь он же занимается начислением дивидендов, не так ли? В том-то и все зло: при столь высоких дивидендах они попросту не желают работать, если только вы их не *подкупите*, мой дорогой!

Монро-Альфа попытался втолковать ей, что не имеет ни малейшего отношения к распределению дивидендов, будучи всего лишь математическим промежуточным звеном между фактами экономики и Советом политики. Однако она ему явно не верила.

Поскольку Клиффорд нуждался в некотором одолжении со стороны Джонсон-Смит Эстер, он не стал объяснять ей, что и сам не согласился бы прислуживать кому-то другому — разве что умирал бы с голоду. Клиффорд попытался убедить ее воспользоваться услугами сервисных компаний и — главное — помощью превосходных автоматов, выпускаемых заводами ее мужа. Однако ей хотелось совсем другого.

— Это так вульгарно, мой дорогой! Уверю вас, хорошо вышколенную прислугу ничто не заменит! Помоему, люди этого класса должны были бы гордиться своей профессией. Уверена, я бы гордилась — окажись волею судеб на их месте.

Сжигаемый нетерпением, но тем не менее со скрупулезной тщательностью корпел Монро-Альфа над списком. Некоторые из приглашенных жили вне столицы, другие — совсем далеко, вплоть до Южной Америки: приемы Джонсон-Смит Эстер были в моде. Этих он не мог расспросить сам — во всяком случае, недостаточно быстро для того, чтобы успокоить мятущуюся и страдающую душу. Чтобы разыскать их всех, следовало нанять агентов. Клиффорд так и поступил; это поглотило все его накопления — личные услуги стоят дорого! — и пришлось даже влезть в долги в счет будущего жалованья. Двое из присутствовавших тогда на приеме за это время уже умерли. Монро-Альфа привлек дополнительных агентов, тактично исследуя окружение покойных и даже их более далеких знакомых в надежде отыскать среди них девушку по имени Марион. Он даже не осмеливался оставить этих двоих под конец, опасаясь, что след может остыть.

Столичных жителей он расспрашивал сам. Нет, на этот прием мы никого с собой не брали — никакой Марион. Прием Эстер? Минутку, минутку — она дает их так много... Ах этот — нет, мне очень жаль... Подождите, дайте подумать — вы имеете в виду Селби Марион? Нет, Селби Марион миниатюрная женщина с огненно-рыжими волосами. Очень жаль, дорогой мой, — хотите выпить? Нет? Что за спешка?

Да, конечно. Мою кузину, Фэйркот Марион. Вот ее стерео — там, на органе. Вы не ее разыскиваете? Ну что ж, позвоните как-нибудь, расскажите, что у вас

получается. Всегда рада оказать услугу другу Эстер — у нее каждый раз так весело...

Кого-то мы на этот прием прихватили — кто это был, дорогой? Ах да — Рейнольдс Ганс. И с ним какая-то незнакомая девушка. Нет, имени ее мне не припомнить. А ты не помнишь, дорогой? Если им нет еще тридцати, я их всех ласково называю конфетками. Но вот адрес Рейнольдса — можете спросить у него...

Мастер Рейнольдс ни в коем случае не считал эти расспросы бестактными. Да, он помнит тот вечер — восхитительный скандалчик. Да, с ним была кузина из Сан-Франсиско. Да, ее звали Марион — Хартнетт Марион. А откуда вы знаете? Скажите, как интересно! Однажды он и сам проделал нечто подобное. Думал, что совсем потерял след девушки, но на следующей неделе она появилась на другой вечеринке. Правда, к сожалению она замужем и влюблена в своего мужа — причем взаимно. Нет, нет, он не имел в виду, что Марион замужем — речь шла о другой девушке, по имени Фрэнсин. Есть ли у него фотография кузины? Подождите, дайте вспомнить... Кажется, нет. Впрочем, минутку — есть вроде в альбоме любительский снимок, они тогда были еще детьми. Где? В один прекрасный день он приберет эту квартиру и вышвырнет кучу всякого хлама — как только что-то понадобится, вечно ничего не найдешь! Вот. Вот Марион — в переднем ряду, вторая слева. Это она?

Это была она! Она!

Как можно заставить быстрее лететь авиетку? Сколько углов можно срезать, не попавшись патрулю? Вперед... вперед... вперед!

Прежде чем позвонить у ее дверей, Монро-Альфа на мгновение остановился, стараясь унять сердцебиение. Сканнер осмотрел его, и дверь открылась.

Он застал Марион одну.

При виде девушки Клиффорд замер — побледнев, не в силах ни двинуться, ни заговорить.

— Здравствуйте! Входите, — сказала она.

— Вы... вы меня примете?

— Конечно. Я вас ждала.

Монро-Альфа посмотрел ей в глаза — они были по-прежнему теплыми и нежными, хотя глубоко внутри в них таилось и беспокойство.

— Я... не понимаю. Ведь я пытался вас сжечь.

— Вам только кажется. На самом деле вы этого не хотели.

— Я... Но... О, Марион, Марион!

Клиффорд двинулся к ней, споткнулся и чуть не упал. Голова его ткнулась в колени девушки. Его сотрясали мучительные рыдания человека, за свою жизнь так и не научившегося плакать.

Марион погладила его по плечу.

— Дорогой мой, дорогой...

Подняв наконец глаза, он увидел, что лицо у девушки тоже мокрое от слез, хотя и не слышал, чтобы она плакала.

— Я люблю вас, — сказал Клиффорд так трагически, словно это было непоправимым несчастьем.

— Знаю. И я вас люблю.

Много позже она попросила его:

— Пойдем со мной.

Монро-Альфа последовал за ней в другую комнату, где Марион забралась в недра платяного шкафа.

— Что ты делаешь?

— Мне нужно сначала кое о чем позаботиться.

— Сначала?

— Да. На этот раз я выполняю твою просьбу.

Разговаривая с ней на обратном пути, Клиффорд употребил оборот: «после того как мы поженимся».

— Ты собираешься жениться на мне?

— Конечно! Если ты согласна.

— Ты готов жениться на дикорожденной?

— Почему бы и нет? — он сказал это храбро, даже небрежно.

Почему бы и нет? Гордившиеся своей патрицианской латинской кровью римские граждане легко могли бы объяснить почему. Белые аристократы Старого Юга могли бы детально растолковать ему, почему нет. Апологеты «арийского» расового мифа могли бы дать научное определение этим причинам. Без сомнения, в каждом из этих случаев лица, взявшиеся раскрыть ему глаза на весь ужас и всю непристойность его намере-

ния, имели бы в виду разные «расы», но аргументы их были бы одними и теми же. Даже Джонсон-Смит Эстер могла бы объяснить ему, «почему нет» — и будьте уверены, за подобный унижительный союз навсегда вычеркнула бы его из списка. Наконец, короли и императоры теряли троны из-за куда менее неравных браков.

— Это все, что я хотела знать, — проговорила Марион. — Иди сюда, Клиффорд.

Он приблизился, несколько озадаченный. Девушка подняла левую руку, и он прочел крошечные вытатуированные под мышкой цифры. Регистрационный номер был... неважно. Однако классификационная буква была не «В», означавшая основной тип, и не «С», свидетельствовавшая о принадлежности к дикорожденным — это была литера «Х», обозначающая экспериментальную группу.

Обо всем этом Марион рассказала ему чуть-чуть позже. Ее прадед и прабабушка по мужской линии были дикорожденными.

— Конечно, это немного сказывается, — говорила Марион, — и я простужаюсь, если забываю принимать пилюли. А я иногда забываю — я вообще рассеянная, Клиффорд.

Ребенок этих двоих, ее дед по отцу, уже взрослым был определен как вероятная благоприятная мутация — почти наверняка благоприятная. Мутация эта относилась к числу исключительно тонких и трудновывяемых и зависела от сферы эмоциональной стабильности. Наверное, проще всего было бы сказать, что дед Марион был цивилизованнее всех остальных. Естественно, была предпринята попытка сохранить эту мутацию — и Марион являлась одной из ее носительниц.

Глава 13

«Не больше уединения, чем у гуппи в аквариуме»

Едва войдя в дом, Гамильтон услышал восторженный визг Филлис:

— Феликс!

Отшвырнув в сторону портфель, он поцеловал ее.

— Что стряслось, Фил?

— Вот это. Смотри. Читай.

«Это» оказалось фотостатом рукописного послания. Гамильтон прочел вслух:

— «Эспартеро Карвала приветствует мадам Лонгкот Филлис и просит разрешения навестить ее завтра в половине пятого». Хм-м-м... Высоко метишь, дорогая.

— Но что я должна *делать*?

— Делать? Ты протягиваешь руку, говоришь: «Как поживаете?» — а затем угощаешь чем-нибудь, вероятно, чаем, хотя я слышал, что она пьет, как рыба.

— Филти!

— В чем дело?

— Не шути со мной. Что мне делать? Не развлекать же ее пустой болтовней! Она вершит Политику. Я не знаю, о чем с ней говорить.

— Допустим, она член Совета Политики. Но она же человек, не так ли? И дом у нас — в полном порядке, верно? Пойди купи себе новое платье — и будешь чувствовать себя во всеоружии.

Вместо того чтобы просить, Филлис ударилась в слезы. Гамильтон обнял ее, приговаривая:

— Ну, ну... Что случилось? Я сказал что-нибудь не так?

Наконец Филлис перестала плакать и вытерла глаза.

— Нет. Наверное, просто нервы. Все в порядке.

— Ты меня удивляешь. Раньше за тобой ничего подобного не водилось.

— Нет. Но и ребенка у меня раньше не было.

— Да, верно. Ну что ж, поплачь — если от этого почувствуешь себя лучше. Только не позволяй этому замшелому ископаемому досаждать тебе, малыш. И вообще — ты не обязана ее принимать. Хочешь, я позвоню ей и скажу, что ты не можешь?..

Но Филлис, казалось, уже совершенно оправилась от своего смятения.

— Нет, не надо. Мне в самом деле интересно ее увидеть. В конце концов, я польщена.

Потом они обсудили вопрос: намеревалась ли мадам Эспартеро Карвала нанести визит им обоим — или только Филлис? Феликсу не хотелось ни навязывать своего присутствия, ни оказать своим отсутствием неуважения высокой гостье. Дом был в равной мере и его, и Филлис... В конце концов он позвонил Мордану, зная, что Клод гораздо ближе его к высоким и могущественным особам. Но Арбитр ничем не мог помочь.

— Она сама себе закон, Феликс. И если захочет, вполне способна нарушить любые правила вежливости.

— Вы не догадываетесь, почему она собирается нас посетить?

— Увы! — Мордан пытался было строить предположения, однако ему хватило честности признать свою полную несостоятельность; какая бы то ни было информация отсутствовала, а эту старую леди он никогда не понимал — и знал это.

Однако мадам Эспартеро Карвала разрешила все сомнения сама. Она вошла, тяжело ступая и опираясь на толстую трость. В левой руке она держала горящую сигару. Гамильтон с поклоном приблизился к ней.

— Мадам... — начал было он.

Она окинула Феликса взглядом.

— Вы Гамильтон Феликс. А где ваша жена?

— Если мадам пройдет со мной... — он попытался предложить ей руку.

— Я и сама еще не разучилась ходить, — весьма нелюбезно отрезала Карвала, но тем не менее зажала сигару в зубах и оперлась на его руку. Хотя пальцы у нее оказались сильными и твердыми, Гамильтон с изумлением почувствовал, как мало она, похоже, весила. Войдя в гостиную, где ожидала их Филлис, мадам Эспартеро первым делом произнесла:

— Подойди ко мне, дитя. Дай мне на тебя посмотреть.

Гамильтон чувствовал себя дурак дураком, не зная, сесть ему или удалиться. Заметив, что он все еще здесь, старая леди повернулась и сказала:

— Вы были очень любезны, проводив меня к своей супруге. Примите мою благодарность.

Церемонная вежливость этих слов странно отличалась от ее первых коротких реплик, однако никакого тепла за этой формальной благодарностью Феликс не ощутил. Он понял, что ему недвусмысленно предлагали удалиться. Что он и сделал.

Вернувшись в свой кабинет, он выбрал фильмокнигу и вставил ее в книгоскоп, собираясь таким образом убить время до ухода Карвалы. Однако вскоре Гамильтон обнаружил, что не в состоянии сосредоточиться на чтении. Он поймал себя на том, что уже трижды нажимал клавишу обратной перемотки, но все еще не понял, с чего, собственно, начинается повествование.

Проклятье! Он подумал, что с тем же успехом мог бы отправиться в свой офис.

Да, теперь у него был собственный офис. Эта мысль заставила его чуть улыбнуться. Он — человек, всегда стремившийся быть независимым, отдававший львиную долю доходов посредникам, лишь бы не заниматься самому деловыми хлопотами — и вот нате! — перед вами добропорядочный супруг, будущий отец, разделивший кров с законной женой, и вдобавок ко всему — обладатель собственного офиса! Правда, офис этот не имел ничего общего с его бизнесом.

Помимо своей воли Гамильтон оказался вовлеченным в Великое Исследование, добиться которого ему обещал в свое время Мордан. Каррузерс Альфред, бывший член Совета Политики, вышедший в отставку,

чтобы получить возможность заниматься своими исследованиями, был утвержден в должности организатора расширенного проекта. Он и привлек к работе Гамильтона, хотя тот из всех сил отказывался, объясняя, что не является ни ученым вообще, ни синтетистом в частности. Тем не менее Каррузерс настаивал.

— У вас непредсказуемое и парадоксальное воображение, — говорил он. — А эта работа требует именно воображения — и чем более неортодоксального, тем лучше. Вам совершенно не обязательно заниматься рутинными исследованиями — для этого есть множество трудолюбивых техников.

Феликс подозревал, что за этой настойчивостью кроется тайное вмешательство Мордана, но допытываться у Арбитра не стал. Гамильтон знал, что Клод переоценивает его способности. Он считал себя человеком достаточно компетентным и высокоразвитым, однако второразрядным. Карта же, на которую все время ссылался Мордан — его «пунктик», — не может судить о нем точнее. Нельзя превратить живого человека в диаграмму и повесить на стену. Карта — не человек. И разве, оценивая себя изнутри, он не знал о себе много больше, чем способен узреть любой генетик, уставившийся в свой двустольный мелкоскоп?

Однако в душе Гамильтон радовался, что участвует в работах — проект его увлек. С самого начала он понял, что исследования по расширенной программе предприняты не только для того, чтобы переломить его упорство — да и стенограмма заседания Совета убедила его в этом. Однако обманутым он себя не чувствовал — все свои обещания Мордан выполнил, а теперь Феликс заинтересовался самим по себе проектом — а точнее, обоими проектами. Двумя масштабными, общеизвестными проектами Великого Исследования — и частным вопросом, касающимся только его самого, Филлис и их будущего ребенка.

На что он будет похож, этот маленький егоза?

Мордан был уверен, что знает. Он продемонстрировал им диплоидную хромосомную схему, происходящую от их заботливо отобранных гамет, и старался растолковать, каким образом будут сочетаться в ребенке характеристики обоих родителей. Феликс в это не

особенно верил; неплохо разбираясь в теоретической и прикладной генетике, он тем не менее не был убежден, что вся многогранная сложность человеческого существа может уместиться в крохотном комочке протоплазмы — меньше игольного острия. Это было как-то неразумно. Что-то в человеке должно было быть больше этого.

Мордан, похоже, считал крайне благоприятным то обстоятельство, что они с Филлис обладали множеством общих менделеевских характеристик. По его словам, это не только упростило процесс отбора гамет, но и гарантировало генетическое укрепление самих характеристик. Парные гены окажутся подобными и не вступят в противодействие.

С другой стороны, Гамильтон видел, что Арбитр поощряет союз Монро-Альфы и Хартнетт Марион, хотя они были несхожи друг с другом до такой степени, насколько это теоретически возможно. Гамильтон обратил внимание Клода на это резкое различие. Однако Мордан не реагировал на его сигнал.

— В генетике не существует неизменных правил. Каждый случай — это дискретный индивидуум. И потому правила применяются избирательно. Они отлично дополняют друг друга.

Было совершенно очевидно, что Марион сделала Клиффа счастливым — счастливее, чем Феликс когда-либо его видел.

Дубина стоеросовая!

Гамильтон давно уже проникся убеждением, что если Клифф в чем-то и нуждался — так это в хозяине, который выгуливал бы его на поводке, в дождь уводил бы под крышу и ублажал бы щекоткой, когда он дуется. Впрочем, это мнение ничуть не умаляло его подлинной привязанности к другу.

Похоже, Марион удовлетворяла всем этим требованиям. Она почти не выпускала Клиффорда из виду, занимая при нем должность, эвфемистически именуемую «специальный секретарь».

— Специальный секретарь? — переспросил Гамильтон, когда Монро-Альфа рассказал ему об этом. — А чем она занимается? Она математик?

— Ни в коей мере. В математике она ничего не смыслит, однако считает, что я удивителен! — Клифф по-мальчишески улыбнулся, и Гамильтон поразился, как изменилось при этом его лицо. — А кто я такой, чтобы ей противоречить?

— Если так и дальше пойдет, Клифф, у вас еще прорежется чувство юмора.

— Она думает, что я и сейчас им обладаю.

— Может быть, и так. Я знал человека, разводившего бородавочников. Он утверждал, что цветы при этом делаются красивее.

— Почему? — спросил озадаченный и заинтригованный Монро-Альфа.

— Не берите в голову. Так все-таки чем же занимается Марион?

— О, дел ей хватает! Следит за всем, о чем я забываю, под вечер приносит мне чай, а главное — она рядом всегда, когда нужна мне. Когда что-то не получается или я чувствую себя усталым, я поднимаю глаза — и вижу Молли, она сидит и смотрит на меня. Может, она перед тем читала или еще чем-нибудь занималась, но стоит мне поднять глаза — и не нужно никаких слов: она сидит и глядит на меня. Уверяю вас, это очень помогает — я теперь совсем не устаю, — и Монро-Альфа опять улыбнулся.

Неожиданно Гамильтон ощутил, будто заглянул в душу Клиффорду — и понял: все беды Монро-Альфы происходили из-за того, что он никогда не был счастлив. Бедному простаку нечем было защититься от окружающего мира. Марион же хватало сил на двоих.

Ему хотелось понять, как приняла свое новое положение Хэйзел, однако, невзирая на всю близость с Клиффом, он заколебался. Впрочем, Монро-Альфа говорил об этом сам:

— Знаете, Феликс, меня немного беспокоит Хэйзел.

— Вот как?

— Да. Она давно говорила, что хочет оформить развод, но я как-то не придавал этому значения.

— Почему же? — напрямик спросил Феликс.

Монро-Альфа покраснел.

— Ну, Феликс, вы все время меня сбиваете... Во всяком случае, она была очень доброжелательна, когда

я рассказал ей о Марион. Она хочет снова вернуться на сцену.

Не без сожаления Гамильтон подумал, что для отставного артиста подобная попытка почти всегда оказывается неудачей. Однако следующие слова Клиффа показали ему, что он поспешил с выводами.

— Это была идея Торгсена...

— Торгсена? Вашего босса?

— Да. Он рассказывал Хэйзел о внешних базах — особенно, конечно, о Плутоне, но, полагаю, и о Марсе тоже, да и обо всех остальных. У них там совсем нет развлечений — если не считать видеозаписей и чтения.

Хотя специально над этой проблемой Гамильтон никогда не задумывался, однако прекрасно представлял себе ситуацию. За исключением туристских городов на Луне ничто не привлекало людей на другие планеты — только работа, исследования и изыскания. Немногие, посвятившие себя этому, мирились с тяготами внеземной жизни и по необходимости владели монашеское существование. Само собой, Луна являлась исключением из правила; находясь у самого порога Земли, на расстоянии простого прыжка, она была столь же популярна в качестве места для романтических вояжей, как некогда Южный полюс.

— Не знаю, Торгсен ли подсказал или Хэйзел сама додумалась, только она решила собрать трупку и отправиться на гастроли по всем внешним базам.

— Вряд ли это коммерчески осмысленно.

— А этого и не требуется. Торгсен добивается правительственных субсидий. Раз уж космические исследования признаны необходимыми, доказывает он, значит, и моральное состояние персонала является заботой правительства — вопреки традиции, требующей невмешательства государства в дела искусств и развлечений.

— Хорошенькое дело! — присвистнул Гамильтон. — Да ведь этот принцип почти столь же незыблем, как гражданские права!

— Да, но это вопрос конституции. А Планировщики — не дураки. Им совсем не обязательно ждать прецедента. Возьмите хоть то, чем мы с вами сейчас занимаемся.

— Да, конечно. Как раз по этому поводу я к вам и заглянул — посмотреть, как далеко вы продвинулись.

В то время, когда происходил этот разговор, Гамильтон потихоньку, на ощупь разбирался в цельной картине Великого Исследования. Каррузерс не дал ему никаких конкретных рекомендаций и предложил первые несколько недель потратить на то, чтобы составить общее мнение о проекте.

То направление, которым занимался Монро-Альфа — Большой Стеллариум, — продвинулось заметно дальше прочих. Это и понятно: оно было задумано как самостоятельное предприятие намного раньше, чем кому-либо пришла в голову сама мысль о Великом Исследовании, впоследствии включившем его в себя в качестве составной части. Сам Монро-Альфа присоединился к этой работе значительно позднее, однако Гамильтон не сомневался, что со временем его друг выдвинется на одно из ведущих мест. Впрочем, сам Клиффорд придерживался противоположного мнения.

— Харгрейв справляется с этим делом гораздо лучше, чем смог бы я. Я получаю от него указания — я и еще человек шестьдесят.

— Неужели? А я считал, что вы один из руководителей всей затеи.

— Я специалист, и Харгрейв знает, как использовать меня наилучшим образом. Очевидно, вы понятия не имеете, насколько разветвлена и специализирована математика, Феликс. Я вспоминаю конгресс, на котором присутствовал в прошлом году — там было больше тысячи человек, но на одном языке я мог говорить самое большее с дюжиной.

— Хм-м-м... А Торгсен чем занимается?

— Ну, непосредственно в конструкторских разработках, естественно, от него проку мало — ведь он астрофизик или, точнее, специалист по метрике пространства. Однако он во все вникает, а предложения его всегда практичны.

— Понимаю. Значит, у вас есть все необходимое?

— Да, — кивнул Монро-Альфа, — если только у вас в рукаве не спрятаны гиперсфера, гиперповерхность и немного четырехмерной жидкости для тонкой смазки.

— Ну вот и сквитались. Вижу, что я снова ошибся — у вас уже появилось чувство юмора.

— Тем не менее, я говорю серьезно, — без тени улыбки отозвался Монро-Альфа. — Хотя представления не имею, как все это отыскать и каким образом использовать, если удастся найти.

— А подробнее можно?

— Мне хотелось бы создать четырехмерный интегратор, чтобы интегрировать с поверхности четырехмерного эксцентрика. А такая поверхность является трехмерным объемом. Если бы это удалось, наша работа заметно упростилась бы. Самое смешное, что, не имея возможности построить такую машину, я легко могу описать ее при помощи математических символов. Вся работа, которую мы сейчас производим на обычных интеграторах с трехмерными эксцентриками, свелась бы к единственной операции, тогда как теперь мы вынуждены выполнять бесчисленное их количество. Это сводит меня с ума: теория так изящна, а результаты столь неудовлетворительны...

— Могу лишь посочувствовать, — отозвался Гамильтон. — Однако обсудить все это вам лучше с Харгрейвом.

Вскоре он ушел. Было ясно, что этой живой вычислительной машине никакая помощь не требуется, а дела проекта идут полным ходом. Проект был важен — чертовски важен! — исследование того, какой была и какой станет Вселенная. Однако до получения окончательных результатов Гамильтону, конечно, не дожить. Клифф совершенно определенно заявил, что только проверка их предварительных расчетов потребует двух-трех, а может быть, трех с половиной столетий. И лишь после этого можно надеяться построить действительно стоящую машину, которая поможет им постичь доселе неведомое.

Гамильтон выбросил это из головы: он мог восхищаться интеллектуальной отрешенностью, позволявшей людям работать с таким размахом, однако это был не его путь.

В начальной стадии Великое Исследование как будто бы распалось на подюжины основных проектов, причем некоторые из них интересовали Гамильтона больше прочих, поскольку обещали результаты еще

при его жизни. Другие же, однако, по масштабам не уступали Большому Стеллариуму. Чего стоило, например, исследование распределения жизни в материальной Вселенной и возможности существования где-либо другого, нечеловеческого разума. Если таковой существовал, то можно было с очень высокой степенью вероятности допустить, что по крайней мере некоторые из этих разумных рас по своему развитию опередили род людской. А если так, то контакты с ними могли всерьез продвинуть человечество в изучении философских проблем. Кто знает, может быть, они уже нашли ответы на проклятые вопросы «как» и «зачем».

Конечно, встреча человека с таким превосходящим его разумом психологически может оказаться очень опасной, это уже давно доказано. Подтверждение тому — трагическая история австралийских аборигенов, в сравнительно недавние исторически времена деморализованных и в конце концов уничтоженных собственным чувством неполноценности перед английскими колонизаторами.

Впрочем, эту опасность исследователи воспринимали безмятежно — да иначе и не могли, ибо так уж были устроены от природы.

Однако Гамильтон не был убежден, что подобная опасность существовала. То есть кого-то она могла, разумеется, подстергать, но таких людей, как Мордан, Феликс не мог представить себе деморализованными. Да и в любом случае это тоже был проект дальнего прицела. Прежде всего необходимо было достигнуть звезд, а для этого сконструировать и построить звездолет. Большие корабли, бороздившие пустынное межпланетное пространство, пока не обладали достаточной для этого скоростью. Для того чтобы рейс в каждый конец не растягивался на многие поколения, следовало разработать какой-то новый двигатель.

В том, что где-нибудь во Вселенной люди найдут разумную жизнь, Гамильтон был совершенно уверен, хотя поиски эти и могли растянуться на тысячелетия. «В конце концов, — размышлял он, — Вселенная столь необъятна! Европейцам понадобилось четыре столетия, чтобы заселить два континента Нового Света — так что же говорить обо всей Галактике!»

Тем не менее, жизнь обнаружится! Это было не только его внутреннее убеждение, а почти четко установленный научный факт — точнее, очень естественный, прямой вывод из четко установленного факта. Еще в начале двадцатого века великий Аррениус выдвинул блестящую теорию, согласно которой жизненосные споры давлением света могут переноситься от планеты к планете, от звезды к звезде. Оптимальный размер пылинок, которые могли бы преодолевать космические пространства под давлением света, приблизительно соответствовал размеру бактерий. А споры бактерий практически неистребимы; им не страшны ни холод, ни жара, ни радиация, ни время — они просто спят, не обращая на все это никакого внимания, спят до тех пор, пока не окажутся в благоприятных условиях. Аррениус подсчитал, что расстояние между Солнцем и альфой Центавра споры могут преодолеть примерно за десять тысяч лет — для космоса это один миг.

Если Аррениус был прав, то населенной должна оказаться не одна Земля, но и вся Вселенная. Неважно, зародилась ли жизнь первоначально на Земле, в каком-либо другом месте или сразу во многих уголках Вселенной — появившись на свет, она должна была начать распространяться. Причем за миллионы лет до того, как ее начали бы разносить космические корабли — если Аррениус был прав, разумеется. Ведь эти споры, укоренившись на планете, должны были, размножаясь, заразить ее всю формами жизни, наиболее подходящими для данных условий. Протоплазма многообразна и изменчива: вследствие мутаций и селекции естественного отбора она может стать любой сколь угодно сложной формой жизни.

На заре космических исследований утверждения Аррениуса частично, но очень эффектно подтвердились. Жизнь была обнаружена на всех планетах, кроме Меркурия и Плутона; впрочем, судя по некоторым признакам, в прошлом и на Плутоне существовала какая-то примитивная жизнь. Более того, протоплазма, где бы ее ни находили, при всем внешнем невероятном различии, казалась родственной. Разумеется, отсутствие в Солнечной системе разумной жизни явилось разочарованием — как приятно было бы иметь сосе-

дей! Несчастные дегенеративные заморыши — потомки некогда могущественных строителей Марса — вряд ли могли быть названы мыслящими, разве что из сострадания; полоумная собака — и та обставила бы их в покер.

Но самое потрясающее и неопровержимое доказательство правоты Аррениуса заключалось в том, что споры были обнаружены в открытом космосе — в вакууме пространства, который представлялся стерильным!

Гамильтон не ожидал, что поиски инопланетного разума принесут плоды еще при его жизни — разве что люди превзойдут самих себя, и все-таки проблему межзвездных путешествий решат, с первой или второй попытки сорвав банк. Но в любом случае в этом деле он вряд ли мог с пользой приложить свои силы; то есть он был вполне способен, разумеется, придумать несколько мелких фокусов, делающих жизнь на звездолете более приемлемой для человека, однако для того чтобы сказать свое слово в главном — в создании принципиально нового двигателя, — ему нужно было обратиться к этой области лет на двадцать раньше. Все, на что он был способен теперь — это стремиться быть в курсе дела, временами подкидывать идею-другую, да регулярно делиться своими соображениями с Каррузерсом.

Между тем было начато и еще несколько исследований, имевших дело с человеком — в самых эзотерических и неизученных аспектах. Это были области, где никто ничего ни о чем еще не знал, и потому Гамильтон мог принять в этих программах участие наравне с другими; здесь действовал один закон: хватай, отвоевывай свою нишу — и никаких ограничений. Куда попадает человек после смерти? И наоборот, откуда он приходит в жизнь? Второй из этих вопросов Гамильтон отметил для себя особо, заметив, что до сих пор основное внимание уделялось главным образом первому. Что такое телепатия — и как заставить ее работать? Как получается, что во сне человек может проживать иные жизни? Существовали и дюжины других вопросов — тех, от которых наука пятилась до сих пор, точно рассерженный кот, отказываясь рассматривать их потому, что считала слишком двусмысленными. И все они были связаны с загадкой человеческой личности —

что бы под этим ни понималось, — причем любой из них мог привести к ответу на вопрос о цели и смысле.

По отношению к подобным вопросам Гамильтон занимал свободную и удобную позицию человека, которого как-то спросили, может ли он управлять ракетой. «Не знаю — ни разу не пробовал». Что ж, вот сейчас он и попробует. И поможет Каррузерсу проследить, чтобы попробовало много других — настойчиво, не щадя сил, исследуя всякий мыслимый подход, скрупулезно документируя каждый свой шаг. Совместными усилиями они выследят человеческое Я — поймают и окольцуют его.

Что такое Я? Будучи им, Гамильтон тем не менее не мог ответить на этот вопрос. Он только знал, что это не тело и, черт возьми, не гены. Он мог локализовать местонахождение собственного Я — в средней плоскости черепа, впереди от ушей, позади глаз и сантиметра на четыре ниже макушки; нет, пожалуй, ближе к шести. Именно там находилось место, где обитало — находясь дома — его Я; Гамильтон готов был поручиться за это — с точностью до сантиметра. Вернее, знал он даже несколько точнее, но, к сожалению, не мог влезть внутрь себя и измерить. И вдобавок Я не всегда пребывало дома.

Гамильтон не мог понять, почему Каррузерс так настаивал на его участии в проекте — оттого что не присутствовал при одном из разговоров Каррузерса с Морданом.

— Как там успехи у моего трудного ребенка? — поинтересовался Мордан.

— Прекрасно, Клод. В самом деле прекрасно.

— А как вы его используете?

— Ну... — Каррузерс поджал губы. — Он является моим философом, хотя и не подозревает об этом.

— Лучше пусть не подозревает, — усмехнулся Мордан. — Думаю, он может обидеться, если его назовут философом.

— А я и не собираюсь. Но он мне действительно очень нужен. Вы же знаете, сколь узки, запрограммированы специалисты и как педантичен в большинстве своем наш брат синтетист.

— Ай-яй-яй! Как можно говорить такую ересь!

— А что, разве не так? Однако Феликс мне и впрямь полезен. У него активный, ничем не стесненный ум. Ум, заглядывающий во все углы.

— Я же говорил вам, он принадлежит к элитной линии.

— Говорили. Время от времени и вы, генетики, получаете правильные ответы.

— Чтоб ваша кровать протекла! — возмутился Мордан. — Не можем же мы всегда ошибаться! Великий Бог должен любить людей — он сотворил их так много...

— К устрицам ваш аргумент относится в еще большей степени.

— Тут есть существенная разница, — заметил Арбитр. — Это я — тот, кто любит устриц. Кстати, вы обедали?

Феликс вздрогнул — возле его локтя заверещал внутренний телефон. Нажав клавишу, он услышал голос Филлис:

— Ты не зайдешь попрощаться с мадам Эспартеро, дорогой?

— Иду, милая.

В гостиную он вернулся, ощущая смутное беспокойство. Он умудрился совсем забыть о присутствии престарелой Планировщицы.

— Прошу вашего милостивого разрешения, мадам...

— Подойдите, юноша, — резко проговорила Карвала. — Я хочу рассмотреть вас на свету.

Гамильтон приблизился и встал подле нее, чувствуя себя почти так же, как в детстве, когда врач в воспитательном центре проверял его рост и физическое развитие. «Проклятье, — подумал он, — старуха смотрит на меня так, словно покупает лошадь!»

Внезапно Карвала поднялась и взяла трость.

— Сойдете, — констатировала она, однако с такой странной интонацией, будто это обстоятельство чем-то ее раздражало. Откуда-то из недр своего одеяния мадам Эспартеро извлекла очередную сигару, закурила и, повернувшись к Филлис, произнесла: — До свидания, дитя. И — спасибо.

После этих слов она так резво направилась к выходу, что Феликсу пришлось поторопиться, чтобы обогнать ее и предупредительно распахнуть дверь. Вернувшись к Филлис, он яростно сказал:

— Будь это мужчина, он уже получил бы вызов!

— Почему, Феликс?!

— Ненавижу этих проклятых старух, делающих все так, как им заблагорассудится! — рявкнул Гамильтон. — Никогда не мог понять, почему вежливость является обязанностью молодых, а грубость — привилегией старых.

— Но, Феликс, она совсем не такая. По-моему, она просто душка.

— Ведет она себя отнюдь не так.

— Но ничего дурного при этом не думает. Полагаю, она просто всегда спешит.

— С чего бы это?

— Не станешь ли и ты таким — в ее возрасте?

Взглянуть с такой точки зрения ему как-то не приходило в голову.

— Может, ты и права. Песочные часы и все такое прочее. О чем вы тут секретничали вдвоем?

— Обо всякой всячине. Когда я жду ребенка, как мы его назовем, какие у нас на него планы — и вообще...

— Могу поспорить, говорила в основном она!

— Нет, я. Время от времени она вставляла вопрос.

— Знаешь, Филлис, — серьезно проговорил Гамильтон, — что мне меньше всего нравится, так это трепетный интерес, который посторонние проявляют ко всему касающемуся тебя, меня и его. Уединения у нас не больше, чем у гуппи в аквариуме.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, но с ней я ничего подобного не чувствовала. У нас был чисто женский разговор — и очень милый.

— Хм-м-м!..

— Во всяком случае, она почти не говорила о Теобальде. Я сказала, что мы собираемся подарить Теобальду сестренку. Это ее очень заинтересовало. Она хотела знать когда. И какие у нас планы в отношении девочки. И как мы собираемся ее назвать. Я об этом

еще не думала. А ты, Феликс? Как по-твоему, какое имя ей больше подойдет?

— Бог его знает. По-моему, заранее подбирать имя значит проявлять излишнюю поспешность. Надеюсь, ты сказала ей, что это будет еще очень, очень нескоро?

— Сказала, хоть она и выглядела несколько разочарованной. Однако после появления на свет Теобальда я некоторое время хочу побыть *собой*. А как тебе нравится имя Жюстина?

— Вроде ничего, — отозвался Гамильтон. — А что?

— Она его предложила.

— Она? А чей это, по ее мнению, будет ребенок?

Глава 14

«...и чесать, где чешется»

— Ну-ну, Феликс, спокойнее...

— Черт возьми, Клод, — она там уже так долго!

— Не так уж долго. Первый ребенок очень часто не спешит появляться на свет.

— Но, Клод, вы, биологи, должны бы придумать что-нибудь получше. Женщины не должны через это проходить!

— Что, например?

— Почему я знаю? Может быть, эктогенез...

— Мы могли бы практиковать эктогенез, — невозмутимо заметил Мордан. — Опыт есть, так что достаточно захотеть. Но это было бы ошибкой.

— Почему?

— По своей природе это противно выживанию. Раса окажется поставленной в зависимость от технически сложной помощи. А может наступить такое время, когда эта помощь окажется недоступной. Выживают те, кто выживает как в легкие, так и в трудные времена. Общество, практикующее эктогенез, не сможет бороться с жестокими, подлинно примитивными условиями. Хотя эктогенез и не нов — им пользуются уже миллионы лет.

— Нет, я полагаю, это... А? Как давно, вы говорите?

— Миллионы лет. Что такое откладывание яиц, как не эктогенез? Он неэффективен, потому что подвергает зиготы слишком большому риску. Дронты и большая гагарка могли бы существовать и сегодня, если бы при размножении не пользовались эктогенезом. Нет, Феликс, у нас, млекопитающих, способ надежнее.

— Хорошо вам рассуждать, — мрачно отозвался Гамильтон. — Речь ведь идет не о вашей жене.

Не обратив внимания на этот выпад, Мордан продолжал:

— То же самое справедливо и по отношению к любой облегчающей нашу жизнь технике. Вы когда-нибудь слышали о детях, выкормленных из соски, Феликс? Впрочем, нет, не могли — это устаревший термин. Однако это — одна из причин почти полного вымирания варваров после Второй генетической войны. Конечно, погибли не все — как бы ни была яростна война, уцелевшие всегда есть. Но в большинстве своем они были детьми, прикованными к соске — и численность следующего поколения упала едва ли не до нуля. Не хватило сосок, и слишком мало было коров. А матери выкармливать детей уже не могли.

Гамильтон раздраженно махнул рукой: безмятежное философствование Мордана — или то, что принимал за него Феликс — казалось ему кошунственным.

— Хватит об этом. К черту! Лучше дайте закурить.

— Сигарета у вас в руке, — заметил Мордан.

— Да? Верно... — Гамильтон бессознательно тут же погасил ее и достал из портсигара другую. Мордан улыбнулся, но промолчал. — Который час?

— Пятнадцать сорок.

— Всего? Мне кажется, больше.

— Может быть, вы нервничали бы меньше, находясь там?

— Филлис мне не позволит. Вы же знаете ее, Клод, — а как она решила, так и будет. — Гамильтон невесело усмехнулся.

— Ничего, вы оба — достаточно гибкие люди, всегда готовые пойти навстречу.

— О, мы прекрасно ладим друг с другом. Она предоставляет мне возможность делать все, что заблагорассудится, а впоследствии я обнаруживаю, что сделал как раз то, чего хотела она.

На этот раз Мордану без труда удалось подавить улыбку — он и сам уже начал удивляться задержке. Он говорил себе, что испытывает лишь абстрактный, беспристрастный, научный интерес, однако повторять это приходилось довольно часто.

Дверь открылась, и на пороге появилась сиделка.

— Теперь можете войти! — радостно объявила она.

Мордан, стоявший ближе к двери, вознамерился было войти первым, однако Феликс, протянул руку и ухватил его за плечо.

— Эй! Что тут происходит? Кто здесь отец? — он отодвинул Арбитра в сторону. — Подождите своей очереди!

Филлис выглядела осунувшейся и бледной.

— Хелло, Феликс!

— Привет, Фил! — Гамильтон склонился над ней. — С тобой все в порядке?

— Конечно, в порядке — ведь для этого я и есть, — она подняла на Феликса глаза. — И убери с лица эту глупую ухмылку. В конце концов, не ты же изобрел отцовство!

— Ты уверена, что с тобой все хорошо?

— Я прекрасно себя чувствую. Только выгляжу, должно быть, ужасно.

— Ты настоящая красавица.

Голос у него над ухом произнес:

— Вы не хотите взглянуть на своего сына?

— А? О, конечно!

Гамильтон обернулся. Мордан выпрямился и отступил в сторону. Сиделка подняла ребенка, как бы предлагая Феликсу взять его на руки, но тот лишь робко разглядывал сына. «Вроде бы рук и ног сколько полагается, — подумал он, — но этот ярко-оран-

жевый цвет — не знаю, не знаю... Может быть, это нормально?»

— Тебе не нравится? — резко спросила Филлис.

— А? Что ты, что ты — прекрасный ребенок! Очень похож на тебя.

— Младенцы, — заметила Филлис, — ни на кого не похожи, только на других младенцев.

— Ой, мастер Гамильтон! — вмешалась сиделка, — Что с вами? Вы так вспотели? Вам нехорошо? — с привычной ловкостью переложив ребенка на левую руку, правой она достала салфетку и вытерла Феликсу лоб. — Успокойтесь. Я занимаюсь своим делом уже семьдесят лет, и мы еще ни разу не потеряли отца.

Гамильтон хотел было заметить, что шутка была ископаемой уже тогда, когда этого заведения еще не было и в помине, однако сдержался. Он чувствовал себя как-то стесненно, а это случилось с ним исключительно редко.

— Сейчас мы унесем отсюда ребенка, — продолжала тем временем сиделка, — а вы слишком долго не задерживайтесь.

Мордан бодро произнес ободряющие слова, извинился и вышел.

— Феликс, — глубокомысленно проговорила Филлис, — я тут кое о чем подумала...

— О чем?

— Нам надо переехать.

— Почему? Я думал, тебе нравится наш дом.

— Нравится. Но я хочу загородный.

Лицо Гамильтона мгновенно приобрело встревоженное выражение.

— Дорогая моя... ты же знаешь, я вовсе не склонен к буколке...

— Ты можешь и не переезжать, если не хочешь. Но мы с Теобальдом переедем. Я хочу, чтобы он мог играть на земле, завести собаку и вообще...

— Но зачем так круто? Все воспитательные центры обеспечивают свежий воздух, солнце и всякие там игры с песочком.

— А я не хочу, чтобы Теобальд все время проводил в воспитательном центре.

— Лично я был воспитан именно так.

— Вот и посмотри на себя в зеркало.

Поначалу Теобальд никаких сюрпризов не преподносил. В положенном возрасте он ползал, пробовал вставать на ноги, несколько раз обжигался и пытался проглотить среднестатистическое количество непредназначенных для этого предметов.

Мордан, казалось, был им доволен, Филлис — тоже. У Феликса не было критериев.

В девять месяцев Теобальд попробовал выговорить несколько слов, после чего надолго замолчал. А в четырнадцать начал произносить целые фразы — короткие, скроенные на собственный лад, но цельные, законченные. Все эти его тирады, точнее — утверждения, были исключительно эгоцентричны. Казалось бы — ничего необычного, никто и не ждет от ребенка пышных монологов о достоинствах альтруизма.

— И вот это, — Гамильтон ткнул пальцем туда, где Теобальд, сидя голышом в траве, пытался оторвать уши щенку, яростно сопротивлявшемуся этой затее, — это и есть ваш сверхребенок?

— М-м-м-да.

— И когда же он начнет творить чудеса?

— А он их не должен творить. Он будет уникален в каком-то одном отношении — он лишь являет собой самое лучшее из того, чего мы смогли достигнуть во всех отношениях. Он равномерно нормален в лучшем смысле слова — точнее сказать, оптимален.

— Хм-м-м. Ну что ж, я рад, что у него не растут щупальца из ушей, голова не больше тела и вообще нет никаких этих фокусов. Иди сюда, сын!

Теобальд проигнорировал приглашение. При желании он умел быть глухим; особенно трудно ему было расслышать слово «нет». Гамильтон встал, подошел к сыну и взял его на руки. Никакой осмысленной цели он при этом не преследовал — ему просто захотелось приласкать ребенка для собственного удовольствия. По-

началу Теобальд бурно реагировал на то, что его унесли от щенка, но потом покорился перемене участи. Он был способен воспринимать изрядные дозы ласки — когда это было ему по душе. Но когда он был не в настроении, он мог оказаться крайне строптивым. И даже кусаться.

Это случилось, когда Теобальду только-только исполнилось год и два месяца. Им с отцом пришлось пережить трудные и поучительные полчаса, когда они после этого выясняли отношения. В тот раз Филлис предоставила их самим себе, предварительно надавав, правда, Феликсу наставлений, чтобы он чем-нибудь не навредил чаду. После того случая Теобальд больше не кусался, но у Гамильтона навсегда остался маленький рваный шрам на большом пальце левой руки.

Феликс любил сына безмерно, хотя и обращался с ребенком подчеркнуто бесцеремонно. Ему было досадно, что Теобальд не проявляет к нему никаких нежных чувств и в то же время с удовольствием реагирует на ласку и объятия «дяди Клода» или даже любого незнакомца.

По совету Мордана и решению Филлис (у Феликса в таких вопросах права голоса не было — ему запросто могли напомнить, что именно *она* является профессиональным психопедиатром, а вовсе не он), Теобальда не начинали учить читать до общепринятого тридцатимесячного возраста, хотя тесты и показывали, что он был вполне способен воспринять идею абстрактных символов несколько раньше. Филлис воспользовалась традиционной стандартной техникой, когда ребенка учат группировать объекты по каким-либо абстрактным характеристикам, подчеркивая в то же время индивидуальные особенности каждого объекта. Теобальд откровенно скучал на занятиях и первые три недели не демонстрировал ни малейшего прогресса. Затем, казалось бы внезапно, им овладела идея, что все эти нудные материи могут иметь отношение к нему лично — возможно, виной тому был случай, когда малыш узнал собственное имя на стате, который Феликс отправил из офиса. Во всяком случае, вскоре после этого он сделал явный рывок, сконцентрировав все внимание, на какое был способен.

Через девять недель после начала обучения курс был завершен. Чтение было освоено, и дальнейшие занятия только испортили бы дело. Филлис оставила сына в покое и только следила за тем, чтобы в пределах досягаемости Теобальда находилась лишь такая литература, какую она хотела бы ему порекомендовать. Иначе он читал бы все подряд — ей и так приходилось силой отбирать у него книгофильмы, когда ему надо было заниматься физическими упражнениями или обедать.

Феликса такое увлечение ребенка печатным словом беспокоило, но Филлис поспешила рассеять его опасения.

— Это пройдет. Мы неожиданно расширили пространство его восприятия, и теперь он некоторое время должен осваиваться.

— Со мной вышло иначе — я до сих пор читаю, когда стоило бы заняться чем-то другим. Это порок.

Теобальд читал, запинаясь и часто бормоча про себя; разумеется, ему нередко приходилось обращаться за помощью ко взрослым, если встречались новые и недостаточно ясные из контекста символы. Дома конечно не было такого технического оснащения, как в воспитательном центре, где ни единое слово не появляется в букваре, если его нельзя проиллюстрировать наглядными примерами, а если слово символизирует действие — это действие незамедлительно и столь же наглядно воспроизводится.

Однако Теобальд покончил с букварем раньше, чем полагалось, и дом их, хотя и достаточно просторный, должен был бы превратиться в настоящий музей, чтобы в нем разместились все пособия, необходимые для ответов на его бесчисленные вопросы. Филлис напрягла всю свою находчивость и актерские способности, стремясь не уклоняться от главного принципа семантической педагогики: никогда не описывать новый символ с помощью уже известного, если вместо этого можно привести конкретный пример.

Впервые эйдетическая память ребенка обнаружилась именно в связи с чтением. Теобальд буквально проглатывал тексты, и если даже не до конца понимал их, то запоминал безукоризненно точно. Детская привычка хранить и перечитывать любимые книги была не

для него — единожды прочтенный книгофильм сразу превращался в пустую оболочку; теперь мальчику нужен был следующий.

— Что значит «влюбленный до безумия», мама? — этот вопрос он задал в присутствии Мордана и своего отца.

— Ну... — осторожно начала Филлис. — Прежде всего, скажи, рядом с какими словами стояло это выражение?

— «Я не просто в вас до безумия влюблен, как, по-видимому, полагает этот старый козел Мордан...» Этого я тоже не понимаю. Разве дядя Клод — козел? Он совсем не похож...

— Что читает этот ребенок? — удивленно спросил Феликс.

Мордан промолчал и только выразительно повел бровью.

— Кажется, я узнаю слог, — обращаясь к Феликсу, негромко произнесла Филлис и, вновь повернувшись к Теобальду, поинтересовалась: — Где ты это нашел? Признайся.

Ответа не последовало.

— В моем столе? — она знала, что дело обстояло именно так; в ящике стола она хранила связку писем — воспоминание о тех днях, когда они с Феликсом еще не выяснили всех своих разногласий; у нее вошло в привычку перечитывать их — в одиночестве и тайне. — Скажи честно.

— Да.

— Это ведь запрещено, ты же знаешь.

— Но ты же меня не видела! — торжествующе произнес отпрыск.

— Это правда.

Филлис лихорадочно обдумывала создавшееся положение. Ей хотелось поощрить сына за то, что он сказал правду, но вместе с тем — закрыть дорогу непослушанию. Конечно, непослушание чаще оборачивается достоинством, нежели грехом, однако... Ну да ладно. Она отложила выяснение вопроса.

— У этого ребенка, похоже, нет ни намека на нравственность, — пробормотал Феликс.

— А у тебя есть? — немедленно вернула Филлис и вновь сосредоточила внимание на сыне.

— Там было гораздо больше, мама. Хочешь послушать?

— Не сейчас. Давай сперва ответим на два твоих вопроса.

— Но, Филлис... — прервал ее Гамильтон.

— погоди, Феликс, — отмахнулась она, — сперва я должна ответить на его вопросы.

— А не выйти ли нам в сад покурить? — предложил Мордан. — Некоторое время Филлис будет занята.

И даже очень. Уже «влюбленный до безумия» являлось труднопреодолимым препятствием, но как объяснить ребенку на сорок втором месяце жизни аллегорическое употребление символов? Нельзя сказать, чтобы Филлис в этом слишком преуспела. И некоторое время Теобальд, не чувствуя различия, поочередно именовал Мордана то «дядей Клодом», то «старым козлом».

Эйдетическая память является рецессивной. И Гамильтон, и Филлис получили ответственную за нее группу генов от одного из родителей. Теобальд — в результате селекции — унаследовал ее от обоих. Скрытая потенция, рецессивная в каждом из его родителей, полностью проявилась в нем. Конечно, и «рецессив», и «доминанта» — термины относительные; доминанта не подавляет рецессив полностью, это — не символы в математическом уравнении. И Филлис, и Гамильтон обладали превосходной, выходящей за рамки обычного памятью. У Теобальда она стала практически совершенной.

Рецессивные характеристики, как правило, нежелательны. Причина проста: доминантные характеристики в каждом поколении закрепляются естественным отбором. Этот процесс — вымирание плохо приспособленных — идет изо дня в день, неумолимо и автоматически. Он столь же неумолим и неумолим, как энтропия. Нежелательная доминанта изживет себя в расе за несколько поколений. Самые плохие доминанты появляются лишь в результате мутаций, потому что они или убивают своих носителей или исключают размноже-

ние. Примером первого может служить зародышевый рак, второго — полная стерильность. Однако рецессив способен передаваться от поколения к поколению — затаившийся и не подверженный естественному отбору. Но в какой-то момент ребенок получит его от обоих родителей — и вот тогда-то он развернется вовсю. Именно поэтому для первых генетиков столь трудной проблемой было исключение таких рецессивов, как гемофилия или глухонмота; до тех пор пока соответствующие этим болезням гены не были нанесены — крайне сложными, косвенными методами — на схему, было невозможно определить, является ли абсолютно здоровый индивид действительно «чистым». Не передаст ли он нечто скверное своим детям? Этого никто не знал.

Феликс заинтересовался, почему же в таком случае эйдетическая память оказалась не доминантой, а пользующимся столь дурной славой рецессивом.

— Есть два ответа, — отозвался Мордан. — Во-первых, специалисты все еще спорят, почему некоторые характеристики являются доминантными, а другие — рецессивными. Во-вторых, почему вы считаете эйдетическую память желательным свойством?

— Но... Мой Бог! Вы же выбрали ее для Бальди!

— Да, мы выбрали ее — для Теобальда. Но желательность — понятие относительное. Желательный — для кого? Совершенная память является преимуществом лишь при наличии разума, способного управлять ею, в противном случае она превращается в проклятие. Такое нередко встречается: бедные, бесхитростные души, увязшие в сложностях собственного опыта, знающие каждое дерево, но неспособные увидеть лес. К тому же способность забывать — это благословение, болеутоляющее средство, необходимое большинству из нас. Большинство не нуждается в том, чтобы помнить — и не помнит. Иное дело — Теобальд.

Разговор этот происходил в служебном кабинете Мордана. Арбитр взял со стола картотечный ящик, в котором были расставлены по порядку не меньше тысячи маленьких перфокарт.

— Видите? Я их еще не просматривал — это информация, которой снабжают меня техники. Располо-

жение этих перфокарт значит столько же, сколько и содержание — а может быть, даже больше. — Мордан поднял ящик и вывернул его содержимое на пол. — Информация все еще там, но какой от нее теперь толк? — он нажал клавишу на столе, и вошел его новый секретарь. — Альберт, отправьте их, пожалуйста, на повторную сортировку. Боюсь, они слегка перепутались.

Альберт был явно удивлен, однако сказал лишь:

— Конечно, шеф, — и, подобрав с полу, унес разноцветные карточки.

— В первом приближении можно сказать, что у Теобальда достаточно ума для отыскания, систематизации и использования информации. Он будет способен охватить целое, извлечь из общей массы сведений значимо связанные детали и соотнести их. Для него эйдетическая память действительно является желательной характеристикой.

Да, конечно, это так... Но временами Гамильтона посещали сомнения. По мере того как ребенок подрастал, в нем все заметнее проявлялась раздражающая привычка поправлять старших, когда они ошибались в мелочах. Сам он в мелочах был изводяще педантичен.

— Нет, мама, это было не в прошлую среду, а в четверг. Я помню, потому что в тот день папа взял меня на прогулку, а когда мы шли мимо бассейна, то встретили красивую леди в зеленом костюме и папа улыбнулся ей, а она остановилась и спросила, как меня зовут, и я сказал, что меня зовут Теобальдом, а папу — Феликсом и что мне четыре года и один месяц. А папа засмеялся, и она засмеялась тоже, и папа сказал...

— Ну, хватит, — оборвал Феликс, — ты свое доказал. Это был четверг. Но нет смысла обращать внимание людей на такие мелочи.

— Но должен же я их поправить, когда они ошибаются!

Феликс ушел от этой темы, однако подумал, что Теобальду, когда он станет постарше, может понадобиться умение в совершенстве владеть оружием.

Сельскую жизнь Гамильтон полюбил, хотя поначалу она его и не привлекала. Если бы не Великое Исследование, в котором он продолжал принимать участие,

Феликс мог бы всерьез увлечься садоводством. Он пришел к выводу, что вырастить сад таким, каким хочешь его видеть — дело, способное удовлетворить потребности души.

Согласись на это Филлис — он и все праздники проводил бы здесь, возясь со своими растениями. Однако у нее выходных было куда меньше: едва Теобальд подрос достаточно, чтобы у него появилась потребность общаться со сверстниками, Филлис вернулась к своей работе, устроившись в ближайший воспитательный центр. Поэтому, когда выпадал свободный день, ей хотелось сменить обстановку — чаще всего устроить пикник где-нибудь на берегу.

Из-за работы Феликса они должны были жить неподалеку от столицы, однако Тихий океан лежал чуть дальше чем в пятистах километрах к западу. Это было восхитительно — упаковав ленту, добраться до побережья с таким расчетом, чтобы хватило времени вволю поплавать, долго, лениво, с наслаждением поваляться, а затем перекусить.

Феликсу хотелось понаблюдать за реакцией мальчика, когда тот впервые окажется на морском берегу.

— Ну вот, сын, это и есть океан. Как он тебе нравится?

Теобальд хмуро уставился на прибой.

— Хорошо, — неохотно согласился он.

— А что не так?

— Вода. Она как будто больная. И солнце должно быть там, а не с этой стороны. И где большие деревья?

— Какие большие деревья?

— Высокие, тонкие, с такими кустами наверху.

— Хм-м-м... А чем тебе не нравится вода?

— Она не синяя.

Гамильтон вернулся к Филлис, которая растянулась на песке.

— Ты не можешь вспомнить, — медленно проговорил он, — видел ли когда-нибудь Бальди стерео королевских пальм — на берегу, на тропическом берегу?

— Насколько я знаю, нет. А что?

— Постарайся вспомнить. Не показывала ли ты ему такую картинку, объясняя что-нибудь?

— Уверена — нет.

— А что он читает? Нет ли там каких-либо плоских иллюстраций?

Она порылась в своей превосходной и хорошо организованной памяти.

— Нет, я бы это помнила. И никогда не показала бы ему такой картинки, не объяснив ее.

Произошло это еще до того, как Теобальд пошел в воспитательный центр, а значит все, что он видел, он мог видеть только дома. Нельзя было, разумеется, гарантировать, что ему не попался на глаза отрывок из новостей или какой-либо другой программы, однако самостоятельно включать приемник он не умел, а ни Гамильтон, ни Филлис ничего подобного не помнили. Все это было чертовски занятно.

— Что ты хотел сказать, дорогой?

Гамильтон вздрогнул.

— А? Нет, ничего. Совсем ничего.

— Какого рода «ничего»?

Он покачал головой.

— Слишком фантастично. Я просто задумался.

Вернувшись к мальчику, Феликс попытался вытянуть из него побольше подробностей, силясь докопаться до истины. Но Теобальд не разговаривал. Он даже не слушал отца — о чем и заявил без обиняков.

Много позже произошло событие, при сходных обстоятельствах так же насторожившее Гамильтона, но — на этот раз он смог несколько приблизиться к разгадке. Они с сыном плескались в прибое — до тех пор, пока совсем не выбились из сил. Вернее, устал Феликс, что составляло большинство — при одном голосе против. Потом они валялись на песке, предоставляя солнцу высушить кожу, а вскоре ощутили легкий зуд от налета соли — как это всегда бывает после морского купания.

Феликс почесал Теобальда между лопатками — в самом недоступном месте — отметив про себя, сколько сходства у ребенка с котенком, даже в той сибаритской повадке, с какой он воспринимает маленькое чувственное удовольствие. Сейчас Теобальду нравилось, что его ласкали, однако секундой позже он может стать столь же высокомерным и холодным, как

персидский кот. Или наоборот — может решить свернуться калачиком.

Гамильтон перевернулся на живот. Теобальд оседлал его и они поменялись ролями. Феликс и в себе ощутил некоторое сходство с котом — это было так приятно! И вдруг он заметил, что происходит нечто весьма любопытное и почти необъяснимое.

Когда представитель рода людского по реликтовой обезьяньей привычке оказывает любезность ближнему, почесывая его — сколь бы восхитительным ни было ощущение, этот человек никогда не попадает именно туда, где чешется. С приводящей в бешенство бестолковостью тебя чешут то выше, то ниже — но никогда, никогда, никогда! — не там, где надо. И это продолжается до тех пор, пока ты сам в безысходном отчаянии чуть не вывихнув руку, не дотянешься наконец до нужного места.

Феликс не давал Теобальду никаких указаний; он вообще уже почти засыпал, разморившись на солнце и млея от ласки сына. Но внезапно очнулся — он был потрясен тем, что Бальди умудрялся чесать именно там, где чесалось.

Точнехонько там. Стоило зуду проявиться в каком-то определенном месте, как мальчик накидывался на него и почесывал до тех пор, пока неприятное ощущение не исчезало.

Это следовало обсудить с Филлис. Гамильтон встал, подошел к жене и рассказал ей о своих наблюдениях, предварительно предложив сыну побегать по берегу («Но в воду — только по щиколотки!»).

— Попробуй сама, — закончил он свой рассказ. — Он может это делать. В самом деле может.

— И хотела бы, да не могу. Прости, но я все еще первозданно свежа и чиста и потому столь вульгарных потребностей не испытываю.

— Филлис...

— Да?

— Кто может чесать именно там, где у другого чешется?

— Ангел.

— А если серьезно?

— Сам скажи.

— Ты знаешь это не хуже меня. Этот ребенок — телепат!

Они оба посмотрели вдоль берега — на маленькую, угловатую, чем-то занятую фигурку.

— Теперь я знаю, как чувствует себя курица, выси-
девшая утенка, — тихо сказала Филлис; она быстро
поднялась. — Я отправляюсь в воду за солью и дам ей
на мне высохнуть. Я должна во всем этом разобраться.

Глава 15

«Возможно, это тупик...»

На следующий день Гамильтон Феликс взял сына с собой в город. Кое-кто из связанных с Великим Исследованием разбирался в подобных вещах куда лучше, чем он или Филлис, и Гамильтон собирался попросить их обследовать Теобальда. В офисе он снабдил ребенка чтением — уловка, способная удержать Бальди на месте так же надежно, как если бы он был прикован цепью — и позвонил Джейкобстейну Рэю. Тот возглавлял группу, занимавшуюся телепатией и родственными ей явлениями.

Он объяснил Джейку, что в данный момент ему нельзя покидать кабинеты. Не может ли Джейк зайти, если не слишком занят? Джейк мог — и появился через несколько минут. Мужчины уединились в соседней комнате, прикрыв дверь, чтобы мальчик их не слышал. Феликс рассказал о произошедшем на берегу и предложил Джейку заняться этим. Тот сразу заинтересовался.

— Только не ожидайте слишком многого, — предостерег он. — Нам приходилось сталкиваться с проявлениями телепатии у детей, причем во всех случаях существовала статистическая уверенность, что они не

могли получить этой информации ни одним из известных способов. Однако всерьез этим никто не занимался: дети никогда не могли толком объяснить, что с ними происходит, а по мере того как ребенок подрастал и становился более разговорчивым, способности его бледнели и мало-помалу исчезали. Можно сказать, отмирали — как вилочковая железа.

— Вилочковая железа? Тут есть какая-нибудь связь?

— Ни малейшей. Это просто метафора.

— А вдруг?

— Крайне маловероятно.

— В этом деле все маловероятно. Может, стоит подключить группу? Хорошего биостатистика и кого-нибудь из ваших операторов?

— Можно, если хотите.

— Прекрасно. Я пошлю вам официальный стат. Возможно, это тупик, но — кто знает!

Следует добавить, что это и впрямь оказалось тупиком. Затея обернулась лишь крохотным привеском к огромной массе отрицательной информации, на которой вырастает научное знание.

Феликс с Джейком вернулись в кабинет, где сидел погруженный в чтение Теобальд. Прежде всего они опустили в кресла, чтобы оказаться на одном уровне с ребенком, а потом Гамильтон, стараясь ничем не ранить болезненно самолюбивого мальчика, познакомил его с Джейком.

— Послушай, малыш, — сказал он, когда с процедурой официального представления было покончено, — папа хочет, чтобы ты на часок-другой сходил с Джейком и кое в чем ему помог. Согласен?

— Зачем?

Это был трудный вопрос. Давно установлено, что незрелым умам лучше всего не сообщать, зачем все делается.

— Джейк хочет разобраться, как у тебя работает голова. Ну... Поможешь ему?

Теобальд задумался.

— Это будет большой услугой папе, — сказал Гамильтон.

Филис могла бы предостеречь его от такого подхода: Теобальд еще не достиг степени социального разви-

тия, при которой человек ощущает радость от того, что он сделал одолжение.

— А ты мне сделаешь одолжение? — парировал он.

— Чего же ты хочешь?

— Вислоухого кролика.

При некоторой помощи взрослых Бальди разводил кроликов, и, если бы его грандиозные планы не контролировались, весь дом давно уже заполнился бы толстыми пушистыми грызунами. Тем не менее Гамильтон испытал некоторое облегчение от того, что просьба оказалась достаточно скромной.

— Конечно, малыш. Ты и так мог бы его получить.

Теобальд ничего не ответил, однако встал, демонстрируя согласие.

После их ухода Гамильтон задумался. Еще один кролик — куда ни шло, было бы хуже, потребуй сын крольчиху. Однако все равно вскоре надо будет что-то предпринимать, в противном случае ему придется расстаться со своим садом.

При деловитом и активном сотрудничестве с кроликами Теобальд, похоже, был занят выработкой любопытных, хотя и совершенно ошибочных неоменделианских представлений о наследуемых признаках. Он хотел выяснить, почему у белых крольчих появляются порой бурые детеныши. Феликс пытался обратить его внимание на тот факт, что в деле фигурировал и бурый кролик, но вскоре увяз окончательно и, смирившись с неизбежной потерей лица, вынужден был воззвать к помощи Мордана. А теперь Теобальд вполне способен заинтересоваться потомством вислоухого кролика.

Мальчик разработал интересную, но крайне специализированную арифметику, предназначенную для наблюдений за кроликами; она основывалась на положении, что один плюс один равняется как минимум пяти. Гамильтон обнаружил это, найдя в блокноте сына символы, с которыми был незнаком.

В первый же раз, как Монро-Альфа и Марион навестили их, Гамильтон показал эти записи Клиффу. Сам он рассматривал их как милый пустячок, однако Монро-Альфа отнесся к Теобальдовой системе со своей обычной серьезностью.

— Не пора ли обучать его арифметике?

— Не уверен... Маловат он еще. Только-только взялся за математический анализ.

С математической символикой Теобальда знакомили по традиционному пути — обобщенная геометрия, дифференциальное, интегральное, вариационное исчисления. Браться же за скучную, специализированную мнемонику практической арифметики ему явно было рано — все-таки он еще был совсем ребенком.

— А по-моему, в самый раз, — возразил Монро-Альфа. — Я додумался до замены позиционной нотации примерно в его возрасте. Полагаю, он вполне сможет с этим справиться, если вы не заставите его заучивать наизусть таблицы действий.

Об эйдетической памяти Теобальда Монро-Альфа не знал, а Гамильтон не стал вдаваться в объяснения. Ему не хотелось рассказывать Клиффу обо всей генетической подноготной сына: обычай не запрещал обсуждать этого, но противился внутренний такт. Оставьте мальчика в покое — пусть его личная жизнь будет личной. Знали они с Филлис, знали привлеченные генетики, знали Планировщики — не могли не знать, ибо речь шла о элитной линии. И даже об этом Гамильтон сожалел, поскольку такое положение вещей влекло за собой вторжения, подобные визиту этой старой ведьмы, Карвалы.

Сам Теобальд не будет знать о своем происхождении либо совсем ничего, либо очень мало — до тех пор пока не станет взрослым. Возможно, он вообще не проявит особого интереса, и ничто специально не привлечет его внимания к проблеме собственного происхождения, пока Бальди не достигнет приблизительно того возраста, в котором Мордан заставил Феликса проникнуться значением генетических вопросов.

Это было бы лучше всего. Схема унаследованных человеком характеристик важна для последующих поколений, и не понимать этого нельзя, однако избыточные познания в этой области влекли за собой слишком много раздумий, которые могли стать для человека проклятием. Взять хоть Клиффа — он едва совсем было не рехнулся от чрезмерных размышлений о собственных прадедах. Ну, от этого Марион его вылечила.

Нет, в самом деле, нехорошо это — слишком много рассуждать о подобных вещах. Еще не так давно Гамильтон и сам говорил слишком много — и до сих пор не переставал об этом жалеть. Он советовался с Морданом о том, следует ли Филлис иметь еще детей — после появления девочки, разумеется. Они с Филлис не пришли на этот счет к согласию. К неудовольствию Феликса, Арбитр поддержал его жену.

— С моей точки зрения, вам необходимо иметь по крайней мере четверых детей, а еще лучше — шестерых. Можно и больше, но у нас не хватит времени, чтобы должным образом провести селекцию для такого количества.

Гамильтон чуть было не взорвался.

— Не слишком ли легко вы строите планы — для других? А как насчет собственного вклада? Вы и сами в достаточной степени принадлежите к элитной линии — так что же? Откуда этот односторонний подход?

— Я не воздерживался от вклада, — с неизменной благожелательностью возразил Мордан. — Моя плазма депонирована и при необходимости доступна. А моя карта известна каждому Арбитру в стране.

— Однако вы лично отнюдь не переусердствовали в обзаведении детьми.

— Нет — ваша правда. У нас с Мартой так много детей в округе и еще столько же на подходе, что вряд ли нам хватило бы времени заниматься одним.

За этими витиеватыми словами Гамильтону что-то почуялось.

— Скажите, вы с Мартой женаты — или нет?

— Да. Двадцать три года.

— Но тогда... но почему...

— Мы не можем, — ровным голосом, лишь чуть-чуть отличавшимся от обычного спокойного тона, проговорил Мордан. — Марта — мутант... Она стерильна.

При мысли о том, что его длинный язык заставил друга так глубоко раскрыться, у Гамильтона вспыхнули уши. До сих пор он и помыслить не мог, что Клода с Мартой связывают супружеские отношения; она обращалась к мужу, называя его не иначе как шефом, в их разговорах не проскальзывало ни единого ласкового слова, взаимная близость вообще никак не проявлялась

в их поведении. И все же многое теперь становилось понятным: и тесное сотрудничество между техником и синтетистом, и обращение Мордана к генетике после того, как он блестяще начал карьеру в общественной администрации, и его напряженный, отеческий интерес к подопечным.

До Гамильтона лишь сейчас дошло, что Клод и Марта почти в такой же степени являются родителями Теобальда, как и они с Филлис, — приемные родители, крестные родители... Родители-посредники, может быть. Они были родителями-посредниками сотен тысяч — Феликс представления не имел о точном числе. Мысль эта его потрясла.

Впрочем, все эти размышления и воспоминания ничуть не продвигали работу, а сегодня Гамильтону нужно было вернуться домой пораньше — из-за Теобальда. Он повернулся к столу. На глаза ему попала записка — от себя к себе. Хм-м-м... придется этим заняться. Лучше всего — поговорить с Каррузерсом. Феликс потянулся к телефону.

— Шеф?

— Да, Феликс.

— Недавно я разговаривал с доктором Торгсенем, и у меня мелькнула идея — может быть, не столь уж существенная...

— Выкладывайте.

Погода на далеком Плутоне холодная. Даже на солнечной стороне температура редко поднимается выше восемнадцати градусов от абсолютного нуля — по шкале Кельвина. И это — в полдень, на месте, открытом солнцу. Воздействию столь сильного холода в тамошних обсерваториях подвергается немало механизмов. Машины, работающие на Земле, не смогут действовать на Плутоне — и наоборот. Законы физики неизменны, но характеристики материалов с температурой меняются; самый простой пример — вода и лед.

Смазочное масло при столь низких температурах превращается в сухой порошок. Сталь перестает быть

сталью. Прежде чем был покорен Плутон, ученым пришлось изобрести новые технологии.

И не только для движущихся частей, но и для неподвижных тоже — таких, как электрическое оборудование, которое, в числе прочих факторов, зависит от сопротивления проводников. Так вот, крайний холод существенно снижает электрическое сопротивление материалов. При тринадцати градусах выше абсолютного нуля по шкале Кельвина свинец становится сверхпроводником, лишенным вообще какого бы то ни было сопротивления. Электрический ток, возбужденный в таком свинце, будет, по всей видимости, циркулировать вечно, не затухая.

Можно было бы упомянуть и обо многих других особенностях, однако в эти подробности Гамильтон входить не стал, уверенный, что такой блестящий синтетист, как его шеф, знает все основные факты. Главный факт был следующий: Плутон отличная природная лаборатория для низкотемпературных исследований — не только непосредственно для нужд обсерваторий, но и в любых других целях.

Одна из классических трудностей в науке состоит в том, что исследователь размышляет об объектах, инструменты для изучения которых еще не изобретены. Чуть ли не век генетика топталась на месте, пока успехи ультрамикроскопии не позволили рассмотреть ген. И вот теперь необычные свойства сверхпроводников — или почти сверхпроводников — открыли перед физиками возможность создания приборов, чувствительность которых превзошла все доселе известное.

Доктор Торгсен и его коллеги пользовались новейшими звездными болометрами — и по сравнению с плодами их трудов все ранее выполненные исследования казались не более чем приблизительными, грубыми догадками. Уверяли, будто при помощи подобной аппаратуры можно даже измерить тепло покрасневшей щеки на расстоянии в десяток парсеков. А в распоряжении колонии на Плуtone появился теперь даже такой приемник электромагнитных излучений, который — временами — позволял принимать послания с Земли, если удача улыбалась, а все остальные держали пальцы скрещенными.

А ведь и телепатия, если она имеет физическую природу — что бы там ни означало слово «физический», — должна обнаруживаться при помощи какого-либо прибора. То, что такой прибор должен быть крайне чувствителен, казалось очевидным заранее; следовательно, Плутон — идеальное место для подобных исследований.

Существовал и намек на то, что идея была не совсем призрачной. Некий прибор — Гамильтон не мог вспомнить, как именно он назывался — был усовершенствован на Плуtone, работал вполне удовлетворительно, а потом вдруг стал давать сбои, когда разработчики решили продемонстрировать свое детище группе коллег. Оказалось, он был слишком чувствителен к присутствию живых людей.

Именно живых — эквивалентные массы с такой же температурой и сходными свойствами поверхности его работе ничуть не мешали. В итоге эту штуковину прозвали «детектором жизни», а директор колонии поддерживал дальнейшие исследования, считая их перспективными.

Идея Гамильтона, которой он поделился с Каррузерсом, заключалась в следующем: не может ли так называемый «детектор жизни» оказаться восприимчивым к телепатии? Каррузерс не исключал такой возможности. А если так, то не стоит ли начать подобные исследования и на Земле? Или лучше направить группу на Плутон, где вести низкотемпературные исследования куда удобнее? По обоим направлениям, разумеется. Однако до ближайшего регулярного рейса на Плутон еще полтора года...

— Пустяки! — отрезал Каррузерс. — Планируйте спецрейс. Совет поддержит.

Закончив разговор, Гамильтон переключил телефон на запись и несколько минут диктовал инструкции для двух своих расторопных молодых ассистентов. Затем перешел к следующему пункту повестки дня.

Занимаясь раскопками в литературе, Феликс обнаружил, что пограничным явлениям человеческого духа, которые его теперь увлекли, общество в свое время уделяло гораздо больше внимания. Спиритизм, призраки, вещие сны — словом, всякие «привиденьица, вам-

пирчки и что-то, что плюхает в ночи» — являлись буквально навязчивой идеей многих авторов. Основная масса этой псевдоинформации казалась бредом психопатов. Однако не все. Вот, например, Фламарион, профессиональный астроном — или астролог? Гамильтон знал, что до начала эры космических полетов существовала такая профессия... — словом, человек с правильно привитой головой, даже в те темные времена владевший основными принципами научного мышления, Фламарион собрал огромное количество сведений, которые — даже если они были достоверными всего на один процент — безусловно доказывали выживание человеческого Я после его физической смерти.

Читая об этом, Гамильтон воспрянул духом.

Он понимал, что эти недостоверные свидетельства многовековой давности нельзя рассматривать как прямые доказательства, однако некоторые из них после рассмотрения психиатрами-семантиками вполне могут быть использованы как косвенные. В любом случае, опыт прошлого способен во многом помочь и сегодня. Самой трудной задачей этого аспекта Великого Исследования было определение исходной точки.

Была, например, пара старых книг, написанных не то Дуном, не то Данном — изменения в символах речи не дают возможности точно назвать; на протяжении четверти века он настойчиво собирал записи вещих снов. Однако после его смерти работу никто не продолжил, и она была забыта. Ну да ничего, теперь старания Данна будут оправданы: больше десяти тысяч человек взялись записывать каждый свой сон — скрупулезно, во всех деталях, прежде чем встать с постели и перемолвиться с кем-либо хоть словом. Если сны вообще способны распахивать двери в будущее, это обязательно будет установлено.

Гамильтон и сам попытался вести подобные записи. Но, к несчастью, он редко видел сны. Зато — видели другие, а он поддерживал с ними контакт.

Старинные книги, которые Гамильтону хотелось бы изучить внимательно, в большинстве своем были малопонятны; переводы можно было перечитать по пальцам, о значении же многих древних идиом оставалось только гадать. Разумеется, существовали специалисты по

сравнительному языковедению, но и для них эта задача была непростой. К счастью, непосредственно под рукой оказался человек, способный читать английский образца 1926 года и как минимум за предшествовавшее этой дате столетие. Между тем именно этот век был особенно богат подобного рода исследованиями, поскольку к научным методам тогда уже начали относиться с пониманием, а интерес к пограничным явлениям человеческого духа оставался высоким. Это был Смит Джон Дарлингтон, или Джей Дарлингтон Смит, как он предпочитал называть себя сам. Гамильтон кооптировал бывшего финансиста буквально против его воли: Смит был слишком поглощен своей фитбольной индустрией — он организовал три ассоциации, по десять боевых групп в каждой, и уже почти сформировал четвертую. Дело его процветало, Смит вот-вот должен был достичь желанного богатства, и ему совсем не хотелось растрачивать времени по пустякам.

Однако Феликс настаивал — и Смит вынужден был уступить человеку, положившему начало его предпринятию.

Гамильтон позвонил Джейу Дарлингтону.

— Хелло, Джек.

— Как поживаете, Феликс?

— Есть что-нибудь для меня?

— Кассет скопилось чуть не до потолка.

— Отлично. Перешлите их мне.

— Конечно. Послушайте, Феликс, но ведь по большей части все это — ужасная чепуха.

— Не сомневаюсь. Но подумайте, сколько руды приходится перелопатить, чтобы получить грамм природного радия. Ну что ж, позвольте откланяться.

— Минутку, Феликс. Вчера я попал в неловкое положение. Может, вы посоветуете мне...

— Конечно. Рассказывайте.

Выяснилось, что Смит, который, невзирая на все свои финансовые успехи, носил повязку и с точки зрения закона считался дикорожденным, непреднамеренно оскорбил вооруженного гражданина, прилюдно отказавшись уступить тому дорогу. Гражданин прочел Смигу лекцию о правилах поведения. Все еще не до конца приспособившийся к обычаям другой культуры,

Смит ответил ему насколько мог вежливо — то есть сбил с ног ударом кулака, попутно расквасив нос. Теперь предстояло расплачиваться — щедро и по очень крупному счету.

Наутро секундант оскорбленного позвонил Смиуту и передал ему формальный вызов. Смиуту надлежало или принять вызов и стреляться, или принести извинения, которые будут сочтены достаточными; в противном случае гражданин и его друзья изгонят его из города — под надзором блюстителей, следящих за соблюдением обычаев.

— Что же мне теперь делать?

— Я посоветовал бы вам принести извинения.

Другого выхода Гамильтон не видел; принять вызов — было бы для Смита самоубийством, и хотя подобный акт не казался Феликсу предосудительным, однако он здраво рассудил, что Джей Дарлингтон предпочитает жить.

— Но я не могу этого сделать — что я, по-вашему, ниггер?

— Не понимаю, что вы хотите этим сказать. Какое отношение к происходящему может иметь цвет вашей кожи?

— Ох, не обращайтесь внимания. Но я не могу извиняться, Феликс. Я был впереди него — честно, впереди.

— Но ведь на вас была повязка.

— Ну... Послушайте, Феликс, я хочу стреляться. Вы согласны быть моим секундантом?

— Буду, если вы попросите. Только, имейте в виду, он вас убьет.

— Может, и нет. Я могу выхватить оружие раньше его.

— На дуэли в этом нет смысла. Оружие перекрестно связано — ваш излучатель не сработает до сигнала рефери.

— Но я довольно быстрый.

— Не в том классе. Вы же не играете сами в ваш футбол — и знаете почему.

Смит знал. Когда предприятие только начиналось, он собирался играть и тренировать, а не только администрировать. Однако несколько встреч с нанятыми им людьми быстро доказали, что спортсменов образца 1926 года

заметно уступал современному человеку среднего уровня развития. В частности, его рефлексy были медленнее. Смит прикусил губу и ничего не ответил.

— Сидите тихо и не высывайтесь, — сказал Феликс, — а я попробую сделать несколько звонков и посмотрю, что можно предпринять.

Секундант оскорбленного был вежлив, но исполнен сожалений. Ему ужасно жаль, что он не в силах оказать услугу мастеру Гамильтону, но он действует согласно полученным указаниям. Не может ли мастер Гамильтон переговорить непосредственно с главным действующим лицом? Верно, это вряд ли соответствует протоколу. Однако обстоятельства довольно необычны; дайте ему несколько минут — и он позвонит сам.

По прошествии указанного времени Гамильтон получил разрешение поговорить с самим оскорбленным и позвонил ему. Нет, о том, чтобы отказаться от вызова, не может быть и речи; и вообще, весь этот разговор строго конфиденциален — протокол, знаете ли. Он вообще не стремится убивать обидчика и готов принять извинения.

Гамильтон объяснил, что Смит не может смириться с подобным унижением из-за особенностей психологии. Он — варвар, «человек из прошлого», и просто не в состоянии смотреть на вещи с точки зрения джентльмена.

Главное действующее лицо кивнуло.

— Теперь я это знаю. Знал бы раньше — попросту проигнорировал бы его грубость, вел бы себя с ним как с ребенком. Но я не знал. А теперь, если учесть, что он сделал — ну, мой дорогой сэр, вряд ли я могу это игнорировать, не правда ли?

Гамильтон признал, что собеседник имеет полное право на сатисфакцию, однако заметил, что, убив Смита, тот станет весьма непопулярной в обществе фигурой.

— Он, знаете ли, любимец публики. И, боюсь, многие станут рассматривать принуждение его к дуэли как обычное убийство.

Гражданин тоже думал об этом. Забавная дилемма, не так ли?

— А не хотели бы вы сразиться с ним физически — наказать обидчика тем же способом, каким было нанесено оскорбление — только сильнее?

— Право же, дорогой сэр!..

— Это всего-навсего идея, — заметил Гамильтон. — Но вы могли бы подумать об этом. Можем мы получить три дня отсрочки?

— Даже больше, если хотите. Я ведь сказал, что не рвусь довести дело до дуэли. Я лишь хочу обуздать его манеры. Ведь любой может повстречаться с ним где угодно.

Гамильтон пропустил этот выпад мимо ушей и позволил Мордану — как поступал всегда, когда бывал озадачен.

— Что мне делать, Клод? Как вы думаете?

— Не вижу, почему бы вам не предоставить ему действовать по собственному разумению — и быть убитым. Индивидуально — это его жизнь, социально — не велика потеря.

— Вы забываете, что он нужен мне как переводчик. Вдобавок, он мне просто нравится. Он патетически храбр перед лицом мира, которого не понимает.

— М-м-м... В таком случае, давайте попробуем поискать решение.

— Знаете, Клод, — серьезно проговорил Феликс. — я начинаю сомневаться в разумности этого обычая. Может, я просто старею, но если холостяку вышагивать по городу с важным видом представляется забавным, то теперь с моей точки зрения это начинает выглядеть совсем иначе. Я даже подумываю, не нацепить ли повязку.

— О нет, Феликс! Этого вы не должны делать.

— Почему? Многие так поступают.

— Это не для вас. Повязка — признак поражения, признание собственной неполноценности.

— Что с того? Все равно я останусь собой. И какая разница, что обо мне подумают?

— Ошибаешься, сынок. Очень легко впасть в заблуждение, будто ты независим от своей культурной матрицы, но это способно повлечь за собой самые тяжкие последствия. Ты — часть своей группы и — хочешь или нет — связан ее обычаями.

— Но ведь это всего лишь обычаи!

— Не преуменьшай силы обычаев. Менделиански характеристики и то легче изменить, чем обычаи. Попробуй изменить их — и окажешься связанным в тот момент, когда меньше всего ожидаешь.

— Но, черт возьми! Ведь никакой прогресс невозможен без ломки обычаев!

— Их надо не ломать, а обходить. Учитывай их, проверяй, как они работают — и заставляй служить себе. Разве тебе нужно разоружаться, чтобы не ввязываться в драки? Но стоит сделать это — и тебя неминуемо втянут, как Смита. Вооруженному человеку сражаться не обязательно. Я уже и вспомнить не могу, когда в последний раз брался за излучатель.

— Если уж об этом речь, то я не брался за оружие года четыре, а то и больше.

— Об этом-то я и говорю. И не думай, будто обычай ходить вооруженным бесполезен. За любым обычаем стоит первопричина — порой хорошая, порой — дурная. В данном случае, хорошая.

— Почему вы уверены в этом? Раньше я сам так думал, но теперь начал сомневаться.

— Ну, во-первых, вооруженное общество — это вежливое общество. Манеры неизбежно станут хорошими, если человек будет вынужден отстаивать свой стиль поведения даже ценой собственной жизни. А вежливость, на мой взгляд, является *sine qua non** цивилизации. Правда, подчеркиваю, что это только моя личная оценка. Однако перестрелки приносят и большую пользу с точки зрения биологии. В наше время почти нет способов избавлять расу от слабых и тупых. А вооруженному гражданину, чтобы остаться в живых, надо иметь или быстрый ум, или быстрые руки — лучше всего и то и другое. Конечно, — продолжал Мордан, — воинственность досталась нам в наследство от предков, однако мы сохранили это наследие намеренно. Даже будь это в их силах, Планировщики не воспрепятствовали бы ношению оружия.

* Непременное условие (лат.).

Гамильтон кивнул, понимая, что Арбитр ссылается на опыт Второй генетической войны.

— Может быть, и так, — рассудительно ответил он, — но мне все-таки кажется, что к этой цели должен сыскаться другой путь. Этот слишком неразборчив. Временами страдают непричастные.

— Бдительные не страдают, — возразил Мордан. — И не ждите от человеческих институтов излишней эффективности. Они никогда такими не были, и ошибочно полагать, будто их можно сделать такими — ни в этом тысячелетии, ни в следующем.

— Почему же?

— Потому что мы сами неразборчивы индивидуально — а отсюда и коллективная неразборчивость. Загляните при случае в обезьяний питомник. Понаблюдайте за ними и послушайте их трескотню. Чрезвычайно поучительно — вы станете гораздо лучше понимать род людской.

— Кажется, понимаю, — усмехнулся Феликс. — Но что же мне делать со Смитом?

— Если он выкарабкается из этой истории, то, полагаю, ему следует начать носить оружие. Возможно, в этом случае вы сумеете внушить ему, что его собственная жизнь зависит от его же вежливости. А сейчас... Я знаю человека, который его вызвал. Предположим, вы предложите мою кандидатуру в качестве рефери.

— Вы хотите позволить им *сразиться*?

— Но на моих условиях. Думаю, что смогу устроить все так, чтобы они сошлись врукопашную.

Порывшись в своей энциклопедической памяти, Мордан извлек факт, которого Гамильтон поначалу не смог по достоинству оценить. Смит явился из периода упадка, когда рукопашная схватка уже выродилась в стилизованный кулачный бой, в искусстве которого Джей Дарлингтон был, без сомнения, достаточно сведущ. Следовательно, одному из дуэлянтов нельзя было позволить применить излучатель, с которым он виртуозно обращался, от другого же справедливость требовала не пользоваться кулаками, которыми он мастерски орудовал. Исходя из этих соображений Мордан и собирался на правах рефери установить правила дуэли.

Однако уделять слишком много внимания этому незначительному, бесцветному человечку по имени Смит Джон Дарлингтон не имело смысла. Гамильтон даже вынужден был взять назад свое обещание быть его секундантом, ибо как раз в это время он понадобился Каррузерсу. По той же причине он не присутствовал и на дуэли, состоявшейся несколько дней спустя после разговора с Морданом. Феликс узнал, что в результате поединка Смит лежит в госпитале, страдая от нескольких ран, которые трудно было назвать обычными. Впрочем, левый глаз потерял зрение не полностью, остальные же травмы зажили за пару недель.

Гамильтон продолжал заниматься своей работой — в ней было множество всяких мелочей, они раздражали, но тем не менее им необходимо было уделять внимание. А одна из исследовательских групп занималась теперь лично им — одним.

Еще в детстве он заметил, что если ему ко лбу над переносицей подносили любой, особенно металлический, предмет, то это вызывало у него в голове реакцию, к известным физиологии чувствам никакого отношения не имеющую. Много лет он и не вспоминал об этом — до тех пор пока Великое Исследование не заставило призадуматься о подобных явлениях. Стояло ли за его детскими воспоминаниями что-то реальное или это была всего лишь игра воображения? Он сам воспринимал это как некое нервное напряжение, вызывавшее ощущение физического дискомфорта — ощущение характерное и отличное от любых других. Приходилось ли кому-либо еще испытывать что-то подобное? И чем это объяснялось? И означало ли что-нибудь? Когда Гамильтон поделился своими мыслями с Каррузерсом, тот отозвался лаконично:

— Не топчитесь на месте, рассуждая об этом. Организуйте группу и займитесь изучением.

Гамильтон организовал. И они уже выяснили, что в этом чувстве не было ничего необычного, хотя до сих пор о нем никто всерьез не думал и не говорил. Разве стоит внимания подобная мелочь? Им удалось найти субъектов, у которых это чувство было развито в большей степени — с того времени сам Гамильтон перестал быть подопытным кроликом.

Теперь он позвонил руководителю группы:

— Есть что-нибудь новое?

— И да и нет. Мы отыскиали парня, который с восьмидесятипроцентной вероятностью может различать металлы и со стопроцентной — отличать металл от дерева. Однако к пониманию природы явления ни на шаг не приблизились.

— Вам что-нибудь нужно?

— Нет.

— Если понадобится — звоните. Полезный Феликс, бодрый херувим...

— О'кей.

Не следует думать, будто для Великого Исследования Гамильтон Феликс был так уж важен. Он являлся далеко не единственным генератором идей — в распоряжении Каррузерса таких было несколько. Вероятно, Великое Исследование ничего не потеряло бы, даже не участвуя в нем Гамильтон. Однако в этом случае оно проводилось бы чуть-чуть иначе.

Кто может оценить относительную важность того или иного индивидуума? Кто был более важен — Первый Тиран Мадагаскара или безымянный крестьянин, который его убил? Работа Феликса имела *некоторое* значение. Но то же самое можно было сказать и о каждом из восьми тысяч участников Великого Исследования.

Прежде чем Гамильтон успел перейти к очередным делам, раздался звонок. Это был Джейкобстейн Рэй.

— Феликс? Если хотите, можете зайти и забрать своего многообещающего молодца.

— Прекрасно. Каковы результаты?

— Впору с ума сойти. Он начал с семи правильных ответов кряду, а потом вдруг сорвался. Результаты не лучше случайных — пока вовсе не перестал отвечать...

— Вот оно что... — протянул Гамильтон, размышляя попутно о некоем вислоухом кролике.

— Да, вот так. Он совсем обмяк. Работать с ним — что змею в дырку заталкивать.

— Ладно, попробуем в другой раз. Тем временем я займусь им.

— Буду рад помочь, — задумчиво проговорил Джейк. Похоже, мальчишка прилично потрепал ему нервы.

Когда Феликс вошел, Теобальд просто сидел, делая меньше чем ничего.

— Хелло, малыш. Готов ехать домой?

— Да.

Прежде чем взяться за сына всерьез, Феликс дождался, пока они не уселись в машину и не задали автопилоту курс на возвращение домой.

— Рэй сказал мне, что ты не очень-то помог ему.

Теобальд сосредоточенно крутил вокруг пальца веревочку.

— Так как? Помог ты или нет?

— Он хотел, чтобы я играл в какие-то глупые игры, — заявил ребенок. — В них нет никакого смысла.

— И ты бросил?

— Да.

— А мне казалось, ты обещал помочь...

— Я не обещал.

Феликс постарался припомнить. Возможно, ребенок был и прав — таких слов произнесено не было. Однако оставалось еще чувство контракта, «встречи умов».

— Мне кажется, мы упоминали о каком-то вислоухом кролике...

— Но, — заметил Теобальд, — ты же сам сказал, что я и так смогу его получить. Ты сам сказал!

Остаток пути они провели главным образом в молчании.

Глава 16

Живые или мертвые

Мадам Эспартеро Карвала снова посетила их — неожиданно и без церемоний. Она просто позвонила по телефону и объявила, что направляется их повидать. В прошлый раз она пообещала Филлис заглянуть и посмотреть на ребенка. Однако за прошедшие с тех пор четыре года она ни словом не дала о себе знать, и Филлис уже перестала ждать ее. Не станет же она навязываться космически далекому члену Совета Политики!

В новостях им встречались упоминания о ней: мадам Эспартеро избрана на очередной срок, будучи единственным кандидатом; мадам Эспартеро подала в отставку; здоровье Великой Старой Леди Совета пошатнулось; преемник мадам Эспартеро избран на досрочных выборах; Карвала мужественно борется за свою жизнь; Планировщики благодарят старейшего члена Совета за шестнадцатилетнюю службу. Она стала непременным атрибутом стереофильмов и сюжетов в новостях.

В прошлый раз Гамильтон, встретившись с Карвалой, подумал, что она выглядит куда старше, чем это вообще возможно для человеческого существа. Увидев ее на этот раз, он понял, что ошибался. Она казалась

невероятно сморщенной и хрупкой, и по тому, как с каждым движением мадам Эспартеро непроизвольно сжимала губы, было видно, каких усилий они стоили Карвале.

Однако глаза ее по-прежнему блестели, а голос все еще оставался твердым. Мадам Эспартеро и теперь доминировала над всем окружающим.

Филлис вышла ей навстречу.

— Мы так рады вашему приезду! Я не ожидала увидеть вас снова...

— Я же говорила тебе, что вернусь посмотреть на мальчика.

— Да, я помню — но прошло уже так много времени, а вы не появлялись...

— Бессмысленно смотреть на ребенка, пока он не оформился и не в состоянии говорить за себя. Где он? Приведите его.

— Ты найдешь его, Феликс?

— Конечно, дорогая.

По дороге Феликс удивлялся, как это он, взрослый человек, в полном расцвете сил, позволяет себе раздражаться на ссохшуюся старушонку, одной ногой уже стоящую в крематории. Уж слишком это по-детски!

Теобальд не желал расставаться со своими кроликами.

— Я занят.

Феликс представил себе, как это будет выглядеть, если он вернется в гостиную и объявит, что Теобальд примет мадам Эспартеро — если только вообще примет — в крольчатнике. Не может же он сыграть такой шутки с Филлис.

— Послушай, сынок, у нас в гостях леди, которая хочет тебя видеть.

Ответа не последовало.

— Решай, — бодро заявил Феликс, — сам ты пойдешь или предпочитаешь, чтобы тебя тащили? Мне все равно.

Теобальд медленно окинул взглядом все два метра своего отца и без дальнейших прений двинулся к дому.

— Мадам Эспартеро, это Теобальд.

— Вижу. Подойди ко мне, Теобальд.

Теобальд не шелохнулся.

— Подойди к мадам, Теобальд, — коротко сказала Филлис, и мальчик сразу повиновался.

Феликс не понимал, почему сын слушался матери куда охотнее, чем отца. Черт возьми, ведь он всегда был добр и справедлив к нему! Тысячи раз он сдерживался, не позволяя себе вспылить.

Мадам Карвала разговаривала с мальчиком тихо — так тихо, что ни Гамильтон, ни Филлис не могли разобрать ни слова. Теобальд глядел на нее исподлобья и норовил отвернуться, однако она настаивала и, поймав взгляд ребенка, не отпускала его. Наконец он ответил — таким же тихим и серьезным голосом. Их диалог длился несколько минут, потом Карвала выпрямилась на стуле и проговорила несколько громче:

— Спасибо, Теобальд. Теперь можешь идти.

Мальчик стремглав вылетел из дома. Феликс с тоской проводил его взглядом — ему-то надо было остаться... Выбрав самый удаленный — насколько позволяли приличия — стул, он принялся ждать.

Карвала выбрала новую сигару, раскурила ее и окуталась облаком синего дыма. Когда облако превратилось в тучу, она переключила внимание с сигары на Филлис.

— Он крепкий ребенок. С ним будет все хорошо.

— Счастлива, что вы так думаете.

— Я не *думаю*, я *знаю*.

Они еще немного поговорили о мальчике — обычная светская болтовня. У Феликса создалось впечатление, что старуха просто импровизирует — до тех пор пока не подведет к тому действительно важному, что у нее на уме.

— Когда ты ожидаешь его сестру?

— Я готова в любой момент, — ответила Филлис. — Они подбирают для нее — уже несколько месяцев.

— Что же они хотят получить? Какие-нибудь отличия от Теобальда?

— Несущественные — за исключением одного. Мелких, разумеется, окажется много — ведь когда подбирали для Бальди, по ряду характеристик осуществить отбор даже не пытались.

— А о каком же существенном отличии ты упоминала?

Филлис рассказала. Поскольку планировалась девочка, ее хромосомная схема должна была содержать две X-хромосомы — по одной от каждого из родителей. Чадолюбие, конечно, характеристика, связанная с сексом. Нельзя забывать, что Гамильтону в свое время в значительной степени недоставало именно любви к детям. Теобальд унаследовал свою единственную X-хромосому от матери. Мордан был убежден, что, достигнув повзрослев, мальчик проявит нормальное стремление к обзаведению потомством.

Однако его планируемая сестренка должна стать наследницей обоих родителей, а следовательно — может в будущем отнестись к этому вопросу прохладно. Впрочем, если она все-таки обзаведется собственными детьми, то ее отпрыски уже не будут испытывать недостатка в этом свойстве, столь желательном для выживания вида: ведь потомкам она передаст лишь одну из двух своих X-хромосом, а благодаря помощи генетиков ею станет хромосома Филлис. Таким образом, нежелательное качество Гамильтона будет исключено навсегда.

Карвала внимательно выслушала это объяснение — или, вернее, ту небольшую его часть, которую сочла нужным изложить Филлис. Потом старая леди ободряюще кивнула.

— Успокойся, детка. Все это не будет иметь никакого значения.

Однако она ни намеком не пояснила, что имеет в виду. Она еще немного поговорила о том о сем и вдруг неожиданно спросила:

— Значит, теперь — в любое время, я правильно поняла?

— Да, — подтвердила Филлис.

Карвала поднялась и удалилась так же внезапно, как и пришла.

— Надеюсь, мы еще удостоимся чести вашего посещения, мадам, — осторожно осведомился Феликс.

Карвала остановилась на пороге и, обернувшись, посмотрела на него. Вынув изо рта сигару, она усмехнулась.

— О, я вернусь! Можете на это рассчитывать.

Феликс стоял, хмуро уставясь на дверь, захлопнувшуюся за Карвалой.

— При ней я так хорошо себя чувствую! — счастливо вздохнула Филлис.

— А я — нет. Она похожа на труп.

— Филти!

Феликс вышел и разыскал сына.

— Хелло, малыш!

— Привет.

— Что она тебе говорила?

Теобальд пробормотал нечто нечленораздельное — Феликс смог уловить только заключительное: «...това баба!»

— Полегче, сынок! Чего она хотела?

— Чтобы я ей кое-что пообещал.

— И ты обещал?

— Нет.

— А что ты должен был пообещать?

Но Теобальд уже не слушал.

После позднего, приятного ужина в прохладном саду Феликс лениво включил новости. Некоторое время он рассеянно, вполуха прислушивался и вдруг позвал:

— Филлис!

— Что?

— Иди сюда! Скорее!

Когда она вбежала, Гамильтон указал на мерцающий и разглагольствующий ящик.

— ...дам Эспартеро Карвала. Кажется, она умерла мгновенно. Предполагают, что она споткнулась, входя на эскалатор, поскольку, упав, она прокатилась по всему маршруту. Ее будут долго вспоминать — не только благодаря многолетней деятельности в Совете Политики, но и...

Филлис выключила приемник. Заметив на глазах жены слезы, Гамильтон удержался от реплики, которая у него едва не вырвалась — насчет той самонадеянности, с какой Карвала пообещала, что обязательно вернется.

Гамильтон не видел смысла в том, чтобы снова вести Теобальда к Джейкобстейну Рэю; он чувствовал, что там уже возникла стойкая антипатия. Однако исследо-

ванием телепатии занимались и другие — Феликс выбрал группу и представил Теобальда ее членам. Он был убежден, что первоначальная ошибка заключалась в том, что исследователи пользовались примитивными методами, рассчитанными на детей этого возраста. На этот раз Теобальду постарались объяснить, что именно собираются предпринять исследователи — и начали работу прямо с тестов, предназначенных для взрослых.

Он действительно способен был делать то, что от него ждали, — вне всяких сомнений. Однако исследователям встречались и другие, не менее ярко выраженные случаи, и руководитель группы предостерег Феликса от избыточных ожиданий — поскольку телепатические способности детей имеют тенденцию с возрастом слабеть. Феликс и сам знал это. Но Теобальд мог — мог читать мысли, по крайней мере, в пределах условий, заданных экспериментами.

Феликс связался с Морданом и поделился своими сомнениями. Не считает ли Арбитр, что Теобальд — мутант?

— Мутант? Нет, я не располагаю данными, чтобы так думать.

— То есть?

— Мутация — термин чисто технический. Он применим только к новым характеристикам, которые, согласно менделианским правилам, могут быть унаследованы. В данном случае я не вижу ничего подобного. Сначала определите, что такое телепатия — и тогда я вам скажу, может она являться наследуемым признаком или нет. Правда, скажу лет этак через тридцать.

Что ж, можно и подождать. Достаточно и того, что Теобальд является телепатом — по крайней мере, на сегодня.

Тем временем задуманный регистратор телепатических явлений — потомок созданного на Плутоне «детектора жизни» — начал давать первые обнадеживающие результаты. Устройство было сдублировано в лаборатории холода, расположенной на окраинах Буэнос-Айреса, и работало ничуть не хуже, чем на Плутоне. Как только исследователи поняли направление работ, прибор был значительно усовершенствован — и это привело к новым серьезным трудностям.

Одну из этих трудностей устранили довольно необычным путем. Реагируя на присутствие чувствующих существ (растения и низшие формы животной жизни для него не существовали), прибор еще отнюдь не стал подлинным телепатом; он пока мало что мог. При опытах присутствовала кошка — неизвестного происхождения, самопровозгласившая себя талисманом лаборатории: каким-то образом она здесь появилась и вступила во владение. Как-то раз оператор отступив на шаг — случайно наступил кошке на хвост. Ей это не понравилось, и она высказалась.

Аппарат в это время работал в режиме приема, и сидевшему за ним технику случившееся понравилось ничуть не больше. Он с криком сорвал наушники, объясняя, что «оно завопило».

Дальнейшие эксперименты показали, что прибор особенно чувствителен к возмущениям таламуса, вызванным внезапными и сильными эмоциями. Спокойная жизнедеятельность мозга оказывала на него заметно меньшее воздействие. Ударять человека по пальцу не имело смысла — он ждал этого удара и затормаживал реакцию, пропуская ее через «охладитель» лобных долей. А нужны были сильные и подлинные эмоции.

Немало кошачьих хвостов пострадало с тех пор — их обладателям поневоле пришлось пожертвовать душевным спокойствием во имя науки.

С самого начала беременности Филлис у Теобальда возникла странная антипатия к обществу матери. Это расстраивало ее. Феликс пробовал уговорить сына.

— Послушай, малыш, — убеждал он, — разве мама не добра к тебе?

— Да. Конечно.

— Так в чем же дело? Чем она тебе не нравится?

— Она мне нравится, правда... но мне не нравится она, — Бальди показал, и смысл жеста не оставлял сомнений.

Шепотом Феликс поспешно проконсультировался с женой:

— Что скажешь, Фил? Я думал, мы еще не сообщали ему этой новости?

— Я — нет.

— А я и подавно. Может быть, Клод?.. Хотя нет, Клод не проговорился бы. Хм-м-м... Остается лишь один способ, которым он мог узнать... Самостоятельно.

Нахмурившись, Гамильтон смотрел на сына. «Не очень-то это удобно, — думал он, — иметь в собственной семье телепата... Может быть, это пройдет... частенько проходит».

— Надо бы разобраться нам с тобой, Теобальд.

— В чем?

— Скажи, это сестренка тебе не нравится?

Сердито посмотрев, мальчик кивнул.

«Возможно, это просто естественная ревность. Ведь до сих пор он всю жизнь чувствовал себя пупом земли», — подумал Гамильтон и продолжал:

— Послушай, малыш, не думай, будто появление сестренки изменит отношение папы с мамой к тебе.

— Я и не думаю.

— Тебе будет очень занятно с сестренкой. Ты будешь старший, будешь знать обо всем намного больше и всегда сможешь показывать ей все и объяснять. Ты будешь главным.

Ответа не последовало.

— Разве ты не хочешь иметь сестренку?

— Не эту.

— Почему?

Теобальд отвернулся; можно было расслышать, как он бормочет под нос: «Чертова старая баба! — и потом, громче: — И сигары ее воняют!»

Тройственное совещание было прервано.

Дождавшись, пока мальчик заснул — во сне его телепатические способности, похоже, бездействовали — Гамильтон сказал жене:

— Он явно отождествил в уме Жюстину с Карвалой. Филлис была с ним согласна.

— По крайней мере, мне стало легче, когда я знаю, что он держит зуб не на меня. Но все равно, это очень серьезно. Наверное, стоит пригласить психиатра.

Спорить Гамильтон не стал.

— Но и с Клодом я посоветуюсь тоже.

Мордана случившееся отнюдь не расстроило.

— В конце концов, — заявил он, — кровные родственники и должны питать друг к другу неприязнь. Это естественно. Азы психологии. Если вам не удастся уговорить его смириться с появлением сестры — значит, придется воспитывать их порознь. Некоторое неудобство — не более того.

— А как насчет его странной идеи?

— Я не психиатр. Но не стал бы придавать этому излишнего значения. У детей часто возникают странные представления. Если не обращать особого внимания, со временем это проходит.

Психиатр придерживался той же точки зрения. Однако пошатнуть убежденности Теобальда ему не удалось. Мальчик составил себе мнение, придерживался его и отказывался его обсуждать.

Если оставить в стороне фантастическое заблуждение Теобальда, то фактом первостатейной важности оказались способности телепата устанавливать местонахождение личности, которой он никогда не видел и о самом существовании которой не имел оснований подозревать. Это был весьма увесистый кирпич для здания Великого Исследования. Считая это своим долгом, Гамильтон рассказал обо всем Каррузерсу.

Того история заинтересовала. Он задал кучу вопросов, потом ушел домой и всю ночь обдумывал ситуацию. Наутро он позвонил Феликсу.

— Заметьте, я не настаиваю, чтобы вы так поступили. Даже не прошу. Это ваша жена, дочь и сын. Однако, на мой взгляд, нам представляется уникальная возможность...

Гамильтон подумал.

— Я отвечу вам завтра.

— Как ты на это смотришь, — спросил он у Филлис, когда ночью они остались вдвоем, — не отправиться ли тебе в Буэнос-Айрес, чтобы родить Жюстину там?

— В Буэнос-Айрес? Но почему именно туда?

— Потому что там находится единственная на Земле машина-телепат. И переместить ее из лаборатории холода невозможно.

Глава 17

Da capo *

— Опять принимаю, — мрачно объявил оператор.

Как это нередко случается с экспериментальными образцами, устройство барахлило: часть времени оно работало идеально — порой целых двадцать минут! — а потом объявляло забастовку на целый день. Казалось, аппарат впитал в себя часть противоречивых свойств той жизненной силы, которую пытался уловить.

— Что на этот раз?

— Похоже на сон. Вода — обширное водное пространство. На заднем плане — береговая линия, а еще дальше — горные пики.

Установленный возле локтя оператора магнитофон записывал каждое его слово, отмечая точное время.

— Вы уверены, что это именно ребенок?

— Как и вчера. В этом ведь все отличаются. Я бы сказал, разные на вкус — не знаю, как еще объяснить. Стойте! Что-то еще... Город, чертовски большой город — больше Буэнос-Айреса.

— Теобальд, — тихонько спросил Мордан Клод, — ты все еще ее слышишь?

* С начала (ит.).

Мордан оказался здесь потому, что общий язык с мальчиком умел находить лучше Гамильтона, сам Феликс был вынужден признать это. Со своего места Теобальд не мог слышать оператора, работавшего на приеме, тогда как в наушниках Клода слова его звучали отчетливо. Филлис в это время находилась, разумеется, в соседней комнате, занимаясь своим главным делом... Ни для аппарата, ни для Теобальда это обстоятельство значения не имело. У Феликса определенного места не было — он обладал привилегией бродить повсюду и надоедать всем и каждому.

Мальчик откинулся на скамеечке, прислонившись спиной к ноге Мордана.

— Она уже не над океаном, — сказал он. — Она в столице.

— Ты уверен, что это столица?

— Конечно, — с оттенком презрения в голосе отзывался Теобальд, — я же там бывал, разве нет? И там есть башня.

За перегородкой кто-то спросил:

— Современный город?

— Да. Возможно, столица — там есть похожий пилон.

— Еще какие-нибудь детали?

— Не задавайте мне так много вопросов... Картинка опять переходит в смутные грезы... А теперь она снова перемещается... Мы в комнате... Куча народу, все взрослые. Разговаривают.

— Что теперь, сынок? — поинтересовался Мордан.

— А, опять она отправилась на эту вечеринку!

Два наблюдателя перешептывались в сторонке:

— Мне это не нравится, — проговорил тот, что пониже ростом. — Это страшно.

— Но это происходит.

— Неужели вы не понимаете, что это значит, Малькольм? Откуда у нерожденного ребенка могут взяться такие представления?

— Может, от матери? Брат-то определенно телепат.

— Нет, нет и нет! Нет — если только мы не ошибаемся абсолютно во всем, что касается мозговой деятельности. Человеческие представления ограничены личным опытом или чем-то, близким к нему. Нерожденный

ребенок не может испытывать никаких ощущений — кроме тепла и темноты. Просто не может!

— Хм-м-м...

— Что вы можете на это возразить? Ну!

— Пока ничего — вы меня озадачили.

Кто-то заинтересовался у оператора на приеме:

— Узнаете вы кого-либо из присутствующих?

Тот чуть сдвинул наушники.

— Хватит мне надоедать! Вы сбиваете меня — я теряю сигнал! Нет, не узнаю. Это словно образы во сне... Наверное, это и есть сон. Я не могу ничего почувствовать, если она об этом не думает.

Немного погодя он снова начал диктовать:

— Что-то происходит... сны кончились. Неудобство... Это очень неприятно. Она сопротивляется этому... это... это... О Боже, это ужасно!.. Больно!.. *Я не могу этого вынести!*

Он сорвал наушники и вскочил — побледневший и трясущийся. И в тот же момент зашелся в крике Теобальда.

Несколько минут спустя в дверях комнаты Филлис показалась женщина и жестом поманила Гамильтона.

— Теперь можете войти! — радостно объявила она.

Стоявший на коленях подле Теобальда Феликс поднялся.

— Оставайся с дядей Клодом, малыш, — сказал он и пошел к жене.

Глава 18

«Там, за гранью...»

Как хорошо было снова приехать на этот берег! Как здорово, что Филлис благожелательно отнеслась к идее этого пикника! Как приятно было валяться на солнышке, блаженствуя в кругу семьи...

Все в жизни происходило совсем не так, как он планировал — но ведь это в порядке вещей. Конечно, несколько лет назад Гамильтон ни за что бы не поверил, что все так сложится... Филлис и Бальди, а теперь еще и Жюстина. Когда-то он требовал у Клода ответа на вопрос, в чем смысл жизни — сейчас его это совершенно не заботило. Жизнь была хороша сама по себе — что бы она собой ни представляла. А на главный вопрос он получил ответ. Пусть психологи спорят до посинения, выясняя, есть ли какая-то жизнь за гранью земного существования — жизнь, в которой человек сможет получить ответы на все вопросы.

На главный вопрос: «Получаем ли мы второй шанс?» — ответ отныне известен, хотя и был получен через заднюю дверь. «Я» новорожденного содержало в себе нечто большее, чем генетическая структура. Жюстина сообщила им об этом — и неважно, сознавала она сама это или нет. Она принесла с собой осколки памяти

о прежнем своем существовании. В этом Гамильтон был убежден. А значит, можно не сомневаться: после распада брэнной оболочки человеческое Я уходит куда-то дальше. Куда? Что ж, об этом он начнет беспокоиться, когда придет время.

Жюстина, скорее всего, понятия не имела о том, что доказала — спросить же ее, разумеется, не было ни малейшей возможности. После рождения ее телепатические импульсы стали бессмысленными и хаотичными — как и следовало ожидать от младенца. Психологи решили назвать это шоковой амнезией. С их точки зрения, рождение можно уподобить резкому пробуждению — как если бы на сладко спящего человека выплеснули ведро ледяной воды. Тут кто угодно придет в шок!

Гамильтон еще окончательно не решил, хочет ли по-прежнему принимать активное участие в Великом Исследовании. А может, облениться и заняться выращиванием луковиц георгин и детей? Он не знал. По большей части Исследование занималось очень далекими от него вопросами, а лично он был уже полностью удовлетворен. Взять хоть то, над чем корпит сейчас Клифф: до результата — века, а потом и еще немного. Монро-Альфа сравнил свою задачу с попыткой разгадать весь сюжет стереофильма по мгновенному проблеску на экране.

Но люди разгадают и это — когда-нибудь. Теобальд не увидит этого, хотя и увидит много больше, чем Феликс; а его сыну предстоит узреть еще больше. Сыновья же этого сына смогут бродить по звездам, не ведая границ.

К счастью, Теобальд, казалось, разделался со своим смешным отождествлением Жюстины с Карвалой. Правда, он, похоже, не больно-то жаловал младенца, но ожидать этого было бы уже слишком. Мальчик казался скорее озадаченным и заинтересованным сестренкой. Вот он наклонился над ее колыбелью. Но, кажется, он...

— Теобальд!

Мальчик быстро выпрямился.

— Что ты там делаешь?

— Ничего.

Может быть... Однако выглядело это так, будто он ее ущипнул.

— Ладно, только лучше бы ты поискал другое место, чтобы заниматься этим. Ребенку сейчас нужно спать.

Бальди бросил на сестру быстрый взгляд и отвернулся. А потом медленно пошел вниз, к воде.

Посмотрев на жену, Гамильтон снова улегся. Филлис все еще спала. А вокруг простирался прекрасный мир, переполненный множеством всего интересного. И самым интересным были дети. Феликс посмотрел на Теобальда. Мальчик и сейчас был очень забавен, но станет еще интереснее, когда вырастет — если только Гамильтон сумеет удержаться и не свернет ему до тех пор упрямую, тонкую шею!

УОЛДО

УОЛДО

Номер назывался чечеткой, и это надо было видеть.

Его ноги рассыпали замысловатую дробь звонких чечеточных ударов. У всех захватило дух, когда он, высоко подпрыгнув, — выше, чем можно было ожидать от человека, — исполнил в воздухе совершенно невероятное антраша.

Он приземлился на носки, с трудом удержав равновесие, но тем не менее успел проделать фортиссимо громоподобных ударов.

Прожектора погасли, зажглись огни рампы. Публика долгое время молчала, затем сообразила, что настало время хлопать, и разразилась аплодисментами.

Он стоял, ожидая, когда через него прокатится волна ликования. Казалось, на нее можно было опереться, она пробирала до костей.

Какое это чудо — танцевать, как восхитительно получать аплодисменты, нравиться, быть желанным.

Когда занавес опустился в последний раз, он позволил своему костюмеру увести себя. Танец всегда немного пьянил его, даже на репетициях, но в присутствии публики, которая поддерживает тебя, восхищается тобой, аплодирует... — такое никогда не могло надоесть. В этом всегда была новизна и потрясающий восторг.

— Сюда, шеф. Улыбнитесь. — Сверкнул огонь вспышки. — Спасибо.

— Вам спасибо. Выпейте чего-нибудь. — Он прошел в угол своей костюмерной. Такие отличные ребята, такие клевые парни, — и репортеры, и фотографы — все они.

— А вы с нами не выпьете?

Он хотел было согласиться, но костюмер, как раз надевавший ему тапки, предупредил:

— У вас операция через полчаса.

— Операция? — спросил один из фотографов. — Что на этот раз?

— Остаточная церебректома, — ответил он.

— Да ну? А нельзя сфотографировать?

— Буду рад, если врачи не против.

— Это мы уладим.

Славные парни.

— ...Пытаясь взглянуть на вашу жизнь несколько с иной точки зрения, — прозвучал женский голос рядом с его ухом. Немного смущенный, он быстро обернулся. — Например, что вас заставило профессионально заняться танцем?

— Простите, — извинился он. — Я не расслышал. Здесь так шумно.

— Я спросила, почему вы занялись танцем?

— Это трудный вопрос. Чтобы на него ответить, нам нужно вернуться далеко назад...

Джеймс Стивенс хмуро взглянул на инженера-помощника.

— С чего это вы так развеселились? — спросил он.

— Это только так кажется, — стал оправдываться помощник. — Пытаюсь смеяться, чтобы не расплакаться: произошла еще одна катастрофа.

— Проклятье! Подожди, я сам догадаюсь. Пассажирский или грузовой?

— Грузовоз «Клаймекс» на челночной трассе Чикаго—Солт Лэйк, к западу от Норт-Плат. И, шеф...

— Что еще?

— Хозяин желает вас видеть.

— Интересно. Очень, очень интересно. Мак...

— Слушаю, шеф.

— Как тебе нравится должность главного путевого инженера Северо-Американской энергетической компании? Я слышал, там скоро будет вакансия.

Мак почесал нос.

— Странно, что вы заговорили об этом, шеф. Я как раз собирался просить совета на случай, если решу вернуться к гражданской технике. Вы теперь захотите от меня избавиться.

— И немедленно. Срочно выезжай в Небраску, найди эту кучу мусора до того, как ее растащат любители сувениров, и привези обратно приемники де Калба и панель управления.

— Как быть с полицейскими?

— Сообразишь на месте. Главное для тебя — вернуться.

Кабинет Стивенса располагался рядом с местной силовой станцией; рабочие же помещения Северо-Американской энергетической компании находились внутри холма в добрых трех четвертях мили оттуда. К ним вел туннель. Стивенс вошел в него и намеренно выбрал самую низкую скорость, чтобы иметь время подумать перед встречей с боссом.

По дороге он принял решение, которое, впрочем, ему самому не нравилось.

Хозяин — Стэнли Ф. Глисон, председатель правления — приветствовал его такими словами:

— Входи, Джим. Присаживайся. Закуривай.

Стивенс опустился в кресло, отказался от сигары, вынул сигарету и, закуривая, осмотрелся. Кроме него и шефа присутствовали Харкнесс, глава юридического отдела, доктор Рамбо, начальник смежного отдела исследований, и Штрибель, главный инженер по силовым установкам. «Нас только пятеро, — мрачно подумал Стивенс. — Верхнее звено в полном составе и никого из среднего. Покатятся головы, и начнут с меня».

— Ну что ж, — сказал он почти агрессивно, — все в сборе. У кого карты? Кто сдает?

Похоже, Харкнесса слегка смутила такая неуместная выходка; Рамбо был слишком погружен в собственные мрачные переживания, чтобы обращать внимание

на остроты в дурном вкусе. Глисон пропустил шутку мимо ушей:

— Мы пытаемся найти выход из наших неприятностей, Джеймс. Я оставил записку на случай, если ты соберешься уехать.

— Я задержался, только чтобы забрать письма, — обиженно сказал Стивенс. — Иначе лежал бы сейчас на пляже в Майами и превращал солнечные лучи в витамин D.

— Я знаю, — сказал Глисон, — и мне очень жаль. Ты заслужил отпуск, Джимми. Но ситуация становится все хуже и хуже. У тебя есть какие-нибудь идеи?

— А что говорит доктор Рамбо?

Рамбо моментально поднял голову.

— Приемники де Калба не могли отказать.

— Но они отказали.

— Не может этого быть. Вы с ними неправильно обращались. — Он снова принял отсутствующий вид.

Стивенс повернулся к Глисону и развел руками.

— Насколько я знаю, доктор Рамбо прав. Но если в ошибке виноват инженерный отдел, я не в состоянии ее обнаружить. Можете отправить меня в отставку.

— Я не хочу твоей отставки, — мягко сказал Глисон. — Мне нужны результаты. Мы ответственны перед обществом.

— И перед акционерами, — вставил Харкнесс.

— Все образуется, как только мы разрешим наши проблемы, — заметил Глисон. — Ну, Джимми, что скажешь?

Стивенс закусил губу.

— Только одно, — сказал он, — и мне самому это не нравится. Я выскажусь, а потом можете меня уволить. Пойду распространять подписку на журналы.

— Итак? Что ты посоветуешь?

— Мы должны связаться с Уолдо.

С Рамбо мгновенно слетела апатия.

— Что? С этим шарлатаном? Речь идет о науке!

— Действительно, доктор Стивенс... — начал Харкнесс.

Глисон поднял руку.

— Предложение доктора Стивенса вполне логично. Но ты немного опоздал, Джимми. Я разговаривал с ним на прошлой неделе.

Харкнесс изобразил удивление. Стивенс казался раздосадованным.

— Не предупредив меня?

— Извини, Джимми. Я только хотел его прощупать. Но ничего не вышло. Его цены нас разорят.

— Все еще обижен из-за патентов Гатэвэя?

— Он очень злопамятен.

— Вам следовало поручить это дело мне, — вмешался Харкнесс. — Он не может так с нами обращаться: здесь замешаны общественные интересы. Вызовите его в суд, и пусть гонорар будет определен по закону. Все детали я улажу.

— Этого я и боюсь, — сухо сказал Глисон. — Ты думаешь, суд может заставить курицу снести яйцо?

Харкнесс казался рассерженным, но смолчал.

Стивенс продолжал:

— Я бы не предложил обратиться к Уолдо, если бы у меня не было никакой идеи, как к нему подступиться. Я знаю одного его друга...

— Друга Уолдо? Я не знал, что у него есть друзья.

— Этот человек для него все равно что дядя. Его первый врач. С его помощью я мог бы найти подход к Уолдо.

Доктор Рамбо вскочил.

— Это невыносимо, — заявил он. — С вашего разрешения, я уйду.

Не дожидаясь ответа, он быстрым шагом вышел из кабинета, чуть не сорвав с петель дверь.

Глисон с беспокойством посмотрел ему вслед.

— Почему он так расстроился, Джимми? Можно подумать, он питает личную ненависть к Уолдо.

— В некотором смысле, да. Но есть еще кое-что: опрокидывается весь его мир. Последние двадцать лет, с тех пор как Прайор переформулировал общую теорию поля и тем самым опроверг принцип неопределенности Гейзенберга, физика считалась точной наукой. Нарушения в силовых и передаточных механизмах, которые сейчас происходят, — неприятные пилюли для меня и для вас, но для доктора Рамбо они означают

покушение на веру. Нужно внимательно за ним приглядывать.

— Почему?

— Потому что он может совсем свихнуться. Человек попадает в тяжелую ситуацию, когда рушится его религия.

— Хм... Ну а ты? Разве для тебя это не такой же сильный удар?

— Не совсем. Я ведь инженер, с точки зрения Рамбо — высокооплачиваемый ремесленник. Совсем другой взгляд на вещи. Но это не значит, что я не расстроен.

Внезапно ожил селектор на столе Глисона.

— Вызываю главного инженера Стивенса, вызываю главного инженера Стивенса.

Глисон щелкнул переключателем.

— Он здесь. Говорите.

— Шифровка на коде компании: «Потерпел аварию в четырех милях к северу от Цинциннати. Ехать ли мне в Небраску или доставить сами знаете что собственноручно?» Конец сообщения. Подпись: «Мак».

— Скажите ему, пусть возвращается, хоть пешком, — прорычал Стивенс.

— Хорошо, сэр.

Аппарат выключился.

— Твой помощник?

— Да. Это уже последняя капля, шеф. Мне подождать и постараться выяснить, насколько серьезны повреждения, или попытаться встретиться с Уолдо?

— Встречайся с Уолдо.

— О'кей. Если от меня не будет никаких известий, пошлите мое выходное пособие в гостиницу Палмдейл в Майами. Буду лежать на пляже, четвертым справа.

Глисон позволил себе грустно улыбнуться.

— Если ты не получишь никакого результата, я буду пятым. Удачи.

— До встречи.

Когда Стивенс ушел, заговорил главный инженер по силовым установкам — впервые за время беседы.

— Если энергоснабжение городов нарушится, — мягко произнес он, — вы знаете, что случится со мной?

— Что? Станете шестым?

— Не совсем. Я буду первым, кого линчуют.

— Но энергоснабжение городов не может быть нарушено. В вашем распоряжении столько аварийных линий и средств безопасности!

— Мы предполагали, что с приемниками де Калба тоже не может ничего случиться. А вспомните седьмой подуровень в Питсбурге, когда погас свет. Лучше об этом не думать.

Док Граймс спустился в наземный люк, ведущий к дому, взглянул на дисплей, и на душе у него потеплело — он заметил, что дома ждет кто-то из друзей, знающих его домашний код. Он тяжело спустился по ступеням, оберегая покалеченную ногу, и вошел в гостиную. Как только дверь распахнулась, ему навстречу поднялся Джеймс Стивенс.

— Привет, док.

— Привет, Джеймс. Налей себе выпить. А, ты уже. Тогда плесни и мне.

— Хорошо.

Пока Стивенс выполнял просьбу, Граймс выбрался из старомодного, чужеземного покроя защитного плаща и бросил его более-менее в направлении платяного шкафа. Плащ тяжело шлепнулся на пол, гораздо тяжелее, чем можно было предположить, несмотря на внушительные размеры.

Наклонившись, Граймс стянул с себя толстые защитные штаны, не менее массивные, чем плащ. Под ними оказалось обычное рабочее трико в черную и голубую полоску. Этот стиль был ему не очень к лицу. В глазах человека, неискушенного в вопросах общепринятой одежды, — скажем, прилетевшего с Антареса, — Граймс выглядел бы неуклюжим, даже уродливым. Он сильно смахивал на пожилого жирного жука.

Джеймс Стивенс на трико внимания не обратил, но с неодобрением взглянул на брошенную на пол одежду.

— Все таскаешь этот дурацкий панцирь, — заметил он.

— Конечно.

— Черт побери, док, ты испортишь себе здоровье. Это просто вредно.

— Без него будет еще хуже.

— Вздор! Я совершенно здоров, хоть и не ношу панциря за пределами лаборатории.

— А надо бы, — Граймс приблизился к сидевшему в кресле Стивенсу. — Положи ногу на ногу.

Стивенс повиновался. Граймс резко ударил ребром ладони пониже коленной чашечки. Рефлекторный рывок был едва заметен.

— Плохо дело, — сказал Граймс после того, как оттянул правое веко своего друга. — Ты в никудышной форме.

Стивенс поспешил переменить тему:

— Со мной все в порядке. Давай поговорим о тебе.

— А что со мной?

— Понимаешь... Черт побери, док, ты портишь себе репутацию. О тебе уже поговаривают.

Граймс кивнул.

— Я знаю. «Бедный старик Гас Граймс. У него жучки в банке завелись». Не беспокойся о моей репутации. Я всегда шагал не в ногу. Какой у тебя индекс усталости?

— Не знаю. Да все в порядке.

— Неужели? Давай потягаемся. Я прижму твою ладонь два раза из трех.

Стивенс потер глаза.

— Не подкалывай меня, док. Я устал, знаю, но это только переутомление.

— Гм... Джеймс, ты, может быть, неплохой ядерный физик...

— Инженер.

— ...Инженер. Но в медицине ничего не понимаешь. Нельзя год за годом облучать человеческий организм всеми видами радиации и ожидать, что не будет никаких последствий. Человек к этому не приспособлен.

— Но в лаборатории я ношу панцирь. Ты же знаешь.

— Знаю. А вне лаборатории?

— Но... Послушай, док, мне неприятно это говорить, но все твои предпосылки никуда не годятся. Конечно, в наши дни уровень радиации изрядно повысился, но в целом ничего опасного нет. Все специалисты по коллоидной химии согласны...

— Что за вздор?!

— Но ты же должен признать, что биологическими системами занимается коллоидная химия.

— Я никому ничего не должен. Это не я, а они утверждают, что коллоиды служат основой для живой ткани. Но я уже сорок лет пытаюсь всем втолковать, что нельзя безнаказанно подвергать живую ткань жесткому излучению. С точки зрения эволюционной теории, человеческий организм привыкает и приспосабливается только к естественному солнечному излучению, и даже его он плохо переносит, несмотря на плотный ионный слой. А без этого слоя... Ты когда-нибудь слышал о лучевой болезни типа X?

— Конечно, нет.

— Ну да, ты слишком молод для этого. А вот я видел. Еще студентом присутствовал при вскрытии одного такого больного. Парень вернулся из экспедиции на Венеру. Мы насчитали на нем четыреста тридцать восемь опухолей и сбились со счета.

— Тип X теперь научились лечить.

— Конечно. Но это было предупреждение. Вы, молодые гении, способны в своих лабораториях создавать такие вещи, с которыми мы, медики, не можем сразу справиться. Мы постоянно отстаем, мы обречены на отставание и обычно узнаем о случившемся, когда поправить уже ничего нельзя. Вы недостижимы.

Он грузно сел и внезапно показался таким же усталым и изможденным, как и его младший друг.

Стивенс испытывал то смущение, какое обычно чувствуют, когда лучший друг влюбляется в совершенно недостойную его девушку. Он пытался найти слова, которые не были бы неуместными, но не смог и переменял тему разговора.

— Док, я пришел сюда по двум причинам.

— По каким же?

— Во-первых, отпуск. Я очень устал, слишком много работал, поэтому отпуск мне необходим. А вторая причина заключается в твоём питомце, Уолдо.

— Уолдо?

— Да, Уолдо Фартингвэйт-Джонс, да помилует Господь его упрямое злопамятное сердце.

— Но почему Уолдо? У тебя что, неожиданно прорезался интерес к *myasthenia gravis* *?

— Нет, меня не интересуют его болезни. У него может быть сыпь, перхоть, недержание мочи, мне все равно. Я даже буду рад. То, в чем я нуждаюсь, — это его мозги.

— И что же?

— Мне нужна помощь. Уолдо не помогает людям, он их использует. Ты единственный, с кем у него нормальные отношения.

— Это не совсем так...

— А у кого еще?

— Ты меня неправильно понял. Он ни с кем не поддерживает нормальных отношений. Я единственный, кто осмеливается грубить ему.

— Но я думал... Впрочем, неважно. Мы оказались в неловком положении. Уолдо — тот человек, в котором мы сильно нуждаемся. Почему так выходит, что гении его масштаба всегда недоступны, всегда глухи к ничуть не обременительным просьбам общества? Я знаю, ты скажешь, что во всем виновата болезнь, но почему такой человек должен был заболеть именно ею? Это невероятное совпадение.

— Он такой не потому, что болен, — ответил Граймс. — Вернее, ты неправильно ставишь вопрос. В каком-то смысле, его гениальность проистекает как раз из болезни.

— То есть?

— Ну... — Граймс погрузился в размышления, стараясь внутренним взором охватить долгую — в длину жизни Уолдо — связь со своим странным пациентом.

Он вспомнил собственные смутные предчувствия в тот момент, когда принимал роды. Ребенок родился вполне здоровым, если не считать легкой голубизны кожи. Но в то время рождалось много синюшных детей. Тем не менее он тогда почувствовал нежелание шлепнуть ребенка по попке, чтобы заставить того сделать первый вздох.

* Букв. «гравитационная миастения». Миастения — хроническая болезнь, главным признаком которой является быстрая утомляемость мышц (лат.).

Однако Граймс подавил свои страхи, выполнил необходимую процедуру наложения рук, и новорожденный заявил о своей независимости истошным воплем. Граймс не мог поступить иначе. Он был тогда молодым врачом и всерьез относился к клятве Гиппократата. Он и сейчас относился к ней всерьез, правда, иной раз называл ее клятвой плутократата. Однако предчувствия его не обманули. В этом ребенке было что-то не то, что-то такое, чего нельзя было отнести на счет *myasthenia gravis*.

Сначала он чувствовал жалость, к которой примешивалось необъяснимое чувство ответственности за состояние младенца. Патологическая дистрофия практически парализует человека, так как у него не остается непораженных органов, на которые можно было бы опереться. Жертва вынуждена лежать, все ее органы, все конечности дееспособны, но в столь малой степени, что не могут функционировать нормально. Больной проводит жизнь в состоянии крайнего истощения, какое у здорового человека возникает после изнурительного пробега по пересеченной местности. Ему нельзя помочь, нельзя облегчить его страданий.

На протяжении всего детства Уолдо Граймс боялся, что ребенок умрет, настолько явно тот был обречен на трагическую отверженность. И в то же время как врач он делал все, что было в его силах и в силах множества специалистов, чтобы Уолдо выжил и избавился от болезни.

Само собой разумеется, Уолдо не мог посещать школу. Граймс отыскивал благожелательных домашних учителей. Уолдо не мог участвовать в детских играх. Граймс придумал специальные игры, которые не только стимулировали воображение мальчика, но и заставляли его напрягать вялые мускулы до той небольшой степени, на какую он был способен.

Граймс боялся, что прикованный к постели мальчик, лишенный обычных переживаний юности, вырастет инфантильным. Но вскоре выяснилось, что опасения были напрасны.

Молодой Уолдо хватался за все, что предлагала его замкнутая жизнь, жадно учился, крайним напряжением воли заставлял подчиняться свои непослушные мускулы.

Он начал выдумывать способы, чтобы одолеть свою слабость. В семь лет он научился держать ложку двумя руками, что позволило ему питаться пусть и с большим трудом, но без посторонней помощи. Первые механические изобретения были им сделаны в десять лет. Он придумал приспособление, которое держало книгу, — под любым углом, — меняя освещение и переворачивая страницы. Оно имело совсем несложную панель управления и реагировало на легкое нажатие пальцем. Естественно, Уолдо не мог сделать устройство сам, но придумал его и объяснил конструкцию другим. Фартингвэйт-Джонсы могли себе позволить нанять инженера, который осуществил замысел ребенка.

Граймс был склонен считать этот эпизод, в котором маленький Уолдо проявил свое интеллектуальное превосходство над взрослыми образованными людьми, не являвшимися к тому же ни его родственниками, ни слугами, важной вехой в психологическом процессе, который привел к тому, что Уолдо стал рассматривать человечество как своего слугу, свои руки, в настоящем или в будущем.

— О чем задумался, док?

— А? Извини, я замечтался. Послушай, сынок, ты не должен быть слишком строг к Уолдо. Я сам его не люблю, но нужно принимать парня таким, какой он есть.

— Вот и принимай.

— Не говори глупостей. Тебе нужен гений Уолдо. Но он не был бы гением, если бы не болезнь. Ты не видел его родителей. Они умные люди, тонкие, интеллигентные, но в них нет ничего особенного. Задатков у Уолдо было не больше, чем у них, но ему пришлось трудиться куда упорнее, чтобы чего-нибудь достичь. Парню все доставалось с большим трудом. Он просто вынужден был стать умным.

— Хорошо, хорошо. Но почему у него такой дурной характер? Большинство выдающихся людей совсем иные.

— Подумай сам. В его положении он должен был развить волю, одержимую узость, которая отмечает

все подобные рассуждения. Было бы странно, если бы он не стал законченным эгоистом.

— Ну что ж, ничего не поделаешь. Он нужен нам, и это главное.

— Почему?

Стивенс объяснил.

Можно без преувеличения сказать, что тип культуры — ее пристрастия, система ценностей, форма семьи, застольные обычаи, образ жизни, педагогические методы, государственные учреждения, формы правления и тому подобное — вытекает из экономической необходимости, диктуемой технологией. Этот тезис может показаться слишком общим и упрощенным, но тем не менее, нельзя не согласиться, что длительный мир, последовавший за созданием Организации Объединенных Наций, во многом обязан своим появлением тем технологиям, которые воюющие стороны были вынуждены развивать в войне сороковых годов. До тех пор радиопередача использовалась за редким исключением только для коммерческих целей. Даже телефонная связь осуществлялась по металлическим проводам, протянутым от одного аппарата к другому. Если кто-то в Монтерее хотел связаться со своей женой или партнером в Бостоне, медный, «вещественный» провод передавал сигнал через весь континент.

Ядерная энергия была тогда несбыточной фантазией, пищей для комиксов и воскресных газетных приложений.

Понадобился целый ряд, — вернее, не ряд, а сеть, — новых открытий, прежде чем стало возможно избавиться от медной паутины проводов, что покрывала континент. Не было экономичного способа передачи энергии — пришлось ждать появления коаксиальных кабелей, прямого результата насущных требований мировой войны. Радиотелефон не мог заменить проволочную связь до тех пор, пока передатчики ультракоротких волн не связали невидимой связью грузовой транспорт. И даже тогда оставалось еще изобрести такую систему настройки, с которой любой далекий от техни-

ки человек — скажем, десятилетний мальчик — мог бы справиться так же легко, как с цифровым селектором, применявшимся в коммерческом проволочном телефоне ушедшей эпохи.

Компания «Белл Лэбораториз» решила эту проблему. Решение привело к появлению приемника ядерной энергии — домашнего приемника, запечатанного и снабженного счетчиком. Был открыт путь к коммерческой радиопередаче энергии. Оставалась единственная преграда — эффективность. Для развития авиации понадобилось изобретение восьмицилиндрового двигателя, для начала промышленной революции — появление паровой машины; ядерная энергетика нуждалась в дешевом, неиссякаемом источнике энергии. Поскольку сама радиация по природе своей бесполезна, необходимо было получить энергию дешевым способом и в избыточном количестве.

В том же году заговорили об атомной энергии. Физики, работавшие на армию Соединенных Штатов (Соединенные Штаты имели тогда свою собственную армию), создали супервзрывчатку. После тщательной проверки выяснилось, что результаты опытов содержат все необходимое для производства ядерной энергии практически любого типа, даже так называемого «солнечного феникса» — водородно-гелиевого цикла, который является источником солнечной энергии.

Производство ядерной энергии стало экономически выгодным и — неизбежным.

Реакция, посредством которой медь распадается на фосфор, кремний-29 и гелий-3, не считая продуктов затухающих цепных реакций, стала одним из нескольких дешевых и легко осуществляемых на практике способов получения неиссякаемой и практически даровой энергии.

Конечно же, Стивенс не стал объяснять всего этого Граймсу. Граймс лишь смутно представлял себе, куда движется прогресс, и следил за развитием ядерной энергетики подобно тому, как его дед следил за развитием авиации. У него на глазах линии высоковольтных передач перестали подпираць небо: люди позарились на медь проводов; улицы Манхэттена разрыли вдоль и поперек, чтобы достать из земли толстые кабели. Он

мог бы даже вспомнить свой первый личный радиотелефон, по неизвестной причине снабженный двумя наборными дисками, который вместо соседней закусочной набирал номер некоего адвоката в Буэнос-Айресе. После этого ему две недели удавалось связаться со своими соседями, лишь переведя разговор из Южной Америки, пока, наконец, не выяснилось, что разгадка состоит в том, каким диском пользоваться в первую очередь.

В те времена Граймс еще не признавал новый стиль в архитектуре. План Лондона мало его привлекал. Он любил, чтобы дома стояли над землей, у всех на виду. Но когда появилась необходимость расширить служебные помещения, ему пришлось сдаться и отправиться под землю, не столько из-за дешевизны, удобства и общей практичности жизни в благоустроенном подземелье, сколько потому, что в нем уже тогда поселилось беспокойство относительно последствий облучения. Земляные стены новой резиденции покрывал слой свинца, крыша была вдвое толще обычной. Никакое другое убежище не могло защитить от радиации лучше этой норы.

— ...И главное здесь в том, — говорил Стивенс, — что передача энергии транспортным средствам стала дьявольски неустойчивой. Не настолько, конечно, чтобы остановить движение, но достаточно, чтобы мы забеспокоились. За последнее время случилось несколько очень неприятных происшествий. Боюсь, информация о них скоро станет общеизвестной. Я должен что-то сделать.

— Почему ты?

— Почему я? Не глупи, док. Во-первых, я инженер по транспортным средствам из САЭК и, значит, могу остаться без работы, если дела пойдут плохо. Кроме того, сама проблема также вызывает беспокойство. Хорошо отлаженный механизм должен работать в любых условиях и в любое время. И тем не менее произошли аварии, в причинах которых мы не можем

разобраться. Наши физики-теоретики почти совсем запутались.

Граймс пожал плечами. Стивенс разозлил этот жест.

— Ты, кажется, недооцениваешь всей важности проблемы, док. Ты хоть представляешь, сколько энергии потребляют транспортные средства? Если учесть частные и коммерческие автомобили, прибавить сюда общественный транспорт, то окажется, что Северо-Американская энергетическая компания поставляет более половины энергии, потребляемой на континенте. Мы не имеем права ошибаться. И не забудь наш филиал, который снабжает энергией город. Причин для беспокойства нет — пока. Но страшно даже подумать, что случится, если энергосистема города откажет.

— Я могу дать тебе совет.

— И какой же?

— Выбросьте вы весь свой хлам. Вернитесь к паровым машинам и двигателям внутреннего сгорания. Перестаньте убивать себя этой чертовой радиацией.

— Совершенно невозможно! Ты не знаешь, о чем говоришь. Чтобы совершить такие изменения, нам понадобилось бы не менее пятнадцати лет. У нас нет пути назад, Гас! Если САЭК закроет свою лавочку, половина населения на северо-западном побережье умрет от голода, не говоря уж о внутренних штатах.

— Гм. Я могу лишь сказать, что такой исход лучше, чем медленное отравление радиацией, какое происходит сейчас.

Стивенс с раздражением отверг этот довод.

— Знаешь, док, ты можешь и дальше петь свои старые песни, только не заставляй меня с ними считаться. Никто, кроме тебя, не видит в радиации ничего опасного.

Граймс постарался смягчить тон разговора.

— Дело в том, сынок, что они не там ищут. Ты знаешь, какой в прошлом году был рекорд по прыжкам в высоту?

— Я не интересуюсь спортом.

— А надо бы. Рекорд понизился до семи футов двух дюймов. Так прыгали лет двадцать назад, и с тех пор результаты постоянно снижаются. Попробуй сопоста-

вить спортивные достижения с ростом радиации — искусственной радиации. Ручаюсь, результаты сильно тебя удивят.

— Ерунда. Все знают, что люди потеряли интерес к тем видам спорта, которые требуют слишком большого напряжения сил. Культ силы исчерпал себя и умер. Наша культура стала гораздо более интеллектуальной.

— Интеллектуальной, говоришь? Да люди перестали заниматься теннисом или другими подвижными играми только потому, что они постоянно утомлены. Ты посмотри на себя. Ходишь, как сомнамбула.

— Не зли меня, док.

— Извини... Однако происходит явное искажение природы человека. Если бы существовала нормальная статистика по этому поводу, я смог бы представить доказательства, но и без этого любой хоть сколько-нибудь понимающий врач легко заметит ухудшение, если только у него есть глаза и он еще не окончательно сроднился со своими мудреными инструментами. Я пока не могу выяснить причину изменений, но голову даю на отсечение — все дело в ваших дешевых игрушках!

— Не говори ерунды. Уровень радиации постоянно измеряется в биологических лабораториях. Мы же не дураки и не жулики.

— Может быть, вам пока не хватает времени. Я ведь говорю не о нескольких часах и не о нескольких неделях. Речь идет о кумулятивном эффекте многолетнего облучения живых тканей элементарными частицами. Какие тут могут быть последствия?

— Думаю, никаких.

— Вот именно что думаешь! И никто не пытается провести исследование. К примеру: какое воздействие оказывает солнечный свет на силикатное стекло? Ты, конечно, сразу скажешь «никакого», однако вспомни, что происходит со стеклом в пустыне.

— Оно становится бледно-голубым. Это я знаю.

— При этом бутылка окрашивается в пустыне всего за несколько месяцев. А ты когда-нибудь замечал, какие стекла в старых домах на Бикон-Хилл?

— Я никогда не был на Бикон-Хилл.

— Тогда я тебе скажу: точно такие же. Только в Бостоне на это уходит больше века. А теперь поведай мне, многомудрый физик, можно ли уловить изменения, происходящие со стеклами на Бикон-Хилл?

— М-м... Скорее всего, нет.

— Но в нашем случае происходит то же самое! Кто-нибудь пытался проанализировать изменения, произошедшие в тканях живого человека в результате воздействия на них ультракоротковолнового излучения?

— Никто, но...

— Никаких «но». Мое предложение, может быть, рискованно, однако оно основано на фактах. Ошибаюсь я или нет, но одно могу сказать точно: с тех пор как я приобрел привычку носить просвинцованный плащ, я чувствую себя гораздо бодрее.

Стивенс решил, что ему лучше уступить.

— Может быть, ты и прав, док. Не будем ссориться из-за пустяков. Так что с Уолдо? Ты можешь отвезти меня к нему и сделать так, чтобы он меня принял?

— Когда ты хочешь отправиться?

— Чем скорей, тем лучше.

— Может быть, прямо сейчас?

— Годится.

— Позвони к себе в офис.

— Если ты готов отправиться прямо сейчас, то пошли. Официально я в отпуске, но тем не менее мне просто необходимо проверить это дело.

— Так в чем же загвоздка?

Они вышли на поверхность в том месте, где стояли их машины. Граймс сразу направился к своему громоздкому старомодному драндулету фирмы «Боинг». Стивенс поспешил его остановить.

— Ты же не собираешься ехать на этом тарантасе? Так мы до вечера не доберемся.

— А что? Отличная машина. У нее даже вспомогательный ускоритель есть. Хочешь, слетаем прямо сейчас до Луны и обратно?

— Да, но она же тащится как черепаха. Давай-ка возьмем мое «помело».

Граймс снисходительно взглянул на обтекаемый гоночный автомобиль своего друга. Химическая промыш-

ленность постаралась сделать корпус машины насколько возможно невидимым. Тонкий внешний слой — толщиной всего каких-нибудь две молекулы — обеспечивал коэффициент преломления, мало чем отличающийся от коэффициента преломления воздуха. Лишь благодаря накопившейся пыли и водяным испарениям корпус машины был едва заметен, как заметна легкая тень мыльного пузыря. Посредине, ясно видимая сквозь оболочку, находилась единственная металлическая часть автомобиля — точнее сказать, осевой сердечник с пучком приемных устройств де Калба на конце. Внешний вид этой конструкции, напоминавшей гигантское помело ведьмы, вполне оправдывал свое прозвище. Поскольку сиденья из прозрачного пластика были установлены одно за другим непосредственно над валом, так что металлический стержень оказывался между ног пассажиров и пилота, аналогия казалась вдвойне уместной.

— Сынок, — проговорил Граймс, — я, конечно, не красавец и не так ловок, как ты, но капля достоинства у меня все еще сохранилась. Я не собираюсь садиться верхом на эту штуку и шпарить на ней по воздуху.

— Глупости, ты чересчур старомоден.

— Может быть. Однако я слишком стар, чтобы отказываться от своих привычек.

— Ну, хорошо. А если я поляризую корпус перед тем, как мы взлетим, тогда как?

— Он будет совсем непрозрачным?

— Совершенно.

Граймс с сожалением взглянул на свое неуклюжее корыто и покорно пошел к едва заметному бортовому люку «помела». Стивенс последовал за ним. Они вошли внутрь и оседали стержень.

— Держись, док, — посоветовал Стивенс. — Ты оглянуться не успеешь, как мы будем на месте. Твое корыто вряд ли делает больше пятисот миль, а до «Инвалидного кресла» все двадцать пять тысяч.

— А куда мне торопиться? — ответил Граймс. — Кстати, не называй дом Уолдо «Инвалидным креслом». Он этого не любит.

— Я запомню, — пообещал Стивенс. Он пошарил руками в воздухе, оболочка вдруг сделалась непрони-

цаемо черной, спрятав сидящих внутри, а затем также неожиданно засверкала как зеркало. Аппарат дрогнул и в одно мгновение скрылся из виду.

Уолдо Ф. Джонс, казалось, парил в воздухе в центре сферической комнаты. Собственно говоря, такое впечатление создавалось потому, что он действительно парил в воздухе. Его дом свободно вращался по орбите с периодом чуть более двадцати четырех часов. Вращался в абсолютном покое, поскольку Уолдо меньше всего нуждался в искусственной силе тяжести, создаваемой центрифугой. Он и Землю оставил только затем, чтобы избавиться от гравитации. За все семнадцать лет с тех пор как дом был построен и запущен на орбиту, у него ни разу не возникло желания спуститься вниз.

Здесь, в свободном парении внутри непроницаемой оболочки, он почти не чувствовал невыносимой приращенной зависимости от своих немощных мускулов. Ту малую силу, которая у него осталась, разумнее тратить на движение, нежели на борьбу с неумолимой, сокрушающей тяжестью земной гравитации.

Уолдо живо заинтересовался космическими полетами еще в ранней юности, заинтересовался не из-за желания исследовать темные глубины Вселенной, а скорее потому, что его мальчишеский, не по летам острый ум сразу увидел все преимущества, которые может дать невесомость. А чуть позже, лет в пятнадцать, он уже на равных сотрудничал с первыми разработчиками космических полетов, предоставив в их распоряжение систему управления, которой пилот мог пользоваться при двухкратной или даже трехкратной силе тяжести, едва касаясь кнопок и регуляторов.

Подобное изобретение не стоило Уолдо никакого труда: он лишь приспособил к новым условиям те устройства, которые помогали ему бороться с непреодолимым давлением в одно «g». Первая в истории ракета, совершившая успешный полет, была снабжена теми самыми реле, с помощью которых Уолдо пересаживался из кровати в инвалидное кресло.

Емкости торможения — неперенный атрибут современных почтовых лунолетов — обязаны своим появлением плавучей цистерне, в которой Уолдо спал и принимал пищу до того, как сменил родительский дом на новое, единственное в своем роде жилище. Большая часть главных изобретений создавалась им для личного пользования и только потом была переработана в коммерческих целях. Даже комически напоминающие человека аппараты, получившие повсеместное распространение под именем «вальдо» — синхронные сдвоенные пантографы Уолдо Ф. Джонса, Патент № 296001437, новая серия, — прошли через множество изменений и дополнений в автомеханической мастерской Уолдо, прежде чем появились в массовом производстве. Первый из них, примитивный по сравнению с современными устройствами, теми, которые теперь можно встретить в любом магазине, на каждом заводе, фабрике или в сельской лавке, облегчал Уолдо работу на токарном станке.

Уолдо возмущало прозвище, которое публика дала этим машинам, оно казалось ему слишком фамильярным, однако он сдерживал себя, признавая коммерчески выгодным то, что его имя отождествляют с таким важным и полезным устройством.

Когда радио- и телекомментаторы стали называть космическое жилище «Инвалидным креслом», можно было ожидать, что хозяин жилища увидит в этом источник популярности. То, что подобного не произошло, то, что новое прозвище вызывало в нем ярость, следует отнести на счет одного характерного для Уолдо факта: он отказывался считать себя калекой.

Он относился к себе не как к калеке, но как к сверхчеловеку, поднявшемуся на новую ступень развития, как к существу, которое возвышается над всеми остальными и поэтому перестало нуждаться в грубой силе голых обезьян. В его представлении развитие происходило следующим образом: сначала обезьяны, обросшие шерстью, затем голые обезьяны и, наконец, Уолдо. Шимпанзе, у которого и мускулы-то едва заметны, может выжать одной рукой целых полторы тысячи фунтов. Уолдо сам это проверил, раздобыв обезьяну и хладнокровно раззадорив ее. Сильный и здоровый муж-

чина способен осилить одной рукой полторы сотни фунтов. Уолдо же, как ни напрягал мускулы, никогда не переходил за отметку пятнадцати фунтов.

Неважно, истинным или ложным был сам по себе напрашивавшийся вывод, Уолдо верил и опирался на него в своих рассуждениях. Люди — лишь отребье с переразвитыми мускулами, безволосые обезьяны. В нем жило чувство десятикратного превосходства над ними, и он не собирался останавливаться на достигнутом.

Свободное парение не мешало активной деловой жизни. На Землю он никогда не спускался, но все дела вел на Земле. Кроме управления множеством собственных предприятий, ему как инженеру, который специализируется на аналитической механике, приходилось давать регулярные консультации. Вокруг него всегда висели атрибуты профессии. Перед глазами находился экран цветного стереофонического видеофона размером четыре на пять метров, который покрывали две координатные сетки — полярная и декартова. Другой экран, поменьше, висел выше и чуть правее первого. Оба аппарата были снабжены записывающими устройствами, которые для удобства размещались в соседней комнате.

С меньшего экрана смотрели два мужских лица. Большой видеофон показывал внутренний вид обширной мастерской, размером напоминавшей ангар. На переднем плане виднелся, почти в натуральную величину, токарный станок, который обрабатывал большую болванку. Возле него, едва сдерживая раздражение, топтался рабочий.

— Он — лучшее из того, что вы имеете, — констатировал Уолдо, обращаясь к двум мужчинам на меньшем экране. — Конечно, он несколько неуклюж и совершенно не приспособлен к квалифицированному труду, но все же его интеллектуальный уровень выше, чем у всех остальных идиотов, которых вы называете механиками.

Рабочий посмотрел вокруг, пытаясь определить, откуда исходит голос. Было ясно, что он слышит Уолдо, но никакого видеоустройства поблизости нет.

— Это вы обо мне, что ли, треплетесь? — грубо спросил он.

— Ты не так меня понял, дружище, — мягко сказал Уолдо. — Я собирался сделать тебе комплимент. Видишь ли, я питаю кое-какую надежду вложить в твою голову навыки точной работы. А потом мы попросим тебя научить своих приятелей-кретинов. Перчатки, пожалуйста.

Возле рабочего, подсоединенная к обычному пульту, находилась пара основных вальдо, напоминавших обыкновенные перчатки по локоть длиной. Они были подвешены в удобном положении и двигались одновременно с другой парой, расположенной непосредственно перед Уолдо. Вторичные вальдо, чьими действиями Уолдо мог управлять с помощью своих перчаток, висели возле станка в том месте, где обычно находятся руки рабочего.

Приказание Уолдо относилось к основной паре. Механик взглянул на нее, но не двинулся с места.

— Я не стану выполнять приказы того, кого не вижу, — решительно сказал он, посмотрев при этом куда-то в сторону.

— Ну же, Дженкинс, — вмешался один из мужчин на меньшем экране.

Уолдо вздохнул.

— У меня нет ни времени, ни желания заниматься наведением дисциплины в мастерской. Джентльмены, пожалуйста, поверните ваш экран так, чтобы наш обидчивый друг мог меня видеть.

Вскоре лицо рабочего появилось также и на заднем плане меньшего экрана.

— Ну, так лучше? — мягко поинтересовался Уолдо.

Рабочий утвердительно пробормотал что-то неразборчивое.

— Тогда начнем. Как тебя зовут?

— Александр Дженкинс.

— Хорошо, Алекс, — перчатки.

Дженкинс вставил руки в вальдо и замер. Уолдо надел свою основную пару. Все три пары, включая вторичные вальдо, установленные перед станком, пришли в движение. Дженкинс закусил губу, словно испытывал неприятные ощущения оттого, что его руками управляет кто-то другой.

Уолдо плавно сжимал и разжимал пальцы. Две другие пары вальдо точно и синхронно копировали движения первой.

— Почувствуй движение, Алекс, — наставлял Уолдо. — Мягче, мягче, пусть вместо тебя работают твои мускулы.

Затем он начал совершать движения по заданной программе. Вальдо у станка двинулись вверх, включили двигатель и изящно, аккуратно продолжили обработку болванки. Одна механическая рука опустилась, подрегулировала верньер, а тем временем другая увеличила подачу масла на резец.

— Главное, Алекс, ритм. Не нужно никаких рывков, никаких резких движений. Старайся повторять за мной.

С обманчивой легкостью болванка приняла нужную форму и оказалась кожухом для обыкновенной трехходовой колыбели. Зажимы патрона разошлись, готовая деталь упала на конвейер, а ее место заняла новая заготовка.

С неспешной сноровкой Уолдо вновь принялся за работу, перебирая пальцами внутри своих вальдо с силой, величина которой не превышала и одной унции. Однако две пары вальдо, ожидавших приказаний за тысячи миль внизу, послушно повторяли его движения и создавали давление, которого было достаточно для тяжелого ручного труда.

На конвейер упала новая деталь, затем еще несколько, и Дженкинс, хоть от него никто не требовал самостоятельных действий, почувствовал усталость от постоянных попыток предугадать и повторить движения Уолдо. Пот капал у него со лба, катился по носу и собирался у подбородка. В промежутке между двумя болванками он неожиданно вынул руки из вальдо.

— Хватит, — заявил он.

— Еще одну, Алекс. У тебя начало получаться.

— Нет.

Рабочий повернулся, собираясь уйти. Уолдо сделал резкое движение, настолько резкое, что почувствовал усталость даже в своем невесомом состоянии. Стальная рука вторичных вальдо схватила Дженкинса за запястье.

— Не торопись, Алекс.

— Отвяжись!

— Полегче, Алекс, полегче. Ты будешь делать то, что я тебе скажу.

Стальная рука неумолимо сжималась и выкручивала кисть рабочего. Уолдо пустил в ход всю свою силу, способную на давление в две унции.

Дженкинс захрипел. Единственный оставшийся зритель, — второй ушел сразу после начала урока, — произнес:

— Однако, мистер Джонс!

— Заставьте его работать или выгоните вон. Вы знаете условия контракта.

Неожиданно, с подачи Земли, связь прервалась. Когда через несколько секунд изображение появилось вновь, Дженкинс был по-прежнему мрачен, но уже более покладист. Уолдо принялся за работу, как будто ничего не произошло.

— Еще раз, Алекс.

По окончании урока Уолдо приказал:

— Повторишь пройденные движения двадцать раз и замеришь время. Надеюсь, брака не будет, Алекс.

Он выключил большой экран и повернулся к зрителю на меньшем видеофоне.

— Завтра в это же время, Макнай. Результат вполне удовлетворителен. Со временем мы сделаем из этого сумасшедшего дома современный завод.

Не прощаясь, он отключился.

Уолдо довольно спешно закончил разговор по той причине, что уже некоторое время краем глаза наблюдал за сообщениями, которые появлялись на информационном табло. К его дому приближался летательный аппарат. Само по себе это не могло показаться странным: туристы постоянно пытались проникнуть к нему и натывались на автоматическую систему защиты. Но этот аппарат знал условный сигнал и уже подлетал к плоскости стыковки. Уолдо узнал «помело», но номера были ему незнакомы. Разрешение выдано во Флориде. Кто из его знакомых мог иметь флоридские номера?

В тот же миг он понял, что никто из тех, кто владеет условным сигналом, — а таких было совсем немного, — не может иметь ничего общего со Флоридой. В нем

вновь заговорила подозрительность, никогда не покидавшая его во взаимоотношениях с внешним миром. Он включил систему, которая позволяла с помощью вальдо приводить в движение совершенно противозаконные, но крайне эффективные смертоносные средства внутренней защиты дома. Приблизившийся аппарат был непрозрачным, что также внушало подозрения.

В поле зрения показался моложавый мужчина. Уолдо внимательно изучил этого человека. Незнакомец. Разве что лицо смутно знакомое. Унция давления в перчатках — и этого лица никто больше не увидит. Однако Уолдо умел сдерживать чувства, умел обузды-вать себя. Мужчина повернулся, словно желая помочь выйти другому пассажиру. Так и есть, появился и дру-гой. Дядюшка Гас! Однако старый болван притащил с собой незнакомца. Ему бы следовало быть поосторож-нее. Он же знает, как Уолдо относится к чужакам!

Тем не менее он открыл внешний клапан шлюза и выпустил их внутрь.

Гас Граймс двигался по переходу, перебираясь от одного поручня к другому, и часто дышал, как делал всегда, когда находился в невесомости. «За диафраг-мой, — говаривал он, — проследить никогда не поме-шает». Стивенс, юркий, как сурок, следовал за ним, испытывая невинную гордость от того, что так уверен-но ведет себя в космосе. Граймс остановился в центре приемного отсека, отдышался и обратился к стоящей там человекоподобной кукле:

— Привет, Уолдо.

Кукла едва заметно повела головой.

— Здравствуй, дядя Гас. Как жаль, что ты не позво-нил перед тем, как зайти. Я бы приготовил твой специ-альный ужин.

— Ничего страшного, Уолдо. Мы не собираемся долго задерживаться. Позволь представить тебе моего друга, Джимми Стивенса.

Кукольное лицо повернулось к Стивенсу.

— Здравствуйте, мистер Стивенс, — учтиво произ-нес голос. — Добро пожаловать в «Вольную обитель».

— Здравствуйте, мистер Джонс, — ответил Стивенс, с удивлением рассматривая куклу.

Она удивительно походила на живое существо. В первый момент Стивенс принял ее за человека. «Разумное факсимиле». Теперь он вспомнил, что слышал о кукле раньше. Очень немногие лично встречались с Уолдо, разве только на экране видеофона. Те, у кого были дела в «Инвалидном кресле», — то есть в «Вольной обители», нужно всегда помнить об этом, — те, кто прилетал в «Вольную обитель», слышали лишь голос и видели этот муляж.

— Ты обязательно должен остаться на ужин, дядя Гас, — продолжал Уолдо. — Ты не так уж часто меня навещаешь, чтобы так вот взять и уйти. Я прикажу приготовить что-нибудь особенное.

— Что ж, может, мы и останемся. Не беспокойся насчет меню. Ты же знаешь, я могу съесть черепаху вместе с панцирем.

Стивенс поздравил себя с тем, что ему в голову пришла замечательная идея: попасть сюда через дока Граймса. Еще и пяти минут не прошло, а Уолдо уже настаивает, чтобы они остались на ужин. Добрый знак.

Он не обратил внимания на тот факт, что Уолдо адресовал свое приглашение одному лишь Граймсу и только Граймс говорил за двоих.

— Где ты там, Уолдо? — снова заговорил Граймс. — В лаборатории?

Он указал в том направлении, куда собирался пойти.

— Не беспокойся, не беспокойся, — поспешил остановить его Уолдо. — Думаю, тебе будет удобней там, где ты сейчас. Я только придам отсеку вращение, чтобы ты мог сесть.

— Что с тобой, Уолдо? — раздраженно спросил Граймс. — Ты же знаешь, мне не нужна сила тяжести. И я не собираюсь сидеть в компании этой куклы. Я хочу видеть тебя.

Стивенс был несколько удивлен настойчивостью старика. Ему казалось вполне естественным, что Уолдо предложил включить ускорение: невесомость начинала слегка раздражать.

Уолдо довольно долго хранил молчание, и Стивенс почувствовал неловкость. Наконец Уолдо холодно произнес:

— Дядя Гас, ты же сам понимаешь, что об этом не может быть и речи.

Вместо того чтобы ответить, Граймс взял Стивенса за руку.

— Пойдем, Джимми. Нам пора.

— Почему, док? Что случилось?

— Уолдо хочет поиграть, а я не играю в эти игры.

— Но...

— Брось, пошли. Уолдо, открой люк.

— Дядя Гас!

— Да, Уолдо.

— Этот твой приятель... ты ручаешься за него?

— Конечно ручаюсь, дуралей. А иначе зачем бы я его привел?

— Вы найдете меня в мастерской. Проход открыт.

Граймс повернулся к Стивенсу.

— Пошли, сынок.

Стивенс тащился за Граймсом словно рыба, которая догоняет свою подружку, и при этом смотрел во все глаза, стараясь не пропустить ни одной детали легендарного жилища Уолдо. «Обитель» действительно была уникальной. Стивенсу пришлось признать, что такого он еще не видел. Понятия верха и низа здесь полностью теряли свой смысл. Космические корабли или даже космические станции, хоть и находятся в состоянии свободного падения и не зависят ни от каких внешних ускорений, все же не совсем лишены этих измерений. Вертикальная ось корабля определяется направлением тяги; вертикаль космической станции совпадает с осью центробежного вращения.

Некоторые полицейские и военные корабли используют несколько направлений тяги. Поэтому их вертикальная ось может изменяться, и в случае маневра команде корабля приходится привязывать себя к креслам. Иные космические станции имеют центробежные ускорители только в жилых отсеках. Тем не менее существует общее правило — человек привык к силе тяжести. Любая конструкция, созданная руками человека, неявно подразумевает этот факт. Любая, за исключением одной — жилища Уолдо.

Прикованному к Земле нелегко забыть о силе тяжести. Мы, кажется, родились, чтобы помнить о ней. При

мысли об аппарате, который свободно вращается вокруг Земли, человек непременно будет считать направление к планете «низом» и, представляя внутренний вид корабля, увидит себя стоящим или сидящим на соответствующей стене как на полу. Подобное представление полностью ошибочно. Тот, кто находится внутри свободно падающего тела, совершенно не ощущает своего веса, для него не существует понятия «верх-низ», если не считать гравитационного поля самого тела. Что касается последнего, то ни жилище Уолдо, ни какой-либо другой построенный до сего времени космический корабль не обладали массой, достаточной для того, чтобы создать поле такой плотности, что оно могло бы стать ощутимым для человеческого организма. Невероятно, но факт. Чтобы человеческое тело могло ощутить собственный вес, необходима масса астероида, причем не из самых маленьких.

Можно возразить, что тело, которое вращается вокруг Земли, не является свободно падающим. Типичная ошибка человека, даже мысленно не отрывавшегося от Земли. Свободный полет, свободное падение, околоземная орбита — все эти понятия означают одно и то же. Луна непрерывно падает на Землю. Земля непрерывно падает на Солнце, однако боковой вектор скорости препятствует их сближению. Но от этого падение не перестает быть свободным. Спросите любого специалиста по баллистике или астрофизика.

Находясь в свободном падении, человек перестает чувствовать вес. Чтобы стать ощутимым, гравитационному полю необходимо сопротивление.

Такие или похожие мысли приходили в голову Стивенсу по дороге в мастерскую Уолдо. Все помещения, проплывавшие мимо, были обставлены рукой, которая забыла, что такое верх и низ. Приборы и мебель крепились к каждой стене, — «пол» отсутствовал. Рабочие столы и платформы находили себе место в любом удобном углу. О форме или размере никто не заботился, так как никто не собирался стоять возле них или ходить между. Все, что от них требовалось, — иметь большую рабочую поверхность. Согласно той же логике, инструменты не всегда крепились к стенам. Довольно часто, дабы обеспечить наибольшее удобство, их

оставляли парить в пространстве, прикрепляя к месту гибкими тросами или тонкими рейками.

Форма мебели и оборудования вызывала удивление. Озадачивало и предназначение того или иного предмета. Земная мебель почти всегда угловата и, по крайней мере на 90 процентов, отвечает единственной цели — воспрепятствовать действию ускорения свободного падения. Дома, на Земле, а точнее, под землей, все заставлено статичными механизмами, сдерживающими силу тяжести. Столы, стулья, кровати, диваны, полки, шкафы, комоды и тому подобное только для того и предназначены. Остальная часть мебели и оборудования, помимо своего основного назначения, также выполняет ту же функцию и поэтому отвечает строгим требованиям дизайна и надежности.

Отсутствие необходимости в грубой силе, присущей всякой земной мебели, придавало обстановке в доме Уолдо какое-то сказочное изящество. Запасы продовольствия, которые обычно занимают много места, компактно уместились в емкости из тонкого — не толще яичной скорлупы — прозрачного пластика. Любой громоздкий механизм, для которого на Земле понадобился бы тяжелый корпус и станина, имел здесь не более чем легкую эфемерную оболочку и крепился на месте с помощью невесомых упругих нитей.

Повсюду встречались вальдо: большие, маленькие, размером с человеческую руку, со смотровыми экранами в придачу. Было ясно, что Уолдо имел возможность работать в отсеках, через которые они проплывали, не вставая со своего стула, если, конечно, такой стул мог существовать. Вездесущие вальдо, грациозная мебель, стены, беспорядочно заставленные рабочим или складским оборудованием, — все это создавало у Стивенса ощущение сказки, словно он попал в один из мультфильмов Диснея.

До сих пор жилые отсеки им не попадались. Стивенс пытался представить себе, на что могли быть похожи личные апартаменты Уолдо, какова их обстановка. Конечно, никаких стульев, ковров, диванов. Может быть, картины. Какое-нибудь хитроумное устройство для освещения, так, чтобы ничто не мешало взгляду. Система связи, должно быть, та же, что и везде. Но

вот умывальник? На что похож умывальник? Или ванна? То ли ее заменили каким-нибудь приспособлением вроде чернильницы-непроливайки, то ли она и вовсе отсутствует. Подобные вопросы ставили его в тупик. Каким бы квалифицированным ни был инженер, в незнакомых условиях он обязательно растеряется.

Что можно использовать вместо старой доброй пепельницы, если нет силы тяжести и пепел норовит разлететься во все стороны? А курит ли Уолдо? Предположим, ему пришла охота сыграть в солитер, каким образом он удерживает карты? Хорошо подошли бы магнитные карты на магнитном столе.

— Сюда, Джим.

Держась одной рукой, Граймс другой указал направление. Стивенс проскользнул через указанное отверстие и, раньше, чем успел осмотреться, вздрогнул от низкого угрожающего рычания. Он поднял голову — сверху, прямо на него, летел огромный мастиф с оскаленными зубами и слюнявой пастью. Пес выпрямил передние лапы, словно для того, чтобы балансировать ими в полете, а задние подобрал под брюхо. Всем своим видом он явно выказывал намерение разорвать незваного гостя на куски, а затем эти куски проглотить.

— Бальдр! — Голос, пронизавший воздух, исходил откуда-то сзади.

Ярость животного утихла, но энергия продолжала тащить его вперед. Одно из вальдо выстрелило на добрых тридцать футов и ухватило пса за ошейник.

— Извините, сэр, — добавил тот же голос. — Мой друг не ждал вашего визита.

— Привет, Бальдр, — сказал Граймс. — Ну как, слушаешься хозяина?

Пес взглянул на него, взвизгнул и завилял хвостом. Стивенс взглядом отыскал место, откуда раздавались команды.

Гости находились в огромном сферическом помещении. В его центре парил полный человек — Уолдо.

Если бы не босые ноги, то можно было бы сказать, что одет он прилично — в фуфайку и шорты. Металлические рукавицы вальдо по локоть закрывали его руки. Своей мягкой полнотой, ямочками на щеках и подбородке, гладкой кожей он напоминал громадного розо-

вого херувимчика, каких обычно рисуют рядом со святыми. Но взгляд был отнюдь не херувимским, очертания лба и черепа — чисто человеческими. Взглянув на Стивенса, он произнес высоким голосом:

— Позвольте представить вам моего любимца. Бальдр, дай лапу.

Пес протянул переднюю лапу, и Стивенс со всей серьезностью ее пожал.

— Дайте ему вас обнюхать.

Как только вальдо, сжимавшее ошейник, ослабило свою хватку, животное подошло ближе, изучило незнакомца и, удовлетворенное, обнюхивало руку. Стивенс заметил, что шерсть вокруг глаз Бальдра коричневая и резко контрастирует с белой, которой покрыто все тело: ему сразу вспомнилась сказка о солдате и огниве, где присутствовали собаки с «глазами, широкими как блюдце». Затем он произнес принятые в таких случаях фразы вроде: «Какой красивый! Отличный пес». Уолдо наблюдал за процедурой с легким отвращением.

Наконец, решив, что церемония окончена, Уолдо скомандовал: «К ноге!» Пес развернулся в воздухе, уперся лапой в бедро Стивенса, оттолкнулся и полетел к хозяину. Стивенс едва удержался на ногах, ухватившись за перила. Граймс также оттолкнулся, покинул свое место возле люка и оказался у стойки, возле которой располагался хозяин. Стивенс последовал за доком.

Уолдо медленно оглядел его с ног до головы. Манеры этого человека были не то чтобы откровенно грубы, но могли привести в смущение. Стивенс почувствовал, как краска начинает медленно заливать лицо, и, чтобы избавиться от замешательства, стал осматривать комнату. Несмотря на большие размеры, помещение казалось несколько тесноватым из-за большого скопления разного хлама — если можно так выразиться, — которым окружил себя Уолдо. Здесь находилось с полдюжины дисплеев, расположенных так, чтобы один из экранов всегда находился перед глазами хозяина. Три из них были снабжены телекамерами. Далее глаз наткнулся на различные панели управления. Предназначение некоторых из них было очевидно: панель освещения, довольно сложная, с маленькими ярко-красными

индикаторами для каждой цепи; панель вокаляра; многоканальный телевизионный пульт управления; приборная доска необычного дизайна, на которой располагались энергетические реле. Однако оказалось и по крайней мере с полдюжины панелей, назначение которых повергло Стивенса в глубокое изумление.

Рабочее пространство комнаты замыкалось стальным кольцом, к которому крепилось несколько пар вальдо. Две пары, размером с кулачок мартышки, были оборудованы экстензорами. Одно из таких вальдо как раз и схватило Бальдра за ошейник. Еще несколько помещалось возле сферической стены, и среди них выделялась пара настолько огромная, что Стивенс затруднился определить ее назначение. В раскрытом состоянии каждая механическая рука имела не менее шести футов расстояния между большим пальцем и мизинцем.

У стен виднелось большое количество книг, однако книжные полки отсутствовали. Книги, казалось, торчали прямо из стены, словно кочаны на капустной грядке. Стивенс недолго ломал голову над этим фокусом, решив, что все дело в магнитах, вделанных в переплеты. Впоследствии его догадка подтвердилась.

Уолдо снабдил комнату сложной автоматической системой освещения новейшей конструкции, которая полностью отвечала его потребностям, что, однако, не делало ее удобной для других. Само собой разумеется, свет попадал в помещение уже рассеянным. Более того, с помощью некоего искусного приспособления система следила, чтобы те источники света, которые попадали в поле зрения Уолдо, прекращали свою работу. Свет не слепил глаз хозяина — и только. Поскольку огни за его спиной начинали гореть ярче, чтобы лучше осветить то место, куда он в этот момент смотрел, все остальные, кто находился в комнате, ощущали постоянную резь в глазах. Очевидно, все дело заключалось в устройстве электронного слежения. Стивенс поневоле задумался над тем, насколько сложной должна быть такая система.

Граймс пожаловался на яркий свет:

— Черт возьми, Уолдо, отрегулируй свое освещение, не то у нас головы разболются!

— Извини, дядя Гас.

Уолдо вынул правую руку из перчатки и опустил на одну из панелей управления. Резь в глазах прекратилась. Свет теперь исходил лишь оттуда, куда никто из них не смотрел. Кроме того, он сделался гораздо ярче, поскольку источников освещения стало значительно меньше. Лучи рисовали на стенах замысловатый узор. Стивенс попытался поймать глазами начало узора и на первых порах потерпел неудачу: устройство, по-видимому, и задумывалось так, чтобы быть незаметным. После нескольких неудачных попыток он наконец догадался, что надо следить глазами, а не вертеть головой. Устройство реагировало только на поворот головы, перемещение зрачков были для него слишком незначительным.

— Я вижу, вас, мистер Стивенс, заинтересовал мой дом. — В усмешке Уолдо проскальзывало высокомерие.

— Очень. Думаю, это самое замечательное место из всех, что я когда-либо видел.

— Что же в нем такого замечательного?

— Во-первых, отсутствие определенной ориентации. И, конечно, несколько инженерных новинок. Вы сочтите меня земным человеком, но я до сих пор продолжаю искать внизу пол, а вверху — потолок.

— Это всего лишь вопрос функционального дизайна, мистер Стивенс. Я живу в исключительных условиях, поэтому и дом мой кажется исключительным. Что же касается новинок, о которых вы говорили, то они по большей части заключаются в удалении лишних деталей и добавлении нескольких новых приспособлений.

— Сказать по правде, самое интересное из того, что я видел, не является частью вашего дома.

— Действительно? И что же это такое?

— Бальдр, ваш пес.

Услышав свое имя, животное повернуло голову.

— Я никогда не видел, чтобы собака так ловко передвигалась в невесомости.

Уолдо улыбнулся, и впервые его улыбка стала искренней и теплой.

— Да, Бальдр у меня акробат. Он ведь попал в невесомость еще щенком.

Уолдо протянул руку и потрепал пса по загривку, тут же обнаружив свою крайнюю слабость: сила этого жеста никак не соответствовала громадным размерам животного. Движения пальцев были слишком вялыми, чтобы спутать грубую шерсть собаки и сдвинуть с места большие уши. Однако Уолдо, казалось, не замечал своей немощи или не обращал на нее внимания. Вновь повернувшись к Стивенсу, он добавил:

— Если вам так понравился Бальдр, вы обязательно должны увидеть Ариэль.

— Ариэль?

Вместо ответа Уолдо коснулся вокаляра и просвистел музыкальную тему из трех нот. У «верхней» стены послышался шорох, и к гостям устремилось маленькое желтое существо — канарейка. Сложив крылья, она пулей промчалась по воздуху на расстоянии около фута от Уолдо, расправила крылья, несколько раз взмахнула ими, опустила распушенный хвост и замерла в воздухе. Впрочем, птица все же продолжала медленно двигаться вперед; приблизившись на расстояние одного дюйма к плечу Уолдо, она «выпустила шасси» и уцепилась коготками за его фуфайку.

Уолдо поднял руку и погладил птицу. Канарейка взъерошила перышки.

— Ни одна птица, высиженная на Земле, не может научиться летать в невесомости, — заговорил Уолдо. — Я это хорошо понял после того, как потерял полдюжины птиц, не сумевших приспособиться к здешним условиям.

— А что с ними случилось?

— Применяя человеческие термины, это можно назвать острой формой неврастения. Вначале они пробуют летать, и оказывается, что их первоначальные земные навыки никуда не годятся и все попытки приводят к неудаче. Поэтому они отказываются даже пытаться и через некоторое время умирают, потому что их сердце, выражаясь поэтически, разбито. — С радостью в голосе он добавил: — Однако Ариэль оказалась гениальной птицей. Она попала ко мне еще в яйце и самостоятельно изобрела совершенно новый способ полета. — Уолдо протянул птице палец, на который та и пересела. — Довольно, Ариэль. Лети домой.

Канарейка начала высвистывать мелодию «Колокольный звон» из «Лакме».

Хозяин покачал головой.

— Хватит, Ариэль. Лети спать.

Птица оторвалась от пальца, зависла на мгновение в воздухе, затем на секунду или две быстро замахала крыльями, чтобы набрать скорость в нужном направлении, и, приняв совершенно обтекаемую форму, пулей унеслась туда, откуда прилетела.

— Джимми хотел поговорить с тобой кое о чем, — начал Граймс.

— Буду рад, — безмятежно ответил Уолдо. — Но, может быть, мы сначала поужинаем? Как вы считаете, сэр?

Стивенс решил, что с сытым Уолдо ему будет легче договориться. Кроме того, его собственный желудок сообщал, что сам не прочь переварить калорию-другую.

— Я не против, — ответил он.

— Чудесно.

Появились столовые приборы.

Стивенс никак не мог решить, сам ли Уолдо приготовил обед, или эту работу выполнили слуги, находившиеся в отдельном помещении. Современные способы приготовления пищи были таковы, что Уолдо мог обойтись без посторонней помощи. Он, Стивенс, легко стряпал себе сам, так же, как и Гас. Тем не менее ему показалось важным при первом же удобном случае спросить у дока Граймса, живут ли в резиденции Уолдо слуги, и если живут, то кто они. Однако он так и не выполнил своего намерения.

Ужин появился в небольшом пищевом контейнере, который вылетел из длинной складной пневмотрубы и, с тихим шорохом, занял свое место в центре между собравшимися. Стивенс едва заметил, чем его здесь кормили. Он заранее знал, что еда будет и питательной, и вкусной. Больше всего его занимала сервировка стола и способ приема пищи. Уолдо позволил своему бифштексу свободно парить перед собой, кривыми хирургическими ножницами отрезал от него куски, с помощью изящных щипчиков отправлял их в рот. И принимался энергично жевать.

— Теперь хороший бифштекс не достать, — заметил он. — Этот кусок прожевать невозможно. Бог свидетель, я плачу достаточно, но все впустую.

Стивенс не ответил. На его вкус мясо было даже слишком нежным. Оно едва не распадалось на части. Сам он орудовал ножом и вилок. Впрочем, нож оказался излишним. По всей видимости, Уолдо не могло прийти в голову, что кто-то из гостей пожелает воспользоваться теми безусловно гениальными приспособлениями, которые он изобрел для себя. Стивенс ел с деревянной тарелки, зажав ее между коленями, для чего он, по примеру Граймса, поджал под себя ноги. Внутреннюю сторону тарелки предусмотрительно снабдили маленькими острыми зубцами.

Напитки были поданы в эластичных пакетах, из которых торчали соски, отчего на ум сразу приходили детские пластмассовые бутылочки.

Наконец пищевой контейнер со скорбным вздохом втянул в себя столовые приборы.

— Закурите?

— С удовольствием.

Как только Стивенс увидел пепельницу, приспособленную для состояния невесомости, ему стало ясно, что ее устройство и не могло быть иным — длинная трубка с воронкообразным приемником на одном конце. На мгновение возникала тяга — и пепел, который стряхнули в воронку, навсегда исчезал из этого мира.

— Что касается нашего дела, — снова начал Граймс. — Ты должен знать, что Джимми — главный инженер Северо-Американской энергетической компании.

— Что? — Уолдо посерьезнел, выпрямился и засопел. На Стивенса он даже не взглянул. — Дядя Гас, ты хочешь сказать, что привел ко мне в дом сотрудника этой фирмы?

— Не выходи из себя. Расслабься. Черт возьми, я же тебе сто раз говорил, чтобы ты следил за своим давлением.

Граймс приблизился к хозяину дома и взял его за запястье, как делали доктора в старину, когда хотели измерить пульс.

— Дыши медленнее. У тебя что, кислородное опьянение?

Уолдо попытался вырваться. Тщетная попытка: старик был раз в десять сильнее.

— Дядя Гас, ты...

— Заткнись.

В течение нескольких минут все трое хранили молчание, отчего по крайней мере двое из них чувствовали себя неловко. Граймс, казалось, был погружен в свои мысли.

— Вот, — сказал он наконец, — так-то лучше. Теперь закрой рот и слушай меня внимательно. Джимми отличный парень, он не сделал тебе ничего плохого, был очень даже вежлив с тобой. На кого бы он ни работал, ты не имеешь права грубить. Короче говоря, ты должен извиниться.

— Не стоит, док, — возразил Стивенс. — Боюсь, я действительно мог произвести ложное впечатление. Простите, мистер Джонс, я не хотел этого делать. Если бы вы позволили мне объясниться с самого начала...

Лицо Уолдо оставалось непроницаемым. Было видно, что он изо всех сил старается сдержаться.

— Не стоит извиняться, мистер Стивенс. Наверное, я напрасно вспылал. Конечно, нельзя переносить на вас ту враждебность, которую я испытываю по отношению к вашему начальству. Но его я крайне недолюбливаю, Бог свидетель.

— Я знаю. Тем не менее мне жаль слышать об этом.

— Меня обманули, понимаете? Обманули с помощью подлого полузаконного мошенничества, которое...

— Полегче, Уолдо.

— Извини, дядя Гас. — Он продолжил тоном ниже: — Вы когда-нибудь слышали о так называемых патентах Гатэвэя?

— Да, конечно.

— «Так называемые» — это еще мягко сказано. Гатэвэй был простым механиком. Патенты целиком принадлежат мне.

Далее Уолдо изложил свою версию происшедшего, которая была, как чувствовал Стивенс, безупречной с фактической стороны, но в то же время необоснованной и пристрастной. Вполне возможно, что Уолдо говорил правду и Гатэвэй в самом деле работал только как исполнитель, наемный рабочий, однако тому не сущест-

вовало никаких доказательств — ни контракта, ни каких-либо других документов. Злополучный механик запатентовал несколько изобретений, единственных в своей жизни, которые по степени сложности безусловно могли принадлежать Уолдо. Затем он неожиданно умер, а его родственники через своих адвокатов продали патенты некоей фирме, которая поддерживала с ним давние деловые отношения. Уолдо утверждал, что именно эта фирма толкнула Гатэвэя на преступление — вынудила механика наняться к нему на работу, с тем чтобы выкрасть секретные сведения. Однако вскоре фирма разорилась, а ее имущество было продано Северо-Американской энергетической компании. Новые владельцы патентов предложили сделку — Уолдо предпочел подать в суд. Процесс он проиграл.

Даже если бы правота Уолдо не подвергалась сомнению, Стивенс затруднился бы решить, каким образом компания могла бы законным путем удовлетворить требования Уолдо. Служащие корпорации управляют деньгами акционеров. Если дирекция САЭК сделает попытку передать другому лицу часть имущества, которое формально принадлежит корпорации, любой держатель акций в состоянии наложить запрет на ее решение и объявить сделку незаконной.

Так по крайней мере Стивенс представлял себе создавшееся положение. Однако он не был адвокатом и поэтому не торопился с выводами. Главная проблема состояла в том, что ему была необходима помощь Уолдо, тогда как тот затаил обиду против его компании.

Он был вынужден признать, что одного присутствия дока Граймса оказалось недостаточно, чтобы склонить Уолдо на свою сторону.

— Все это случилось до того, как я стал работать в фирме, — начал Стивенс. — Поэтому мне мало что известно. Поверьте, я искренне сожалею о случившемся. Это тем более неприятно, что в данный момент мне крайне необходима ваша помощь.

Уолдо, казалось, принял такое вступление вполне благосклонно.

— Ну, так что же, в чем ваши проблемы?

Стивенс довольно подробно рассказал о трудностях, которые у них возникли в связи с приемниками де

Калба. Уолдо внимательно выслушал и по окончании рассказа произнес:

— Да, это очень похоже на то, что мне рассказывал ваш шеф. Конечно, вы как инженер смогли гораздо более связно обрисовать положение, в отличие от этого денежного мешка — мистера Глисона. Но почему вы пришли ко мне? Я не специалист по радиационной технике, не обладаю никакими степенями и званиями.

— Я пришел по той самой причине, — серьезно ответил Стивенс, — которая приводит к вам всех тех, у кого возникают серьезные технические затруднения. Насколько я знаю, вы обладаете уникальной способностью разрешать любую задачу, какая только встанет перед вами. Эта ваша способность напоминает мне о другом человеке...

— Каком еще? — неожиданно быстро спросил Уолдо.

— Эдисоне. Он тоже не заботился о званиях, но тем не менее решил все основные проблемы своего времени.

— А, Эдисон... Я было подумал, что вы имеете в виду кого-то из современников. Без сомнения, в то время ему не было равных, — великодушно признал Уолдо.

— Я не собирался вас сравнивать. Просто вдруг вспомнил, что Эдисон из всех проблем предпочитал самые сложные. О вас говорят то же самое. Поэтому у меня появилась надежда, что, может быть, те затруднения, которые мы сейчас испытываем, окажутся достаточно серьезными, чтобы заинтересовать вас.

— Да, ваша история довольно любопытна, — согласился Уолдо. — Хотя, если говорить откровенно, эта задача несколько в стороне от того, чем я занимаюсь. Однако мне странно слышать от сотрудника Северо-Американской энергетической компании такую высокую оценку своих талантов. Может показаться, что руководство вашей фирмы готово признать бесспорность моих прав на так называемые патенты Гатэвэя. Если, конечно, вы не привираете.

«Да он просто невыносим, — подумал Стивенс. — Ничем его не собьешь». Вслух он сказал:

— Думаю, вашим вопросом занимались администраторы и юристы, а эти люди не способны отличить грубую поделку от гениального изобретения.

Ответ, по всей видимости, смягчил Уолдо. Он спросил:

— А что ваши инженеры думают о сложившейся ситуации?

Стивенс криво улыбнулся.

— Ничего, что могло бы обнадежить. Доктор Рамбо, кажется, не вполне доверяет тем данным, которые я ему предоставил. Говорит, что такого не могло случиться, однако чувствует себя несчастным. Похоже, что уже несколько недель он живет только на аспирине и нембутале.

— Рамбо, — медленно повторил Уолдо. — Да, я помню этого человека. Посредственность. Хорошая память и никакой интуиции. Думаю, мне не стоит отчаиваться только потому, что Рамбо чувствует себя не в своей тарелке.

— Вы действительно считаете, что дело не безнадежно?

— Вряд ли здесь могут возникнуть слишком большие сложности. Я уже успел кое-что обдумать после звонка мистера Глисона. Теперь, когда вы сообщили дополнительную информацию, мне кажется, что существуют по крайней мере две линии исследований, которые могли бы дать хороший результат. В любом случае выход всегда найдется. Главное — правильно подойти к задаче.

— Значит, вы согласны? — с видимым облегчением спросил Стивенс.

— Согласен? — Уолдо удивленно поднял брови. — А, собственно говоря, о чем идет речь? Между нами происходит не более чем светский разговор. Я бы ни при каких обстоятельствах не стал помогать вашей фирме. Более того, я желаю ей полного краха и банкротства, и ваш случай как раз подходит для этого.

Стивенсу стоило огромного труда сдержаться. Господи, так попасться! Жирный слизняк просто посмеялся над ним, подразнил и ушел в сторону. Какой низкий, бесчестный поступок! Тщательно выбирая выражения, Стивенс проговорил:

— Пусть у вас нет никакой жалости к САЭК, мистер Джонс, но я взываю к вашему чувству долга. Речь идет о жизни миллионов людей, которые пользуются услугами нашей фирмы. Неужели вы не понимаете, что ее работа должна продолжаться вне зависимости от наших с вами отношений?

Уолдо поморщился.

— Боюсь, вам не удалось меня разжалобить. Мне нет никакого дела до благосостояния всех тех бесчисленных тварей, что копошатся на Земле. Я и так сделал для них больше, чем они заслуживают. А заслуживают они крайне малого. Заставьте их жить самостоятельно — и большинство вернется в первобытное состояние. Вы видели когда-нибудь дрессированную обезьяну, мистер Стивенс, которую одели как человека и заставили откалывать разные штуки на роликовых коньках? Так вот, запомните напоследок одно: я не собираюсь чинить роликовые коньки для обезьян.

«Дальше здесь оставаться опасно», — подумал Стивенс, а вслух сказал:

— Это ваше последнее слово?

— Последнее. До свидания, сэр. Рад был с вами познакомиться.

— До свидания. Спасибо за ужин.

— Не стоит благодарности.

Едва Стивенс повернулся, собираясь оттолкнуться и полететь к выходу, Граймс произнес:

— Джимми, подожди меня в шлюзе.

Как только Стивенс удалился на такое расстояние, что не мог их услышать, Граймс повернулся к Уолдо и смерил его презрительным взглядом.

— Уолдо, — медленно проговорил он. — Я всегда знал, что ты один из самых низких, злопамятных людей на Земле, но...

— Твои комплименты ничуть меня не трогают, дядя Гас.

— Заткнись и слушай. Как я уже сказал, ты — эгоист до мозга костей, но сегодня мне впервые открылось, что ты к тому же и мошенник.

— Что ты хочешь этим сказать? Пожалуйста, объяснись.

— С удовольствием. У тебя нет ни малейшего представления о том, как помочь этому парню. Ты разыгрывал из себя гения только затем, чтобы сделать его более несчастным. Дешевый хвостун и обманщик, если ты...

— Прекрати сейчас же!

— Давай-давай, — спокойно продолжал Граймс. — Поднимай себе давление. Не буду тебе мешать. Чем раньше с тобой случится удар, тем лучше.

Уолдо успокоился.

— С чего ты решил, что я блефую, дядя Гас?

— А то я тебя не знаю. Будь у тебя хоть малейшая возможность выполнить заказ, ты обязательно изучил бы ситуацию и выработал план действий. А уж с этим планом Норт Америкэн был бы у тебя в руках. Ты бы заставил их заплатить сполна.

Уолдо покачал головой.

— Ты недооцениваешь мой гнев.

— Ничего подобного. Погоди, я еще не кончил. Теперь о твоей миленькой речи относительно ответственности перед обществом. У тебя есть голова на плечах, и ты знаешь не хуже меня, что если на Земле произойдет катастрофа, то ее результаты скажутся в первую очередь на тебе. Следовательно, ты не в состоянии эту катастрофу предотвратить.

— Что ты имеешь в виду? Все эти события меня не касаются. Я не завишу от подобных происшествий. Тебе следовало бы знать меня лучше.

— Не зависишь? А кто выплавил сталь для этих стен? Кто вырастил бычка, которым мы сегодня ужинали? Ты независим подобно пчелиной матке и почти точно так же беспомощен.

Уолдо был явно испуган. Наконец он совладал с собой и ответил:

— Ну нет, дядя Гас, я все же по-настоящему независим. У меня здесь запасов на много лет вперед.

— На сколько именно?

— Ну... минимум на пять.

— А дальше что? При условии, что тебе будут регулярно поставлять продовольствие, ты способен прожить еще лет пятьдесят. Какую смерть ты предпочитаешь — от голода или от жажды?

— С водой проблем не будет, — задумчиво сказал Уолдо. — Что же касается продовольствия, я мог бы расширить свои гидропонные плантации и запастись мясом впрок...

Граймс издевательски захохотал.

— Так я и знал. Ты понятия не имеешь, что делать, и сейчас изобретаешь способ, как спасти свою шкуру. Я тебя хорошо знаю. Ты бы ни за что не завел этого разговора об огороде, если б знал, как найти решение.

Уолдо задумчиво посмотрел на него.

— Ты не совсем прав. Я действительно не знаю решения, но у меня есть кое-какие соображения на этот счет. Бьюсь об заклад, я смогу найти выход. Теперь, когда ты растолковал мне, что к чему, я должен признать, что довольно крепко связан с земной экономикой, кроме того, — тут он едва заметно улыбнулся, — не могу же я упустить такое выгодное дельце. Сейчас я позову твоего друга.

— Не торопись. Я здесь не только затем, чтобы похлопотать за Джимми. Это должно быть решение особого рода.

— Что ты имеешь в виду?

— Необходимо сделать так, чтобы в результате радиация не заразила атмосферу.

— А, ты об этом. Послушай, дядя Гас, я знаю, как ты увлечен своей теорией, и никогда не отрицал возможности того, что в ней заключено рациональное зерно, но нельзя же связывать этот вопрос с другой, гораздо более важной проблемой.

— А ты посмотри на этот вопрос с точки зрения личной выгоды. Предположим, что все люди оказались в твоём положении.

— Ты имеешь в виду физическое состояние?

— Совершенно верно. Я знаю, как ты не любишь говорить о подобных вещах, но сейчас это крайне необходимо. Если все вокруг станут такими же немощными, как ты, — что получится? Ни тебе кофе, ни пирожных. А ведь это легко может произойти. Ты единственный, кто способен реально оценить опасность такого положения.

— Все это кажется фантастической выдумкой.

— Пожалуй. Однако все признаки этой опасности налицо. Для тех, конечно, кто не боится смотреть правде в глаза. Нас ожидает повальная миастения, может быть, не в острой форме, но достаточной для того, чтобы учинить разгром технической цивилизации и разрушить все твои налаженные связи. С момента последней нашей встречи я сопоставил кое-какие данные и нарисовал несколько кривых. Ты должен их посмотреть.

— Они у тебя с собой?

— Нет, я тебе их пришлю. Сейчас ты должен поверить мне на слово. — Граймс помолчал. — Ну, что скажешь?

— Ну что ж, пока не увижу графиков, я приму твои доводы в качестве предварительной рабочей гипотезы. Возможно, тебе придется провести для меня дальнейшие исследования, если, конечно, в твоих данных нет ошибки.

— Этого вполне достаточно. Привет.

Забывшись, Граймс некоторое время перебирал ногами по воздуху, словно собирался уйти.

Лучше не описывать того расположения духа, в котором Стивенс ожидал Граймса. Самым безобидным из того, что приходило в это время ему в голову, была печальная мысль о том, каким унижениям должен иной раз подвергать себя человек, чтобы сохранить свою незатейливую работу инженера. Скоро у него не станет и этой работы. Однако он решил держаться до последнего и уйти лишь тогда, когда его уволят. Но прежде всего он отгуляет, наконец, отпуск, а уж потом начнет искать другую работу.

Несколько минут Стивенс жалел, что Уолдо настолько немощен, что нельзя надавать ему пощечин. Или, что еще смешнее, пнуть ногой в живот.

Неожиданно манекен, который находился поблизости, проявил признаки жизни и произнес:

— Мистер Стивенс.

Тот вздрогнул.

— Да, слушаю.

— Я решил взяться за это дело. Мои адвокаты уладят все формальности с вашим административным отделом.

Несколько секунд Стивенс ошеломленно молчал, а когда все же собрался ответить, манекен уже отключился. Стивенс еле дождался Граймса.

— Док, — кинулся он к старику, когда тот появился в отсеке, — что на него нашло? Как тебе это удалось?

— Он еще раз все обдумал и изменил решение, — ответил Граймс, не вдаваясь в подробности. — Давай-ка поедem назад.

Стивенс довез доктора Огастаса Граймса до дома и поехал к себе в офис. Припарковав машину, он вошел в туннель, ведущий в рабочую зону, и столкнулся со своим помощником. Мак-Леод был заметно взволнован.

— Шеф! Вот здорово! Наконец-то я вас нашел. Мне срочно нужно поговорить.

— Что на этот раз? — предчувствуя недоброе, спросил Стивенс. — Один из городов?

— Нет, с чего вы взяли?

— Ну рассказывай, рассказывай.

— Насколько я знаю, в наземном энергоснабжении все идет как по маслу. Я хотел вам сказать, что починил свою колымагу.

— Как? Тот самый корабль, в котором ты потерпел аварию?

— Аварии не было. У меня неожиданно отключился приемник энергии, но, слава Богу, аккумуляторы были еще полны. Пришлось переключиться на аварийную посадку.

— Ты исправил поломку? Снова приемник де Калба или на этот раз что-то другое?

— Де Калб. Теперь все исправлено, но я не занимаюсь починкой. Понимаете...

— Что случилось? Расскажи толком.

— Толком я сам не знаю. Понимаете, я решил, что нет никакого смысла вызывать другой неболет, который, возможно, снова сломается и сядет где-нибудь на середине пути. Кроме того, мне было жаль бросить

собственную машину в пустынном месте, захватив с собой только приемник де Калба. Мне показали одного парня, у которого был двенадцатитонный гусеничный трактор с прицепом, и мы...

— Ради всего святого, говори покороче. Что случилось?

— А я что делаю? Мы двинулись в Пенсильванию и уже довольно далеко отъехали от места, когда тягач сломался. Полетело ведущее колесо на правой гусенице. Ей-богу, Джим, дороги там просто ужасные.

— Неудивительно. Зачем тратить деньги на улучшение дорог, если девяносто процентов транспорта летает по воздуху. Ты сломал колесо. Что было дальше?

— Тем не менее дороги там отвратительные, — упрямо гнул свое Мак-Леод. — Я вырос в тех местах и знаю, что когда-то там были шоссе шириной в шесть рядов, гладкие, как попка младенца. Жаль, что их не содержат в хорошем состоянии. В один прекрасный день они могут нам понадобиться. — Поймав взгляд своего шефа, он заторопился: — Шофер связался со своим гаражом, и там пообещали послать ремонтную машину из ближайшего города. Короче говоря, на это ушло часа три-четыре, может быть, больше. А до тех пор мы торчали как раз в тех краях, где я вырос. «Мак-Леод, — сказал я тогда себе, — у тебя появился отличный шанс вспомнить детство и снова оказаться в комнате, освещенной первыми лучами солнца». Образно выражаясь, конечно, потому что в нашем доме не было окон.

— Не удивлюсь, если тебя воспитывали в бочке.

— Терпение, терпение, — невозмутимо проговорил Мак-Леод. — Я рассказываю так подробно для того, чтобы ты лучше понял, что случилось. Но боюсь, тебе это не понравится.

— Мне уже не нравится.

— А будет еще хуже. Я вылез из кабины и осмотрелся. Мы находились примерно в пяти милях от моего родного города — слишком далеко, чтобы отправиться туда пешком. Но мне показалась знакомой маленькая рощица на вершине небольшого холма в четверти мили от дороги. Я подошел поближе и обнаружил, что не

ошибся: сразу за холмом стояла хижина, где когда-то жил Грампс Шнайдер.

— Грампс Снайдер?

— Не Снайдер, а Шнайдер. Старик, к которому мы часто ходили в детстве. Ему уже тогда было за девяносто. Я не сомневался, что он давно умер, но все же решил зайти посмотреть. Ничего подобного — жив как ни в чем не бывало. «Привет, Грампс», — сказал я. «Заходи, Хью Дональд», — ответил он, — только ноги вытри». Я вошел в хижину. Старик суетился возле кастрюли на плите, в которой что-то кипело. «Средство от утренней ломоты», — объяснил он. Грампса нельзя назвать знахарем...

— В каком смысле?

— Я имею в виду, что ему не заработать этим делом. Он держит цыплят, ухаживает за своим маленьким садом, иногда люди приносят ему кто пирог, кто еще что-нибудь. Но по части трав ему нет равных.

Он бросил хлопотать около плиты и отрезал мне кусок пирога. Я сказал: «Данке». «Ты стал взрослым, Хью Дональд», — проговорил он и спросил, как я учился в школе. Я ответил, что неплохо. Он снова взглянул на меня и заметил: «С тобой что-то стряслось». Это был не вопрос, а утверждение. Я ел пирог и сам не заметил, как стал говорить о своих трудностях.

Это оказалось нелегко. Грампс в своей жизни никогда нигде не был, а современную ядерную физику трудно объяснить простыми словами. Когда я совсем запутался, старик вдруг встал, надел шляпу и сказал: «Давай-ка пойдем посмотрим на твою машину».

Мы вышли на шоссе. Ремонтная бригада уже приехала, но трактор по-прежнему был сломан. Я помог Грампсу взобраться на платформу, впустил его в самолет, показал приемники де Калба и попытался объяснить их назначение — или, скорее, наше представление об этом. Надо же было как-то убить время.

Старик указал на пучок антенн и спросил: «Вот эти пальцы тянутся за энергией?» Объяснение не хуже других, так что я не стал возражать. «Понятно», — кивнул он, вынул из кармана кусок мела и начертил на каждой антенне по линии. Я пошел посмотреть, как идет ремонт. Через некоторое время ко мне подходит

Грампс и говорит: «Хью Дональд, эти пальцы теперь могут работать».

Мне не хотелось обижать чудака — я сделал вид, что поверил, и рассыпался в благодарностях. Трактор наконец починили, мы попрощались, и старик вернулся в свою хижину. Я решил на всякий случай заглянуть в машину. Не думаю, чтобы он мог что-то испортить, но мне хотелось удостовериться. Первым делом проверил приемники. Они работали.

— Что? — не выдержал Стивенс. — Не хочешь ли ты сказать, что старый колдун починил приемники?

— Не колдун, а знахарь. Но ты прав, починил.

Стивенс покачал головой.

— Простое совпадение. Иногда они начинают работать так же внезапно, как и ломаются.

— Здесь совсем другой случай. Но я только готовил тебя к самому главному. Теперь ты сам должен пойти и посмотреть.

— Что? Куда?

— Во внутренний ангар.

Пока они шли к тому месту, где Мак-Леод оставил свое «помело», рассказ продолжался:

— Я выписал чек водителю трактора и полетел домой. Здесь я не стал никому ничего говорить. Кусал ногти и ждал тебя.

Самолет выглядел обычно. Стивенс осмотрел приемники и заметил следы мела на металлических частях. Больше никаких изменений не было.

— Сейчас я их включу, — предупредил Мак-Леод.

Стивенс услышал слабый гул, свидетельствовавший о том, что система работает.

Антенны приемника де Калба, жесткие стержни толщиной с карандаш, начали подрагивать, сгибаться, извиваться, словно дождевые черви. Они, будто пальцы, тянулись к источнику энергии.

Стивенс сидел на корточках и заворуженно следил за этим возмутительным шевелением. Мак-Леод оставил пульт управления и подошел к нему.

— Ну как, шеф? Что скажете?

— Есть сигарета?

— А что у вас торчит из кармана?

— Ах да, конечно.

Стивенс вынул сигарету, зажег ее и нервно затянулся.

— Скажи же что-нибудь, — попросил Мак-Леод. — Почему они так шевелятся?

— Думаю, теперь нам нужно сделать три вещи, — медленно проговорил Стивенс.

— Какие?

— Во-первых, уволить доктора Рамбо и взять на его место Грампса Шнайдера.

— Хорошая мысль.

— Во-вторых, сидеть здесь тихонько и ждать, пока ребята со смирительными рубашками не отвезут нас домой.

— А в-третьих?

— А в-третьих, — взбеленился Стивенс, — взять эту кучу мусора и утопить в самом глубоком месте Атлантического океана. А потом сделать вид, что ничего этого не было.

Из-за двери показалась голова механика.

— Доктор Стивенс.

— Вон отсюда!

Голова мгновенно исчезла. Снаружи послышался жалобный голос:

— Мистер Стивенс, вам звонили из главного офиса.

Стивенс встал, подошел к пульту управления, выключил питание и лично удостоверился, что антенны перестали шевелиться. Все застыло на месте. Стержни антенн казались такими жесткими и прямыми, что он чуть было не засомневался в реальности увиденного.

Оба инженера выбрались наружу.

— Извини, что накричал на тебя, Уити, — виновато сказал Стивенс. — Что там у тебя?

— Мистер Глисон просил вас как можно скорее прийти к нему в офис.

— Иду сию же минуту. А для тебя, Уити, есть работа.

— Что за работа?

— Видишь эту колымагу? Опечатай ее двери и не позволяй никому в ней копаться. Затем прикажи оттащить ее в главную лабораторию. Запомни: оттащить. Не вздумай ее завести.

— О'кей.

Стивенс направился прочь, но Мак-Леод его остановил:

— А в чем я поеду домой?

— Ах да, это же твоя личная машина. Знаешь, Мак, она очень нужна компании. Выпиши чек, я подпишу.

— Ну не знаю, нужно ли мне ее продавать. Возможно, в скором времени это будет единственный исправный аппарат.

— Не глупи. Если все другие выйдут из строя, ты все равно не сможешь ездить на нем: энергию отключат.

— Похоже, что так, — согласился Мак-Леод. — Однако, — лицо его неожиданно просветлело, — машина, которая обладает такими талантами, должна стоить значительно больше. Ее ведь нельзя так просто пойти и купить.

— Мак, — ответил Стивенс, — у тебя, оказывается, алчное сердце и заgreбушие руки. Сколько ты хочешь?

— Скажем, вдвое больше, чем по прейскуранту. Для вас это не деньги.

— Насколько я знаю, ты купил свою колымагу со скидкой. Ну ничего. Думаю, фирма в состоянии понести такой расход. А если и обанкротится, то по другой причине.

Когда Стивенс вошел, Глисон оторвал взгляд от стола:

— Наконец-то, Джимми. Что ты сделал с нашим другом Уолдо Великим? Хорошая работа.

— Сколько он запросил?

— Свой обычный гонорар. Конечно, его обычный гонорар несколько смахивает на грабеж со взломом, но, думаю, расходы окупятся. Кроме того, в договоре сказано, что указанная сумма выплачивается только в случае успеха. Похвальная уверенность в себе. Говорят, он всегда заключает контракты на таких условиях и еще ни разу не потерял гонорара. Скажи, ты действительно разговаривал с ним лично?

— Да, я расскажу об этом, но позже. Появилось новое обстоятельство, от которого у меня голова идет кругом. Дело не терпит отлагательств.

— Что такое? Говори.

Стивенс открыл было рот, но вдруг понял, что в это можно поверить только после того, как увидишь собственными глазами.

— Вы не могли бы пойти со мной в главную лабораторию? Мне нужно вам кое-что показать.

— Конечно.

Шевелящиеся металлические стержни не произвели на Глисона такого ошеломляющего впечатления, как на Стивенса. Он был удивлен, но не более того. Видимо, отсутствие основательного технического образования помешало ему во всей полноте ощутить эмоциональное потрясение при мысли о тех последствиях, которые непременно должны вытекать из этого феномена.

— Довольно необычно, да? — только и сказал он.

— Необычно! Слушайте, шеф, если бы солнце встало на западе, что бы вы подумали?

— Я бы подумал, что нужно позвонить в обсерваторию и спросить, в чем дело.

— В таком случае я могу только сказать, что мне бы гораздо больше хотелось, чтобы солнце взошло на западе, чем видеть такое.

— Согласен, что это несколько путает нам карты. Мне никогда не приходилось видеть ничего подобного. А что говорит доктор Рамбо?

— Он еще не видел.

— Нужно за ним послать. Наверно, он еще не ушел домой.

— А почему не показать сразу Уолдо?

— Обязательно покажем. Но доктор Рамбо имеет право получить известие в первую очередь. В конце концов, этот вопрос находится в его компетенции. Бедняга и так чувствует себя не в своей тарелке. Я бы не хотел действовать через его голову.

Стивенс совершенно неожиданно принял решение.

— Одну минуту, шеф. Вы совершенно правы. Однако, если не возражаете, я бы хотел, чтобы вы сами рассказали Рамбо о случившемся.

— Почему, Джимми? Ты бы мог все ему объяснить.

— Мне нечего сказать кроме того, что я уже сказал вам. В ближайшие несколько часов я буду занят — очень занят.

Глисон смерил его взглядом, пожал плечами и мягко сказал:

— Ну что ж, Джимми. Раз ты так хочешь...

Уолдо не мог продохнуть от дел и поэтому чувствовал себя счастливым. Он бы никогда не признался даже самому себе, что в его добровольной изоляции от мира было несколько недостатков и что главный из них — скука. Жизнь предоставляла ему мало возможностей узнать, каким удовольствием может стать времяпрепровождение в обществе себе подобных. Этот отшельник искренне считал, что дружеское общение с безволосой обезьяной совершенно бесполезное занятие. Тем не менее радости одинокой интеллектуальной жизни со временем приедаются.

Он не переставал убеждать дядю Гаса переселиться в «Вольную обитель» на постоянное жительство, но мотивировал это желание необходимостью заботиться о старом человеке. Конечно, Уолдо нравилось беседовать с Граймсом, спорить с ним, однако ему и в голову не приходило, как много для него значат эти споры. Главное в их отношениях состояло в том, что Граймс был единственным, кто обращался с ним как с равным представителем рода человеческого. Уолдо наслаждался присутствием старика, не отдавая себе отчета в том, что удовольствие, которое он получает в его компании, есть самое простое и в то же время самое ценное из всех мирских удовольствий.

Но в настоящий момент он испытывал счастье, и единственным доступным ему способом достичь этого счастья была работа.

Перед ним стояли две проблемы — Стивенса и Граймса. Требовалось найти решение, которое удовлетворило бы обоих. В решении любой задачи существует три стадии: первое — удостовериться, что проблема действительно имеет место, или, другими словами, что фактическое состояние ситуации соответствует ее сло-

весному описанию; второе — предпринять те действия, которые с необходимостью вытекают из предварительных данных; и третье — после того как данные исчерпают себя, изобрести решение.

Именно «изобрести», а не найти. Такие слова, как «найти», «исследовать», в ходу у доктора Рамбо.

Для Рамбо Вселенная представляет собой идеально организованный космос, которым управляют незыблемые законы. Для Уолдо Вселенная — враг, которого необходимо подчинить своей воле. Вполне возможно, что и тот и другой имеют в виду один и тот же объект, но подходят к нему с разных сторон.

Предстояло много работы. Уолдо получил от Стивенса огромное количество информации, во-первых, теоретического характера — о радиационной энергосистеме и приемниках де Калба, которые являлись ее краеугольным камнем, а во-вторых, о различных случаях перебоев в работе системы, когда в них были повинны приемники. Ранее ему не приходилось сталкиваться с вопросами радиационной энергетики. Оказалось, что они заключают в себе некоторый интерес, хоть и довольно просты. Сами собой стали возникать усовершенствования. Например, стоячая волна, главный элемент коаксиального луча: производительность энергоприема могла бы заметно возрасти, если посылать через нее обратный сигнал, который автоматически корректировал бы направление луча. В этом случае эффективность передачи энергии движущимся объектам практически приближается к эффективности передачи стационарным объектам.

Пока эта идея может подождать. Позже, когда главная задача получит, наконец, свое решение, надо будет заставить САЭК заплатить за новое предложение крупную сумму. Впрочем, вполне возможно, что гораздо интереснее окажется создание конкурирующего производства. Он решил немедленно поинтересоваться, откуда появились основные патенты этой фирмы.

Несмотря на все несовершенства, приемники де Калба должны были работать без перебоев в любое время и в любых условиях. Уолдо с радостью взялся за поиски причины, по которой этого не происходило.

Первым делом ему хотелось обнаружить некоторые очевидные (только для него очевидные) ошибки конструкции. Однако неисправные приемники отказывались выдавать свой секрет. Он облучал их рентгеновскими лучами, измерял микрометрами и интерферометрами, подвергал всевозможным тестам, как обычным, так и новым, известным лишь Уолдо. Ничего не помогало.

В его мастерской был создан приемник де Калба, моделью которого послужил один из неисправных приемников, а сырьем — переработанный металл другого аналогичного прибора. Измерения производились точнейшими сканерами, все операции, особенно на последних стадиях, — самыми маленькими из вальдо, находившихся в мастерской. В результате на свет появился приемник, который настолько точно повторял свою модель, насколько могли позволить технология и непревзойденное мастерство хозяина.

Работал он идеально.

Однако его брат-близнец по-прежнему не подавал признаков жизни. Уолдо был не обескуражен, а, наоборот, окрылен этим фактом. Ему удалось доказать со всей определенностью, что ошибка заключалась не в конструкции прибора, а в основных теоретических предположениях. Проблема начала приобретать реальные очертания.

Он слышал рассказ Стивенса о скандальном поведении приемников в самолете Мак-Леода, но не придавал этому большого значения. Всему свое время. Дойдет очередь и до этой проблемы. Пока же есть дела поважнее. Безволосые обезьяны склонны впадать в панику по малейшему поводу. Возможно, не произошло ничего из ряда вон выходящего. Антенны, которые шевелятся, как волосы на голове Медузы Горгоны?! — придумают же такое!

Не менее половины времени уходило на задачу, поставленную Граймсом.

Выяснилось, что биологические науки (если, конечно, их можно назвать науками) обладали своеобразным очарованием. Раньше он старался их избегать. Ошибка высокооплачиваемых «экспертов», которые во всем полагались ему в детстве, привела к тому, что у него развилось презрительное отношение к такого рода дис-

циплинам. Женские припарки, прикрытые наукообразной терминологией. Оставался Граймс, который вызывал у него симпатию и даже уважение — но Граймс представлял собой особый случай.

Данные, которые предоставил Граймс, убедили Уолдо, что старик строит не на пустом месте. Дело оказалось серьезным. Графики не давали полной картины, но тем не менее не вызывали сомнений в своей достоверности. Кривая третьей стадии, экстраполированная, по видимому, не без оснований, показывала, что через двадцать лет на Земле не останется ни одного человека, который будет обладать достаточной силой, чтобы работать в тяжелых отраслях промышленности. Все, что останется тогда человечеству, это нажимать на кнопки.

Уолдо даже не потрудился вспомнить, что сам способен только на то, чтобы нажимать на кнопки. Он относился к немощи безволосых обезьян, как фермер в старину относился к слабости тяглового скота. Фермеру же не придет в голову самому впрячься в плуг — на это есть лошадь.

Коллеги Граймса, похоже, были совсем никудышными медиками.

Тем не менее он вызвал к себе лучших физиологов, невропатологов, нейрохирургов и анатомов, каких только смог найти, заказав их, как заказывают товары по каталогу.

Его сильно расстроило известие о том, что ему ни при каких условиях не удастся произвести вивисекцию человека. К тому времени у него возникло убеждение, что ультракоротковолновое излучение в первую очередь влияет на нервную систему, и, следовательно проблему необходимо рассматривать с точки зрения теории электромагнетизма. Уолдо захотелось выполнить одну тонкую виртуозную операцию по подключению человеческого организма к специальному аппарату, который покажет, каким образом нервный импульс зависит от величины электрического потока. Он чувствовал, что, если разъединить нервную систему на отдельные участки, заменить часть из них электрическими цепями и затем рассматривать данную схему в целом, полученные результаты могли бы многое разъ-

яснить в этом вопросе. Конечно, после такой процедуры от человека мало что останется.

Однако власти повели себя по-старомодному щепетильно, и ему пришлось довольствоваться опытами с трупами и животными.

Тем не менее дело сдвинулось с мертвой точки. Определился тот эффект, который ультракоротковолновое излучение оказывает на нервную систему, — двойной эффект: во-первых, излучение сказывается в «призрачной» пульсации нейронов, которой недостаточно, чтобы вызвать сокращение мускулов, но которая способна держать тело в состоянии постоянного нервного напряжения, не находящего себе выхода; а во-вторых, субъект, который подвергся подобному влиянию в течение продолжительного времени, проявляет определенное, хоть и незначительное, но поддающееся измерению ослабление рефлекторной реакции. Если бы речь шла об электрической цепи, второй эффект можно было бы назвать понижением разрешающей способности.

Суммарное действие этих двух эффектов на индивиду приводит к общей вялости организма, вроде той, какая наблюдается на ранних стадиях легочного туберкулеза. Жертва не чувствует себя больной, но теряет бодрость. Человек вполне способен на энергичную физическую деятельность, но питает к ней отвращение: слишком много та отнимает сил, требует слишком большого напряжения воли.

Однако ортодоксальный невропатолог был бы вынужден признать пациента в таком состоянии совершенно здоровым. Разве что констатировал бы легкое переутомление. Возможно, результат малоподвижного образа жизни. Побольше солнца, свежего воздуха, физических упражнений — и все придет в норму.

Док Граймс оказался единственным, кто догадался, что повсеместно наблюдаемое, повальное стремление к сидячему образу жизни есть следствие, а не причина всеобщего недостатка жизненной силы. Изменение происходило медленно, вместе с ростом радиации в атмосфере. Если люди и замечали его, то как признак старения: «что-то я стал тяжеловат, то ли дело раньше...» И каждый любил свое тихое существование: жизнь без усилий казалась удобней.

Граймс впервые забеспокоился, когда заметил, что все его юные пациенты оказались «книжными мальчиками». Очень хорошо, когда парень любит читать книги, однако иногда ему просто необходимо выскочить на улицу и пройтись на голове. Куда девались футбольные матчи, поднимавшие клубы пыли, где бейсбол, где обыкновенная мальчишеская возня, без которой раньше не обходилось ни одно детство?

Черт возьми, не может же парень проводить все свое время, уткнувшись в коллекцию марок.

Уолдо, кажется, смог приблизиться к решению.

Нервная система во многом схожа с антенной. Подобно антенне, она в состоянии улавливать и улавливает электромагнитные волны. Результат приема волн сказывается не только в индуцировании электрического тока, но и в пульсации нейронов — возникновении импульсов, которые по своей природе, к сожалению, схожи с электрическим током, но в то же время качественно отличаются от него. Электродвижущая сила способна заменить собой нервный импульс для активизации мускульной ткани, однако э.д.с. не является нервным импульсом. В первую очередь их различие заключается в том, что они движутся с разными скоростями. Скорость электрического потока приближается к скорости света, тогда как нервный импульс проходит всего несколько футов в секунду. Интуиция подсказывала Уолдо, что ключ к разгадке лежит именно в разнице скоростей.

Совершенно неожиданно заявила о себе история с самолетом Мак-Леода. Позвонил доктор Рамбо. Уолдо не смог уклониться от разговора, поскольку вызывали из лаборатории САЗК.

— Кто вы такой и что вам угодно? — обратился он к изображению на экране.

Рамбо боязливо осмотрелся.

— Тише, — прошептал он. — Они могут услышать.

— Кто они и кто вы такой?

— Те, кто все это подстроил. Запирайте на ночь двери. Меня зовут доктор Рамбо.

— Доктор Рамбо? Ах, да. Итак, доктор Рамбо, в чем причина вашего вторжения?

Доктор наклонился вперед, словно собирался выпасть из стереозкрана.

— Я знаю, как это сделать, — напряженно вымолвил он.

— Что сделать?

— Заставить де Калбы работать. Милые, милые де Калбы.

Рамбо неожиданно вытянул руки в сторону Уолдо и стал истоиво сгибать и разгибать пальцы.

— Вот так они делают: вжик, вжик, вжик.

Уолдо почувствовал естественное желание прервать связь, однако желание посмотреть, что будет дальше, взяло верх.

— Вы знаете почему? Знаете? — продолжал Рамбо. — Спросите у меня почему?

— Почему?

Рамбо показал ему нос и проказливо улыбнулся.

— А, вы хотите узнать! Вы бы много дали, чтобы узнать. Так и быть, я вам скажу.

— Скажите.

Лицо доктора неожиданно приняло испуганное выражение.

— А вдруг они подслушивают? Вдруг мне нельзя говорить? Но я скажу. Слушайте внимательно: «На свете нет ничего определенного».

— И это все? — спросил Уолдо, окончательно развеселившись от ужимок этого человека.

— А вам мало? Курицы каркают, петухи несут яйца. Мы с вами поменялись местами. Ничего определенного. Ничего — слышите? — НИЧЕГО определенного. Наш маленький шарик все кружится и кружится. И никто не знает, где он остановится. Один я знаю, как это сделать.

— Что сделать?

— Как остановить наш маленький шарик там, где захочу. Смотрите. — Он вынул перочинный нож. — Если порезаться, потечет кровь, правда? Или нет? — Нож резанул по указательному пальцу его левой руки. — Видите? — Рамбо поднес палец к объективу

телекамеры. Порез, хоть и весьма глубокий, был едва заметен и совсем не кровоточил.

«Отлично, — подумал Уолдо. — Блокировка сосудов при истерии. Идеальный клинический случай».

— Такое любой сделает, — сказал он вслух. — Покажите мне настоящий порез.

— Любой? Конечно сделает, если знать — как. А что вы на это скажете?

На этот раз нож вошел в ладонь левой руки и вышел с другой стороны. Рамбо повернул лезвие в ране, вынул его и продемонстрировал ладонь. Крови не было. Порез быстро затягивался.

— Понимаете, что произошло? Нож находится здесь лишь с некоторой вероятностью, а я открыл неопределенность.

Несмотря на любопытство, Уолдо начал скучать.

— Вы закончили?

— Этого нельзя закончить, — проговорил Рамбо, — ибо на свете больше нет ничего определенного. Смотрите.

Он положил нож на ладонь и перевернул руку. Нож не упал, а остался висеть, будто приклеенный.

Уолдо неожиданно посерьезнел. Возможно, здесь какой-то фокус. Скорее всего, все дело в фокусе. Однако висящий нож произвел на него гораздо большее впечатление, чем порез, из которого не текла кровь. Первый случай, с порезом, можно отнести за счет психоза, второй не должен был произойти ни при каких обстоятельствах. Он включил параллельный видеофон и резко приказал:

— Соедините меня с главным инженером Стивенсом из Северо-Американской энергетической компании. Срочно.

Рамбо, не обращая на происходящее никакого внимания, продолжал говорить о ноже.

— Бедняга забыл, как падать, — мурлыкал он, — ибо больше нет ничего определенного. Может, упадет, может — нет. Думаю, все же упадет. Смотрите-ка, упал. Хотите, пройду по потолку?

— Вы вызывали меня, мистер Джонс?

Уолдо сделал так, что Рамбо перестал его слышать.

— Да. Мне нужен этот шут Рамбо. Найдите его и приведите ко мне.

— Но, мистер Джонс...

— Шевелитесь. — Он отключил связь со Стивенсом и вернулся к Рамбо.

— ...Неопределенность. Наш король — Хаос. Магия вырвалась на свободу. — Рамбо рассеянно взглянул на Уолдо, улыбнулся и добавил: — До свидания, мистер Джонс. Спасибо, что позвонили.

Экран погас.

Уолдо нетерпеливо ждал. «Все это мистификация, — убеждал он себя. — Рамбо меня крупно разыграл». Уолдо не любил розыгрышей. Он еще раз заказал разговор со Стивенсом.

Стивенс появился на экране с растрепанными волосами и покрасневшим лицом.

— Ну и намучились же мы, — пожаловался он.

— Вы нашли его?

— Рамбо? Да, в конце концов нашли.

— Так приведите его ко мне.

— В «Вольную обитель»? Это невозможно. Вы плохо представляете себе положение. У него крыша поехала. Совсем спятил. Его отвезли в больницу.

— Вы слишком много себе позволяете, — холодно сказал Уолдо. — Когда мы говорили с вами в первый раз, я уже знал, что он сошел с ума. Уладьте это дело. Отыщите сиделок. Напишите расписку. Дайте взятку кому надо. Привезите его ко мне немедленно, это просто необходимо.

— Вы действительно этого хотите?

— У меня нет привычки шутить.

— Это как-то связано с вашим исследованием? Поверьте, он сейчас не в том состоянии, чтобы быть полезным.

— Разрешите мне решать, в каком он состоянии, — отрезал Уолдо.

— Хорошо, — сказал Стивенс с сомнением, — я попытаюсь.

— Смотрите, чтоб на сей раз без осечки.

...Стивенс позвонил через тридцать минут.

— Я не могу привезти к вам Рамбо.

— Неповоротливый сопляк.

Стивенс покраснел, но сдержался.

— Напрасно ругаетесь. Он исчез. В больницу его не привозили.

— Что?

— Совершенно невероятная история. Он ехал в сми-
рительных носилках, зашнурованный с головы до ног. Я
сам видел, как его вязали. Но когда прибыли на место,
оказалось, что он исчез. И санитары утверждают, что
даже ремни не были отстегнуты.

Уолдо медленно произнес: «Абсурд», но подумал
совершенно о другом.

Стивенс продолжал:

— Однако есть еще кое-что. Я бы сам очень хотел с
ним поговорить. Я заглянул в его лабораторию. Вы
помните тот комплект приемников де Калба, который
сошел с ума? С ними еще какой-то колдун поработал.

— Да, мне рассказывали.

— У Рамбо оказался второй комплект, который ве-
дет себя так же.

Уолдо молчал несколько секунд, а затем спокойно
произнес:

— Мистер Стивенс...

— Да.

— Я хочу поблагодарить вас за все, что вы сделали.
Не могли бы вы немедленно прислать в «Вольную
обитель» оба комплекта? Я имею в виду эти странные
приемники.

После того как на его глазах антенны необъясни-
мым образом пришли в движение, после того как в ход
были пущены все мыслимые и немыслимые тесты, Уол-
до пришлось признать, что он имеет дело с новыми
явлениями — явлениями, которые подчиняются новым,
неизвестным законам. Если такие законы вообще суще-
ствовали...

Потому что он хотел быть честным перед самим
собой. Если глаза его не обманывали, новые явления
опрокидывали законы, которые казались ему незыбле-
мыми, которые до сих пор не допускали никаких ис-
ключений. Стало очевидно, что исходные перебои в

работе передатчиков так же неумолимо подрывают детерминированность мира, как и удивительное поведение приемников, вновь пришедших в рабочее состояние. Вся разница заключалась в том, что один странный феномен поддавался наблюдению, а другой — нет.

По всей видимости, доктор Рамбо пришел точно к такому же выводу. Уолдо вспомнил, что доктор почувствовал сильное беспокойство сразу после появления первых неисправностей.

Уолдо сожалел об исчезновении Рамбо. Сумасшедший Рамбо произвел на него гораздо большее впечатление, чем Рамбо, находящийся в своем уме. Похоже, этот человек не без способностей, раз сумел выяснить нечто такое, чего ему, Уолдо, до сих пор выяснить не удалось, пусть даже новое знание и свело беднягу с ума.

Он совершенно не боялся, что повторение опыта доктора, каким бы оно ни оказалось, может поколебать его собственный рассудок. Для такой самоуверенности имелось твердое основание: легкая склонность к паранойе надежно защищает человека от враждебных нападков внешнего мира. Подобное отклонение явилось для Уолдо не болезнью, а необходимым средством, без которого иная ситуация могла стать совершенно невыносимой, здесь было не больше патологии, чем в мозоли или благоприобретенном иммунитете.

Но даже если оставить в стороне эту особенность, Уолдо и тогда бы принял любое потрясение с большим хладнокровием, чем 99 процентов людей — его современников. Сам факт его рождения стал катастрофой. Однако он не позволил обстоятельствам взять верх. Достаточно было взглянуть на построенный для него дом, чтобы понять, с каким спокойным бесстрашием этот человек защищает себя от чуждого ему мира.

На какое-то время все мыслимые подходы к исследованию странного поведения металлических стержней исчерпали себя. Рамбо, который мог бы помочь, исчез. Оставался еще один человек, знавший об этом больше Уолдо. Необходимо было его найти. Уолдо позвонил Стивенсу.

— Есть какие-нибудь известия о докторе Рамбо?

— Никаких известий и никаких зацепок. У меня появилось подозрение, что несчастный умер.

— Вполне возможно. Этот знахарь, приятель вашего ассистента — Шнайдер, кажется, его зовут?

— Грампс Шнайдер.

— Да, точно. Не могли бы вы устроить мне с ним разговор?

— По телефону или лично?

— Конечно, я бы предпочел встретиться с ним здесь. Однако, думаю, старик слишком слаб, чтобы проделать такой путь. Вряд ли от него будет какая-либо польза, если он вдруг заболеет космической болезнью.

— Что ж, попробую что-нибудь сделать.

— Очень хорошо. Постарайтесь все сделать как можно быстрее. Кстати, доктор Стивенс...

— Да.

— Если окажется, что разговор состоится по телефону, проследите, чтоб в его доме установили переносную радиоаппаратуру. Я хочу, чтобы обстановка беседы была как можно более благоприятной.

— О'кей.

— Подумать только, — добавил Стивенс, повернувшись к Мак-Леоду, когда экран погас. — Великое Эго проявило заботу о своем ближнем.

— Толстяк, должно быть, заболел, — заключил Мак-Леод.

— Похоже на то. Тебя это дело касается не меньше меня, Мак. Поедем-ка в Пенсильванию вместе.

— А что с заводом?

— Скажи Каррутеру, что он теперь «ИО». Если что-нибудь случится, мы все равно не сможем помочь.

Стивенс позвонил вечером того же дня.

— Мистер Джонс.

— Слушаю, доктор.

— К сожалению, ваша просьба не может быть выполнена.

— Шнайдер не сможет приехать в «Вольную обитель»?

— И приехать не сможет, и поговорить с вами также не сможет.

— Я это понимаю так, что он мертв.

— Нет, жив, но категорически отказывается разговаривать по телефону. Говорит, что ему очень жаль вас разочаровывать, но он старается избегать любых соприкосновений с предметами такого рода — камерами, телевизорами, телефонами и тому подобным. Считает их опасными. Боюсь, нам не удастся избавить его от этого суеверия.

— Как поверенный в делах, мистер Стивенс, вы оставляете желать много лучшего.

Стивенс досчитал до десяти и только потом ответил:

— Поверьте, я сделал все возможное, чтобы выполнить ваше поручение. Если вы не удовлетворены качеством моей работы, вам лучше обратиться к мистеру Глисону. — И он повесил трубку.

— А неплохо было бы двинуть ему по зубам, — мечтательно произнес Мак-Леод.

— Ты читаешь мои мысли, Мак.

Через своих агентов Уолдо сделал еще одну попытку встретиться со Шнайдером и получил тот же ответ. Ситуация становилась почти невыносимой. Впервые за многие годы он встретил человека, которого нельзя было купить, запугать или, на худой конец, убедить. Подкуп не удался. Чутье подсказывало ему, что едва ли возможно соблазнить Шнайдера деньгами. Что же касается других средств, то как запугать человека, если с ним нельзя встретиться и поговорить?

Дело зашло в тупик. Выхода не было.

Если, конечно, не прибегать к тем средствам, о которых лучше всего говорит пословица: «Охота пуще неволи». Но нет, об этом нельзя и думать. Лучше все бросить, признать, что заказ ему не по зубам, и разорвать контракт. Прошло уже семнадцать лет с тех пор, как он покинул Землю, и ничто не могло заставить его отдать свое тело во власть этой ужасной силы. Ничто!

Гравитация убьет его, задушит. Нет, никогда!

...Уолдо грациозно плыл по своей мастерской — перекормленный Купидон. Променять, пусть даже на короткое время, свободу на мучительные цепи силы тяжести? Смехотворно! Это ничем не окупится.

Проще заставить акрофоба залезть на небоскреб или назначить клаустрофобу встречу на дне самой глубокой в мире шахты.

— Дядя Гас?

— Привет, Уолдо. Хорошо, что позвонил.

— Скажи, для меня очень опасно спуститься на Землю?

— Как на Землю? Расскажи толком, чтобы я понял.

— Я хочу знать, повредит ли мне путешествие на Землю.

— Жуткий вопрос, — пробормотал Граймс. — Можно подумать, что ты собрался спуститься.

— Совершенно верно.

— Что случилось, Уолдо? С тобой все в порядке?

— Я совершенно здоров. Просто мне необходимо увидеть одного человека на Земле. Это единственный способ поговорить с ним, а разговор очень важен. Эта поездка может нанести мне вред?

— Думаю, нет, если ты будешь осторожен. В конце концов, ты там родился. Впрочем, соблюдай осторожность. Твое сердце слишком отвыкло от нагрузок.

— Господи Боже мой. Так ты считаешь, что есть опасность?

— Никакой опасности нет. Ты вполне здоров. Только тебе не следует переутомляться, и старайся держать себя в руках.

— Обязательно буду стараться. Дядя Гас?

— Что еще?

— Не мог бы ты приехать и помочь мне собраться в дорогу?

— В этом нет никакой необходимости.

— Ну пожалуйста, дядя Гас. Я не могу больше никому доверять.

— Пора бы тебе повзрослеть, Уолдо. Ну хорошо, я приеду, но только в последний раз.

— Теперь запомните, — наставлял Уолдо пилота. — Абсолютное ускорение не должно превышать одной и

одной десятой ускорения свободного падения, даже при посадке. Я все время буду следить за акселерометром.

— Я двенадцать лет водил машину «скорой помощи», — оскорбился пилот, — и пациенты ни разу не жаловались.

— Это не ответ. Вы поняли? Одна и одна десятая. А пока мы не достигнем стратосферы — и того меньше. Успокойся, Бальдр! Перестань все обнюхивать.

— Понял.

— Так-то лучше. От этого зависит ваш гонорар.

— Может быть, вы сами поведете?

— Мне не нравится ваше отношение, дражайший. Если я умру по дороге, вы никогда больше не получите работы.

Пилот что-то пробормотал.

— Что вы сказали? — резко спросил Уолдо.

— Я сказал, что не стал бы расстраиваться.

Уолдо покрылся красными пятнами, собираясь взорваться, но вмешался Граймс.

— Полегче, Уолдо. Не забывай про сердце.

— Хорошо, дядя Гас.

Граймс проплыл немного вперед, знаком приказав пилоту догонять его.

— Не обращай внимания на его слова, — тихо попросил он, — за исключением просьбы об ускорении. Он и вправду плохо переносит перегрузки и действительно может умереть в пути.

— Небольшая потеря. Но я все же буду осторожен.

— Очень хорошо.

— Я готов занять свое место, — сказал Уолдо. — Ты pomoжешь мне пристегнуться, дядя Гас?

Спускowej корабль сильно отличался от стандартной модификации, поскольку был приспособлен специально для такого полета. Пассажирский отсек своей формой отдаленно напоминал гигантский гроб, который мог вращаться на шарнирах, с тем чтобы сохранять положение в абсолютной системе координат. Воспользовавшись небольшим удельным весом своего тела, Уолдо погрузил себя в воду, от которой его отделял лишь слой

обыкновенного водонепроницаемого брезента. Голова и плечи опирались на мягкую спинку, повторявшую контуром их форму. Здесь же располагался реанимационный аппарат. Его ложе скрывалось под водой, а верхняя крышка закреплялась над водой. В любой момент она была готова захлопнуться над Уолдо.

Граймс стоял рядом с неоадреналином. Сиденье для него находилось с левой стороны пассажирского отсека. Бальдр был пристегнут к полке с правой стороны и служил противовесом для Граймса.

Граймс удостоверился, что все готово, и крикнул пилоту:

— Можешь стартовать.

— О'кей.

Входная труба отделилась от стыковочной плоскости «Вольной обители», освобождая корабль. Они стали медленно набирать скорость.

Уолдо закрыл глаза. Выражение ангельского страдания пробежало по его лицу.

— Дядя Гас, а что если де Калбы откажут?

— Ничего страшного. Аварийные аккумуляторы вмещают в шесть раз больше энергии, чем обыкновенные.

— Ты уверен?

Почувствовав тяжесть, Бальдр начал скулить. Граймс поговорил с ним, и тот успокоился. Однако через некоторое время, которое показалось Уолдо целой вечностью, когда корабль уже довольно глубоко погрузился в гравитационное поле Земли, абсолютное ускорение само собой возросло, несмотря на то что скорость оставалась практически неизменной. Пес почувствовал, как изнурительная тяжесть растекается по его телу. Не понимая, что происходит, испытывая крайне неприятные ощущения, он испугался и завыл.

Уолдо открыл глаза.

— Боже милостивый, — простонал он. — Нельзя ли ему помочь? Он, кажется, умирает.

— Посмотрим.

Граймс отстегнул ремень безопасности и перешел на противоположную сторону.

Перемещение центра тяжести нарушило установившееся равновесие. Уолдо перекатился и стукнулся о борт отсека.

— Осторожней, — захныкал он.

— Ничего страшного.

Граймс погладил пса по голове и поговорил с ним. Когда Бальдр успокоился, он оттянул его шкуру между лопатками, примерился и впрыснул успокоительное. Затем протер место укола.

— Вот так, старина. Теперь будете лучше.

Когда Граймс уселся на место, Уолдо снова покатился, но на сей раз он держался со стоическим терпением.

После входа в атмосферу корабль «скорой помощи» сделал лишь один резкий маневр. Уолдо и пес взвыли.

— Частник, — объяснил пилот. — Как будто не заметил моих сигнальных огней. — И добавил что-то насчет женщин за рулем.

— Он не виноват, — подтвердил Граймс. — Я видел.

Пилот с предельной аккуратностью посадил машину на ровной площадке между шоссе и домом Шнайдера. Их прибытия ожидала группа людей. Под руководством Граймса они отсоединили пассажирский отсек и поставили его на землю. Несмотря на то что все действия производились с крайней осторожностью, нескольких толчков и резких движений избежать все же не удалось. Уолдо мужественно перенес всю процедуру, не издав ни звука. Лишь слезы катились из-под опущенных век. Оказавшись на земле, он открыл глаза и спросил:

— А где Бальдр?

— Я отвязал его, но он не захотел выходить.

Хриплым голосом Уолдо позвал:

— Ко мне, Бальдр. Поди ко мне, мой мальчик.

Услышав голос хозяина, пес, сидевший внутри корабля, поднял голову и гавкнул. Он по-прежнему испытывал ужасающую слабость, но тем не менее прополз несколько сантиметров на животе, страшась послушаться приказа. Граймс успел вовремя подойти к двери, чтобы увидеть происходящее.

Бальдр приблизился к краю своей полки и предпринял утомительную попытку броситься туда, откуда его звал Уолдо. Бедное животное воспользовалось единственным известным ему способом передвижения, собираясь вылететь через дверь и остановиться возле отсе-

ка, стоявшего на земле. Вместо этого пес пролетел несколько футов по направлению к плиточному полу корабля, отчаянно взвизгнул и неуклюже шлепнулся на вытянутые передние лапы.

Он молча лег на пол там же, где приземлился, и больше не делал попыток сдвинуться с места, а только лихорадочно дрожал.

Граймс подошел к нему, быстро осмотрел и, убедившись, что тот не получил серьезных повреждений, вернулся к двери.

— С Бальдром случилась маленькая неприятность, — известил он Уолдо. — Сильных ушибов нет, но бедняга совсем не умеет ходить. Лучше оставить его в корабле.

Уолдо осторожно покачал головой.

— Я хочу, чтобы он оставался со мной. Принесите носилки.

Носилки нашлись у пилота «скорой помощи». Граймс взял с собой двух человек и пошел за псом. Один из его помощников сказал:

— Не нравится мне такая работа. У этого пса слишком злобный взгляд. Посмотрите ему в глаза.

— Ничего страшного, — успокоил его Граймс. — Просто он обезумел от страха. Давайте я придержу голову.

— Что с ним случилось? То же, что с толстяком?

— Да нет, он совершенно здоров. Все дело в том, что ему никогда не приходилось ходить. Это его первое путешествие на Землю.

— Подумать только.

— У меня уже был один такой случай, — вставил другой помощник. — Пес, который вырос в Лунополисе, первую неделю на Земле не мог сдвинуться с места, только лежал плашмя, скулил да ерзал по полу.

— С этим то же самое, — мрачно сказал первый.

Они опустили Бальдра возле ванны Уолдо. С огромным усилием Уолдо оперся на локоть, протянул руку и положил ее на голову пса. Тот лизнул хозяина и почти перестал дрожать.

— Спокойней, спокойней, — прошептал Уолдо. — Что, совсем плохо? Ну ничего, дружок, потерпи.

Бальдр вильнул хвостом.

Чтобы поднять Уолдо, понадобились четыре человека. Еще двое понесли Бальдра. Грампс Шнайдер встречал их у дверей своего дома. Не произнеся ни слова, он знаком приказал внести Уолдо в дом. Двое с собакой замешкались у порога, не зная, что им делать.

— Его тоже, — разрешил старик.

Когда посторонние удалились — даже Граймс вернулся к кораблю, — Шнайдер снова заговорил:

— Добро пожаловать, мистер Уолдо Джонс.

— Спасибо за гостеприимство, мистер Шнайдер.

Старик безмолвно и с достоинством поклонился, после чего подошел к носилкам, на которых лежал Бальдр. Уолдо почувствовал, что обязан предупредить: пес не подпускает к себе чужаков — но странная скованность — возможно, результат расслабляющего влияния земной гравитации — помешала ему говорить. Затем он увидел, что в этом нет никакой необходимости. Бальдр перестал скулить, поднял голову и лизнул Грампса Шнайдера в лицо. Его хвост при этом радостно задвигался из стороны в сторону. Неожиданно Уолдо ощутил приступ ревности: пес не признавал чужаков, не пользовавшихся особым расположением хозяина. Налицо было нарушение правил — предательство. Однако он сдержал раздражение и хладнокровно записал этот случай на счет своих тактических преимуществ.

Шнайдер повернул собачью голову и ощупал все его тело, разгибая лапы. Ухватив Бальдра за морду, он раздвинул его губы и осмотрел десны, оттянул веки. Затем оставил пса и вернулся к Уолдо.

— Пес вполне здоров, — сказал он, — только немного не в себе. Что случилось?

Уолдо рассказал о необычной судьбе Бальдра. Шнайдер понимающе покивал в ответ (Уолдо не мог сказать, понял ли старик что-нибудь или нет) и обратил свое внимание на хозяина.

— Нехорошо здоровому парню лежать в постели. Эта твоя слабость, давно она у тебя?

— Всю жизнь, дедушка.

— Нехорошо.

Шнайдер ощупал его так же, как Бальдра. Уолдо, у которого чувство личной независимости было обострено гораздо больше, чем у обычного человека, подчинил-

ся осмотру из практических соображений. Он чувствовал, что в первую очередь необходимо войти в доверие к этому старому чудаку. Не годится начинать знакомство с пререканий.

Чтобы отвлечься на время от этой унижительной процедуры и получить дальнейшее представление о жизни знахаря, Уолдо принялся осматривать комнату, в которой они находились. Та представляла собой комбинацию кухни и гостиной, имела форму пенала и была довольно тесно заставлена мебелью. Центром той половины, где располагалась кухня, служил камин, который, однако, был заложен кирпичом, а в качестве тяги использовался дымоход. Камин казался несколько скобоченным, так как в его правой стороне отводилось место под печь. Аналогичное место слева занимал небольшой шкаф, на котором стояла водопроводная раковина. Вода в раковину поступала с помощью маленькой ручной помпы, берущей начало где-то в шкафу.

Уолдо решил, что либо Шнайдер, вопреки здравому смыслу, старше, чем могло показаться, либо он унаследовал дом от человека, который умер много лет назад.

Половина, отведенная под гостиную, была захламлена так, как обычно бывают захламлены крохотные квартиры. Книги занимали несколько шкафов, стопками лежали на полу, валялись на стульях. Один угол занимал старинный деревянный письменный стол, заваленный бумагами. На нем стояла механическая пишущая машинка давно вышедшей из употребления конструкции. Над столом висели нарядные настенные часы, формой напоминавшие домик. Чуть выше циферблата находились две маленькие дверцы. Как раз в тот момент, когда взгляд Уолдо остановился на часах, из левой дверцы выскочила деревянная птичка, окрашенная в ярко-красный цвет, четыре раза просвистела «фью-фью» и мгновенно скрылась. Следом немедленно открылась правая дверца, из нее выкатилась другая, серая, птичка, трижды неторопливо пропела «ку-ку» и вернулась на свое место. Уолдо захотелось иметь такие часы. Конечно, механический маятник перестанет работать в «Вольной обители», но на этот случай можно изобрести специальную центрифугу, которая будет создавать силу, подобную земному притяжению. Для не-

го было бы невозможно подделать движение маятника с помощью источника энергии: он не любил суррогатов.

Слева от часов висел старомодный перекидной календарь. Дата была затерта, но крупные буквы над картинкой легко читались: «Всемирная выставка в Нью-Йорке — сувенир из будущего». Глаза Уолдо расширились от удивления. Он перевел взгляд назад к подушке для булавок, которая лежала на краю стола. Из нее торчал значок — круглая пластмассовая пуговица на булавке, с помощью которой она крепилась к одежде. Подушка лежала недалеко, и Уолдо смог прочесть на значке: «БЕСПЛАТНОЕ СЕРЕБРО. Шестнадцать к одному».

Да, Шнайдер был и вправду стар!

Рядом находилась еще одна комната, в которую вела узкая арка. Уолдо не удалось туда заглянуть: проход закрывал полупрозрачный занавес из нитей с нанизанными на них бусинами.

Пространство вокруг было наполнено запахами, многие из которых казались старыми и затхлыми, но, впрочем, не слишком неприятными.

Шнайдер встал и взглянул на Уолдо.

— Твое тело совершенно здорово. Встань и иди.

— Простите, дедушка, я не могу.

— Ты должен приблизиться к силе и заставить ее служить себе. Попробуйся.

— Мне очень жаль, но я не знаю, как это сделать.

— В этом состоит единственная преграда. Все на свете кажется сомнительным, если нет знания. Ты должен проникнуть в Иной Мир и заявить о своих правах.

— А где он, этот Иной Мир, дедушка?

Шнайдер не сразу ответил.

— Иной Мир, — объяснил он, — это мир, который нельзя увидеть. Он может быть здесь, он может быть там — везде. Но главное, что он здесь. — Он дотронулся до своего лба. — Ум принадлежит Иному Миру и посылает оттуда сигналы телу. Подожди.

Старик проковылял к невысокому буфету, достал оттуда маленький кувшин и натер себе руки каким-то бальзамом или мазью.

Он вернулся к Уолдо и встал возле него на колени. Затем взял его руку и начал осторожно ее массировать.

— Прикажи уму замолчать. Попытайся ощутить силу. Иной Мир совсем близко и полон силы. Ощути ее.

Массаж оказал благотворное влияние на утомленные мускулы Уолдо. То ли под действием бальзама, то ли от прикосновения рук старика, но он ощутил теплое, расслабляющее покалывание. «Будь он помоложе, — подумал Уолдо, — я бы нанял его в массажисты. У него магнетическое прикосновение».

Шнайдер поднялся и сказал:

— Ну вот, так лучше? Теперь отдохни, а я приготовлю кофе.

Уолдо с удовольствием последовал его совету. Он очень устал. Нервное напряжение от полета усугублялось тем, что его тело по-прежнему находилось во власти проклятой вязкой гравитации, словно муха, которая увязла в меду. Помощь Грампса Шнайдера погрузила его в сонное, расслабленное состояние.

На какое-то время он задремал, успев заметить, как Шнайдер опускает в кофейник яичную скорлупу. В следующий момент старик уже стоял перед ним, держа кофейник в одной руке и чашку с дымящимся кофе в другой. Он поставил их на пол, положил под голову больного еще три подушки и снова взял чашку. Уолдо медленно протянул обе руки, чтобы взять ее.

Шнайдер отвел в сторону свою руку.

— Нет, — сурово проговорил он, — одной руки вполне достаточно. Делай, как я учил. Проникни в Иной Мир и возьми силу.

Знахарь поднял правую руку Уолдо и помог ему взять чашку. Затем начал поглаживать немощную конечность от локтя к кончикам пальцев. Снова появилось разогревающее покалывание.

Уолдо с удовольствием обнаружил, что держит чашку без посторонней помощи. Это его приятно обрадовало. За то время, которое он провел на Земле, у него выработалась привычка за все браться только двумя руками. Позже, в «Вольной обители», ему часто приходилось передвигать небольшие предметы одной рукой и без помощи вальдо. Должно быть, годы практики усилили хватательную способность. Замечательно!

Чувствуя себя победителем, он выпил всю чашку без помощи другой руки, изо всех сил стараясь не

пролить ни капли. Кофе был хорошим. Не хуже того, который готовился в «Вольной обители» из концентрата самого высшего качества, а может быть, и лучше.

Когда Шнайдер протянул ему пирожное, коричневое от сахара с корицей, Уолдо невозмутимо взял его левой рукой, не сделав попытки избавиться от чашки. Он откусывал от пирожного, запивал кофе, время от времени ставя локти на края бассейна, чтобы отдохнуть.

По окончании «кофепития» можно было, наконец, приступить к обсуждению вопроса о приемниках. Шнайдер припомнил Мак-Леода и то, что ему пришлось вернуть к жизни его «помело».

— Хью Дональд хороший парень, — сказал он. — Я не люблю машин, но мне нравится чинить игрушки для ребятишек.

— Дедушка, расскажите мне, как вы починили корабль Хью Дональда Мак-Леода, — попросил Уолдо.

— Тебе нужно починить такой же корабль?

— Я взялся починить много таких кораблей, но не знаю, как это сделать. Вот я и пришел к вам, чтобы научиться.

Шнайдер задумался.

— Трудное дело. Я могу тебе показать, но все дело не в том, что ты делаешь, а в том, что ты при этом думаешь. Чтобы это понять, нужна практика.

Уолдо, по-видимому, не смог сдержать удивления, потому что старик взглянул на него и добавил:

— Говорят, что существует два способа смотреть на мир. Это правда и неправда, потому что на самом деле таких способов много. Одни из них могут приносить пользу, а другие — вред. Кто-то из древних сказал, что любая вещь либо существует, либо не существует. Он был не совсем прав, потому что один и тот же предмет может одновременно существовать и не существовать. Человек способен научиться видеть оба состояния. Иногда предмет, который есть в этом мире, отсутствует в Ином Мире. Это важно, потому что мы живем в Ином Мире.

— Мы живем в Ином Мире?

— А как же иначе? Ум — именно ум, а не рассудок, — находится в Ином Мире и проникает в этот

мир через тело. Это один из истинных взглядов на вещи, но есть и другие.

— Значит, существует несколько способов взглянуть на приемники де Калба?

— Конечно.

— Если сейчас принесут неисправный аппарат, вы сможете показать мне, как на него взглянуть?

— В этом нет необходимости, — ответил Шнайдер. — Кроме того, я не люблю, когда в моем доме появляются машины. Я тебе нарисую картинку.

Несмотря на желание настоять на своем, Уолдо сдержал себя. «Ты пришел сюда, — сказал он самому себе, — смиренно просить, чтобы тебя вразумили. Не нужно объяснять учителю, как следует учить».

Шнайдер достал лист бумаги и карандаш и воспроизвел очень аккуратный эскиз пучка антенн и осевого сердечника самолета. Рисунок к тому же был довольно точным, за исключением некоторых несущественных мелочей.

— Пальцы, — объяснил Шнайдер, — глубоко проникают в Иной Мир и берут оттуда силу. Затем сила проходит по этому стержню, — он указал на сердечник, — к тому месту, где ее используют, чтобы привести машину в движение.

«Великолепное аллегорическое объяснение, — подумал Уолдо. — Если рассматривать «Иной Мир» в качестве термина, обозначающего гипотетический эфир, то можно сказать, что он вполне корректен, хоть и недостаточно полон». Однако вслух он ничего не сказал.

— Хью Дональд, — продолжал Шнайдер, — чувствовал усталость и беспокойство. Он открыл одну из дурных истин.

— Вы хотите сказать, — медленно спросил Уолдо, — что корабль Мак-Леода испортился потому, что Мак-Леод боялся этого?

— А как же иначе?

Уолдо не нашел, что ответить. Было дико, что старик находится во власти каких-то странных предрассудков. Тем не менее он по-прежнему способен показать Уолдо, что нужно делать, даже не зная причины этого.

— А что вы сделали, чтобы исправить положение?

— Я ничего не исправлял. Я нашел другую истину.

— Но как? Мы обнаружили следы мела...

— Эти-то? Они лишь помогли мне сосредоточить внимание в нужном направлении. Я нарисовал их вот так, — он провел карандашом по бумаге, — и представил себе, как пальцы тянутся к силе. И они послушались.

— Это все? Больше ничего не было?

— Ничего.

«Или старик не знает, как исправил поломку, — подумал Уолдо, — или он не имеет к этому никакого отношения. Совпадение, удивительное и необъяснимое совпадение».

Он поставил пустую чашку на край бассейна, поддерживая ее пальцами. Уолдо так задумался, что забыл о ней, и она выскользнула из уставшей руки и грохнулась на пол.

Уолдо искренне огорчился.

— Извините, дедушка. Я пришлю вам новую чашку.

— Ничего страшного. Я почию, — Шнайдер аккуратно собрал осколки и положил их на стол. — Ты устал, — добавил он, — и это нехорошо. Так ты потеряешь все, чему научился. Возвращайся домой и, когда отдохнешь, начни самостоятельно упражняться в достижении силы.

Предложение понравилось Уолдо. Усталость брала свое, кроме того, к ней добавлялось осознание, что от этого симпатичного мошенника не удастся добиться ничего определенного. Пообещав, в самых горячих и совершенно неискренних выражениях, упражняться в «достижении силы», он попросил Шнайдера вызвать его носильщиков.

Путешествие обратно обошлось без происшествий. У Уолдо не осталось сил даже на пререкания с пилотом.

Тупик. По-прежнему все аппараты делились на те, которые не работали, хоть и должны были работать, и на те, которые работали, но самым непостижимым образом. И никто не мог вытянуть ничего путного из одного-единственного старика с кашей в голове. Несколько дней Уолдо вяло работал, повторяя по большей

части ранее проведенные исследования. Работал только затем, чтобы не признаваться самому себе, что зашел в тупик, что не знает, какие еще шаги предпринять, что задание оказалось ему не по зубам, о чем смело можно заявить Глиссону.

Два «заколдованных» комплекта де Калбов продолжали работать в любое время дня и ночи, и все так же продолжали странно шевелиться их антенны. Остальные неисправные де Калбы, которые были присланы для исследования, по-прежнему отказывались работать. Что же касается тех приборов, то пока они не вышли из строя и прекрасно справлялись со своими функциями и никому не доставляли хлопот.

В сотый раз он вынул и изучил маленький рисунок Шнайдера. Оставалась единственная возможность: вернуться на Землю и настоять на том, чтобы Шнайдер на конкретном примере показал, как заставить де Калб работать. Надо было сразу попросить об этом, но постоянная борьба с дьявольским полем так измучила Уолдо, что у него совсем не осталось силы воли.

Может быть, послать Стивенса, чтобы он заснял действия старика на видеокассету? Но нет, знахарь испытывает суеверный страх перед такого рода техникой.

Он медленно подошел к одному из де Калбов. Объяснение Шнайдера казалось до нелепости простым. Старик нарисовал полосы на антеннах без особой цели, только затем, чтобы сконцентрировать внимание. Затем он стал смотреть на них, представляя себе, как они «достигают силы», проникают в Иной Мир, тянутся...

Бальдр начал истоиво лаять.

— Заткнись, дурак! — прикрикнул Уолдо, не отрывая взгляда от антенн.

Каждый отдельный стержень извивался, вытягивался. Раздался низкий, равномерный гул исправно работающей машины.

Уолдо все еще пытался представить себе работу приемника, когда прозвучал сигнал видеотелефона. Для него не существовало опасности тронуться умом, подобно Рамбо. Тем не менее непривычная работа воображения привела к головной боли. Не успев избавиться от мрачной сосредоточенности, он ответил на вызов.

— Да?

Звонил Стивенс.

— Здравствуйте, мистер Джонс. Я думал... кажется...

— Смелее, смелее.

— Как близко вы подошли к решению? — выпалил Стивенс. — Обстоятельства нас подгоняют.

— А что случилось?

— Локальная авария в Большом Нью-Йорке. К счастью, к этому времени нагрузка уже снизилась, и ремонтная бригада успела подключить аварийную до того, как резервы были исчерпаны. Но вы только представьте себе, что бы произошло, случись авария в час пик. В моем отделе число аварий за последние две недели выросло в два раза, наши акционеры волнуются. Нам просто необходимы результаты.

— У вас будут результаты, — холодно ответил Уолдо. — Я нахожусь на последней стадии исследований.

В действительности он не был в этом уверен, но Стивенс раздражал его даже больше, чем большинство безволосых обезьян.

Лицо Стивенса выразило одновременно радость и сомнение.

— Вы, конечно же, не захотите обрисовать нам в общих чертах решение?

Ну конечно же, Уолдо не хотел. Однако представился хороший случай подразнить Стивенса.

— Наклонитесь к экрану, доктор Стивенс. Вам я скажу.

Он приблизился к экрану так, что оказался нос к носу со своим собеседником.

— Магия вырвалась на свободу, — проговорил он и выключил связь.

Глубоко в лабиринтах завода Северо-Американской энергетической компании Стивенс сидел и смотрел на потухший экран.

— Что случилось, шеф? — спросил Мак-Леод.

— Я не знаю. Я просто не знаю. Но мне кажется, что наш Толстяк съехал с катушек точно так же, как Рамбо.

Мак-Леод радостно осклабился.

— Как мило. Мне всегда казалось, что он не в себе. Стивенс охладил его пыл:

— Молись Богу, чтобы он и вправду не сошел с ума. Мы все зависим от него. А теперь дай-ка мне оперативные сводки.

Магия вырвалась на свободу. Уолдо это объяснение казалось ничем не хуже других. Причинно-следственные связи полетели к черту. Священные физические законы больше не имели силы. Магия. Выражаясь словами Грампса Шнайдера, все зависит от того, как посмотреть.

По всей видимости, Шнайдер знал, о чем говорит, несмотря на то что понятия не имел о физической теории, на основе которой построены приемники де Калба.

Минутку! Подождите. А что если ошибка кроется в самом начале? Вполне возможно, Уолдо подходил к проблеме с неверной позиции — позиции, которая вынуждала его относиться критически ко всем утверждениям старика и основывалась на уверенности в том, что ему о данном вопросе известно гораздо больше, чем Шнайдеру. Конечно, Уолдо сам приехал к Шнайдеру, но приехал-то с мыслью о нем, как о деревенском знахаре, который хоть и обладает некоторой полезной информацией, но тем не менее остается суеверным невеждой.

А не попробовать ли рассмотреть ситуацию с другой точки зрения? Давайте-ка предположим, что каждое слово Грампса Шнайдера включает в себе конкретное знание, основанное скорее на фактах, нежели на невежественных предрассудках.

Он устроился поудобней и приготовился к длительному размышлению.

Во-первых, Шнайдер не переставал повторять слова «Иной Мир». Что они означают в буквальном смысле слова? Миром называется пространственно-временной континуум, но отличный от того, в котором находимся все мы. Теоретическая физика не нашла бы, что возразить против подобного утверждения. С давних пор

известны классические рассуждения о возможности существования бесчисленного множества континуумов. Допущение такого рода очень удобно для некоторого типа выкладки.

Действительно ли Грампс Шнайдер употреблял выражение «Иной Мир» в буквальном смысле? Поразмыслив, Уолдо пришел к убеждению, что тот имел в виду именно физический мир, хоть и не мог воспользоваться соответствующей научной фразеологией. «Иной Мир» кажется поэтической метафорой, но выражение «дополнительный континуум» подразумевает конкретное физическое значение. Термины сбили его с толку.

Шнайдер сказал, что Иной Мир находится вокруг нас — здесь, там — везде. Не имеем ли мы здесь пространства, находящегося во взаимно однозначном соответствии этому миру? Такое пространство может быть бесконечно близким, но тем не менее незаметным и недостижимым для наших органов чувств, подобно тому, как две плоскости способны приближаться друг к другу на невообразимо малое расстояние и оставаться при этом отдельными, непересекающимися плоскостями.

Иной Мир не был полностью недостижим. Шнайдер говорил о проникновении в него. Мысль сама по себе фантастическая, но необходимая для целей исследования. Старик подразумевал — нет, прямо утверждал, что суть вопроса зависит от того, куда направлено внимание ума.

Была ли эта мысль такой уж фантастичной? Если континуум находится на бесконечно малом, но не достигаемом никакими физическими средствами расстоянии, не уместно ли предположить, что легче проникнуть в него с помощью некоего искусного и, возможно, подсознательного умственного усилия? Вопрос о возможности подобной операции — довольно тонкий, но, Бог свидетель, никто не знает ничего определенного о том, как работает мозг. Буквально никто. Смешно пытаться объяснить процесс написания симфонии в терминах взаимодействия коллоидов. Нет, никто не знает, как работает мозг. Еще одна необъяснимая способность сознания вряд ли способна сильно затемнить общую ситуацию.

Если хорошенько подумать, то само представление о сознании и мышлении покажется фантастическим и невероятным.

Значит так: Мак-Леод вывел из строя свой самолет посредством дурных мыслей; Шнайдер исправил поломку тем, что придал своим мыслям правильное направление. Что дальше?

Предварительное заключение появилось почти мгновенно. Сбои в работе де Калбов должны быть отнесены на счет ошибок рабочих, которые обслуживают эти приборы. Усталые, переутомленные и обеспокоенные рабочие каким-то, пока неизвестным, способом поражали, или заражали, приемники своими тревогами. Попросту говоря, в приемниках случилось короткое замыкание в Ином Мире. Нелепая терминология, однако способная помочь нарисовать общую картину происшедшего.

Гипотеза Граймса! «Усталость, переутомление, беспокойство». Доказательства пока не было, но он уже чувствовал уверенность. Эпидемия аварий стала материальным выражением общей миастении, вызванной ультракоротковолновым излучением.

Если это правда...

Уолдо включил видеосвязь с Землей и заказал разговор со Стивенсом.

— Доктор Стивенс, — начал он сразу, — необходимо немедленно принять кое-какие предварительные меры предосторожности.

— Какие именно?

— Сперва ответьте мне: у вас было много отказов приемников де Калба на личном транспорте? Каков процент подобных аварий?

— Я не могу с ходу назвать точные цифры, — ответил несколько заинтригованный Стивенс, — но думаю, что процент очень небольшой. Поломки в основном происходят на коммерческих линиях.

— Как я и предполагал. Владелец личной машины не станет отправляться в путь, если почувствует, что не в состоянии лететь. А наемный пилот должен работать в

любом состоянии. Организуйте "специальный медицинский осмотр пилотов коммерческих кораблей, на которых стоят приемники де Калба. Отстраните от полетов всех, кто находится не в лучшей форме. Позвоните доктору Граймсу, он скажет, на что необходимо обратить внимание в первую очередь.

— Вы ставите перед нами слишком сложную задачу, мистер Джонс. Дело в том, что большинство таких пилотов — да практически все — не являются сотрудниками фирмы. Мы не имеем возможности контролировать их работу.

— Это ваши проблемы, — пожал плечами Уолдо. — Мое дело — объяснить, как снизить количество аварий до тех пор, пока я не найду окончательного решения.

— Но...

Уолдо не услышал продолжения фразы, поскольку выключил связь, посчитав, что разговор окончен. Он уже слышал вызов на специально арендованной линии, которая держала постоянную связь с его наземным административным отделом — «дрессированными тюленями». Те получили довольно странные инструкции — достать книги по магии. Старинные книги, редкие книги.

Прежде чем начать действовать, Стивенс решил посоветоваться с Глисоном. Тот пришел в замешательство.

— Он не объяснил, зачем это нужно?

— Ни одним словом. Велел только обратиться к доктору Граймсу за указанием, на что специально обратить внимание.

— Доктору Граймсу?

— Это врач, который познакомил меня с Уолдо. Наш общий друг.

— Да, припоминаю. М-м-м... Трудная задача — отстранить от полетов людей, которые работают на другие фирмы. Впрочем, думаю, что кое-кто из наших крупных клиентов согласится сотрудничать с ними в случае, если мы сможем представить разумное обоснование. Тебя что-то смущает?

Стивенс рассказал о последней, необъяснимой выходяке Уолдо.

— Что если это задание повлияло на него точно так же, как и на доктора Рамбо?

— М-м-м. Вполне возможно. И в этом случае нам бы не стоило следовать его совету. Ты можешь предложить что-нибудь другое?

— Нет, не могу.

— Тогда нам не остается ничего иного, как выполнять его указания. Это наша последняя надежда. Пустая, может быть, но другой у нас нет.

Стивенс слегка оживился.

— Я могу поговорить с доком Граймсом. Он знает об Уолдо больше других.

— Тебе в любом случае придется с ним консультироваться, не так ли? Вот и не откладывай разговор.

Граймс выслушал рассказ о происшедшем, не проронив ни слова, а затем сказал:

— Похоже, Уолдо имеет в виду симптомы, которые я наблюдал в связи с коротковолновым облучением. Это просто. Все доказательства содержатся в подготовленной мною монографии. Сейчас я тебе расскажу.

Информация не убедила Стивенса. В нем еще более утвердилось подозрение, что Уолдо потерял контроль над собой. Однако вслух он ничего не сказал. Граймс продолжал:

— Во всех других отношениях, Джим, я не смог заметить признаков умственного расстройства.

— Он никогда не казался мне уравновешенным человеком.

— Понимаю. Однако его параноидальный синдром так же похож на болезнь Рамбо, как ветряная оспа на свинку. Дело в том, что, имея один психоз, можно не бояться никакого другого. Но я проверю.

— Правда? Это было бы хорошо.

— Но только не сегодня. На мне еще висит сломанная нога и несколько детских простуд, которые нужно проверить: снова появились случаи полиомиелита. Но думаю, что в конце недели мне удастся освободиться.

— Док, почему ты не бросишь работу терапевта? Это, должно быть, каторга.

— Я тоже так думал, когда был помоложе. Но лет сорок назад я перестал лечить болезни и начал лечить людей. С тех пор получаю удовольствие.

Уолдо с головой ушел в чтение, глотая трактаты по магии и смежным дисциплинам так быстро, как только возможно. Раньше у него не возникало интереса к такого рода предметам. Теперь же мысль о том, что в этих книгах, возможно, находится нечто полезное — почти наверняка находится, — разбудила в нем острейший интерес.

Ему часто встречались ссылки на Иной Мир. Иногда он так и назывался — «Иной Мир», иногда — «Малый Мир». Усматривая в этом термине конкретное указание на реальный дополнительный континуум, Уолдо понял, что большинство практиков, проникавших в запретные области знания, придерживались той же точки зрения. Они давали прямые указания о том, как использовать этот другой мир. Иногда причудливые указания, иногда — вполне реальные.

На проверку выходило, что по крайней мере 90 процентов всей магии было чистейшей воды мистификацией. Мистификацией порой грешили даже практики. Они не обладали научным методом; они пользовались однозначной логикой так же недурно, как устаревший детерминизм Спенсера пользовался двузначной; они не имели ни малейшего представления о современной расширенной многозначной логике.

Тем не менее законы близости, симпатии и подобия давали хоть и искривленную, но вполне верную картину, если рассматривать их с точки зрения существования иного, непривычного, но доступного мира. Человек, имевший доступ в иное пространство, легко может поверить в логику, в которой один и тот же предмет одновременно существует, не существует и существует в качестве чего-то другого.

Несмотря на многие нелепицы, содержащиеся в трактатах по магии, которые писались в те времена, когда это искусство являлось достоянием многих, ее достижения производили сильное впечатление. Доста-

точно перечислить открытие кураре, дигиталиса и хинина, телепатию и гипноз, гидравлическую механику древних жрецов. Химия обязана своим рождением алхимии. Большинство современных наук в той или иной степени уходят корнями в эзотерические дисциплины. Современная наука отбросила все, что ей показалось ненужным, пропустила магию через пресс двузначной логики и представила знание в форме, пригодной для общего пользования.

К несчастью, та часть магического искусства, которая не поддавалась описанию в четких понятиях методологии девятнадцатого века, была отсечена и оставлена в стороне от процесса развития знания. Она приобрела дурную репутацию и попала в разряд сказок и суеверий.

Уолдо узрел в эзотерических искусствах зачатки наук, оставленных до того, как их рациональное зерно успело обнаружить себя.

Тем не менее проявления некоторых видов неопределенности, которые явились неотъемлемой частью магии и были связаны, как он ясно теперь видел, с существованием гипотетического дополнительного континуума, довольно часто происходили и в современном мире. Непредубежденный наблюдатель мог легко убедиться в очевидности этого факта: полтергейст, камни, падающие с неба, необъяснимые перемещения в пространстве; «заколдованные» люди, или, как теперь открывалось, люди, которые, по неизвестной причине, вместили в себя неопределенность; дома с привидениями, странные огни, подобные тем, какие в древности приписывались саламандрам. Можно назвать сотни таких случаев, зарегистрированных и подтвержденных множеством свидетельств, которые, однако, отвергались ортодоксальной наукой как невероятные. Они и вправду были невероятными, с точки зрения общепринятых законов, но, рассмотренные в свете параллельного дополнительного пространства, приобретали некоторую степень достоверности.

Уолдо заставлял себя рассматривать существование Иного Мира лишь как рабочую гипотезу. Однако эта гипотеза имела право на существование даже в том

случае, если окажется, что она не способна объяснить всех происшествий последнего времени.

Вполне возможно, что у Иного Пространства свои, отличные от земных, законы. Ничто не доказывало обратного. Однако он решил сделать предположение о подобии двух сопряженных пространств.

Могло даже случиться, что Иной Мир окажется населен. Мысль об этом взволновала его. В этом случае с помощью магии могли произойти любые невероятные вещи. Любые!

Настало время перестать фантазировать и вернуться к скромному, прозаическому исследованию. Первым делом он с большим сожалением оставил попытки повторить рецепты средневековых магов. По всей видимости, они никогда не записывали всей процедуры полностью. Оставались неясными некоторые существенные детали, которые, как гласила история и подтвердил его собственный опыт, передавались от мастера к ученику устно. Неудавшаяся попытка расспросить Шнайдера также указывала на это. Существовали определенные вещи, внутренние состояния, которым можно было научить только напрямую.

Как ни печально, а приходилось ограничиваться только доступными без посторонней помощи вещами.

— Ба, дядя Гас! Рад тебя видеть.

— Вот, решил взглянуть на тебя. Ты же не звонишь по целым неделям.

— Извини, дядя Гас, было много работы.

— А не слишком много? Тебе нельзя переутомляться. Покажи-ка язык.

— Да со мной все в порядке.

Тем не менее Уолдо высунул язык, Граймс взглянул на него и затем проверил пульс.

— Кажется, с тобой действительно все в порядке. Что-нибудь изучаешь?

— Изучаю, и немало. Похоже, я вот-вот раскушу проблему с де Калбами.

— Отлично. Судя по указаниям, которые ты послал Стивенсу, это как-то поможет решить и мой вопрос?

— В каком-то смысле да. Но не так, как ты думаешь. У меня появилось подозрение, что проблема Стивенса целиком вытекает из твоей.

— Да ну?

— Серьезно. Симптомы заболевания, связанного с ультракоротковолновым излучением, возможно, сказались на странном поведении де Калбов.

— Каким образом?

— Толком не знаю. У меня есть рабочая гипотеза, но она пока не проверена.

— Ага. А поподробней расскажешь?

— Тебе — конечно.

Уолдо принялся излагать историю своего разговора со Шнайдером, о котором Граймс раньше от него не слышал, несмотря на то что находился во время поездки рядом. Уолдо никогда не обсуждал никаких вопросов раньше, чем чувствовал себя готовым к этому.

При известии о появлении третьего комплекта приемника де Калба, способного совершать таинственное движение, Граймс с удивлением поднял брови:

— Ты хочешь сказать, что понял, как это делается?

— Именно так. Может быть, не знаю «как», но делать могу. И делал не однажды. Хочешь, повторю при тебе?

Уолдо переместился к тому месту на стене, где на тросах были прикреплены приемники всевозможных размеров вместе с пультами управления.

— Вот этот приятель, с краю, прибыл только сегодня. Обычная поломка. Сейчас я покажу ему фокус-покус Грампса Шнайдера и он заработает. Погоди минутку. Забыл включить питание.

Он повернулся к центральному кольцу, внутри которого находилось все необходимое для работы, и включил излучатель. Поскольку корабль надежно защищал находящиеся внутри от внешней радиации, Уолдо установил небольшую силовую станцию и передатчик, в точности повторявшие гиганты САЭК. Иначе ему никак не удалось бы проверить работу приемников.

Потом он начал двигаться вдоль линии приемников, подключая их. Все, за исключением двух, принялись

демонстрировать необычное шевеление, которое уже получило от Уолдо название эффекта Шнайдера.

— Вон тот, на дальнем конце, исправно работает, но не движется. Он никогда не ломался и поэтому никогда не ремонтировался. Это мой контрольный прибор. А вот этот, — Уолдо указал на приемник прямо перед собой, — пока неисправен. Смотри внимательно.

— Что ты собираешься делать?

— Сказать по правде, сам толком не знаю. Но делаю.

Он и в самом деле не знал. Ему было известно только то, что необходимо сконцентрировать внимание на антеннах и представлять себе, как они проникают в Иной Мир, тянутся к силе, тянутся...

Антенны пришли в движение.

— Строго между нами говоря, это все, чему я научился у Шнайдера.

По предложению Граймса, который якобы хотел взять сигарету, они вернулись в центральный круг. На самом же деле при виде шевелящихся антенн старику стало не по себе, но он не хотел в этом признаться.

— И как ты можешь это объяснить?

— Как не до конца изученный феномен Иного Пространства. Я знаю о нем не больше, чем Франклин о молнии. Но я узнаю, обязательно узнаю. Стивенс немедленно получил бы ответ на все свои вопросы, если бы мне удалось найти решение твоей проблемы.

— Какая тут связь?

— Должен существовать какой-то способ проделывать все операции через Иное Пространство. Необходимо передавать энергию в Иное Пространство и затем получать ее обратно. В этом случае радиация перестанет вредить человеческому организму. Излучение станет огибать человека, не касаясь его. Я пытался проделать этот фокус со своим излучателем, но пока безрезультатно. Но, в конце концов, решение найдется.

— Надеюсь. Кстати, об излучателе. Похоже, что радиация расходитя по всей комнате.

— Да.

— Тогда я надеваю свой скафандр. Ты бы тоже поостерегся.

— Ничего страшного. Сейчас я его выключу.

Едва он повернулся, раздался звонкий, мелодичный свист. Бальдр гавкнул. Граймс стал с интересом оглядываться.

— Что это у тебя? — спросил он.

— О чем ты? А, это мои часы с кукушкой. Занятная штука, правда?

Граймс не стал возражать, хоть и не видел большой пользы в этом предмете. Уолдо закрепил часы на легком металлическом обруче, который вращался со скоростью, достаточной для того, чтобы создать центростремительное ускорение величиной в одно «g».

— Я смастерил их, — продолжал Уолдо, — пока размышлял о проблеме Иного Пространства. Нужно было чем-то занять руки.

— Я так и не понял, что это за Иное Пространство.

— Представь себе еще один континуум, аналогичный нашему и наложенный на него, подобно тому, как накладывают один лист бумаги на другой. Эти два пространства не сливаются в одно, но отделены друг от друга невообразимо маленьким интервалом. Как параллельные, но не касающиеся друг друга плоскости. Между ними, пространствами то есть, установлено взаимно однозначное соответствие, но это не значит, что их размеры и форма совпадают.

— Как это? Они обязаны совпадать.

— Ничуть не бывало. Где находится большее количество точек: в линии длиной в сантиметр или в линии длиной в километр?

— В километровой, конечно.

— А вот и нет. Они имеют совершенно одинаковое число точек. Хочешь, докажу?

— Я верю тебе на слово. Однако эта часть математики мне совершенно неизвестна.

— Хорошо, можешь мне поверить. Ни размер, ни форма не являются помехой для установления полного взаимно однозначного соответствия между двумя пространствами. Кроме того, оба эти слова мало подходят к данному случаю. Термин «размер» употребляется толь-

ко в связи с внутренней структурой пространства, измерением в его собственных, присущих исключительно ему одному константах. «Форма» имеет отношение к тому, что происходит внутри пространства, или, по крайней мере, никак не снаружи. Она связана с такими понятиями, как кривизна, открытость или замкнутость, расширение или сжатие.

— Для меня это все — китайская грамота, — пожал плечами Граймс.

Он повернулся и стал смотреть, как часы с кукушкой делают круги на своем колесе.

— Неудивительно, — весело согласился Уолдо. — Мы ограничены в своем опыте. Знаешь, как я представляю себе Иной Мир? — Вопрос был чисто риторическим. — Он у меня и формой и размером напоминает страусиное яйцо. Тем не менее в нем заключена целая вселенная, существующая бок о бок с той, в которой мы живем, отсюда до самых звезд. Ложное, конечно, представление, но оно помогает мне думать.

— Ну, не знаю, — ответил Граймс и отвернулся от часов. Мерное движение маятника вызвало у него легкое головокружение. — Эй! Я думал, ты выключил излучатель.

— Выключил, — сказал Уолдо и посмотрел туда, куда показывал Граймс. Антенны продолжали шевелиться.

— Так мне, по крайней мере, казалось, — с удивлением произнес он и взглянул на панель управления излучателем. Его глаза широко раскрылись. — Но он выключен!

— Тогда какого черта...

— Тише!

Нужно было подумать. Хорошенько подумать. Действительно ли излучатель не работал? Уолдо подлетел к нему и внимательно осмотрел. Да, тот не подавал никаких признаков жизни, как вымерший динозавр. Чтобы удостовериться, он вернулся назад, надел вальдо, включил соответствующие схемы и затем по отдельности выключил их. Антенны продолжали шевелиться.

Не работал только один приемник, тот, который не подвергался обработке Шнайдера. Однако другие продолжали действовать как ни в чем не бывало, потребляя энергию... но откуда?

Интересно, сказал ли Мак-Леод Грампсу Шнайдеру об излучателях, от которых, по замыслу, должна исходить энергия? Сам Уолдо об этом не упоминал: к слову не пришлось. Но Шнайдер произнес странную фразу: «Иной Мир полон энергии».

Несмотря на свое намерение воспринимать слова старика буквально, он пропустил эту фразу мимо ушей. Иной Мир полон энергии.

— Извини за грубость, дядя Гас.

— Ничего страшного.

— Что ты об этом думаешь?

— Похоже, что ты изобрел вечный двигатель, сынок.

— Может быть. А может быть, мы опровергли закон сохранения энергии. Де Калбы работают на энергии, которой раньше в этом мире не было.

— Ничего себе.

Чтобы проверить свою догадку, Уолдо подплыл к рабочему кольцу, вложил руки в вальдо, включил передвижной сканер и с помощью самых чувствительных датчиков принялся исследовать пространство вокруг приемников на предмет присутствия в нем радиационной энергии. Иглы самописцев даже не дрогнули. В том диапазоне длины волны, в котором действовали приемники, никакой радиации не наблюдалось. Энергия поступала из Иного Мира.

Энергия поступала из Иного Мира. Не от его собственного излучателя, не от стационарных установок САЭК, а из Иного Мира. В этом случае он ни на йоту не приблизился к решению проблемы. Может статься, проблема вообще не имеет решения. Погоди-ка, что там написано в контракте? Точные слова никак не припоминались.

Возможно, есть какой-то выход. Возможно. Этот последний сумасшедший трюк маленьких любимцев Грампса Шнайдера может иметь некоторые не менее сумасшедшие последствия. Некоторые возможности уже начали проявляться, но необходимо все тщательно взвесить.

— Дядя Гас.

— Да, Уолдо.

— Ты можешь сказать Стивенсу, что я готов ответить на его вопросы. Мы решим его проблему, а заодно и твою. А сейчас оставь меня одного, пожалуйста. Мне нужно подумать.

— Добро пожаловать, мистер Глисон. Замолчи, Бальдр. Входите. Устраивайтесь поудобней. Здравствуйте, мистер Стивенс.

— Здравствуйте, мистер Джонс.

— А это, — сказал Глисон, указывая на фигуру, плывущую вслед за ним, — мистер Харкнесс, глава нашего юридического отдела.

— Ну, конечно. Нам будет нужно обсудить некоторые вопросы, касающиеся контракта. Добро пожаловать в «Вольную обитель», мистер Харкнесс.

— Благодарю, — холодно ответил Харкнесс. — Ваши адвокаты будут присутствовать при разговоре?

— Они уже присутствуют, — Уолдо указал на стереоскрин, на котором появились два человека.

Они поклонились и пробормотали что-то в знак приветствия.

— Так не делается, — возразил Харкнесс. — Свидетели должны присутствовать лично. Увиденное и услышанное через видеотелефон не может служить доказательством.

Уолдо поджал губы.

— Желаете поспорить на этот счет?

— Конечно, нет, — поспешил вмешаться Глисон. — Успокойся, Чарлз.

Харкнесс уступил.

— Не буду вас задерживать, джентльмены, — начал Уолдо. — Мы собрались здесь затем, чтобы я мог выполнить условия контракта. Сами условия всем известны, так что не будем на этом останавливаться. — Он вставил руки в вальдо. — У дальней стены вы видите ряд приемников радиационной энергии, в обиходе называемых де Калбами. Доктор Стивенс может при желании проверить их серийные номера...

— Не стоит.

— Хорошо. Сейчас я включу свой излучатель, чтобы мы могли проверить качество их работы. — Вальдо пришли в движение. — Теперь я включаю приемники, все одновременно. — Его руки произвели в воздухе необходимые движения, которые в точности повторила маленькая пара рабочих вальдо и повернула соответствующие выключатели на панели управления. — А вот обычный аппарат, который мне предоставлен доктором Стивенсом и который никогда не выходил из строя. Доктор Стивенс, если желает, может убедиться в исправности его работы.

— Да, я вижу, что это так.

— Мы назовем такой приемник де Калбом, а тип его работы нормальным. — Маленькие вальдо снова задвигались. — Вот здесь мы имеем приемник, который я позволил себе обозначить термином «Шнайдер-де Калб», вследствие полученной им определенного рода обработки, — антенны начали свое шевеление, — а тип его работы — типом Шнайдера. Желаете проверить, доктор?

— Все в порядке.

— Вы принесли с собой неисправный приемник?

— Как видите.

— Вы можете вернуть его в работоспособное состояние?

— Нет, не могу.

— Вы уверены? Достаточно тщательно был проведен осмотр?

— Достаточно, — мрачно ответил Стивенс. Напыщенная болтовня Уолдо начала его утомлять.

— Очень хорошо. Теперь я могу приступить к устранению неисправности.

Уолдо покинул рабочее кольцо, подлетел к неисправному приемнику и расположился так, чтобы лишить зрителей возможности наблюдать за его дальнейшими действиями. Затем он вернулся к рабочему кольцу и с помощью вальдо включил питание приемника.

Прибор немедленно продемонстрировал Шнайдер-тип работы.

— Как видите, джентльмены, — объявил Уолдо, — я нашел способ, как производить починку де Калбов,

неожиданно вышедших из строя. Я обязуюсь применить обработку Шнайдера к любому представленному мне приемнику. Мой контракт включает в себя этот пункт. Я также обязуюсь обучить других производить обработку Шнайдера. Мой контракт включает в себя и этот пункт, однако я не в состоянии гарантировать, что любой человек окажется способным следовать моим инструкциям. Не вдаваясь в технические детали, могу сказать, что операция крайне сложна, гораздо сложнее, чем это выглядит со стороны. Думаю, доктор Стивенс согласится со мной. — Тут он едва заметно улыбнулся. — Смею думать, что выполнил свои обязательства перед вами.

— Один вопрос, мистер Джонс, — вставил свое слово Глисон. — Будет ли работа де Калба надежной после обработки Шнайдера?

— Да, будет. Я гарантирую.

Представители фирмы собрались в кружок. Уолдо ждал. Наконец Глисон объявил решение:

— Ваши результаты не вполне отвечают нашим ожиданиям, но мы готовы признать, что вы выполнили свои обязательства. При условии, конечно, что вы проведете обработку Шнайдера над любым полученным вами приемником и обучите этой процедуре других людей, обладающих для этого необходимыми способностями.

— Совершенно верно.

— Гонорар незамедлительно будет переведен на ваш счет.

— Хорошо. Остались ли какие-нибудь нерешенные вопросы? Могу я считать, что полностью выполнил ваш заказ?

— Да, можете.

— В таком случае я должен вам еще одно. Если вы наберетесь терпения...

Секция стены отъехала в сторону. Гигантские вальдо вынесли из соседнего помещения огромный аппарат, который напоминал обыкновенный приемник, хоть и гораздо более сложной конструкции. Большая часть усовершенствований служила лишь декорацией, однако для того, чтобы обнаружить этот факт, даже

опытному инженеру понадобилось бы немало времени.

Тем не менее прибор все же имел одну отличительную черту: встроенный счетчик новейшей конструкции, устанавливавший предел времени работы приемника, после которого происходило саморазрушение. Имелся также пульт дистанционного управления, с помощью которого этот предел можно было изменять. Более того, счетчик уничтожал себя и передатчик и в том случае, если попадал в руки человека, не знакомого с его устройством. Таким образом Уолдо на время ставил заслон распространению бесплатной и неисчерпаемой энергии. Однако обо всем этом он пока помалкивал.

Маленькие вальдо занимались тем, что пристегивали тросы к аппарату. Когда работа была закончена, Уолдо произнес:

— Джентльмены, вы видите перед собой прибор, который я решил назвать Шнайдер-Джонс-де Калбом. Он является причиной того, что вам больше не придется продавать энергию.

— Что? — удивился Глисон. — Могу я спросить почему?

— Потому что, — был ответ, — я теперь стану продавать ее более дешево, более практично и на таких условиях, с которыми вы даже в мечтах не сможете конкурировать.

— Сильное заявление.

— Сейчас покажу. Доктор Стивенс, вы заметили, что остальные приемники по-прежнему работают? Теперь я их выключаю. — Вальдо исполнили приказание. — Далее, я прекращаю работу излучателя и прошу вас своими средствами удостовериться, что в помещении не осталось радиационной энергии, за исключением обыкновенного электрического света.

Предчувствуя недоброе, Стивенс принялся выполнять просьбу.

— Пусто, — объявил он несколько минут спустя.

— Очень хорошо. Не убирайте ваших приборов, чтобы в дальнейшем можно было еще раз проверить. Теперь я включаю свой приемник.

Маленькие механические руки приблизились к выключателю.

— Осмотрите его, доктор. Внимательно осмотрите.

Стивенс последовал совету. Он не стал доверять показаниям на приборной доске, а параллельно подключил свои собственные счетчики.

— Ну как, Джеймс? — прошептал Глисон.

Стивенс не скрывал раздражения.

— Эта чертова штука качает энергию из ниоткуда?

Все посмотрели на Уолдо.

— Не торопитесь, джентльмены, — важно произнес тот, — обсудите все хорошенько.

Гости отошли как можно дальше и стали шептаться. Уолдо видел, что спорили Харкнесс и Глисон, а Стивенс оставался в стороне. Это его устраивало. Он надеялся, что Стивенс не захочет еще раз взглянуть на хитрое устройство под названием Джонс-Шнайдер-де Калб. Этот инженер не должен слишком глубоко совать свой нос. Хотя Уолдо честно старался не говорить ничего, кроме правды, возможно, он не сказал всей правды — он забыл упомянуть, что все де Калбы, прошедшие обработку Шнайдера, являются неисчерпаемыми источниками энергии.

Не хотелось бы, чтобы Стивенс докопался до истины.

Свой самоуничтожающийся счетчик Уолдо преднамеренно сделал замысловатым и таинственным, но его нельзя было назвать бесполезным. Позже у него будет возможность деликатно указать, что без подобного прибора САЭК просто не сможет удержаться на рынке.

Уолдо чувствовал беспокойство. Слишком рискованная завязывалась игра. Конечно, лучше бы разобраться как следует с этим феноменом, чем пытаться на нем нажиться, но — тут ему едва удалось сдержать улыбку — вся эта история тянется уже несколько месяцев, и ситуация с энергоснабжением становится действительно опасной. Он нашел вполне приемлемое решение, если только удастся достаточно быстро подписать контракт.

У него не было никакого желания вступать в борьбу с САЭК.

Глисон оставил Харкнесса со Стивенсом и подошел к Уолдо.

— Мистер Джонс, может, нам лучше договориться по-дружески?

— А что вы предлагаете?

Только через час Уолдо смог спокойно вздохнуть, наблюдая, как корабль гостей отсоединяется от стыковочной плоскости. «Ловко придумано, — подумал он, — и хорошо сработано». Наконец-то ему удалось скинуть это дело с плеч. Уолдо великодушно позволил убедить себя согласиться на сотрудничество при условии — и здесь он не побоялся быть настойчивым, — что контракт будет подписан на месте. Никакой волокиты, никаких переговоров между адвокатами. Теперь или никогда, либо делаем дело, либо разбегаемся. Условия предлагаемого контракта с благородной щепетильностью приносили доход изобретателю только в том случае, если его утверждения относительно Джонс-Шнайдер-де Калба оказывались истинными.

Приняв во внимание этот пункт, Глисон решил подписать — и подписал.

Даже после этого Харкнесс еще пытался заявить, что Уолдо является сотрудником САЭК. Однако, согласно первому контракту, Уолдо выполнял специальное поручение и получал гонорар только после предъявления успешных результатов. Утверждение Харкнесса не имело под собой никакого основания. Даже Глисон с этим согласился.

В обмен на право владения Джонс-Шнайдер-де Калбом, чертежи которого его обязали незамедлительно представить (подождем, пока Стивенс не увидит эти рисунки и не поймет, в чем там дело), он получал внушительный пакет акций САЭК, без права голоса, но полностью оплаченный и не облагаемый налогом. Отстранить себя от активного участия в управлении компанией — это была его собственная идея. Энергетический бизнес грозил в дальнейшем стать слишком хлопотным занятием. Того и гляди, повесят тебе на шею средства защиты от подделок, от махинаций со счетчиками, да мало ли что еще. Наступала эпоха бесплатной

энергии, и все попытки отдалить ее приход должны были кончиться неудачей.

Уолдо громко засмеялся, чем испугал Бальдра. Тот возбужденно залаял.

Теперь можно было забыть Гатэвзя.

Месть САЭК имела один существенный недостаток. Ему удалось убедить Глисона, что де Калбы, которые подверглись обработке Шнайдера, будут продолжать работать, что сбои невозможны. Его искренняя вера в свои слова основывалась на вере в Грампса Шнайдера. Никаких доказательств пока не ожидалось. Он признавал, что слишком мало знает о Ином Мире, чтобы судить о достоверности тех или иных событий. По-прежнему оставалась необходимость в широком, интенсивном исследовании.

Однако Иной Мир был чертовски трудным местом для исследования.

Предположим, что человеческая раса оказалась от природы слепой, никогда не имела глаз. Вне зависимости от степени цивилизованности, просвещения, развития науки, подобная раса вряд ли смогла бы создать представление об астрономии. Возможно, люди узнали бы о том, что Солнце является циклическим источником энергии изменчивого и направленного характера, потому что обладает огромной мощностью и может «наблюдаться» кожей. Они бы заметили его и изобрели инструменты, чтобы улавливать и исследовать свет.

Но вот бледные звезды, можно ли заметить звезды? Скорее всего, невозможно. Понятие о небесном пространстве, его молчаливых глубинах и освещенном звездами величии окажется за пределами человеческого понимания. Даже если один из слепых ученых будет вынужден под напором фактов принять эту фантастическую, невероятную гипотезу — каким образом он станет проводить дальнейшее детальное исследование?

Уолдо попытался представить себе астрономический фототелескоп, сконструированный слепым, управляемый слепым и способный поставлять данные, которые могут быть интерпретированы слепым. Тщетная попытка. Слишком много случайностей. Цепь рассуждений, ведущая к решению проблемы, обещает быть путаной, и, чтобы проследить ее, понадобилась бы проницатель-

ность, значительно превышающая его собственную. Пришлось бы изобрести подобный инструмент для слепого. Вряд ли слепец способен справиться с трудностями без посторонней помощи.

В каком-то смысле Шнайдер оказался для него поводом. Без его поддержки он бы не смог выкарабкаться.

Но даже с учетом подсказок Шнайдера проблема исследования Иного Мира оставалась во многом схожа с дилеммой слепого астронома. Иной Мир не поддавался наблюдению. Контакт становился возможным только после вмешательства Шнайдера. Черт побери! Как же в этом случае создавать инструменты для изучения?

Возникло подозрение, что, в конце концов, придется возвращаться к Шнайдеру для дальнейших инструкций. Однако сама мысль о поездке вызвала такое отвращение, что Уолдо отказывался даже думать об этом. Более того, неизвестно, сможет ли Шнайдер еще чему-либо научить: они разговаривали на разных языках.

Одно оставалось определенным: Иное Пространство находилось рядом и проникнуть в него можно было с помощью особой ориентации ума, которая достигалась либо сознательно, как учил Шнайдер, либо бессознательно, как в случае с Мак-Леодом и другими.

Эта идея показалась Уолдо отвратительной. То, что мысль, и только мысль, способна оказывать влияние на физические явления, шло вразрез с материалистической философией, в которой он был воспитан. Уолдо отдавал предпочтение порядку и незыблемым законам природы. Его культурные предшественники, философы-экспериментаторы, которые выстроили здание науки и идущей следом за ней технологии, — Галилей, Ньютон, Эдисон, Эйнштейн, Штейнмец, Джинс — все эти люди учили, что физическая вселенная является механизмом, управляемым жесткой необходимостью. Любой случай нарушения необходимости объясняли ошибкой наблюдения, нечеткостью в формулировке гипотезы или неполнотой данных.

Даже в период короткого царствования Гейзенберга с его принципом неопределенности фундаментальная ориентация на космический порядок не изменилась. Неопределенность Гейзенберга оставалась четким понятием, которое формулировали и обосновывали, на

основе которого строили строгую статистическую механику. В 1958 году Горовиц, переформулировав волновую механику, отменил прежнюю концепцию. Порядок и причинность были восстановлены в своих правах.

Но вот появилась эта проклятая проблема. Решать ее в одиночку, все равно что молить о дожде, желать жить на Луне, прикладываться к святым мощам, согласиться с епископом Беркли относительно его трогательной идеи о мире-в-голове. «Один в поле не воин».

Уолдо не был так эмоционально привязан к Абсолютному Порядку, как Рамбо. Его душевному равновесию не грозила опасность в результате крушения фундаментальных принципов. Тем не менее это так удобно, когда все идет по заведенному порядку. На выполнении естественных законов основывается прогноз, а без прогноза жить невозможно. Часы должны равномерно отсчитывать время, вода должна кипеть от нагревания, питаться нужно хлебом, а не ядом; приемники де Калба должны работать — работать так, как было задумано. Хаос невыносим, с ним нельзя жить.

Предположим, что миром правит Хаос, а порядок, который мы якобы наблюдали вокруг себя, оказался фантазией, плодом нашего воображения. Что тогда? В этом случае вполне возможно, что предмет весом в десять фунтов действительно падал в десять раз быстрее, чем предмет весом в один фунт до тех пор, пока дерзкий ум Галилея не решил установить иной закон. Может статься, что строгая наука о баллистике выросла из предрассудков нескольких твердолобых индивидуумов, которые навязали свои представления всему миру. Может быть, и звезды держатся на своих орбитах силой непоколебимой веры астрономов. Упорядоченный Космос, созданный из Хаоса силой... Ума!

Земля была плоской до тех пор, пока географы не решили все переиначить. Земля была плоской, а Солнце, размером с бочонок, подымалось на востоке и опускалось на западе. Звезды маленькими огоньками усыпали прозрачный свод, которого почти касались высокие вершины гор. Бури происходили от гнева богов и не имели ничего общего с вычислениями воздушных потоков. В то время верховодил созданный сознанием человека анимизм.

Позже все изменилось. Миром стало править представление о незыблемой материальной причинности. На ее основе возникла всепожирающая технология машинной цивилизации. Машины работали так, как должны были работать, потому что все верили в них.

Теперь же несколько пилотов, ослабленных слишком сильным воздействием радиации, потеряли свою веру и заразили машины неопределенностью. В результате магия вырвалась на свободу.

Уолдо начал понимать, что случилось с магией. Магия была странным законом старого, одушевленного мира. Наступление философии строгой причинности неумолимо оттесняло ее в сторону. До времени своего нового взрыва она вовсе исчезла, и ее мир вместе с ней. Оставались лишь тихие заводи «суеверий». Естественно, ученый-экспериментатор не мог ничего обнаружить при исследовании домов с привидениями, телепортации и подобных явлений. Его убеждения делали их несуществующими.

В недрах африканских джунглей должны существовать совершенно удивительные места, если, конечно, поблизости нет белого человека. Станные, текущие законы магии вступают здесь в силу.

Возможно, подобные рассуждения грешили излишней смелостью. Тем не менее они обладали одним преимуществом, которого не было у ортодоксальных концепций: с их помощью объяснялось воздействие Грампса Шнайдера на приемники де Калба. Любая рабочая гипотеза, которая была не в состоянии учесть способность Грампса (а также и Уолдо) силой мысли приводить в движение приемники, не стоила и выведенного яйца. Гипотеза Уолдо ее учитывала и, кроме того, вполне удовлетворяла утверждениям старика: «Все на свете неопределенно. Предмет может быть, может не быть, может быть чем угодно. Существует много истинных способов взглянуть на один и тот же предмет. Некоторые из них приносят пользу, некоторые — вред».

Очень хорошо. Прими ее. Действуй в соответствии с ней. Мир изменяется в зависимости от того, как ты на него посмотришь. Уолдо хорошо осознавал, как желает посмотреть на мир. Ему хотелось бороться за порядок и предсказуемость.

Он сам задаст тон. Навяжет Космосу свою собственную концепцию Иного Мира.

Хорошее начало — убедить Глисона, что де Калбы, прошедшие обработку Шнайдера, будут работать без сбоев. Замечательно. Пусть так и будет. Они и в самом деле надежны и всегда станут подчиняться порядку.

Мозг Уолдо взялся за работу формулирования и очищения концепции Иного Мира. Нужно думать о нем как об упорядоченном и в своей основе подобном нашему пространству. Связь между двумя мирами лежит в нервной системе. Кора головного мозга, зрительный бутор, спинной мозг тесно связаны с обоими пространствами. Такая картина совпадала с тем, что говорил Шнайдер, и не противоречила известным феноменам.

Погоди-ка. Если нервная система лежит сразу в двух мирах, этот факт может объяснить сравнительно медленное распространение нервных импульсов по сравнению с электромагнитной волной. Да! Так должно происходить в том случае, если Иное Пространство имеет меньшую константу «с».

У Уолдо появилась спокойная уверенность, что так оно и есть.

Интересно, он сейчас рассуждает или создает вселенную?

Возможно, ему следует оставить свое представление о том, что Иное Пространство имеет размер и форму страусинового яйца, поскольку вселенная с более медленной скоростью света должна быть не меньше, а больше привычного нам мира. Нет... минуточку. Размер пространства зависит не от константы «с», но от радиуса кривизны, выраженного через эту константу. Так как «с» — скорость, то размер зависит от временного параметра, в нашем случае — от времени как скорости изменения энтропии. Таким образом найдена мера, с помощью которой могут сравниваться два пространства: они обмениваются энергией, влияют на энтропию друг друга. То пространство, которое быстрее опускается до положения равновесия, и является «меньшим».

Нет никакой необходимости отбрасывать представление о страусином яйце. Старое доброе яйцо! Иной Мир — сжатое пространство, с маленьким «с», с высокой скоростью изменения энтропии, с небольшим

радиусом кривизны и энтропией, близкой к положению равновесия — идеальный резервуар энергии в каждой своей точке, готовый в любое мгновение пролиться в наше пространство. Нужно только уменьшить раздельный интервал. Для его обитателей, если таковые имеются, расстояния измеряются сотнями миллионов световых лет, Уолдо же видит страусиное яйцо, наполненное энергией.

Настало время подумать о способах проверки этой гипотезы. Если с помощью Шнайдер-де Калба начать с максимальной скоростью перекачивать энергию, как это повлияет на локальный потенциал? Возможно ли создать градиент энтропии? Существует ли способ обратить процесс и посылать энергию обратно в Иной Мир? Можно ли в разных точках пространства установить разный уровень энтропии и таким образом остановить сползание к положению равновесия, к максимальному уровню?

Каким образом связать скорость распространения нервного импульса с константой «с»? Нельзя ли объединить эту связь с исследованиями энтропии и разности потенциалов, чтобы получить математическую картину Иного Пространства в терминах его констант и времени?

Уолдо вплотную занялся этими вопросами. Ничем не связанные, дикие рассуждения принесли свой результат: ему удалось определить по крайней мере одно направление атаки на Иной Мир, сформулировать рабочий принцип построения своего телескопа для слепых. Какой бы в конце концов ни оказалась истина, это будет не одна истина. Речь шла о нескольких сериях истин, дополняющих друг друга: истины, или характеристические законы, которые присущи исключительно Иному Пространству, плюс новые, не менее истинные законы, возникшие в результате взаимодействия параметров Иного Пространства с нормальным миром. Нет ничего удивительного в словах Рамбо о том, что все может случиться. По всей вероятности, действительно почти все может случиться, если соответствующим об-

разом скомбинировать три типа законов: законы нашего мира, законы Иного Мира и законы, координирующие взаимодействие обоих пространств.

Но до того как теоретики могли начать работу, крайне необходимо было получить новые данные. Уолдо не мог назвать себя теоретиком. Он равнодушно смирился с этим фактом, считая теорию бесполезным и непрактичным занятием, пустой тратой времени для практикующего инженера. Пусть этим займутся безволосые обезьяны.

Однако практикующий инженер желал получить ответ на один вопрос: будут ли Шнайдер-де Калбы, согласно данной им гарантии, продолжать безотказно функционировать? А если нет, то что должно быть сделано для предотвращения сбоев?

Наиболее сложный и наиболее интересный аспект работы заключался в исследовании связи между нервной системой и Иным Пространством. И электромагнитные приборы, и нейрохирургия оказались слишком грубыми для проведения операций на желаемом уровне точности.

Но у него имелись вальдо.

Размер ладони самых маленьких из находившихся в его распоряжении вальдо достигал примерно половины дюйма — вместе с микросканерами, разумеется. Слишком большой размер для стоявших перед ним целей. Уолдо собирался манипулировать живой нервной тканью, исследуя и ее характерные свойства, и ее функции внутри организма.

Пришлось с помощью маленьких вальдо создать еще более маленькие.

Последним звеном в этой цепи были крохотные металлические зажимы, едва достигавшие восьмой доли дюйма. Спирали, служившие им псевдомускулами, едва можно было разглядеть невооруженным глазом. Но ведь он собирался пользоваться сканерами.

Окончательный набор вальдо для нейрохирургии начинался с механических рук почти в натуральную величину и, убывая в размере от стадии к стадии, заканчивался фантастическими приспособлениями, которые были слишком малы для невооруженного глаза. Вальдо занимали такое положение, что могли работать в одном

и том же месте. Уолдо управлял ими с помощью одной пары вальдо и заменял один размер на другой, не вынимая рук из перчаток. Переключатель, который производил замену одной пары вальдо на другую, одновременно изменял и область сканирования, чтобы повысить или понизить увеличение, и Уолдо постоянно видел на экране изображение своих вторых рук в натуральную величину.

Каждая пара вальдо имела собственный хирургический инструмент и собственные электроприборы. Никто до сих пор не видел такой хирургии, но Уолдо не думал об этом: ему никто не сказал, что подобные операции невозможны.

К собственному удовлетворению, ему удалось обнаружить механизм, посредством которого ультракоротковолновое излучение ухудшало физическое состояние человека. Синапсы между дендритами оказались точками разрыва. Вместо того чтобы активизировать мускульную ткань, нервный импульс иной раз утекал... куда? Без сомнения, в Иное Пространство. При частом повторении подобных случаев возникали проторенные дорожки, каналы утечки, и в результате общее состояние жертвы начинало непрерывно ухудшаться. Моторные реакции не исчезали полностью, однако их эффективность резко падала. Подобное явление наблюдается в металлических электроцепях с частичным заземлением.

Источником большинства необходимых данных явился несчастный кот, погибший в результате экспериментов. Он родился и вырос, не зная радиации. Затем Уолдо подверг животное жесткому облучению и, изучая в мельчайших деталях процессы в нервных тканях, обнаружил признаки полной миастении, которые напоминали его собственную. Ему было немного жаль беднягу.

Да, если Грампс Шнайдер не ошибался, радиация совсем не обязательно должна вредить человеческому организму. Если люди научатся направлять свой ум соответствующим образом, то излучение перестанет влиять на них. Более того, они смогут получать энергию из Иного Мира.

Именно это Грампс Шнайдер посоветовал ему сделать. Именно ему Грампс Шнайдер дал такой совет.

Грампс Шнайдер сказал, что он сможет освободиться от своей слабости! Станет сильным! Сильным! **СИЛЬНЫМ!**

Удивительная мысль. Доброжелательная помощь Шнайдера, его совет превозмочь свою слабость — Уолдо не обратил на это никакого внимания, отбросил как несущественное. Он считал свою слабость, свои физические отклонения, которые отличали его от безволосых обезьян, чем-то основным и незыблемым; смирился с ними еще в раннем детстве как с окончательным и неоспоримым жизненным фактором.

Немудрено, что у него и в мыслях не было всерьез воспринимать обращенные лично к нему слова старика.

Быть сильным! Стоять без чужой помощи... Ходить, бегать. Он даже... Да, он смог бы без страха спускаться на Землю, не обращая внимания на силу тяжести. Ведь те, внизу, не боятся гравитации. Они даже переносят предметы — настоящие, тяжелые предметы. Любой из них может это. Они и бросать могут.

Уолдо сделал неожиданно резкое движение, сломавшее его обычный, безупречно экономный ритм работы. Вальдо, которые должны были выполнить новую операцию, оказались слишком большими. Тросы порвались, крепежная пластина со звоном ударилась в стену. Дремавший поблизости Бальдр пошевелил ушами, осмотрелся и обратил удивленный взгляд на Уолдо. Тот свирепо посмотрел на собаку. Бальдр жалобно взвизгнул.

— Заткнись!

Пес успокоился и глазами попросил прощения.

Уолдо машинально оценил ущерб. Поломок немного, но придется повозиться. Сила. Да, обладая силой, он смог бы делать все — в буквальном смысле все! Вальдо номер шесть и несколько тросов... Быть сильным! Рассеянно он включил вальдо номер шесть.

Сила! Обладая силой, можно даже знакомиться с женщинами и быть хозяином положения.

Плавать, скакать на лошадях. Пилотировать корабль. Бегать. Прыгать. Производить все операции собственными руками. Может быть, даже научиться танцевать.

Быть сильным!

У него появятся мускулы. Возможно, ему удастся что-нибудь сломать.

Он... Он...

Уолдо переключился на огромные вальдо величиной с человеческое тело. Вот они были сильными. С помощью одного гигантского вальдо Уолдо захватил стальную плиту толщиной в четверть дюйма, поднял и потряс ею. Раздался оглушительный грохот. Потряс еще. Сила!

Он взялся за плиту обоими вальдо и согнул ее пополам. Линия сгиба вышла неровной. Две огромные ладони скомкали стальной лист, словно клочок бумаги. Рокочущий гул вконец разъярил Бальдра, но Уолдо, казалось, не обращал на него никакого внимания.

Запыхавшись, он решил позволить себе немного отдохнуть. На лбу выступил пот. В ушах стучало. Однако силы еще оставались. Ему хотелось чего-то более тяжелого, более сильного. Он выбрал в соседней кладовой стальную балку длиной в двенадцать футов и потащил с помощью гигантских рук. По дороге балка застряла во входном отверстии. Уолдо с силой дернул ее, оставив глубокую выбоину на краю люка, и даже не заметил, что наделал.

Зажав балку в громадном кулаке, Уолдо угрожающе потряс этой дубиной. Бальдр поспешил за пределы рабочей зоны.

Энергия! Сила! Сокрушительная, необоримая сила... Судорожным движением он успел остановить вальдо за мгновение до того, как дубина ударилась о стену. Нет... Теперь ему захотелось согнуть стальной стержень. Левая рука также пошла в дело. Большие вальдо специально предназначались для тяжелой работы, но балка была предназначена для того, чтобы выдерживать напряжение. Уолдо напрягал все силы, заставляя огромные кулаки подчиниться его воле. На панели управления зажегся предупредительный сигнал. Он на ощупь выключил аварийный предохранитель и продолжил свое занятие.

Балка начала поддаваться. Гул работающих вальдо и звук его собственного дыхания утонули в резком скрежете металла о металл. Ликуя, он увеличил давление внутри своих перчаток. Вальдо вышли из строя в тот момент, когда балка почти была сложена вдвое. Сперва

полетел привод правой руки. Кулак разжался. Левый кулак, неожиданно лишенный противодействия, отбросил стальной прут далеко от себя.

Тот пробил переборку, оставив рваное отверстие, и со звоном грохнулся в соседней комнате.

Гигантские вальдо не подавали признаков жизни.

Уолдо вынул свои мягкие, розовые руки из перчаток и принялся их разглядывать. Он поднял плечи, закрыл лицо руками и громко всхлипнул. Слезы потекли между пальцами. Бальдр взвизгнул и решился подползти поближе.

На панели управления настойчиво ревела сирена.

Разрушительные последствия были ликвидированы, то место, где балка пробила стену, аккуратно закрыла заплата. Однако громадным вальдо не нашлось замены. Их место пустовало. Уолдо был слишком занят — он мастерил силомер.

Ему никогда не приходило в голову поинтересоваться точной величиной своей физической силы. В силе не было никакой необходимости. Все внимание концентрировалось на ловкости, особенно когда дело касалось точного и уверенного управления механическими руками. В аккуратном, эффективном и уверенном использовании мускулов Уолдо не находил себе равных. Ловкостью он обладал — обязан был обладать. Однако для силы не было практического применения.

У него имелось все необходимое для создания на скорую руку прибора, который показывал бы на своей шкале величину силы в фунтах. Циферблат, соединенный с пружиной, да закрепа — вот все, что для этого требовалось. Уолдо медлил и смотрел на то, что смастерил.

Нужно только вынуть руку из вальдо, положить ее на рукоятку и нажать. А потом посмотреть, что получилось. Тем не менее он колебался.

Ему казалось странным брать в руку такой крупный предмет. Значит так. Проникнуть в Иной Мир и взять силу. Уолдо закрыл глаза и нажал. Затем взглянул на шкалу. Четырнадцать фунтов — меньше, чем обычно.

Однако он не очень постарался. Ему удалось представить ладонь Грампса Шнайдера на своей руке, ощутить теплое покаяние. Сила. Проникни и возьми.

Четырнадцать фунтов, пятнадцать, семнадцать, восемнадцать, двадцать, двадцать один. У него начало получаться!

Внезапно и сила, и бодрость оставили его. Стрелка вернулась к нулю. Нужно отдохнуть.

Действительно ли двадцать один фунт — исключительный результат — или для его нынешнего физического состояния такая сила вполне нормальна? Ведь здоровый энергичный мужчина обладает силой порядка ста пятидесяти фунтов.

Тем не менее результат в двадцать один фунт на шесть фунтов выше его давнего рекорда.

Попробуем еще раз. Десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать. Стрелка замерла на месте. Ничего, это только начало. Четырнадцать.

На четырнадцати стрелка окончательно встала и, как он ни пытался сконцентрировать волю, отказалась перейти этот рубеж. Постепенно сила давления ослабла.

В последующие дни высшее достижение снизилось до шестнадцати фунтов. Двадцать один фунт казался теперь счастливой случайностью первой попытки. Уолдо грызла досада.

Однако и этот небольшой прогресс в наращивании силы достался ему ценой больших усилий. Он упорно пытался припомнить все слова Шнайдера, почувствовать прикосновение рук старика. В нем появилась уверенность, что массаж Шнайдера и в самом деле придавал ему сил. Лишь действие поля Земли помешало убедиться в этом наверняка. Попытки не прекращались.

В глубине сознания Уолдо постоянно присутствовала мысль о том, что в конце концов, если все усилия окажутся тщетными, придется отправиться к Грампсу Шнайдеру и просить о помощи. Ему очень не хотелось прибегать к этому средству не только из-за трудностей путешествия, которое необходимо будет совершить (одной этой причины в другое время оказалось бы более чем достаточно), но также и потому, что если Грампсу Шнайдеру не удастся что-нибудь сделать, то никакой надежды больше не останется. Уж лучше жить в печа-

ли и тревоге, чем лишиться последней надежды. Поэтому он не торопился принять решение.

Уолдо не придерживался земного времени. Ел и пил в удобное для себя время. Мог соснуть, когда заблагодарассудится. Тем не менее через определенные, достаточно регулярные промежутки времени он устраивал себе продолжительный сон. Не в постели, конечно. Человек, который парит в воздухе, не нуждается в кровати. Однако перед тем как крепко уснуть на восемь часов, он обязательно закреплял себя с помощью тросов на одном месте. Таким образом, можно было не бояться, что случайный поток воздуха отнесет его тело в сторону и ударит о какую-нибудь панель управления.

С тех пор как Уолдо обуюло желание стать сильным, ему частенько приходилось принимать снотворное, чтобы уснуть...

Доктор Рамбо вернулся и охотился за ним. Рамбо — сумасшедший, переполненный ненавистью. Рамбо, обвиняющий Уолдо во всех своих несчастьях. «Вольная обитель» не могла служить надежным убежищем, поскольку сумасшедший физик нашел способ переходить из одного пространства в другое. Вот он появился из Иного Мира. Вернее, сначала появилась его голова. «Сейчас я до тебя доберусь, Уолдо!» Исчез. Нет, неожиданно появился сзади. Тянет, тянет свои руки, которые вдруг оказались извивающимися антеннами. «Погоди, Уолдо!» Но и у Уолдо тоже руки — не руки, а громадные вальдо. Они хватают Рамбо...

Гигантские вальдо безвольно повисли.

Рамбо подлетает к нему, валит на спину, хватается за горло.

Грампис Шнайдер шепчет Уолдо на ухо спокойно и строго: «Тянись к силе, сынок. Ощути силу в своих ладонях». Уолдо хватается за пальцы, сжимающие горло, старается оторвать их от себя.

Хватка ослабла. Перевес на его стороне. Сейчас он засунет Рамбо обратно в Иной Мир и уже не пустит обратно. Сейчас! Одна рука оказалась свободной. Бальдр неистово лаял. Уолдо хотел приказать ему замолчать, укусить Рамбо, помочь...

Пес продолжал лаять.

Уолдо очнулся у себя дома, в своей большой комнате. Бальдр гавкнул еще раз.

— Тише! — приказал Уолдо и осмотрелся.

Перед сном он закрепил себя четырьмя легкими тросами, которые располагались друг относительно друга подобно осям тетраэдра. Два из них по-прежнему были прикреплены к его поясу. Тело Уолдо мерно покачивалось возле кольца управления. Что же касается двух других, то один оторвался в месте крепления к поясу и свободно парил на расстоянии в несколько футов. Четвертое крепление было порвано в двух местах: возле пояса и фута на четыре ниже. Оторванный кусок троса обвился вокруг шеи Уолдо.

Ситуация казалась невероятной. Как ни верти, а разорвать тросы он мог только сам, во время кошмарного сна. Пес явно непричастен, инструментов под рукой не было. Сомнений быть не может, это его работа. Конечно, разорвать крепления не так уж и трудно, они не слишком крепки, однако...

Для того чтобы заставить силомер работать на растяжение, а не давление, понадобилось всего несколько минут. Достаточно было переставить закрепу. Сделав это, Уолдо включил пару вальдо среднего размера, закрепил в приборе кусок троса и с помощью вальдо потянул.

Разрыв произошел при силе в двести двенадцать фунтов.

Торопясь и теряя в спешке время, он снова перевел силомер в режим давления. Помедлил, тихо прошептал: «Пора, Грампс» — и сжал рукоятку.

Двадцать фунтов, двадцать один. Двадцать пять!

Стрелка перешла тридцатифунтовый рубеж, а у него даже пот не выступил на лбу. Тридцать пять, сорок, сорок один, два, три. Сорок пять, шесть, шесть с половиной. Сорок семь фунтов!

Глубоко вздохнув, Уолдо ослабил хватку. Он стал сильным. Сильным!

Немного придя в себя, новоявленный силач стал решать, что делать дальше. Первым делом ему захотелось позвонить Граймсу. Но нет, это надо будет сделать чуть позже, когда придет уверенность в себе.

Он вернулся к силомеру и проверил левую руку. Не так сильна, как правая, но тоже неплохо — сорок пять фунтов. Удивительно, что никаких новых ощущений не прибавилось. Нормальное здоровое состояние.

У него появилось желание проверить все свои мускулы. На то, чтобы переделать силомер и измерить силу удара, толчка, спинной тяги и еще бог знает что, ушло бы слишком много времени. Поле силы тяжести — вот, что нужно, ускорение в одно «g». Центрифугу в приемном отсеке и панель управления внутри рабочего кольца разделяли несколько коридоров. Была еще центрифуга для часов с кукушкой. Ее колесо могло вращаться с переменной скоростью: так проще регулировать ход часов. Уолдо вернулся внутрь кольца и остановил вращение. Неожиданная остановка расстроила работу часового механизма. Из левой дверцы выскочила крохотная красная птичка, один раз пропела свое бодрое «фью-фью» и затихла.

Держа в руке небольшую панель дистанционного управления, которая было связана с мотором центрифуги, Уолдо устроился внутри колеса, поставив ноги на внутренний обод и ухватившись за одну из спиц. Таким образом, его тело заняло вертикальное положение относительно центробежной силы. Он запустил мотор — поначалу на малых оборотах.

Первый толчок чуть не выбросил Уолдо из центрифуги. Однако он удержал равновесие и прибавил скорости. Пока все шло нормально. Обороты увеличивались. Уолдо с гордостью чувствовал, как увеличивается давление, как ноги наливаются тяжестью, но по-прежнему остаются сильными.

Наконец ускорение достигло желаемой точки — одного «g». Сила не раздавила его. Он мог стоять. Если быть точным, верхняя часть тела ощущала гораздо меньшую тяжесть, чем нижняя, поскольку голова Уолдо находилась всего в футах от оси вращения. Чтобы исправить этот недостаток, он слегка присел, крепко прижимаясь к спице. Ничего существенного не произошло.

Колесо зашаталось, и звук мотора стал прерывистым. Ничем не уравновешенная тяжесть тела Уолдо, расположенного далеко от центра вращения, оказалась

слишком большой нагрузкой на конструкцию, которая предназначалась только для того, чтобы поддерживать часы с кукушкой и их противовес. С теми же мерами предосторожности Уолдо выпрямился, чувствуя легкое напряжение в мускулах ног. Колесо остановилось.

Бальдр был страшно взволнован происходящим. Он чуть не свернул себе шею, пытаясь уследить за движениями хозяина.

Звонок Граймсу снова пришлось отложить. Уолдо хотелось сначала установить в приемном отсеке местную панель управления для центрифуги, чтобы тренировать там свои мускулы. Затем следовало научиться ходить. На первый взгляд это казалось совсем простым, но кто знает, может быть, во время обучения возникнут непредвиденные сложности.

Затем в его планы входило научить ходить Бальдра. Он было попытался впахнуть пса в колесо для часов, но тот отказался подчиниться: вырвался и забился в дальнюю часть комнаты. Ничего страшного, когда животное попадет в приемный отсек, ему волей-неволей придется научиться ходить. Надо было об этом раньше позаботиться. Здоровый как бык, а ходить не умеет.

Уолдо уже представлял себе устройство, с помощью которого можно заставить пса стоять. В общих чертах оно напоминало вожжи, на которых водят маленьких детей, но ему не было известно об этом: изобретатель никогда не видел детских вожжей.

— Дядя Гас...

— А, привет, Уолдо. Как поживаешь?

— Прекрасно. Послушай, дядя Гас, ты бы не мог приехать в «Вольную обитель»? Прямо сейчас.

Граймс покачал головой.

— Извини. Мой корабль сломался.

— Все равно твой корабль слишком медленно тащится. Возьми такси или попроси кого-нибудь тебя довезти.

— Чтобы ты оскорбил его, когда мы приедем? Не-ет!

— Я буду нежен, как патока.

— Что ж, Джимми Стивенс, кажется, говорил вчера, что хотел бы тебя повидать.

Уолдо усмехнулся.

— Пригласи его, я буду рад.

— Перезвони мне, только не откладывай.

Уолдо встретил гостей в приемном отсеке, не включив пока центрифугу. Едва они вошли, комедия началась.

— Очень рад вас видеть. Доктор Стивенс, не могли бы вы отвезти меня на Землю — прямо сейчас? Случилось кое-что важное.

— Думаю, мог бы.

— Тогда в путь.

— Минуточку, Уолдо. Джимми не знает, как обращаться с тобой.

— Придется рискнуть, дядя Гас, дело не терпит отлагательств.

— Но...

— Никаких «но». Не будем задерживаться.

Бальдра затолкали в корабль и привязали. Граймс проследил за тем, чтобы кресло Уолдо располагалось так же, как в его собственном спусковом аппарате. Сам Уолдо уселся поудобнее и закрыл глаза, чтобы избежать расспросов. Мимоходом он заметил, что Граймс молчалив и серьезен.

Полет прошел не слишком гладко, но Стивенсу удалось довольно мягко посадить корабль на стоянку над домом Граймса. Доктор дотронулся до руки Уолдо.

— Как ты себя чувствуешь? Сейчас я кого-нибудь позову, и мы внесем тебя в дом. Я хочу, чтобы ты сразу лег в постель.

— Не нужно, дядя Гас. Зачем беспокоиться? Дай-ка мне лучше руку.

— Что?

Уолдо сам оперся о руку Граймса и встал.

— Думаю, сейчас мне станет лучше, — сказал он и пошел к двери.

— Уолдо!

Тот обернулся, счастливо улыбаясь.

— Да, дядя Гас, ты не ошибаешься. У меня больше нет слабости. Я могу ходить.

Граймс схватился за спинку одного из кресел и потрясенно произнес:

— Уолдо, я старый человек. Со мной нельзя так шутить. — Он смахнул слезы с глаз.

— Да, — согласился Стивенс, — неудачная шутка.

Уолдо смущенно переводил взгляд с одного лица на другое.

— Простите меня, — покорно сказал он, — я хотел сделать сюрприз.

— Ничего страшного. Давайте-ка спустимся вниз, чего-нибудь выпьем, и ты нам все расскажешь.

— Отлично. Пошли, Бальдр.

Пес вскочил и последовал за своим хозяином. Походка у него была довольно странная — приспособление Уолдо научило его шагать, а не бегать рысью.

Уолдо жил у Граймса несколько дней, набираясь сил, приобретая новые рефлексy, наращивая свои вялые мускулы. Ему все теперь давалось легко: миастения исчезла бесследно. Главное было создать надлежащие условия.

Граймс сразу простил своему воспитаннику то, что тот так резко и фатовски открыл тайну своего выздоровления. Он только настоял на том, чтобы Уолдо не торопился и полностью набрал форму, прежде чем выйти из дому без провожатых. Мудрая предосторожность. Даже самые простые вещи могли сбить новичка с толку. Например, лестницы. Уолдо умел ходить по ровной поверхности, но спускаться по лестнице предстояло еще научиться. Подниматься вверх оказалось гораздо менее трудным делом.

В один из дней появился Стивенс. Он вошел в дом и нашел Уолдо в одиночестве слушающим стереопрограмму.

— Здравствуйте, мистер Джонс.

— А-а, здравствуйте, мистер Стивенс.

Уолдо поспешно спустил ноги, нащупал ботинки и обулся.

— Дядя Гас сказал мне, что я не должен их снимать, что все люди постоянно носят обувь. Но вы застали меня врасплох.

— Ничего страшного. В доме обуваться не обязательно. А где док?

— Ушел на весь день. Так вы считаете, что необязательно? Помнится, мои сиделки никогда не разувались.

— И никто не разувается. Однако нет такого закона, который мог бы вас заставить носить ботинки.

— Все равно придется. Хоть и не могу сказать, что они мне нравятся. В них чувствуешь себя как в паре вальдо. Но я хочу научиться.

— Носить обувь?

— Научиться жить, как нормальные люди. Это довольно сложно, — серьезно сказал Уолдо.

Стивенс внезапно почувствовал прилив симпатии к этому человеку без воспитания, без друзей, которому все в мире должно казаться странным и чуждым. Ему захотелось выказать свое расположение к Уолдо.

— Вы, кажется, теперь по-настоящему окрепли?

Уолдо радостно улыбнулся.

— С каждым днем становлюсь все сильнее и сильнее. Сегодня утром выжал двести фунтов. Смотрите, сколько жира я согнал.

— Да, вы хорошо выглядите. Знаете, какая штука. С самой первой нашей встречи я мечтал, чтобы вы стали таким же сильным, как все нормальные люди.

— Серьезно? Почему?

— Ну... Думаю, вы не станете возражать, что иногда были слишком резки со мной. Вы все время меня раздражали. Я хотел, чтобы вы стали сильным, и я бы тогда смог выбить из вас дух.

Уолдо прохаживался по комнате, привыкая к ботинкам. Когда он остановился напротив Стивенса, то выглядел довольно испуганным.

— Иными словами, вы хотели меня избить?

— Точно так. Вы обращались со мной так, как один человек никогда не должен обращаться с другим, если

только он не хочет подражаться. Если б не ваша слабость, я бы колотил вас каждую нашу встречу.

Уолдо, кажется, начал что-то понимать.

— Думаю, мне все стало ясно. Ну что ж.

При этих словах он размашисто и с большой силой стукнул Стивенса кулаком. Тот никак не ожидал такого поступка. Удар пришелся в солнечное сплетение. Бедняга свалился на пол и потерял сознание.

Очнулся он в кресле. Рядом суетился Уолдо.

— Разве это было неправильно?

— Чем это вы меня ударили?

— Кулаком. Разве это было неправильно? Разве вы не этого хотели?

— Хотел?

У него по-прежнему плыли крути перед глазами, но ситуация становилась забавной.

— Значит, вы решили, что именно так начинают драку?

— А разве нет?

Стивенс попытался объяснить ему, как выясняют отношения в Америке. Сначала Уолдо казался озадаченным, но затем кивнул:

— Понял. Прежде всего нужно предупредить соперника. Вставайте. Сейчас мы все сделаем, как надо.

— Полегче, полегче. Подождите минуточку. Вы никак не даете мне договорить до конца. Я действительно был сердит на вас, но теперь уже не сержусь. Именно это я и хотел сказать. Вы, конечно, вели себя крайне отвратительно, но в этом нет вашей вины.

— Я не хотел никого обижать, — серьезно подтвердил Уолдо.

— Я знаю. А теперь, когда вы стали сильным, с вами приятно общаться.

— Правда?

— Правда. Но, пожалуйста, избавьте меня от подобных ударов.

— С удовольствием. Я просто не понял. Знаете, доктор Стивенс...

— Зовите меня Джим.

— Знаете, Джим, это всегда так трудно — понять, чего от тебя ждут люди. Слишком мало общих правил. Возьмите, например, отрыжку. Я не знал, что запреще-

но рыгать в присутствии других людей. Мне это казалось вполне естественным. Но дядя Гас сказал, что нельзя.

Стивенс попытался объяснить ему суть вопроса, но потерпел неудачу: Уолдо не имел ни малейшего, даже теоретического, понятия о социальном поведении. Даже из художественной литературы он не мог почерпнуть представление о сложности взаимоотношений между людьми, поскольку почти не читал такого рода книг. Чтение перестало его интересовать еще в раннем детстве, так как ему не хватало жизненного опыта, чтобы получать удовольствие от прочитанного.

Уолдо обладал богатством, волей, инженерным гением и тем не менее по-прежнему нуждался в детсадовском воспитании.

У него возникло предложение:

— Джим, вы мне очень помогли. Ваши объяснения гораздо яснее, чем у дяди Гаса. Я хочу нанять вас в учителя.

Стивенс подавил легкое раздражение.

— Простите, но я слишком занят на работе.

— Это мы уладим. Я заплачу вам больше. Вы сами назовете сумму. Договорились?

Стивенс глубоко вздохнул.

— Вы не понимаете. Я инженер и не выполняю личных поручений. Вы не можете нанять меня. Конечно, я помогу вам всем, чем смогу, но не стану брать денег.

— А что плохого в том, что вы возьмете деньги?

«Некорректный вопрос, — подумал Стивенс. — В том виде, в каком он поставлен, на него нельзя ответить». Он пустился в длинные и путанные рассуждения по поводу профессионального и делового поведения. У него мало что получилось. Уолдо скоро потерял нить разговора.

— Боюсь, я ничего не понял. Послушайте, вы не могли бы меня научить, как вести себя с девушками? Дядя Гас говорит, что не осмелился бы появиться со мной в компании.

— Что ж, попытаюсь. Обязательно попытаюсь. Однако, Уолдо, я пришел сюда, чтобы обсудить ряд про-

блем, с которыми мы столкнулись у себя на силовой установке. Эта ваша теория о двух пространствах...

— Это не теория, это факт.

— Хорошо. Я только хотел узнать, когда вы собираетесь вернуться в «Вольную обитель» и снова взяться за исследования?

— Обратно в «Вольную обитель»? У меня этого и в мыслях не было. Я больше не собираюсь заниматься исследованиями.

— Как не собираетесь? Но, Боже ты мой, вы же не окончили и половины исследований, как я понял из ваших слов.

— Ваши сотрудники сами могут справиться. Я, конечно, помогу советами.

— Возможно, у нас появится потребность в Грампсе Шнайдере, — с сомнением сказал Стивенс.

— Я бы вам этого не советовал, — ответил Уолдо. — Позвольте показать вам письмо, которое он прислал мне.

Он ушел и вернулся с конвертом.

— Вот, смотрите.

Стивенс пробежал глазами написанное.

«Я высоко ценю ваше великодушное предложение принять участие в новом энергетическом проекте, но, честно сказать, я никогда не интересовался подобными вещами и, кроме того, вряд ли смогу взять на себя такую ответственность. Что же касается известия о ваших новых возможностях, я очень этому рад, но нисколько не удивлен. Сила Иного Мира доступна каждому, кто возьмется искать ее...»

На этом письмо не оканчивалось. Почерк выдавал твердую, уверенную руку, разве что несколько ослабевшую от старости. Стиль письма разительно отличался от того просторечия, на котором говорил Шнайдер.

— Гм, думаю, я понимаю, о чем идет речь.

— По всей видимости, — серьезно произнес Уолдо, — он считает наши манипуляции с техническими устройствами детской забавой.

— Похоже на то. Но скажите, чем вы теперь собираетесь заняться?

— Я? Пока не знаю. Могу сказать одно: я хочу развлекаться — много развлекаться. Я только теперь начинаю понимать, как это весело — быть человеком.

Костюмер надел ему вторую тапку.

— Мне придется долго рассказывать, почему я стал танцевать, — продолжал Уолдо.

— Мне интересны малейшие детали.

— Звонят из больницы, — сказал кто-то из присутствующих в гримерной.

— Передайте им, что я выезжаю сию же минуту. Может, вы зайдете завтра днем, — добавил он, обращаясь к женщине-репортеру. — Сможете?

— Договорились.

Сквозь маленькую толпу, обступившую Уолдо, к нему пробирался какой-то мужчина. Уолдо встретился с ним взглядом.

— Привет, Стенли. Рад тебя видеть.

— Привет, Уолдо.

Глисон вынул из-под шляпы пачку документов и бросил ее на колени танцору.

— Сам решил принести, потому что хотел еще раз посмотреть представление.

— Понравилось?

— Еще бы.

Уолдо улыбнулся и взял бумаги.

— Где подписывать?

— Прочти сначала, — предупредил Глисон.

— Да брось ты. Если это подходит тебе, значит, подходит и мне. Дай-ка мне свое перо.

К ним пробрался маленький озабоченный человек.

— Я насчет записи, Уолдо...

— Позже, позже, — оборвал его Уолдо. — Сначала я должен закончить дела.

— Мы решили объединить ее с бенефисом Уорм Спрингс.

— Тогда другое дело. О'кей.

— Пока ты не отвлекся, посмотри на афишу.

Это была уменьшенная копия, на которой значилось:

ВЕЛИКИЙ УОЛДО и его труппа

Место, где должны быть указаны дата открытия и название театра, оставалось пока незаполненным. Зато имелась фотография, на которой изображался застывший в прыжке Уолдо в роли Арлекина.

— Отлично, Сэм, отлично, — радостно кивнул Уолдо.

— Опять из больницы звонят.

— Я готов, — ответил Уолдо и встал.

Костюмер набросил плащ на его худые плечи. Уолдо неожиданно свистнул.

— Ко мне, Бальдр! Пошли.

У двери он остановился и помахал рукой.

— Спокойной ночи, ребята.

— Спокойной ночи, Уолдо.

Какие все-таки отличные парни.

**КОРПОРАЦИЯ
„МАГИЯ“**

КОРПОРАЦИЯ «МАГИЯ»

— Ты какими чарами пользуешься, приятель?

Вот что сказал этот типчик, в первый раз открыв рот с той минуты, как вошел в магазин. С четверть часа он шлялся по залу, выжидая, пока я останусь один — обнюхивал образчики водоотталкивающих красок, листал каталоги сантехники, копался в витринах со скобяными изделиями.

Мне он не понравился. На деловой вопрос клиента я всегда отвечаю охотно, но не выношу пустого любопытства.

— Всякими, какие поставляют местные лицензированные чародеи, — ответил я вежливым, но ледяным тоном. — А почему вас это интересует?

— Я не про то спрашиваю, — сказал он. —^а Валяй выкладывай, не торчать же мне тут целый день!

Я сдержался. От своих продавцов я требую вежливого обслуживания покупателей, и, хотя этот нахал мало смахивал на потенциального клиента, мне не хотелось нарушать собственного правила.

— Если вы приобретете что-либо, — сказал я, — мне доставит большое удовольствие сообщить вам, применялась ли магия при изготовлении выбранного вами товара или нет, а также и назвать чародея.

— Значит, пойти нам навстречу не хочешь? — вздохнул он. — А мы вот любим, чтобы нам шли навстречу. Не пойдешь, а ведь неизвестно, какое невезение на тебя свалится.

— Какие еще «мы»! — рявкнул я. (Да провались она, вежливость!) — И какое-такое невезение?

— А, вот дело и пошло! — Он ехидно ухмыльнулся и сел на край прилавка, чтобы дышать мне прямо в лицо. Смуглый коротышка. Сицилиец, решил я. Костюм, элегантный до тошноты, рубашка и галстук тщательно подобраны по цвету так, что в глазах рябит.

— Я тебе скажу, какие мы, — продолжал он. — Я представляю организацию, которая оберегает от невезения тех, кто умен и готов пойти нам навстречу. Потому я и спросил, какими чарами ты пользуешься.

— Ну, а дальше что? — сказал я, проверяя, как далеко он зайдет.

— Ты вот умен, я сразу усек, — ответил он. — Ну, скажем, устроит тебя, если в твоём магазине начнет резвиться саламандра — товары спалит, а то и покупателей напугает. Или продашь товары для постройки дома, а в нем заведется полтергейст и будет посуду бить, молоко сквашивать и швыряться мебелью. Вот что выходит, если не к тому чародею обратиться. Самая каплюшечка чего-то такого, и ты разорен. А мы же этого не хотим, а? — Он одарил меня еще одной ухмылкой.

Я промолчал, и он продолжал:

— У нас на контракте самые искусные демонологи, которые и сами чародеи высшего класса. Они проследят, как твой чародей ведет себя в Полумире и нет ли шансов, что он накличет на своего клиента черное невезение. Понял?

Еще бы не понять! Я же не вчера родился. Чародеи, к чьим услугам я прибегал, все были местные, я знал их много лет, и они пользовались уважением как в нашем мире, так и в Полумире. Со стихийными духами у них всегда был полный порядок. И накликать невезения они никак не могли.

Этот грязный подонок попросту требовал, чтобы теперь я обращался только к чародеям, на которых укажут они, и платил гонорары, назначенные ими же, а

они будут прикарманивать процент и с гонораров, и с моей прибыли. А если я «не пойду им навстречу», меня начнут допекать стихийные духи, с которыми они в сговоре, — какие-нибудь отщепенцы с человеческими пороками — портить мои товары, отпугивать клиентов. А если я стану упорствовать, то следует ожидать черного заклęcia, которое искалечит меня или убьет. И все — под предлогом будто они оберегают меня от людей, которых я знаю и уважаю!

Удобный рэкет!

На Восточном побережье я слышал о таком, но не предполагал столкнуться с этим в нашем тихом городе.

Он ухмылялся мне, ожидая ответа, и крутил шеей, потому что ее жал воротничок. И тут я кое-что заметил. При всей сверхмодности его костюма под воротничком сзади виднелась черная нитка. Так, он носит под одеждой талисман или амулет. Если моя догадка верна, значит, он умудрился остаться суеверным даже в наши дни, в наш просвещенный век!

— Кое-чего вы не угли, — сообщил я ему. — Я ведь седьмой сын, родился в рубашке и наделен даром ясновидения. С моим везением все в порядке, но я зрю, что над вами, точно кипарис над могилой, нависает невезение. — Я протянул руку и рванул нитку. Она лопнула и осталась в моих пальцах. И на ней таки болтался амулет! Омерзительный комочек неведомо чего и, примерно, такой же аппетитный, как дно птичьей клетки. Я уронил его на пол и старательно растер подошвой.

Он слетел с прилавка и уставился на меня, тяжело дыша. В его правой руке появился нож, а левой он защищался от дурного глаза, тыча в меня кулаком с выставленным вперед большим пальцем и мизинцем — рогами Асмодея. Я понял, что пока сладил с ним.

— А вот талисман, о котором вам, быть может, не приходилось слышать, — отбарабанил я и сунул руку в ящик под прилавком. Вытащив пистолет, я прицелился ему в лицо. — Холодное железо! А теперь отправляйся к своему хозяину и скажи ему, что его тоже ждет холодное железо — и так и эдак!

Он начал пятиться, не сводя глаз с моего лица. Если бы взгляды могли убивать... ну, и так далее. В дверях он остановился, плюнул на порог и мгновенно исчез.

Я убрал пистолет и занялся двумя покупателями, которые вошли, едва мистер Держи Ухо Востро покинул магазин. Но, признаюсь, я встревожился. Репутация — самое дорогое достояние человека. Я еще в молодости создал себе имя как продавец надежных товаров. А этот типчик и его дружки, уж конечно, попытаются очернить мое доброе имя, и способов у них для этого хоть отбавляй, если они заручились услугами черных колдунов.

Само собой, строительные материалы не требуют такого количества чар, как менее долговечные товары. Строя дом, люди хотят знать, что кровать не провалится в подвал как-нибудь в полночь и крыша не исчезнет, оставив их на милость проливного дождя.

Ведь при строительстве используется много железа, а среди практикующих чародеев лишь горстка способна справляться с холодным железом. Те же, кто способен, берут такие гонорары, что прибегать к ним, когда строишься, попросту невыгодно. Разумеется, если какому-нибудь великосветскому хлыщу захочется похвастать, что его беседка или плавательный бассейн построены исключительно с помощью магии, я заключу контракт на соответствующую сумму, а затем сдам подряд тому или иному из первоклассных чародеев. Но в целом в моем деле чары используются только для частных дел — всяких недолговечных украшений и приспособлений, которые люди любят приобретать недорого, а потом снова и снова менять.

Поэтому я тревожился не из-за чар, применяемых в моем деле, но из-за чар, которыми можно повредить в моем деле, если кто-то захочет навлечь на меня беды. Да и в любом случае мои мысли были заняты чарами из-за утреннего разговора с неким Дитвортом, который ничем мне не угрожал, а предложил выгодную сделку... И все-таки мне было не по себе.

Я закрыл магазин чуть раньше обычного и направился к своему приятелю Джедсону, специализирующемуся на готовой одежде. Он много меня старше и, хотя никаких степеней не имеет, большой знаток всевоз-

можных форм колдовства, будь то белая или черная магия, некрология, демонология, чары, талисманы и наиболее практичные способы применения лозы. Вдобавок он человек здравомыслящий, с отличной головой на плечах и разносторонне способный. Я очень дорожу его советами.

Я думал, что в такой час он уже покончил с дневными хлопотами и сидит у себя в кабинете. Однако рассыльный проводил меня до комнаты совещаний. Я постучал и открыл дверь.

— Привет, Арчи! — воскликнул Джедсон, едва увидел меня. — Входи и садись. У меня есть кое-что новенькое.

Я огляделся. В комнате кроме Джедсона было еще четверо. Красивая плотная женщина лет тридцати в форме медицинской сестры, а также Огест Уэлкер, десятник Джедсона, умелец на все руки, обладатель лицензии чародея третьего класса. И низенький толстяк Задкиель Фельдштейн, агент множества посредственных чародеев и пары-другой знаменитостей. Его религия, понятно, запрещала ему самому заниматься чародейством, но, насколько мне известно, на получение честных комиссионных богословы запрета не наложили. Мне доводилось вести с ним дела, и ничего дурного я о нем сказать не могу.

Этот десятипроцентник сжимал в пальцах погасшую сигару, во все глаза глядя на Джедсона и на кое-кого еще.

А именно — на девушку лет двадцати пяти, если не меньше. Светлая блондинка и до того худенькая, что казалась почти прозрачной. Крупные кисти с длинными чуткими пальцами, большой трагичный рот и серебристые волосы. (Но альбиноской она не была.) Выглядела она измученной и полулежала в кресле. Сестра растирала ей запястья.

— Что случилось? — спросил я. — Девочке плохо?

— Да нет, — ответил Джедсон, оборачиваясь ко мне. — Она просто белая колдунья и работает в трансе. А сейчас утомилась, только и всего.

— А специальность у нее какая? — поинтересовался я.

— Готовая одежда.

— А? — У меня было полное право удивиться. Одно дело накладывать материю штуками, и совсем другое — выдать платье или костюм в готовом виде. Джедсон производил и продавал партии одежды, созданной только чарами. В основном спортивные костюмы, всякие новинки, модные женские ансамбли и прочее, требующее стиля, а не носкости. Обычно они снабжались предупреждениями «На один сезон», но в пределах этого сезона не оставляли желать ничего лучшего и были одобрены обществом защиты потребителей.

Однако изготавливались они не в один присест. Сначала создавались ткани — чаще всего этим занимался Уэлкер. Красители и рисунки добавлялись отдельно. У Джедсона были связи в Полумире, и его снабжали оттенками и фасонами, сотворенными специально для него. Для изготовления особой одежды он пользовался и старыми методами, и чарами, и у него работали некоторые из самых талантливых художников в этой области. По договоренности с ним его модельеры предоставляли свои чары Голливуду — он просил только, чтобы в титрах упоминалась его фамилия.

Но вернемся к светлой блондинке...

— Вот именно! — сказал Джедсон. — Готовая одежда, причем долговечная. Девочка — подлинный талант, это точно. У нее контракт с текстильной фабрикой в Джерси-Сити, но я уплатил тысячу долларов, чтобы своими глазами увидеть один раз, как она творит готовое изделие. Но нам пока не везет, хотя я уже все испробовал, кроме разве что раскаленных клещей.

Девочка посмотрела на него с ужасом, сестра — с возмущением, а Фельдштейн начал было возражать, но Джедсон его перебил:

— Фигура речи, и ничего больше. Вы же знаете, я не приверженец черной магии. Ну как, милочка, — продолжал он обращаясь к девушке, — ты готова попробовать еще раз?

Она кивнула, и он скомандовал:

— Отлично. Баюшки-баю!

И она опять попробовала, причем стонала умеренно и почти не плевалась. Эктоплазма вытекала свободно и, действительно, преобразилась не в материю, а в гото-

вое изделие — изящное вечернее платье шестнадцатого размера, небесно-голубое из блестящего шелка. На редкость элегантно, и я не сомневался, что любой комиссионер, едва его увидит, тут же закажет солидную партию.

Джедсон схватил его, отрезал лоскуток, подверг его обычным проверкам, а под конец вынул из-под микроскопа и подпалил спичкой.

А потом выругался.

— Прах его побери, — сказал он. — Все ясно! Это вовсе не новое творение, она просто обновила старую тряпку.

— Ну и что? — сказал я. — Подумаешь!

— А? Арчи, подучился бы ты хоть немножко! То, что мы видели, творческой магией и не пахнет! Это платье, — он схватил его и встряхнул, — реально существовало где-то и когда-то. Она заполучила его частичку — нитку, а то и пуговицу и, применив законы гомеопатий и смежности, создала его подобие.

Я его отлично понял, потому что сам пускал в ход этот метод. Как-то раз я построил на собственной земле временную трибуну — пригодную для парадов или атлетических соревнований, — используя самые лучшие материалы (без железа!) и самых квалифицированных рабочих, причем исключительно старыми способами. Затем я распилил ее на кусочки. По закону смежности каждый кусочек был потенциально прежней трибуной. Я брал подряд поставить трибуны на Четвертое Июля или для зрителей циркового шествия и отправлял на место парочку чародеев, снабдив их кусочками по числу трибун, которые требовалось поставить. Они накладывали на каждый кусочек суточные чары, а когда отпадала надобность, трибуны исчезали сами без всяких хлопот.

Накладка вышла только один раз. Ученик чародея, которому было поручено наблюдать, как трибуны исчезают, и подбирать изначальные кусочки для дальнейшего употребления, поднял не ту деревяшку. И в следующий раз, когда мы ее использовали для съезда паломников, на углу Четырнадцатой улицы и Вайна вместо одной из трибун возникло четырехкомнатное новехонькое бунгало. Могли бы выйти неприятности, но я при-

колотил на него объявление: «Выставочный образец современного загородного дома» и поставил трибуны по обеим его сторонам.

Однажды загородная фирма попыталась перехватить у меня заказы, но одна их секция рухнула то ли из-за брака в прототипе, то ли из-за халатности чародея, и несколько человек получили травмы. С тех пор в этой области я практически сохраняю монополию.

Вот почему я не понял реакции Джо Джедсона на обновление.

— Ну какая разница? — не отступал я. — Это же платье или нет?

— Платье-то платье, но не новое. Этот стиль где-то зарегистрирован и, значит, уже не мой. И даже если она использовала мою модель, мне требуется совсем другое. Я могу изготавливать дешевле и лучше, не прибегая к этому способу, не то я бы его давно использовал!

Блондиночка пришла в себя, увидела платье и воскликнула:

— А, мистер Джедсон, значит, у меня получилось?

Он объяснил, что произошло. Лицо у нее вытянулось, и платье сразу испарилось. Джедсон потрепал ее по плечу.

— Не принимай к сердцу, детка, — сказал он. — Ты устала. Завтра попробуем еще раз. Я знаю, у тебя получится, только не надо нервничать и изводить себя.

Она поблагодарила его и ушла с медсестрой. Фельдштейн рассыпался в извинениях, но Джедсон сказал, что это пустяки и он ждет их завтра в то же время.

Когда мы остались одни, я рассказал ему о том, что произошло со мной и как я внушил посетителю, будто обладаю даром ясновидения. Джедсон засмеялся.

— Как бы тебе не пожалеть, что его у тебя нет, ясновидения, хочу я сказать, — заметил он уже серьезно. — Неприятная перспектива. А ты уведомил Бюро Береженого Бизнеса?

Я покачал головой.

— Ну хорошо, я сам туда позвоню, и в торговую палату тоже. Помочь они вряд ли смогут, но сообщить им нужно непременно, чтобы они были готовы к этому.

Я спросил, а не обратиться ли мне в полицию.

— Пока нет, — ответил он. — Ведь противозаконного ничего не произошло, да и в любом случае, начальник полиции ограничился бы тем, что вызвал к себе всех чародеев с лицензиями и задал бы им жару. А что толку? Но зато законопослушные члены профессии затаили бы против тебя зуб. Десять шансов против одного, что колдуны, связанные с этой шайкой, не получили разрешения практиковать чародейство и действуют подпольно. А если они полиции не известны, то она помочь тебе не сможет.

— Так что же, по-твоему, мне делать?

— Пока ничего. Отправляйся домой и ложись спать. Утро вечера мудреней. Не исключено, что этот прохиндей действует в одиночку и пытается нажиться на чистом блефе. Хотя я так не думаю. Подонок держался как гангстер. Но нам требуются хоть какие-то факты. Мы ничего не можем предпринять, пока они не приоткроют свои карты.

Ждать нам пришлось недолго. Когда утром я пришел в магазин, меня ждал сюрприз, а вернее, сюрпризы, и все неприятные.

Впечатление было такое, словно помещение разгромили, подожгли и устроили хороший потоп. Я тут же позвонил Джедсону, и он сразу приехал, но вначале ничего не сказал, а обошел пожарище, что-то высматривая, и наконец остановился на том месте, где хранились скобяные товары, и зачерпнул горсть мокрой золы и грязи.

— Замечаешь что-нибудь? — спросил он, перебирая пальцами так, что грязь стекла, оставив на ладони металлическую мелочь — гвозди, шурупы и прочее.

— Ничего особенного. Тут стояли бочки с гвоздями и тому подобным, что не горит.

— Это понятно, — нетерпеливо перебил Джедсон. — Неужели ты не видишь? У тебя ведь было много всякой латунной и медной фурнитуры, так?

— Да.

— Ну так отыщи хоть одну скобу!

Я поковырял носком ботинка в золе там, где следовало валяться бронзовым дверным ручкам, но увидел только гвозди, скреплявшие бочки. Я сориентировался

по сохранившимся приметам и ковырнул еще раз. Гайки, болты, крюки — и ничего из меди или бронзы.

Джедсон следил за мной с сардонической усмешкой.

— Ну? — спросил я, разозлившись.

— Неужели ты не понял? Чары, никуда не денешься. На складе не осталось других металлов, кроме *холодного железа!*

Да, действительно, я мог бы и сам сообразить.

Он продолжал осмотр, и вскоре мы наткнулись на любопытную штуку — на мокрый слизистый след, который петлял по останкам моей собственности и кончался у сточной трубы. Казалось, тут ползал гигантский слизняк, величиной с газонокосилку.

— Ундина! — объявил Джедсон и брезгливо поморщился от запаха.

Я как-то видел фильм «Дочь водяного», супербоевик, выпущенный «Мегапиксом». Если верить ему, ундины очень даже аппетитны и способны соблазнить самого Эрла Кэрролла, но если они оставляют такие следы, то меня им не прельстить!

Джедсон достал носовой платок и расстелил его, чтобы сесть на бывший мешок с цементом, очень дорогим, быстро твердеющим «Гидролитом». Восемьдесят центов прибыли с мешка, которые все теперь превратились в несокрушимые валуны.

Джедсон принялся анализировать случившееся, загибая пальцы.

— Арчи, тебе дали по зубам минимум три стихии из существующих четырех — земля, огонь и вода. Может быть, участвовал и сильф, стихийный дух воздуха, но прямых доказательств у меня нет. Сначала явились гномы и забрали все, что было у тебя добытого из земли — кроме холодного железа. За ними последовала саламандра, сжигая все, что горит, опалая и покрывая копотью остальное. И, наконец, ундина превратила это место в болото, погубив все, чего не мог пожрать огонь — например цемент и негашеную известь. Ты застрахован?

— Само собой! — Но тут я задумался. Да, я застраховался от пожара, кражи и затопления, но страховка дела — вещь дорогая, и простой мне никто не оплатит, да и завершить текущие работы я не мог, а значит,

придется откуда-то изыскивать средства. Нарушить контракт, значило бы погубить доброе имя фирмы, не говоря уж о судебных исках о причинении убытков.

Положение оказалось куда хуже, чем представилось мне в первые минуты, и чем больше я думал, тем ужаснее оно выглядело. Естественно, брать новые заказы можно будет не раньше, чем все тут удастся расчистить, отстроить магазин заново и восстановить запас товаров. К счастью, почти все мои документы хранились в несгораемом сейфе. Но не все! Значит, я не получу денег по счетам, которых не смогу предъявить. А свободного капитала у меня почти не было — так что складывалось следующее впечатление: фирма «Арчибальд Фрэзер, торговец и подрядчик» должна будет объявить о своем банкротстве.

Я изложил все это Джедсону.

— Не спеши, — утешил он меня. — То, что разрушено чарами, чары же и восстанавливают. Нам просто нужен лучший волшебник в городе.

— А кто ему заплатит гонорар? — возразил я. — Эти ребята за гроши не работают, а у меня в кассе пусто.

— Легче, легче, сынок! — посоветовал он. — Твоему страховому обществу убытки грозят не меньше твоих. Если мы им объясним, как можно выкрутиться, то найдем с ними общий язык. Кто их представляет тут?

Я назвал юридическую контору, помещавшуюся в Деловом Центре.

Я позвал секретаршу и распорядился, чтобы она обзвонила тех наших клиентов, кому материалы должны были быть отосланы сегодня. Я проинструктировал ее, где возможно добиться отсрочки, а в остальных случаях велел передать заказы фирме, с которой в прошлом я обменивался такими услугами. Остальных служащих я отослал домой — они с восьми часов болтались вокруг, ахали, охали и только путались под ногами, — предупредив, чтобы они не возвращались, пока я их не позову. К счастью, была суббота, и мы располагали почти двумя сутками, чтобы найти какой-то выход.

Мы остановили свободный ковер-самолет и полетели к Деловому Центру.

Я расположился поудобнее, решив выбросить все тревоги из головы и наслаждаться полетом. Я люблю такси — они дарят мне ощущение, что я купаюсь в роскоши, — но особенно полюбил их, когда они сбросили колеса. Нам попался новейший «кадиллак» каплеобразной формы с воздушными подушками. Мы неслись по проспекту, бесшумно как мысль, всего в шести дюймах над мостовой.

Пожалуй, следует объяснить, что наши городские власти запретили левитирование, если только оно не проводится в строгом соответствии с правилами уличного движения — я имею в виду наземного, а не воздушного. Вас это может удивить, но причиной послужила беда, приключившаяся с одним подрядчиком вроде меня. Ему надо было доставить одиннадцать с лишним тонн стеклянных кирпичей в перестраиваемый ресторан в другом от его склада конце города. Он обратился к чародею с обычной лицензией на перевозки. А тот, уж не знаю, по небрежности или просто по глупости обрушил все одиннадцать тонн на крышу Баптистской церкви, что на Проспектном бульваре. Уж кажется, все знают, что над освященной землей чары утрачивают силу, и если бы он потрудился справиться с планом города, то увидел бы, что путь по прямой проходит точно над церковью. Ну, как бы то ни было, а кирпичи пробили крышу, и погиб привратник — хорошо еще, что не все прихожане. Это вызвало такой скандал, что левитирование было ограничено мостовыми вблизи поверхности.

Вот из-за таких недотеп страдают остальные!

Наш юрист был у себя — мистер Уиггин из фирмы «Уиггин, Снид, Макклатчи и Уиггин». Он уже слышал о моем «пожаре», но, едва Джедсон объяснил, почему, по его мнению, причиной должна быть магия, мистер Уиггин ошетинился. Это не укладывается ни в какие рамки, объявил он.

Джедсон был образцом терпения.

— Вы в магиях разбираетесь, мистер Уиггин? — осведомился он.

— Я не специалист по чародейному праву, если вы это подразумеваете, сэр.

— Ну у меня лицензии нет, но интересуюсь я им много лет. И данный случай я считаю абсолютно ясным. Можете обратиться к любым независимым экспертам, они подтвердят мои выводы. Итак, предположим удобства ради, что ущерб недвижимости был причинен с помощью чародейства. Если так, то перед нами открывается возможность избежать значительных убытков. Вы ведь уполномочены улаживать имущественные претензии?

— Ну, пожалуй, я могу ответить утвердительно — разумеется, с учетом правовых ограничений и условий контракта.

Нет, честное слово, без ревизорской проверки он не признал бы, что у него пять пальцев на руке.

— Следовательно, ваша обязанность — свести убытки вашей компании до минимума. Если я найду волшебника, который сумеет восстановить все — или хотя бы значительную часть — в исходном виде, гарантируете ли вы от лица своей компании гонорар в разумных пределах? Ну, скажем, двадцать пять процентов от сэкономленных сумм?

Он снова принялся экать и мзкать. Сказал, что не видит, каким образом он может согласиться на что-либо подобное, а если пожар вызвали чары, то прибегнуть к чарам для восстановления исходного состояния практически равносильно сокрытию преступления, поскольку нам неизвестно, какие связи в Полумире у причастных к этому делу чародеев. Кроме того, моя претензия еще не признана. Ведь я же не известил компанию о моем посетителе накануне пожара, а это, скорее всего, лишает меня права на страховую премию. В любом случае, речь идет о серьезнейшем прецеденте, и он обязан проконсультироваться в министерстве внутренних дел.

Джедсон встал.

— Я вижу, что мы просто зря тратим время друг друга, мистер Уиггин. Ваше утверждение, будто ответственность ложится на мистера Фрэзера, смехотворно, и вы это знаете. Условия контракта не требуют от него подобного извещения, но и в противном случае на

извещение положены сутки, которые еще не истекли. Полагаю, нам самим следует проконсультироваться в министерстве. — Он потянулся за шляпой.

Уиггин поднял ладонь.

— Господа, господа, прошу вас! Не будем спешить. Согласится ли мистер Фрэзер уплатить половину гонорара?

— Нет. С какой стати? Это ваши убытки, не его. Ведь он застрахован у вас, а не вы у него.

Уиггин задумчиво постучал очками по зубам, а затем объявил:

— Надо поставить условие, что гонорар определяется результатами.

— А вам приходилось слышать, чтобы люди в здравом уме договаривались с волшебниками на какой-то другой основе?

Через двадцать минут мы ушли от него с документом, уполномочивавшим нас нанять любого колдуна или волшебника для восстановления моего магазина и складов при нем за гонорар, не превышающий двадцати пяти процентов восстановленных ценностей.

— А я думал, ты решил махнуть рукой на это дело! — Я даже вздохнул от облегчения.

— Да ни за что на свете, сынок! — Он ухмыльнулся. — Этот тип просто пытался заморочить тебе голову, чтобы ты заплатил тому, кто сбережет их деньги! Ну а я дал ему понять, что вижу его насквозь.

Нам пришлось пораскинуть мозгами, раздумывая, к кому обратиться. Джедсон сразу сказал, что ближе Нью-Йорка не знает специалиста, которому мог бы со спокойной душой доверить такую задачу, ну а Нью-Йорк при таком гонораре сразу отпадал. Мы завернули в бар, и я пропустил пивка, пока он звонил туда-сюда. Вскоре он присоединился ко мне и объявил:

— По-моему, нашел. Сам я с ним дела еще не имел, но у него отличная репутация, солидный стаж, и все, с кем я ни говорил, в один голос советовали обратиться именно к нему.

— А кто он?

— Доктор Фортескью Бидл. Приемная у него дальше по улице в Доме железнодорожной биржи. Пошли, это совсем рядом.

Я залпом допил пиво и встал.

Приемная доктора Бидла производила внушительное впечатление. Он занимал угловое помещение на четырнадцатом этаже и не пожалел денег на обстановку. Стиль был ультрасовременный: она дышала аскетической элегантностью кабинета модного врача. Стены опоясывал фриз из знаков зодиака (цветное стекло и алюминий). Этим украшения и ограничивались, мебель же была очень простой и строгой, но весьма дорогой — изобилие зеркального стекла и хрома.

Нам пришлось прождать в приемной полчаса, и я коротал время, прикидывая, сколько я выручил бы за такой набор, учитывая привлечение чародея и десятипроцентную скидку. Затем подлинная красавица с нежным голосом проводила нас во внутреннюю комнату, где мы прождали в одиночестве еще десять минут. Выглядела комната так же, как приемная, если не считать застекленных книжных шкафов и старинной гравюры, изображавшей Аристотеля. Мы с Джедсоном от нечего делать исследовали содержимое книжных шкафов. Полки заполняли классические труды по магии, и Джедсон как раз указал мне на «Красное наставление магу», когда позади нас голос произнес:

— Забавные вещицы, не правда ли? Древние знали поразительно много. Никакого понятия о науке, но поразительная находчивость... — Голос замер, мы обернулись, и он представился: — Доктор Бидл.

Выглядел он очень недурно: высокий, худощавый, чрезвычайно благообразный. Лет на десять старше меня, то есть разменял пятый десяток, седые виски, жесткая щеточка усов, как у английского майора. Костюм его словно сошел с модной картинки «Эсквайра», манеры казались приятными — словом, у меня не было причин сразу проникнуться к нему неприязнью. Разве что брюзгливая надменность выражения...

Он пригласил нас в кабинет, усадил, предложил сигареты и только тогда перешел к делу.

— Вы, разумеется, Джедсон, — начал он. — Полагаю, вас прислал мистер Дитворт?

Я наострил уши. Знакомая фамилия! Однако Джедсон ответил простодушно.

— Да нет. А почему вы так решили?

Бидл замялся. И сказал, словно про себя:

— Странно! Я был уверен, что он упоминал вашу фамилию. Один из вас знаком с мистером Дитвортом? — спросил он.

Мы оба дружно кивнули, удивив друг друга, но Бидл словно успокоился и добавил:

— Видимо, причина в этом. Однако... Мне нужно разобраться. Вы меня извините? Я справлюсь у него.

И он исчез. Я впервые увидел, как это делается. Джедсон говорит, что существуют два способа: отвод глаз, либо реальный проскок через Полумир. Но, на мой взгляд, все равно хамство.

— Насчет этого Дитворта, — обернулся я к Джедсону. — У меня как раз...

— погоди, — перебил он. — Сейчас не время.

И тут возник Бидл.

— Все в порядке, — объявил он, обращаясь прямо ко мне. — Я могу заняться вашим делом. Полагаю, вы пришли по поводу того, что вчера произошло с вашим магазином?

— Да, — подтвердил я. — А откуда вы знаете?

— Есть способы, — он снисходительно улыбнулся. — Моя профессия открывает некоторые возможности. Но о вашей проблеме — чего вы хотите?

Я взглянул на Джедсона, и он объяснил, что, по его мнению, там произошло и почему он сделал такие выводы.

— Не знаю, — заключил он, — насколько вы специалист по демонологии, но мне кажется, можно вызвать силы, причинившие ущерб, и принудить их вернуть все в прежнее состояние. Если вы согласны, мы готовы предложить вам приличный гонорар.

Бидл чуть улыбнулся и самодовольно покосился на коллекцию дипломов, украшавших стены кабинета.

— Думаю, причины отказать вам не будет, — промурлыкал он. — Разрешите, я произведу осмотр места происшествия... — И он вновь исчез.

Во мне закипало раздражение. Пусть ты хороший специалист, но это еще не повод пускать пыль в глаза.

Однако меня еще не пробрало как следует, а он уже вернулся.

— Осмотр как будто подтвердил мнение мистера Джедсона, и особых трудностей не предвидится, — сообщил он. — А теперь о... э... материальной стороне дела... — Он деликатно кашлянул и смущенно улыбнулся, словно огорчаясь, что приходится касаться такой пошлости.

И почему некоторые люди ведут себя так, словно возможность заработать деньги царапает их нежные души? Я, лично, приветствую законную прибыль и не стыжусь ее. Раз люди платят деньги за мои товары и услуги, значит, мой труд приносит пользу.

Впрочем, договорились мы легко и быстро, после чего Бидл предложил встретиться у моего магазина через пятнадцать минут. Мы с Джедсоном вышли на улицу и махнули другому такси. Едва мы забрались внутрь, я спросил у него про Дитворта.

— Где ты с ним встречался?

— Приходил ко мне с деловым предложением.

— Хм-м-м... (Интересно! Дитворт и мне предложил кое-что, от чего мне стало не по себе.) Так какое предложение?

Джедсон наморщил лоб.

— Трудно сформулировать. Слишком много было цветистых аргументов. Короче, он представился секретарем местной некоммерческой ассоциации, цель которой — повысить требования к квалификации практикующих чародеев.

Я кивнул. То же самое Дитворт втолковывал мне.

— Ну а дальше что?

— Он распространялся о неадекватности законов, регулирующих выдачу лицензий, и повторял, что сейчас кто угодно может сдать экзамен и повесить табличку со своим знаком после двухнедельного знакомства с каким-нибудь «Наставлением» или черной книгой, притом понятия не имея о фундаментальных законах чародейства и волхвования. Его организация будет своего рода бюро стандартов и возьмет на себя ту же роль в этой сфере, какую играют в своих Американская медицинская ассоциация, или Национальная конференция университетов и колледжей, или

Ассоциация адвокатов. Если я подпишу соглашение обращаться только к тем колдунам, которые отвечают их требованиям, то смогу получить свидетельство о качестве моих товаров и поставить на каждый предмет их печать.

— Джо, я выслушал ту же историю, — перебил я, — и не могу в ней разобраться. Вроде бы все правильно, но мне не хочется рвать с хорошо мне знакомыми чародеями, а откуда я знаю, одобрит ли их эта его ассоциация.

— И что ты ему ответил?

— Потянул время, сказал, что не могу подписать такого рода обязательство, не обсудив этого с моим адвокатом.

— Молодец! А он что?

— Ну, он как будто все понял правильно и искренне желал всего лишь помочь мне. Сказал, что я поступаю мудро, и оставил мне для ознакомления кое-какие проспекты. Ты что-нибудь о нем знаешь? Он сам чародей?

— Нет. Но кое-что я о нем выяснил. Я вроде бы знал, что он как-то связан с торговой палатой, но выяснилось, что он — член правления десятка, а то и больше, весьма солидных корпораций. По образованию юрист, но не практикует. По-видимому, посвящает все свое время деловым интересам.

— Он выглядит ответственным человеком.

— Еще бы! И известен куда меньше, чем можно ожидать, когда речь идет о бизнесмене такого масштаба. Он словно предпочитает оставаться в тени. Я наткнулся на одно подтверждение этого.

— Какое? — спросил я.

— Просмотрел регистрационные документы его ассоциации в канцелярии государственного секретаря. Всего три фамилии — его собственная и еще две. Как я выяснил — его секретаря и регистраторши.

— Подставные лица?

— Несомненно. Но это дело обычное. Меня заинтересовало другое: одну из фамилий я узнал.

— А?

— Ты знаешь, я состою в ревизионной комиссии моей партии в нашем штате, ну и поискал фамилию

секретаря там, где, как мне казалось, я ее встречал. И не ошибся. Его секретарь, тип по фамилии Мэтьяс значится в списке за дьявольски большой взнос в личный избирательный фонд губернатора.

На этом наш разговор оборвался, так как такси остановилось перед останками моего магазина. Доктор Бидл опередил нас и уже приступил к приготовлениям, воздвигнув для своих манипуляций хрустальный павильончик десять на десять футов площадью. От прохожих он был отгорожен неосязаемым экраном. Джедсон предупредил меня, чтобы я не думал к нему прикасаться.

Должен отдать Бидлу должное: он работал без обычных броских эффектов. Просто поздоровался с нами, вошел в павильончик, достал из кармана блокнот и начал читать. Джедсон утверждает, что Бидл использовал кое-какие приспособления, но я их не видел, и работал он полностью одетый.

Несколько минут все оставалось как было. Постепенно стены затуманились, и все внутри стало неясным. Тогда же я обнаружил, что Бидл в павильончике не один. Кто или что это было я не разглядел, да и правду сказать, не очень старался.

Из павильончика не доносилось ни звука, но там несомненно вспыхнул спор. Бидл вскочил и принялся рубить руками воздух, а тот откинул голову и захохотал. Бидл тревожно оглянулся на нас и поднял правую ладонь. Тут же стены павильончика утратили прозрачность, и мы больше ничего не видели.

Минут пять спустя Бидл вышел из своего рабочего помещения, которое тут же исчезло. На него стоило посмотреть: волосы всклокочены, по лицу пот льет градом, воротничок измялся и промок. И хуже того: апломб в нем заметно поубыло.

— Ну? — спросил Джедсон.

— Ничего сделать невозможно, мистер Джедсон. Абсолютно ничего.

— То есть вы ничего сделать не можете?

Бидл сразу подобрался.

— Никто на свете не может, господа! Откажитесь от своего намерения, забудьте о нем. Вот мой совет.

Джедсон промолчал, меряя его задумчивым взглядом. Я и вовсе прикусил язык. Бидл начал обретать самоуверенность. Надел шляпу, поправил галстук и объявил:

— Мне нужно вернуться к себе. Мой гонорар за предварительную разведку равен пятистам долларам.

От такой наглости я и вовсе онемел, но Джедсон сделал вид, будто не понял его.

— Да, конечно, — вздохнул он. — Так жаль, что вы его не заработали. Очень, очень жаль.

Бидл побагровел, но сохранил светскую невозмутимость.

— Видимо, сэр, я выразился недостаточно ясно. Согласно договору, который я заключил с мистером Дитвортом, чародеи, одобренные ассоциацией, бесплатно не консультируют. Это понижает престиж профессии. Гонорар, который я упомянул, является наименьшим для чародея моей классификации, независимо от оказанных услуг.

— А-а! — вздохнул Джедсон. — Вы столько взыскиваете за вход в вашу приемную. Но вы нас не предупредили, так что никаких обязательств мы не несем. А что до договора, который вы подписали с мистером Дитвортом, нас он ни с какой стороны не касается. Рекомендую вам вернуться к себе и перечитать наш с вами контракт. Мы ничего вам не должны.

Тут, подумал я, Бидл и взбесится, однако он ответил только:

— Я не намерен препираться с вами. Вы обо мне еще услышите! — И он исчез, даже не попрощавшись.

Позади меня кто-то хихикнул, и я обернулся, готовый сделать из весельчака фарш. День выдался тяжелый, а я не терплю, чтобы у меня за спиной надо мной потешались. Я увидел молодого человека, примерно моего ровесника.

— Кто вы и над чем смеетесь? — рявкнул я. — Это частная собственность!

— Извиняюсь, приятель, — сказал он с обезоруживающей улыбкой. — Я смеялся не над вами, а над этим нулем без палочки. Ваш друг отлично его отбрил.

— Что вы тут делаете? — спросил Джедсон.

— Я? Вы, конечно, имеете право требовать от меня объяснения. Понимаете, я сам занимаюсь этим делом...

— Подрядами?

— Да нет, чародейством. Вот моя карточка.

Он вручил ее Джедсону, тот скользнул по ней взглядом и передал мне. Она гласила:

ДЖЕК БОДИ

Лицензированный чародей I класса

Телефон Знак 3840

— Понимаете, я поймал в Полумире слушок, что одна знаменитость устроит здесь сегодня шухер на всю катушку. Ну я и заглянул поразвлечься. Но как это вы связались с таким шарлатаном, как Бидл? Ему подобная работа не по зубам.

Джедсон протянул руку и забрал у меня карточку.

— Где вы учились, мистер Боди?

— А? Степень бакалавра я получил в Гарварде, а аспирантуру кончил в Чикаго. Но не в том дело. Мой старикан обучил меня всему, что я знаю, а в университет послал потому, что, по его словам, в наши дни чародей без диплома приличной работы не получит. И он прав.

— По-вашему, вы способны справиться с этой задачей? — спросил я.

— Думаю, нет. Но валять дурака, как Бидл, я не стану. Вот что: хотите найти, кто с вашей задачей справится?

— Естественно, — буркнул я. — А то что бы мы тут делали?

— Ну так вы начали не с того конца. Бидл набил себе цену, потому что учился в Гейдельберге и в Вене. А это ровнехонько ничего не значит. Бьюсь об заклад, вам и в голову не приходило поискать старомодную колдунью без всяких дипломов?

Ему ответил Джедсон.

— Вы не совсем правы. Я навел справки у моих друзей в этой сфере деятельности, но никто за данное

дело не взялся. Однако я всегда готов узнать что-то новенькое. Так кого вы порекомендовали бы?

— Вы знакомы с миссис Аmandой Тодд Дженнингс? Она живет в старом городе за конгрегационистским кладбищем.

— Дженнингс... Дженнингс. Хм-м-м... пожалуй, нет. А впрочем, погодите. Вы о старушке, которую все называют «бабушка Дженнингс»? Носит широкополые шляпы и сама ходит за покупками?

— Вот-вот!

— Но она же не колдунья, а гадалка!

— Напрасно вы так думаете! Конечно, она коммерческим колдовством не занимается, поскольку на девяносто лет старше Санта-Клауса и порядком одряхлела. Но у нее в одном мизинце больше всяких чар, чем во всей Соломоновой книге.

Джедсон посмотрел на меня, я кивнул, и он сказал:

— По-вашему, вы сможете уговорить ее взяться за это дело?

— Ну если вы ей понравитесь, она вряд ли вам откажет.

— А ваши условия? — спросил я. — Десять процентов вас устроят?

Он словно бы даже обиделся.

— Черт, — сказал он. — Комиссионные я не возьму. Она всю мою жизнь меня привечала.

— За хороший совет полагается платить, — не отступал я.

— Бросьте! Может, вы ребята, как-нибудь подбросите мне работенку. Будем квиты.

Ну мы и отправились — но без Боди. Ему было некогда, но он обещал предупредить миссис Дженнингс, что мы заедем к ней.

Найти ее дом оказалось просто. Он находился на старой улице, над которой смыкались ветви вязов, и стоял в глубине двора — одноэтажный коттедж с верандой, обильно украшенный резными завитушками. Двор был запущен, но над крыльцом выходящая роза образовала прелестную арку.

Джедсон крутанул ручку старинного звонка. Несколько минут мы стояли в ожидании, и я рассматривал треугольники из цветных стекол, вделанные в боковые

панели двери, и прикидывал, сохранился ли на свете хоть один умелец, способный изготовить вот такую дверь.

Потом она нас впустила. Выглядела она, ну просто невероятно. Такая маленькая, что я смотрел сверху вниз на ее макушку, на чистенькую розоватую кожу, которая просвечивала сквозь жидкие аккуратно причесанные волосы. И весила она меньше семидесяти фунтов, даже одевшись, чтобы выйти на улицу. Но стояла она, гордо выпрямившись в своем бледно-зеленом платье из альпаки с белым воротничком, и оглядывала нас живыми черными глазами, которые равно подошли бы и Екатерине Великой, и пророчице, накликающей беду.

— Доброго вам утра, — сказала она. — Входите.

Она провела нас через тесную прихожую, раздвинула занавеску из бус, прикрикнула «брысь, Серафим!» на кота, облюбовавшего кресло, и усадила нас в своей гостиной. Кот спрыгнул на пол, отошел с величавым достоинством, а потом сел, обвил хвостом тщательно размещенные лапы и уставился на нас таким же невозмутимо-оценивающим взглядом, что и его хозяйка.

— Мой Джек предупредил меня о вас, — начала она. — Вы мистер Фрэзер, а вы мистер Джедсон. — Это был не вопрос, а утверждение, и распределила она нас безошибочно. — Полагаю, вам хочется узнать свое будущее. Какой способ вы предпочитаете — ладони, звезды, кофейную гущу?

Я хотел было объяснить ей, что вышло недоразумение, но Джедсон меня опередил.

— Думается, способ лучше выбрать вам, миссис Дженнингс.

— Ну хорошо. Тогда на чайниках. Сейчас поставлю чайник, это и минуты не займет.

Она засемила на кухню. Мы слышали, как она ступает там по линолеуму, как деловито и уютно позвякивает и побрякивает посудой.

Когда она вернулась, я сказал:

— Надеюсь, мы не причиняем вам лишних хлопот, миссис Дженнингс.

— Ну что вы, что вы! — успокоила она меня. — Я люблю с утра попить чайку, так подкрепляет! Но мне

надо было снять с огня приворотное зелье, вот я и задержалась.

— Извините...

— Ему не повредит немножко отстояться.

— Формула Зекербони? — поинтересовался Джедсон.

— Да ни в коем случае! — Такое предположение ее даже расстроило. — Убивать кроткие милые существа? Зайчиков, ласточек, горлиц? Подумать и то страшно! Не понимаю, о чем думал Пьер Мора, когда составлял этот рецепт. Так бы и надавала ему оплеух! Нет, я пользуюсь совсем другим — колокольчик съедобный, померанец и амбра. А действует не хуже.

Тут Джедсон осведомился, не применяет ли она сок вербены. Она взгляделась в его лицо, а потом сказала:

— Сынок, у тебя у самого есть дар прозрения, верно?

— Очень слабый, матушка. Очень!

— Ничего, он наберет силу. Только не злоупотребляй им. Ну а вербена оказывает нужное действие, как ты знаешь.

— Так не проще ли?..

— Проще-то проще, но если такой нехитрый способ получит известность, то все, кому не лень, начнут им пользоваться направо и налево, а это куда как плохо. И колдуны с колдуньями поумирают с голоду в ожидании клиентов, что, пожалуй, не так уж плохо! — Она вздернула седую бровь. — Ну а если ты за простотой гонишься, так и вербену тревожить незачем. Вот, например... — она протянула палец и коснулась моей руки, бормоча «bestarberto corrumpit viscera ejus virilis» *. Или что-то в этом роде. За точность я не поручусь.

Да и не было у меня времени думать о заклятии, которое она произнесла. Меня совершенно поглотило внезапно нахлынувшее чувство. Я вдруг влюбился — восторженно, упоенно влюбился... в бабушку Дженнингс! Нет, она вовсе не показалась мне красавицей, ничего подобного! Я по-прежнему видел перед собой маленькую высохшую старушку с лицом мудрой мар-

* Набор бессмысленных и латинских слов. Последние можно примерно перевести: «Совратить плоть эту мужскую». (Примеч. пер.)

тышки, годящуюся мне в прабабушки. Только это не имело ни малейшего значения. Она была — она. Прекрасная Елена, предмет вождения всех мужчин, их романтического преклонения.

Она улыбнулась мне ласковой понимающей улыбкой, и я преисполнился счастья. Но тут она сказала добрым тоном:

— Не стану делать тебя посмешищем, сынок! — Опять коснулась моей руки и что-то прошептала.

И тут же наваждение рассеялось. Я снова видел перед собой милую старушку, которая и пирожки внуку напечет, и с больной соседкой посидит. Ничего не изменилось, и даже кот не моргнул. От пылкого чувства осталось только воспоминание — отвлеченное и спокойное. Но у меня будто отняли что-то очень важное.

Тем временем закипел чайник. Она засеменила на кухню и вскоре вернулась с подносом, уставленным чашками, между которыми красовался тминный кекс, окруженный ломтиками хлеба домашней выпечки, намазанными душистым маслом.

Когда мы все чинно выпили по чашечке, миссис Дженнингс взяла чашку Джедсона и всмотрелась в чайники на донышке.

— Денег не очень-то много, — объявила она, — но тебе много и не потребуется, а жизнь смотрится полная и дающая радость. Она помешала ложечкой остатки чая. — Да, у тебя есть дар и понимание, которое должно ему сопутствовать, но, вижу, ты предпочел делать дело, вместо того чтобы постигать великое искусство или хотя бы малое. Почему?

Джедсон пожал плечами и ответил, словно извиняясь:

— Крутом полно работы, которую нужно делать сейчас. Вот ею я и занимаюсь.

— И правильно! — Она кивнула. — Из каждой работы можно почерпнуть понимание, и ты его почерпнешь. Торопиться некуда — времени много. Когда настанет черед твоего собственного дела, ты его узнаешь и будешь готов к нему. Ну-ка, дай мне свою чашку! — сказала она, оборачиваясь ко мне.

Я отдал ей чашку. Несколько секунд она смотрела на чайники, а затем сказала:

— Ну, у тебя нет ясных глаз твоего друга, но ты обладаешь прозрением в том, что касается твоей работы. А все сверх того, только пробудило бы в тебе томление духа, потому что я вижу тут деньги. Ты наживешь много денег, Арчи Фрэзер.

— А деловой неудачи сейчас вы не видите? — то-ропливо спросил я.

— Нет. Да ты сам взгляни! — Она указала на чашку, я наклонился и заглянул внутрь. Несколько секунд за чайниками словно по киноэкрану скользили изображения. Я сразу узнал свой магазин — даже выщерблены на столбах ворот, ведущих во двор — водители грузовиков склонны заворачивать в них слишком круто.

Но к магазину было пристроено новое крыло, а во дворе стояли две чудесные новехонькие пятитонки с моей фамилией на бортах!

И тут я увидел, что выхожу из дверей и иду по улице в модной шляпе. Костюм на мне, правда, был тот самый, в котором я пришел к миссис Дженнингс, и галстук тот же — клетчатый, цветов клана моих предков. Я поднял руку и погладил его.

— Ну, пока достаточно, — сказала миссис Дженнингс, и я увидел под чайниками дно чашки. — Ты видел, — продолжала она, — и можешь не тревожиться за свой магазин. Ну а любовь, женитьба и дети, болезни, здоровье и смерть... сейчас поглядим.

Кончиком пальца она коснулась остатков чая, и чайники заколыхались. Несколько секунд она вглядывалась в них. Брови у нее сдвинулись, она было хотела что-то произнести, но опять уставилась в чашку.

— Не все ясно, — сказала она наконец. — Не понимаю. Моя собственная тень накладывается на образы.

— Дайте, я попробую, — предложил Джедсон.

— Не суйся, куда не просят! — ответила она с удивившей меня резкостью и прикрыла чашку ладонью, а потом посмотрела на меня с состраданием. — Будущее твое неясно, так как у тебя два возможных будущих. Постарайся, чтобы ум управлял твоим сердцем, и не терзай его из-за несбыточного. Тогда ты женишься, обзаведешься детьми и будешь доволен своим жребием. — Она исчерпала эту тему, так как тут же обратилась к нам обоим: — Но вы пришли не гадать, вы

пришли искать помощи иного рода. — И вновь это было утверждение, а не вопрос.

— Какого же, матушка? — спросил Джедсон.

— Вот такого! — ответила она и сунула чашку ему под нос.

Он поглядел в чашку и пробормотал:

— Да, верно. А помочь можно?

Я тоже заглянул за край, но увидел только чайники.

— Думаю, да, — ответила она. — Не стоило вам связываться с Бидлом, ну да кто не ошибается!

Без дальнейших разговоров старушка принесла перчатки, сумочку и пальто, водрузила на голову нелепую старую шляпу и выпроводила нас из дома. Об условиях мы не договаривались, это казалось лишним.

Когда мы вернулись ко мне, ее рабочее помещение уже высылось во дворе. В отличие от Бидла — никакого шика, а просто старая палатка, смахивающая на цыганский шатер, островерхая и пестрая. Миссис Дженнингс откинула шаль, заменяющую дверное полотно, и пригласила нас войти.

Там было темно, но она достала большую свечу, зажгла ее и прилепила посреди палатки. При ее свете она начертила на земле пять кругов — сначала большой, а перед ним второй поменьше. Затем два по сторонам первого и самого большого. В них легко мог поместиться человек, и она велела нам встать там. Последним она начертила круг в стороне и не больше фута в поперечнике.

Я никогда не обращал особого внимания на процедуры чародеев — к ним я отношусь так же, как Томас Эдисон, по его словам, относился к математикам: когда ему требовался математик, он его нанимал. Но миссис Дженнингс была совсем другой. Как мне хотелось понять, что именно она делает и для чего!

Я видел, что на земле, расчерченной кругами, она нарисовала много всяких кабалистических знаков. Различные фигуры, а также письмена, которые я считал древнееврейскими, но Джедсон говорит, что я ошибся. Особенно мне запомнился длинный вытянутый зигзаг с

петлей внутри, вплетенный в мальтийский крест. По обеим сторонам креста она прилепила еще две свечи и зажгла их.

Потом вогнала кинжал (Джедсон сказал, что это артам), которым выцарапывала фигуры, прямо в верхнюю точку большого круга, и с такой силой, что он еще долго дрожал. И вообще продолжал вибрировать до самого конца.

В центре большого круга она поставила складной стульчик, села, вытащила какую-то книжечку и начала читать еле слышным шепотом. Слов я не разбирал, и, видимо, мне слышать их было не положено. Так продолжалось некоторое время. Я покосился по сторонам и обнаружил, что один из маленьких кругов тоже занят — в нем устроился Серафим, ее кот. А мы ведь заперли его у нее в доме. Он хранил величавое спокойствие и следил за происходящим с несуетным интересом.

Вскоре она закрыла книжицу и кинула щепотку порошка в пламя самой большой свечи. Порошок ярко вспыхнул и выбросил облако дыма. Точно не знаю, что произошло потом, так как от дыма у меня защипало глаза и я отчаянно заморгал, да и вообще Джедсон утверждает, что я понятия не имею, для чего нужно окуривание. Но я предпочитаю полагаться на свое зрение. Либо клуб дыма сгустился в плотное тело, либо замаскировало его появление через вход.

Во всяком случае в кругу прямо против миссис Дженнингс стоял могучий мужчина очень маленького роста — не более четырех футов, если не менее. Плечи у него были шире моих на несколько дюймов, а руки выше локтя поспорили бы с моими ногами выше колен и бутрились узловатыми мышцами. Одет он был в набедренную повязку, ременные сандалии и шапочку вроде капюшона. Его кожа была вовсе лишена волос и выглядела грубой и землистой. Все в нем было до невыносимости однообразным, кроме глаз, горевших зеленым огнем ярости.

— Ну-ну! — строго произнесла миссис Дженнингс, — долго же ты сюда добирался! Что ты можешь сказать в свое оправдание?

Он ответил сердито, как мальчишка, которого поймали на шалости, а он и не собирается просить прощения.

ния. Говорил он на языке, полном скрежещущих и шипящих звуков. Она слушала с минуту, а потом перебила его:

— Мне все равно, кто тебе велел! Ты отвечаешь передо мной! И я требую, чтобы все было исправлено. И в один момент!

Он огрызнулся, и она перешла на его язык, так что я перестал понимать. Но было ясно, что речь идет обо мне — он злобно на меня косился, а под конец не сдержался и плюнул в мою сторону.

Миссис Дженнингс протянула руку и хлопнула его ладонью по губам. Он взглянул на нее, словно был готов тут же покончить с ней, и что-то буркнул.

— Ну и что? — сказала она, ухватила его за шею и перекинула через свое колено физиономией вниз. Потом сдернула с ноги туфлю и хорошенько его отшлепала. Он стал вопить, но вскоре умолк и только дергался при каждом ударе.

Кончив, она встала, так что он свалился на землю, но тут же вскочил и юркнул назад в свой круг, потирая ушибленные места. Глаза миссис Дженнингс метали молнии, голос стал грозным — она уже совсем не казалась дряхлой и слабой.

— Вы, гномы, начали много себе позволять, — отчитывала она его. — В жизни такого не слышала! Прекрати немедленно, не то я приглашу твой народец посмотреть, какую трепку я тебе задам. Зови своих на подмогу, пригласи своего братца и братца твоего братца. Во имя великого Тетра-грамматона отправляйся на положенное тебе место.

Он исчез. И почти тут же появился следующий посетитель. Сначала — как висящая в воздухе искорка, которая затем разгорелась в живое пламя, в огненный шар шести дюймов в поперечнике, а может, и больше. Шар парил над центром второго круга на высоте глаз миссис Дженнингс. Плясал, кружил, вспыхивал, ничем не питаемый. Хотя я их раньше никогда не видел, мне сразу стало ясно, что это саламандра. Чем еще мог быть живой огонек?

Миссис Дженнингс минуту-другую следила за саламандрой молча, видимо, получая от ее танца такое же удовольствие, как и я. Истинное воплощение красоты

без малейшего изъяна. Пылкость, звенящая радость, которая не задавалась вопросами о добре и зле, а существовала вне их, вне всего человеческого. Гармония цвета и формы сама по себе была смыслом ее существования.

По-моему, я натура практичная. Во всяком случае, мой принцип — делай свое дело хорошо, а остальное приложится. Но тут я созерцал то, что имело право быть, какой бы вред оно ни причиняло по моим меркам. Даже кот — и тот мурлыкал.

Миссис Дженнингс заговорила с саламандрой звонким сопрано, не нуждавшемся в словах. Та отвечала чистыми переливчатыми нотами, а ее цвета менялись в лад кадансу. Миссис Дженнингс обернулась ко мне.

— Она не отрицает, что спалила твой магазин, но ее об этом попросили, а понять вашу точку зрения ей не дано. Мне не хочется принуждать ее поступать против собственной природы. Нет ли у тебя чем ее порадовать?

Я задумался.

— Скажите ей, что ее танец дарит мне радость.

Миссис Дженнингс вновь запела без слов, а саламандра вертелась, прыгала, и ее огненные переливы слагались в сложные чудесные узоры.

— Это хорошо, но мало. Попробуй придумать еще что-то.

Я напряг мысли.

— Скажите, если она захочет, я построю у себя дома камин, где она всегда будет желанной гостьей.

Миссис Дженнингс одобрительно кивнула и опять заговорила с саламандрой. Я и сам понял ее ответ, но миссис Дженнингс все равно перевела:

— Ты ей нравишься. Ты разрешишь ей приблизиться к тебе?

— А это для меня не опасно?

— Здесь — нет.

— Ну хорошо.

Миссис Дженнингс начертила между нашими кругами большую букву «Т», а саламандра двигалась за артамом почти вплотную, как кошка за открывающейся дверью. Она закружилась вокруг меня, чуть-чуть прикасаясь к моим рукам и лицу. Я не чувствовал жжения,

только легкое щекотание, словно я воспринимал ее вибрирование напрямую, а не как жар огня. Она обволокла мое лицо, и я погрузился в царство света, словно проникнув в сердце северного сияния. Я опасливо задержал дыхание, но вскоре был вынужден вздохнуть. Со мной ничего плохого не случилось, только стало еще щекотнее.

Странно, однако, с тех пор как ко мне прикоснулась саламандра, я забыл, что такое насморк. А ведь прежде всю зиму хлюпал носом.

— Ну, будет, будет! — услышал я голос миссис Дженнингс, и облачко пламени, оставив меня, послушно возвратилось в свой круг. Музыкальные переговоры возобновились, но, видимо, они почти сразу же пришли к согласию, так как миссис Дженнингс удовлетворенно кивнула.

— Так лети же, дочь огня, однако вернись, когда в тебе будет нужда. Во имя... — И она повторила ту же формулу, какой спровадила повелителя гномов.

Ундина заставила себя ждать. Миссис Дженнингс вновь взяла свою книжицу и стала читать монотонным шепотом. Я начал подремывать — в палатке было душно, — как вдруг кот зашипел. Распушив хвост, выгнув спину и выпустив когти, он свирепо уставился на центральный круг.

Там появилось бесформенное нечто. Оно капало и растекалось слизью до самых границ круга. Оттуда несло рыбой, гниющими водорослями и йодом, и оно влажно фосфоресцировало.

— Ты опоздала, — сказала миссис Дженнингс. — Ты получила мою весть, так почему же ты медлила, пока я тебя не принудила?

Оно чмокнуло, как липкая грязь, но ничего не ответило.

— Очень хорошо, — твердо произнесла миссис Дженнингс. — Спорить с тобой я не собираюсь. Тебе известно мое желание. И ты его исполнишь! — Она встала и схватила большую свечу. Ее фитилек вдруг выбросил жгучий язык пламени, и миссис Дженнингс направила его за границу своего круга на ундину.

Раздалось шипение, словно брызнули водой на раскаленное железо, и булькающий вопль. Но миссис

Дженнингс хлестала и хлестала пламенем, а потом перестала и поглядела вниз на дрожащую, втягивающуюся внутрь себя ундину.

— Довольно! — сказала она. — В следующий раз ты будешь выполнять приказания своей госпожи без промедления! Во имя...

Ундина словно впиталась в землю, оставив ее сухой.

Когда она исчезла, миссис Дженнингс жестом пригласила нас с Джедсоном войти в ее крут и кинжалом рассекла наши круги, выпуская нас. Серафим легко прыгнул из своего кружка и принялся тереться о ее ноги, громко мурлыча. Она же повторила набор бессмысленных слов и звонко хлопнула в ладоши.

Ударил ветер, раздался рев. Стенки палатки прогибались и хлопали. Я услышал журчание воды и треск огня, а сквозь них — бегущие шаги. Миссис Дженнингс смотрела то сюда, то туда, и там, где ее взгляд падал на стенку палатки, брезент становился прозрачным, и я успевал мельком увидеть какую-то бешеную свистопляску.

Затем все оборвалось с ошеломляющей внезапностью. От тишины у нас зазвенело в ушах. Палатка исчезла. Мы стояли во дворе перед моим главным складом.

Да, он был передо мной! Целый и невредимый, без малейших повреждений от огня или от воды. Я кинулся бегом в ворота, чтобы посмотреть с улицы на магазин. И увидел его таким же, каким он был. Витрины блестели в солнечных лучах, один угол украшала эмблема Ротари-клуба, а на крыше красовалась моя двусторонняя вывеска:

АРЧИБАЛЬД ФРЭЗЕР СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ПОДРЯДЫ

Вскоре из ворот вышел Джедсон и потрогал меня за плечо.

— Почему ты льешь слезы, Арчи?

У меня глаза на лоб полезли: я ведь даже не заметил.

В понедельник утром дела шли заведенным порядком, и я решил, что все уладилось и мои несчастья остались позади. Но я поторопился с выводами.

Сначала нельзя было заметить ничего сколько-нибудь определенного — просто обычные неполадки, мелкие неприятности, которые случаются у кого угодно и мешают двигаться по накатанной колее. Но их ждешь и приписываешь случайности. Но ни одна не стоила внимания, если бы... если бы они не накладывались друг на друга почти непрерывно.

В любом предприятии, если оно солидно, общая сумма убытков из-за непредвиденных случайностей за год должна составлять какой-то определенный процент всех расходов. И в смете его учитываешь заранее. Но в моем предприятии количество происшествий и мелких трудностей возросло настолько, что это заметно съедало прибыль.

Как-то утром два моих фургона вдруг перестали заводиться. Причину отыскать не удалось, и я вынужден был отправить их в мастерскую и взять напрокат фургон, так как остался всего с одним. Мы все доставили вовремя, но мне пришлось уплатить за грузовик, по счетам мастерской и сверхурочные шоферам, так что день оказался просто убыточным.

А на следующее утро я готовился заключить контракт с клиентом, которого уговаривал два года. Контракт был на мелкие работы, но в будущем он мог привести к крупным заказам, поскольку клиент этот владел большим количеством доходной недвижимости — парочкой жилых домов, полдюжиной разных магазинов, а также множеством пригодных для застройки участков по всему городу. Ему постоянно требовались ремонтные работы, а нередко он что-нибудь строил. Если бы он остался доволен мной, то я мог бы рассчитывать на постоянные заказы и быструю их оплату — с такими клиентами стоит иметь дело и при невысокой прибыли.

Мы стояли в торговом зале у дверей моего кабинета и беседовали, оговорив уже почти все. Шагах в трех от нас высилась аккуратная пирамида банок с солнцестойкой краской. Клянусь, ни он, ни я к ней не прикасались, однако пирамида внезапно рухнула с грохотом, от которого можно было оглохнуть.

Но хуже того: с одной из банок слетела крышка, и моего потенциального клиента обдало красной краской. Он так охнул, что я испугался, как бы он не упал

в обморок, и увел его в кабинет, где тщетно пытался почистить его костюм носовым платком, стараясь его успокоить.

Он был в жутком состоянии и физически, и душевно.

— Фрэзер! — крикнул он в бешенстве. — Вы должны уволить продавца, который опрокинул банки! Вы только посмотрите на меня! Я за этот костюм заплатил восемьдесят пять долларов, а что от него осталось?

— Не будем торопиться, — сказал я мягко, стараясь держать себя в руках. Я никого увольнять не стану по капризу клиента, не люблю, когда мне предъявляют такие ультиматумы. — Никто к ним не подходил.

— Так, по-вашему, я их опрокинул?

— Вовсе нет. Ничего подобного. — Я выпрямился, вытер руки, подошел к письменному столу и достал чековую книжку.

— Значит, вы!

— Не думаю, — ответил я терпеливо. — Сколько, вы сказали, стоил ваш костюм?

— А что?

— Хочу выписать вам чек на эту сумму.

Я считал, что так будет справедливо. Конечно, виноватым я себя не считал, но это произошло с ним в моем магазине и не по его вине.

— Так легко вы не отделаетесь! — ответил он нелогично. — Меня не деньги интересуют... — Он нахлобучил шляпу на голову и злобно продефилировал к двери. Его репутация была мне хорошо известна, и я знал, что больше его не увижу.

Вот о какого рода неприятностях я говорил. Конечно, банки могли установить небрежно, и все произошло случайно. Но тут мог быть замешан и полтергейст. Несчастные случайности сами себя не подстраивают.

Два дня спустя ко мне пришел Дитворт по поводу Бидла и его гонорара. Меня с утра до вечера преследовали мелкие неприятности, и во мне закипало раздражение. Как раз перед его приходом каменщики ушли с одной моей стройки, потому что какой-то олух мелом начертил на десятке кирпичей какие-то дурацкие знаки.

«Это вуду!» — объявили они и отказались прикасаться к заклятым кирпичам. Так что я был не в настроении разглагольствовать с мистером Дитвортом. По-моему, я обошелся с ним довольно-таки резко.

— Позвольте, мистер Фрэзер, пожелать вам доброго утра, — начал он очень любезно, — не могли бы вы уделить мне минуту-другую?

— Ну, десять минут, пожалуй, — ответил я, взглянув на свои часы.

Он поставил свой дипломат около ножки стула и извлек какие-то бумаги.

— Если так, то я сразу перейду к делу. Дело касается претензий доктора Бидла. Мы с вами люди благожелательные и, думаю, придем к соглашению, устраивающему всех.

— У Бидла ко мне не может быть никаких претензий.

— Я прекрасно понимаю вашу точку зрения! — Он кивнул. — Бесспорно, в письменном контракте ничто не обязывает вас ему заплатить. Но ведь есть неоговоренные контракты, которые столь же обязательны, как и занесенные на бумагу.

— Не понял. Я все свои сделки оформляю в письменном виде.

— Безусловно, — согласился он. — Потому что вы бизнесмен. Но в некоторых профессиях положение иное. Если вы обратитесь к дантисту и попросите его удалить больной зуб, то, когда он его удалит, вы будете обязаны уплатить ему гонорар, пусть даже прежде о гонораре речи не было...

— Совершенно верно, — перебил я, — но ничего общего это с Бидлом не имеет. Он ведь зуба, так сказать, не удалил.

— В каком-то смысле — удалил, — настаивал Дитворт. — Он хочет, чтобы ему уплатили за предварительный осмотр, то есть за услугу, оказанную вам до подписания контракта.

— Но гонорар за эту услугу не упоминался!

— Вот тут-то и возникает подразумевающееся обстоятельство, мистер Фрэзер. Вы сказали доктору Бидлу, что беседовали со мной. И он совершенно обоснованно предположил, что я объяснил вам правила нашей ассоциации касательно выплаты гонораров...

— Но я в ассоциацию не вступил!

— Знаю, знаю. Я сообщил это остальным членам правления, но они настаивают, что дело должно быть улажено. Лично я не считаю, что вся вина лежит на вас, но войдите в наше положение. Мы не сможем принять вас в ассоциацию, пока это дело не будет улажено... с учетом прав доктора Бидла.

— Но почему вы убеждены, что я собираюсь вступить в ассоциацию?

Он принял огорченный вид.

— Я не ожидал, что вы займете такую позицию, мистер Фрэзер. Ассоциация нуждается в людях вашего калибра. Но вступить в нее — значит соблюсти ваши собственные интересы, мистер Фрэзер. Вскоре получить помощь квалифицированного чародея, не состоя в ассоциации, будет очень и очень трудно. Мы хотим помочь вам. Пожалуйста, не осложняйте нам эту задачу.

Я встал.

— Боюсь, вам придется предъявить мне иск, а там пусть решает суд, мистер Дитворт. Иного разумного выхода я не вижу.

— Мне очень жаль, — сказал он, покачивая головой. — Это может вам помешать, когда вы попытаетесь вступить в ассоциацию.

— Пусть так, — ответил я резко и выпроводил его.

Едва он ушел, я устроил нагоняй секретарше за то, что она не занималась тем, что я поручил ей накануне, и мне пришлось извиниться. Некоторое время я выпускал пары, расхаживая взад и вперед, хотя работы было навалом. Но я нервничал: эти мелкие неприятности — а я не упомянул и половины их — довели меня до белого каления, и нахальные требования Дитворта послужили последней каплей, полностью выведя меня из себя. Конечно, своим иском он ничего не добьется — это было бы уж слишком, — но крови попортит мне много. Говорят, в Китае есть такая пытка: на голову жертвы каждые несколько минут падает капля воды. Вот что я чувствовал.

В конце концов я позвонил Джедсону и пригласил его пообедать со мной.

После обеда мне стало легче. Джедсон меня как всегда успокоил, и, просто рассказав ему о том, что

мне досаждало, я сумел выбросить из головы почти все эти неприятности. Когда я допил вторую чашку кофе и выкурил сигарету, меня уже можно было бы почти без опаски пригласить на дипломатический прием.

Мы неторопливо пошли ко мне, разговаривая против обыкновения о его делах, а не о моих. Оказалось, что блондинке — белой колдунье из Джерси-Сити — удалось-таки синтезировать пусть не одежду, а обувь. Было лишь одно «но»: пока она изготовила больше восьмиста левых туфель — и ни единой правой!

Мы обсуждали возможную причину такой неудачи, как вдруг Джедсон воскликнул:

— Взгляни-ка, Арчи! Тобой начали интересоваться фотографы!

Я повернул голову. На тротуаре прямо напротив моего магазина стоял какой-то типчик и целился фотокамерой.

Я посмотрел на него повнимательней.

— Джо! Это тот самый подонок, про которого я тебе говорил, ну который приходил ко мне и с которого все началось!

— Ты уверен? — спросил Джедсон, понизив голос.

— Абсолютно.

Сомнений быть не могло. Мы были на той же стороне улицы и всего в нескольких шагах от него. Тот самый рэкети́р, который пытался навязать мне «защиту» — та же средиземноморская внешность, тот же броский костюм.

— Надо его сцапать! — шепнул Джедсон.

Но я и сам сообразил. Прыгнул на него, ухватил за воротник и брюки, и, прежде чем он опомнился, поволок его через улицу, толкая перед собой. Не знаю уж, как нас не сбили, но я от бешенства ничего не замечал. Джедсон бежал за нами.

Дверь в мой кабинет была открыта. Я поднажал, и мерзавец, перелетев через порог, растянулся на полу. Джедсон вбежал следом за мной, и я запер дверь на засов.

Джедсон кинулся к письменному столу, рывком открыл средний ящик, порылся в хламе, который всегда накапливается в таких местах, и нашел, что искал — синий плотницкий карандаш. Во мгновение ока он очу-

тился возле гангстера, который еще толком не опомнился, начертил на полу вокруг него круг, чуть не споткнувшись о собственные ноги от спешки, но успел замкнуть круг сложной загогулиной.

Наш непрошенный гость завизжал, увидев, что делает Джо, и попытался выскочить из круга, но было поздно. Джедсон запечатал круг, так что он отлетел от черты, будто ударившись о стеклянную стену, и свалился на колени. В этой позе он принялся сыпать ругательствами на языке, который я счел итальянским, хотя, по-моему, он пользовался черными словами и других языков — английскими, это уж точно.

Да, «красноречия» ему было не занимать.

Джедсон взял сигарету, закурил и протянул пачку мне.

— Давай-ка сядем, Арчи, и отдохнем, пока наш приятель не созреет до делового разговора.

Я сел, и мы несколько минут покуривали под непрекращающийся град ругательств. Наконец Джедсон вздернул бровь и сказал:

— А тебе не кажется, что ты уже повторяешься?

Тот поперхнулся и замолчал, сверкая злобными глазами.

— Ну, — продолжал Джедсон, — что ты можешь сказать в свое оправдание?

Тот проворчал что-то неразборчивое, а затем буркнул:

— Требую адвоката!

Джедсон усмехнулся.

— Ты не понимаешь своего положения, — сказал он. — Тебя никто не арестовывал, и мы плевать хотели на твои гражданские права. Вот возьмем сотворим под тобой колодец и крышку захлопнем.

Тот, хоть и был смуглым, побледнел очень заметно.

— Да-да, — продолжал Джедсон. — Мы на это вполне способны, а может, на что-нибудь и похуже. Понимаешь, ты нам не нравишься. Конечно, — добавил он задумчиво, — мы можем и просто передать тебя полиции. Сердце у меня мягкое.

Наш пленник насутился.

— А, так тебе и это не по вкусу? Отпечатки пальчиков? — Джедсон вскочил и встал прямо перед ним почти вплотную к кругу. — Ну хватит! — рявкнул он. — Отвечай и не ври! Для чего ты делал снимки?

Тот что-то пробормотал, но я не расслышал, а Джедсон только отмахнулся.

— Не пори чушь, мы же не дети! Кто тебя послал? Но тот от ужаса вообще замолчал.

— Очень хорошо! — Джедсон повернулся ко мне. — У тебя не найдется воска или пластилина?

— А замазка не подойдет? — спросил я.

— Самое оно!

Я сбегал на склад, где у меня хранились материалы для вставки стекол, и вернулся с пятифунтовой банкой замазки. Джедсон вскрыл ее, зачерпнул горсть, сел за стол, смочил замазку льняным маслом и стал разминать ее пока она не стала мягкой. Наш пленник следил за ним с видимым страхом.

— Ну вот! — объявил наконец Джедсон, шмякнул ком на промокательную бумагу и начал что-то лепить. Мало-помалу под его пальцами возникла куколка дюймов десять высотой. Ни на что и ни на кого в общем-то не похожая. Джедсон скульптор не ахти какой, однако он то и дело переводил взгляд с фигурки на человека в кругу и обратно, точно ваятель, лепящий с натуры глиняную модель будущей статуи. И я видел, как возрастает ужас, охвативший его натурщика.

— Ну вот! — объявил Джедсон, еще раз взглянув на своего подневольного натурщика. — Безобразна, прямо как ты! Зачем ты снимал?

Тот не ответил, а только попятился в круге, скорчив еще более злобную рожу.

— Отвечай! — приказал Джедсон и крутнул ступню куколки, зажав ее между большим и указательным пальцами. Та же ступня нашего пленника дернулась и резко повернулась. Он рухнул на пол с громким воплем.

— Ты собирався наложить чары, так?

В первый раз тот ответил членораздельно.

— Нет, мистер, не я!

— Не ты? Так-так. Значит, ты мальчик на посылках. А кто чародей?

— Не знаю... О-о-о! Господи! — Он принялся растирать левую икру. (Джедсон всадил перо ручки куколке в ногу.) — Я не знаю. Правда не знаю! Не надо! Пожалуйста...

— Может, и не знаешь, — с неохотой признал Джедсон. — Но тебе известно, от кого ты получаешь приказы и кто еще состоит в вашей шайке. Давай выкладывай!

Тот раскачивался, пряча лицо в ладонях.

— Я боюсь, мистер, — простонал он. — Не заставляйте меня, ну пожалуйста!

Джедсон снова кольнул куколку ручкой, наш пленник подпрыгнул, задрожал, но на этот раз промолчал с утрумой решимостью.

— Ладно, — сказал Джедсон, — раз ты настаиваешь... — Он затянулся сигаретой, а затем поднес тлеющий кончик к лицу куколки. Человек в круге попытался отдернуть голову, вскинул руки, чтобы защитить лицо, но тщетно. Я увидел, как краснеет кожа, как вздуваются пузыри. Мне стало плохо, и, хотя эта крыса у меня никакого сочувствия не вызвала, я собрался попросить Джедсона перестать, но в эту секунду он сам убрал сигарету от лица куклы.

— Ну, будешь говорить? — спросил он, и тот кивнул, а по его обожженным щекам катились слезы.

Казалось, он вот-вот потеряет сознание.

— Ну-ка, без глупостей! — добавил Джедсон и кончиком пальца ударил куколку по лицу.

Я услышал звук пощечины, и голова нашего пленника дернулась как от удара, но это его словно подбодрило.

— Ладно, Арчи, садись записывать. А ты, приятель, говори все, что знаешь. Со всеми подробностями. А если память начнет тебе изменять, подумай, понравится ли тебе, если я прижму сигарету к глазам куколки.

Ну, он начал говорить, вернее, выкладывать все. Он, казалось, совсем пал духом и даже как будто находил облегчение в словах, останавливаясь только, чтобы утереть глаза или высморкаться. А Джедсон помогал ему вопросами, когда он начинал путаться.

Кроме него самого, насколько ему было известно, в шайке состояло еще пятеро, и действовали они так, как мы и предполагали. Они рассчитывали взимать поборы со всех, кто в нашей части города был так или иначе связан с чародейством — с чародеев и их клиентов одинаково. Никакой защиты они предложить не могли — только против собственных бесчинств. Кто его босс?

Он сказал нам. Его босс — самый главный? Нет, но кто главный, ему неизвестно. И больше он ничего не может сказать, даже если мы сожжем его заживо. Да, его босс на кого-то работает, только он не знает на кого. А организация большая, в этом он уверен. Его выписали из одного города на Востоке, чтобы он помог наладить этот рэкет.

Сам он чародей? Да упаси Бог! А его босс? Нет. Он уверен, что нет. Всем таким распоряжался кто-то наверху. Больше он ничего не знает, можно ему уйти? Джедсон продолжал его расспрашивать, и он добавил кое-какие подробности, в большинстве незначительные, но я записал и их. В заключение он сказал, что к нам обоим вроде бы намечено применить особые меры, потому что мы успешно исправили последствия первого «урока».

Наконец Джедсон кончил его допрашивать и сказал:

— Я тебя отпущу, но лучше уберись из города. Чтоб я тебя больше тут не видел! Но очень далеко не уезжай, ты можешь мне еще понадобится. Видишь? — Он поднял куколку и начал осторожно сжимать ее в поясе. Бедняга тут же захрипел, словно его затянули в смирительную рубашку. — Не забывай, я доберусь до тебя, едва захочу. — Он раздвинул пальцы, и его жертва охнула, переводя дух. — Твое альтер эго, то есть, по-твоему, куклу, я уберу в безопасное место под холодное железо. Когда я тебя позову, ты почувствуешь вот такую боль... — Он ущипнул плечо куколки, и бедняга взвизгнул. — Так сразу звони мне, где бы ты ни был.

Джедсон достал из нагрудного кармана перочинный ножик, рассек круг в трех местах, затер разрывы и скомандовал:

— А теперь убирайся!

Я думал, тот сбежит, едва выйдя на свободу, но ошибся. Он нерешительно переступил черту и немного постоял, весь дрожа. Потом спотыкаясь побрел к двери. На пороге остановился и посмотрел на нас глазами, полными страха. И мольбы. Он как будто хотел что-то сказать, но передумал, повернулся и вышел за дверь.

Я посмотрел на Джедсона. Он взял мои записи и проглядел их.

— Не знаю, — задумчиво пробормотал мой друг, — что лучше: прямо передать его признания в Бюро Береженого Бизнеса и пусть они сами разбираются с этим делом, или продолжать действовать самостоятельно. Такой соблазн!

Но меня в ту минуту мучило другое.

— Джо, — сказал я, — ну зачем ты его обжег?

— А? Что? — Он словно удивился и перестал почесывать подбородок. — Я его не обжигал.

— Не прячься за слова! — сказал я с раздражением. — Ты обжег его при помощи куклы... то есть при помощи чародейства.

— Не обжигал я его, Арчи! Честное слово. Он сам себя обжег — и без всякого чародейства. Я тут ни при чем.

— Не понимаю!

— Симпатические чары, Арчи, это вовсе не чары, а просто практическое сочетание нейропсихологии и коллоидной химии. Все это он сам с собой проделывал, потому что верит в черную магию. А я всего лишь верно определил его умственные способности.

Наш разговор прервал душераздирающий крик, раздавшийся где-то снаружи. Он оборвался на самой верхней ноте.

— Что это? — спросил я, судорожно сглатывая.

— Не знаю, — ответил Джедсон, подошел к двери, посмотрел направо, налево и продолжал: — Как я сказал, будет очень интересно...

На этот раз его прервала сирена полицейской машины. Мы услышали ее еще вдалеке, но звук стремительно нарастал и наконец вырвался из-за угла на нашу улицу. Мы переглянулись.

— Надо бы посмотреть, — сказали мы хором и нервно засмеялись.

Это был наш знакомый гангстер. Мы обнаружили его на полпути до следующего угла среди кучки любопытных прохожих, которых оттесняли полицейские из машины, остановившейся у тротуара.

Он был мертв.

И лежал на спине, но поза его не дышала покоем. От лба до пояса его тело было расплосковано. Три глубокие — до кости, примерно параллельные раны

могли быть оставлены когтями коршуна или орла. При условии, что величиной эта птица не уступала бы пяти-тонному грузовику.

Застывшее на лице выражение ни о чем не говорило. Лицо и горло были выпачканы, а рот забит каким-то желтоватым веществом с лиловыми прожилками, по консистенции напоминавшим домашний сыр, но запах был омерзителен до невообразимости.

Я обернулся к Джедсону, который чуть побледнел, и сказал:

— Пошли отсюда!

И мы вернулись ко мне.

В конце концов мы решили не обращаться в Бюро Береженого Бизнеса или в полицию, пока не проведем собственного небольшого расследования. И к лучшему. Ни одного члена шайки, чье имя нам было известно, мы не нашли ни по одному записанному нами адресу. Доказательств, что такой человек действительно существовал, было сколько угодно, и все они жили по адресам, которые Джедсон выпытал у их товарища. Да только все без исключения отбыли неведомо куда в тот самый день, а то и час, когда их сообщник был убит.

В полицию мы не обратились, так как не хотели оказаться хоть в какой-то степени причастными к крайне неаппетитному убийству. Джедсон удовлетворился тем, что осторожно в устной форме сообщил главные факты своему другу в Бюро Береженого Бизнеса, который в свою очередь сообщил их руководителю отдела по борьбе с рэкетом или кому там считал нужным.

Некоторое время затем дела у меня шли гладко, и я прилагал все усилия, чтобы получить за квартал хоть какую-нибудь прибыль. Я и вообще выкинул бы случившееся из головы, если бы иногда не забегал к миссис Дженнингс и не пользовался бы услугами ее молодого друга Джека Боди, когда мне раза два потребовалась малая толика коммерческих чар. Он проявил себя отличным специалистом — никаких фокусов и полный ажур.

Мне уже начало казаться, что я ухватил удачу обеими руками, как началась новая полоса неприятностей. На этот раз под угрозой оказался не мой магазин, но моя жизнь, а свою шкуру я люблю как всякий нормальный человек.

Дома у меня водонагреватель установлен на кухне. Он снабжен горелкой, а огонь регулируется термостатом. Рядом — плита, тоже с постоянно включенной горелкой.

Я проснулся ночью, и мне захотелось пить. Когда я вошел в кухню — не спрашивайте, почему я не свернул напиться в ванную, я и сам не знаю, — меня затошнило от запаха газа. Я кинулся к окну, распахнул его, а затем побежал в гостиную и открыл большое окно, чтобы создать сквозняк.

Тут словно ветер зашуршал, раздалось громкое «буум!», и я обнаружил, что сижу в гостиной на ковре.

Я даже не ушибся, да и кухня не пострадала, если не считать пары разбившихся тарелок. Открытые окна дали выход взрывной волне, смягчили ее воздействие. Природный газ взрывается только, если он скапливается в закрытом пространстве. Как это произошло, мне стало ясно, едва я осмотрел кухню. Горелка нагревателя погасла, и, когда вода в резервуаре остыла, термостат включил подачу газа, который начал разливаться по кухне. Когда его накопилось достаточно для взрыва, он вспыхнул от горелки на плите.

Видимо, я забрел на кухню в последний момент.

Я предъявил претензии по этому поводу моему домовладельцу, и в конце концов мы заключили сделку — он бесплатно заменил газовый нагреватель на электрический, который я продал ему по себестоимости.

Газ, а не чары, а? Вот и я так думал, хотя не поклянусь, нет, не поклянусь.

Еще один случай, напугавший меня, произошел на той же неделе и, казалось, никак с предыдущим связан не был. Сухую смесь — песок и гальку — я держу в бункерах, установленных на бетонных опорах, чтобы грузовики могли подъезжать под желоба для погрузки.

Как-то вечером, после закрытия магазина, я проходил мимо бункеров и вдруг увидел, что кто-то оставил совковую лопату под желобами.

Мои рабочие частенько не убирают инструменты на ночь, и я решил забрать лопату к себе в машину, а утром обличить виновника. Я уже собрался спрыгнуть за ней, как вдруг меня окликнули.

— Арчибальд! — произнес голос, удивительно похожий на голос миссис Дженнингс. Понятно, что я обернулся. Но никого не увидел, и шагнул за лопатой, как вдруг раздался дробный шум, и лопата исчезла под двадцатью тоннами мелкой гальки.

(Погребенный заживо человек может и выжить, но только не пролежав под двадцатью тоннами ночь в ожидании, что его хватятся и откопают.) Очевидной причиной несчастья была усталость металла. А не очевидной?

Причины так и оставались вполне естественными, и все же две недели я то и дело наступал на банановые корки — и в буквальном и в переносном смысле. Десяток раз, если не больше, меня спасала только хорошая реакция. Наконец я не выдержал и рассказал миссис Дженнингс.

— Особенно тревожиться не стоит, Арчи, — успокоила она меня. — Убить человека чарами совсем не так просто, если он сам не занимается магией и не чувствителен к ней.

— Убить или напугать до смерти, не все ли равно? — возразил я.

Она улыбнулась своей неподражаемой улыбкой и сказала:

— Не думаю, что ты так уж перепугался, милый. Во всяком случае, ты своего страха не показывал.

Я уловил подтекст этих слов и накинулся на нее:

— Так вы следили за мной и приходили мне на выручку, так?

Она широко улыбнулась и ответила:

— Это мое дело, Арчи. Молодым вредно полагаться на помощь стариков. А теперь иди занимайся своими делами. Мне надо над этим поразмыслить.

Дня через два я получил письмо. Адрес был написан чуть дрожащим бисерным почерком. В нем было досто-

инство прошлого века. Видел я его впервые, но догадался, кому он принадлежит, еще не вскрыв конверта. Письмо гласило:

«Дорогой Арчибальд, я хотела бы, чтобы вы познакомились с мой высокоуважаемым другом доктором Ройсом Уортингтоном. Он остановился в отеле «Белмонт» и ожидает вашего звонка. Доктор Уортингтон больше кого бы то ни было способен уладить то, что тревожило вас последние недели. Вы можете полностью положиться на него, особенно в случаях, требующих принятия необычных мер.

Прошу вас познакомить с ним и вашего друга Джедсона, если вам угодно.

Остаюсь, сэр,
искренне вашей доброжелательницей.
Аманда Тодд Дженнингс».

Я позвонил Джедсону и прочел ему письмо. Он сказал, что сейчас же едет ко мне, а я пока должен позвонить доктору Уортингтону.

— Можно попросить доктора Уортингтона? — спросил я, едва телефонист в отеле соединил меня.

— Я слушаю, — ответил хорошо поставленный английский голос с оксфордскими интонациями.

— Меня зовут Арчибальд Фрэзер, сэр. Миссис Дженнингс написала мне, что я могу обратиться к вам.

— Да-да! — Его голос заметно потеплел. — Буду очень рад познакомиться. Когда вам будет удобно?

— Если вы не заняты, я мог бы подъехать прямо сейчас.

— Погодите... — Он замолчал, видимо, поглядев на часы. — Мне надо побывать в вашей части города. Не мог бы я заехать к вам через полчаса или чуть позднее?

— Чудесно, доктор! Конечно, если вас это не затруднит...

— Нисколько. Так я буду у вас.

Скоро приехал Джедсон и еще с порога начал спрашивать меня о докторе Уортингтоне.

— Я его еще не видел, — сказал я, — но говорит он, как высокоученый английский профессор. Ну да он скоро будет здесь.

Через полчаса вошла моя секретарша с его визитной карточкой. Я встал ему навстречу и увидел высокого плотного мужчину с благообразным умным лицом. Одет он был несколько старомодно в дорогой костюм изысканного покроя и держал в руках перчатки, трость и большой портфель. И при всем этом был черным, как чертежная тушь!

Я попытался скрыть удивление, и, надеюсь, мне это удалось: меня просто в дрожь бросает от мысли, что я мог допустить подобную промашку. Почему бы ему и не быть негром? Просто я этого не ожидал.

Меня выручил Джедсон. По-моему, он не выказал бы удивления, если бы яичница-глазунья ему подмигнула. Он взял на себя разговор в первые минуты, едва я их познакомил. Мы сдвинули стулья, сели и некоторое время обменивались вежливыми, ничего не значащими фразами, к которым прибегают люди, пока оценивают новых знакомых.

Первым о деле заговорил Уортингтон.

— Миссис Дженнингс, — сказал он, — дала мне основания полагать, что каким-то образом я могу оказаться полезным вам обоим или же одному из вас...

Я подтвердил это и рассказал вкратце обо всем, что произошло после того, как ко мне явился рэкетир. Он задал несколько вопросов, и Джедсон добавил кое-какие подробности. У меня сложилось впечатление, что Уортингтону почти все уже рассказала миссис Дженнингс, и он просто уточнял детали.

— Отлично, — произнес он в заключение глубоким рокочущим басом, который отдавался эхом у него в груди, прежде чем заполнить комнату. — Мне представляется, что мы найдем способ разрешить ваши трудности, но для окончательного вывода мне необходимо произвести обследование. — Он нагнулся и начал расстегивать портфель.

— Э... доктор, — намекнул я, — не лучше ли нам условиться до того, как вы приступили к работе?

— Условиться? — Он посмотрел на меня с недоумением, но тут же добродушно улыбнулся. — Вы имеете в виду оплату. Любезный сэр, оказать услугу миссис Дженнингс — большая честь.

— Но... однако... послушайте, доктор. Мне так было бы легче. Уверяю вас, я привык оплачивать чары...

Он поднял ладонь.

— Мой юный друг, об этом не может быть и речи. По двум причинам. Во-первых, у меня нет права практиковать в вашем штате, а во-вторых, я не чародей.

Думаю, вид у меня был такой же идиотский, как мои слова.

— Что? А-а! Извините меня, доктор, но я, естественно предположил... Раз нас познакомила миссис Дженнингс... ну, и ваше звание... и вообще...

Он продолжал улыбаться, но улыбка была сочувственной, а не насмешливой. Мое смущение не показалось ему забавным.

— Вполне естественно. В эту ошибку попадали и некоторые ваши сограждане моей крови. Нет, я имею степень почетного доктора правоведения Кембриджского университета. Предмет, которому я себя посвятил, — антропология, которую я иногда преподаю в университете в Южной Африке. Но антропология включает кое-какие неортодоксальные разделы. И я здесь для того, чтобы применить знания подобного рода.

— В таком случае, могу ли я спросить...

— Безусловно, сэр. Мое призвание, если вольно перевести этот неудобопроизносимый термин, именуется «вынюхиватель колдунов».

Я все еще недоумевал.

— Но разве это занятие не требует применения магии?

— И да и нет. В Африке иерархия и категории, связанные с данной областью, совсем иные, чем на вашем континенте. Я не считаюсь ни чародеем, ни колдуном, а как бы противоядием от них.

Джедсона что-то смущало.

— Доктор, — спросил он, — но родом вы ведь не из Южной Африки?

Уортингтон указал на свое лицо. Джедсону, в отличие от меня, это что-то, видимо, сказала.

— Ваш вывод верен. Да, я родился в лесном племени к югу от Нижнего Конго.

— Вот как! Интересно. Вы случайно не нганга?

— Из Ндембо, но отнюдь не случайно. — Он обернулся ко мне и вежливо пояснил: — Ваш друг спросил, не состою ли я в оккультном братстве, которое охватывает всю Африку, но ядро его составляют мои земляки. Прошедшие инициации называются нганга.

Джедсон этим не удовлетворился.

— Думается, доктор, фамилией Уортингтон вы пользуетесь удобства ради, а настоящее ваше имя — совсем другое.

— И опять-таки вы правы. Мое племенное имя... Вы хотите его узнать?

— Если вы будете так любезны.

— Оно... — (Я не способен воспроизвести на бумаге прищелкивающее чмокание, которое он испытил.) — Но поскольку важен смысл, то в переводе оно означает Человек-Который-Задаёт-Неудобные-Вопросы. Или, если вольно передать дух, а не букву, оно равнозначно значению слова «прокурор», указывая на племенную функцию. Но мне кажется, — продолжал он с обезоруживающей мягкой улыбкой, — вам оно подходит даже больше, чем мне. Могу ли я подарить его вам?

И тут произошло нечто, абсолютно мне непонятное, коренящееся, видимо, в каком-то африканском обычае, глубоко чуждом нашему мышлению. Я хотел было засмеяться шутке доктора, не сомневаясь, что он сострил, как вдруг Джедсон ответил с полной серьёзностью:

— Принять его для меня великая честь.

— Это ты оказываешь мне честь, брат мой.

С этого момента, когда бы мы ни находились в обществе доктора Уортингтона, он неизменно называл Джедсона африканским именем, которое, по его словам, принадлежало ему самому, а Джедсон называл его «Ройс» или «брат мой». Отношение их друг к другу также изменилось, словно передача имени действительно превратила их в братьев со всеми привилегиями и обязательствами, которые подразумевает такое родство.

— Но ведь я не лишил вас имени, — сказал тогда Джедсон. — У вас есть и третье имя, настоящее?

— Разумеется, — ответил Уортингтон, — но упоминать его надобности нет.

— Естественно! — отозвался Джедсон. — Неназываемое имя. Так приступим?

— Да, конечно. — Уортингтон повернулся ко мне. — Найдется ли у вас помещение, где я мог бы приготовиться? Достаточно самого небольшого.

— Тут вам будет удобно? — спросил я, открывая дверь умывальной, примыкавшей к моему кабинету.

— Вполне, благодарю вас, — ответил он, забрал портфель и закрыл за собой дверь. Пробыл он там не меньше десяти минут.

Джедсон не был расположен к разговорам. Он только посоветовал мне предупредить секретаршу, чтобы она никого к нам не впускала и не входила сама. Мы просто сидели и ждали.

Наконец доктор Уортингтон вышел из умывальной, и я второй раз за день был ошарашен. Культурнейший доктор Уортингтон исчез. Перед нами стоял босой черный африканец ростом в шесть с лишним футов. Могу-чая грудь колесом бугрилась мышцами под черной кожей, глянцевой, как обсидиан. Его чресла опоясывала шкура леопарда, с пояса свисал кошель, а в руках он держал какие-то инструменты.

Однако мое внимание приковали не они, не фигура воина-атлета, но его лицо. Брови он покрасил белой краской, белая черта надо лбом следовала линии волос, но их я заметил мимоходом. Главным было выражение — мрачное, беспощадное, исполненное достоинства и силы, которых не передать никакими словами. Глаза свидетельствовали о великой мудрости, но в них не было сострадания — только суровая справедливость, с какой мне бы столкнуться не хотелось.

Мы, белые в нашей стране, склонны недооценивать черных — во всяком случае, я склонен, — потому что видим их вне их культурного наследия. У тех, кого мы знаем, оно было отнято десятком поколений назад, заменено насильственно навязанной псевдокультурой. Мы забываем, что у черных была собственная культура, более древняя, чем наша, с более стойкой основой, так как опиралась она на человеческие способности и силу духа, а не на дешевые фокусы механических игрушек. Но это суровая культура без сентиментальной озабо-

ченности судьбой слабых и неприспособленных, и она никогда полностью не исчезает.

Я невольно принял почтительную позу.

— Так приступим, — сказал доктор Уортингтон обычным голосом и присел на корточки, растопыривая крупные пальцы ног. Из кошелька он достал собачий хвост, какой-то сморщенный черный ком величиной с мужской кулак, и еще несколько предметов непонятного назначения. Хвост он прицепил у пояса сзади, так что он повис у него между ног. Затем взял что-то, завязанное в красный шелковый платок. — Вы не открываете сейф? — попросил он меня.

Я открыл стальную дверцу и посторонился. Доктор сунул сверток внутрь, лязгнув дверцей и покрутил ручку. Я вопросительно взглянул на Джедсона.

— У него... ну... в этом свертке его душа, так он поместил ее под защиту холодного железа. Он ведь не знает, с какими опасностями столкнется, — шепнул мне Джедсон. — Видишь?

Я поглядел и увидел, что Уортингтон тщательно провел большим пальцем по краям дверцы там, где она смыкалась с сейфом. Затем он вернулся на середину комнаты, взял сморщенный черный ком и нежно его погладил.

— Это отец моей матери, — объявил он, и, вглядевшись, я убедился, что он держит мумифицированную человеческую голову, у которой на затылке сохранились прядки волос. — Он очень мудр, — невозможно добавил доктор, — и мне потребуются его советы. Дедушка, это твой новый сын и его друг. — (Джедсон поклонился, и я поймал себя на том, что тоже кланяюсь.) — Им нужна наша помощь.

Он заговорил с головой на своем языке, время от времени умолкая и как бы слушая, а потом отвечая. Между ними затем словно бы вспыхнул спор, но, вероятно, они пришли к согласию, так как доктор понизил голос. Через минуту он умолк и обвел взглядом комнату. Глаза его остановились на полочке для вентилятора.

— Превосходно! — сказал он. — Дедушке нужен наблюдательный пункт, чтобы следить за происходящим. — И он бережно водрузил сморщенную голову на полку лицом к комнате.

Вернувшись на середину, он опустился на четвереньки и начал водить носом из стороны в сторону, как охотничий пес, отыскивающий след. Он кружил, нюхал, поскуливал, точь-в-точь как вожак своры, сбитый с толку обилием следов. Прикрепленный к поясу хвост задрался и помахивал, как у настоящей собаки. Настолько все его движения походили на движения гончей, что я даже заморгал, когда он внезапно сел по-человечески и объявил:

— Впервые сталкиваюсь с сочетанием стольких чар в одном месте! Чары миссис Дженнингс и ваши коммерческие я опознал легко. Но, исключив их, воздуха я практически не очистил. Здесь у вас разве что заклинания дождя не было, и еще шабаша!

Не дожидаясь нашего ответа, он вновь преобразился в гончую и начал описывать более широкие круги. Почти сразу он будто наткнулся на непреодолимое препятствие, замер, поглядел на голову и энергично заскулил. После чего застыл в ожидании.

Ответ, видимо, его удовлетворил. Громко тявкнув, он выдвинул нижний ящик картотеки — неуклюже, словно лапами, а не руками. Торопливо порывшись в нем, он живо извлек что-то из самой глубины и бросил в кошель.

После чего несколько раз бодро обежал помещение, обнюхивая все уголки. А когда закончил, вернулся на середину комнаты, снова сел на корточки и сказал:

— Ну пока здесь чисто. В этом месте сфокусированы все покушения, а потому дедушка согласился остаться тут и постеречь вас, в то время как я опояшу вашу недвижимость веревкой, чтобы для чародеев ход сюда был закрыт.

Мне стало не по себе. Уж конечно, голова напугает мою секретаршу до полусмерти, чуть она ее увидит! Я намекнул на это, как мог деликатнее.

— Ну так как? — осведомился он у головы дедушки, выслушал ответ и обернулся ко мне. — Все в порядке, дедушка говорит, что будет показываться только тем, кого ему представили.

(Так оно и вышло. Головы никто не заметил, даже уборщица!)

— А теперь, — продолжал он, — я хочу как можно скорее обследовать контору моего брата, а также обнюхать ваши жилища и застраховать их от нежелательных вторжений. А пока оба вы примите к сведению следующее: ни в коем случае не допускайте, чтобы что-то ваше личное могло попасть в чужие руки — обрезки ногтей, сбритые волосы, слюна. Следите за этим строжайшим образом. Уничтожайте их либо в огне, либо погрузив в проточную воду. Это значительно облегчит нашу задачу. У меня все.

Он встал, быстро вошел в умывальную, а десять минут спустя благообразный, утонченно образованный доктор Уортингтон уже сидел с нами, покуривая сигарету. Мне пришлось покоситься на голову его дедушки, так как меня уже одолевали сомнения, не пригрезился ли мне этот владыка африканских дебрей.

После чистки, произведенной доктором Уортингтоном, несчастные случаи прекратились, а на меня посыпались заказы. Я уже подсчитывал квартальную прибыль, и ко мне вернулась бодрость. Дитворт прислал мне исковое письмо, настаивая на дутой претензии Бидла, но я бросил его в мусорную корзину не моргнув глазом.

Как-то в полдень в магазин явился Фельдштейн, чародейный агент.

— Привет, Зак! — приветствовал я его весело. — Как делишки?

— Мистер Фрэзер, чтобы из всех вопросов вы мне задали этот! — сказал он, скорбно покачивая головой. — Дела хуже некуда.

— Как так? — спросил я. — Всюду вокруг замечен подъем деловой активности...

— Внешность обманчива, — перебил он, — особенно в моем занятии. Скажите, вы что-нибудь слышали о корпорации «Магия», как они себя называют?

— Странное совпадение, — ответил я. — Услышал только что и впервые. Сейчас получил по почте. — И я протянул ему невскрытый конверт с обратным адресом: «Корпорация «Магия», 700, Дом Содружества».

Фельдштейн взял его кончиками пальцев, словно боясь обжечься, и прочел надпись на конверте.

— Они самые, — подтвердил он. — Разбойники с большой дороги!

— Да что такое, Зак?

— Они не желают, чтобы человек честно зарабатывал свой кусок хлеба... Мистер Фрэзер, — с тревогой перебил он себя, — вы же не подложите свинью старому другу, который вас никогда не подводил?

— Конечно, нет, Зак. Но в чем все-таки дело?

— А вы прочтите! Читайте, читайте! — Он сунул мне конверт.

Я вскрыл его. Прекрасная бумага с водяными знаками, а шапка выполнена строго и со вкусом. Я скользнул взглядом по списку внушительного правления и был приятно удивлен калибром людей, занимавших директорские и административные посты — все очень известные, кроме парочки администраторов, чьи фамилии мне ничего не сказали.

Само письмо было чисто рекламным проспектом, но идея выглядела новой. Так сказать, холдинговая компания чародеев. Они гарантировали магические услуги любого рода. Клиент без всяких хлопот звонит по указанному номеру, излагает свои требования, а компания обеспечивает выполнение заказа и присылает ему счет.

Я скользнул взглядом по строчкам: «...гарантированное обслуживание, обеспечиваемое всеми возможностями ответственной компании...», «на редкость низкие твердо установленные гонорары благодаря централизованному управлению и экономии на комиссионных, выплачиваемых агентам...», «личная заинтересованность ведущих членов великой профессии позволяют нам смело предсказать, что корпорация «Магия» станет надежным источником компетентного чародейства любого вида, и даже, скорее всего, единственным источником подлинной первоклассной магии...»

Я бросил письмо на стол.

— Стоит ли волноваться, Зак? Подумаешь, еще одно агентство. Ну, а их заявления... Разве ты не говоришь, что обеспечиваешь услуги только самых лучших? Но ведь ты не ждешь, что тебе поверят?

— Нет, — признал он, — то есть отчасти, между нами говоря. Но это-то по-настоящему серьезно. Они сманили моих действительно первоклассных ребят опла-

той и премиями, которые мне не по карману. А теперь они предлагают чародейство всем, кто пожелает, по расценкам, которые оставят без работы остальных. Я разорен, говорю же вам!

Да, не весело. Фельдштейн был приятным человеком, который старался, правда, выжимать побольше центов ради жены и пяти черноглазых ребятишек, на которых надышаться не мог. Но я не сомневался, что он утрирует: у него была склонность к мелодраме.

— Не беспокойся, — сказал я. — Можешь на меня твердо рассчитывать, да и на большинство других своих клиентов тоже. Эти молодцы всех чародеев к рукам не приберут — те слишком независимы. Погляди на Дитворта. Он вылез со своей ассоциацией. И что у него вышло?

— Дитворт... а-ах! — Он хотел сплюнуть, но вовремя вспомнил, что находится в моем кабинете. — Так эта же компания — он. Дитворт!

— Откуда ты взял? В списке он не значится.

— Навел справки. Вы думаете, у него ничего не вышло, раз вы дали ему по рукам? Они устроили совещание директоров ассоциации — а это Дитворт и две его секретарши — и проголосовали за передачу контрактов новой корпорации. Дитворт якобы уходит, бездоходную ассоциацию возглавляет его подручный, и Дитворт заправляет обеими компаниями. Вот увидите! Если бы мы могли увидеть документы «Магии», так вы бы убедились, что контрольный пакет у него. Это уж точно!

— Не думаю, — сказал я медленно.

— Вот увидите! Дитворт с его сладкими разговорчиками о бескорыстном служении и высокой требовательности не должен был бы связываться с корпорацией «Магия», верно? А вы позвоните туда и спросите его!

Вместо ответа я набрал номер, указанный в письме. Девичий голос произнес:

— Доброе утро. Корпорация «Магия».

— Будьте добры, соедините меня с мистером Дитвортом.

Она довольно долго мялась, а потом сказала:

— Кто его спрашивает?

Тут замялся я. Говорить с Дитвортом я не хотел, мне просто надо было установить факт. В конце концов я ответил:

— Передайте ему, что звонят из приемной доктора Бидла.

— Но мистер Дитворт должен был быть у доктора Бидла полчаса назад. Он не приехал?

— А! — отозвался я. — Возможно, он у шефа, а я просто не видел, как он вошел. Извините! — И я положил трубку.

— Выходит, ты прав, — признал я, оборачиваясь к Фельдштейну.

Но он был так расстроен, что совсем не обрадовался своей правоте.

— Послушайте, — сказал он, — может, закусим вместе и все обсудим?

— Я собирался в торговую палату на званный завтрак. Ты тоже член палаты, так поехали вместе и поговорим по дороге.

— Ладно, — он скорбно вздохнул. — Наверное, скоро мне это будет не по карману.

Мы опоздали, и двух мест рядом за столом для нас не нашлось. Казначей сунул мне под нос кружку для штрафов и «закрутил ей хвост», требуя с меня десять центов за опоздание. Кружкой служила простая сковородка с велосипедным звонком на ручке. За все провинности мы уплачиваем штрафы, что пополняет общественный фонд и служит источником безобидных шуток. Казначей подставляет сковородку и крутит звонок, пока провинившийся не выложит десять центов.

Я торопливо вытащил десятицентовик и опустил его на сковородку, а Стив Хэррис, владелец автомобильного агентства, завопил:

— Правильно! Пусть-ка шотландский скупердэй раскошелится!

— Десять центов за нарушение тишины и порядка! — объявил Норман Сомерс, наш председатель, даже не повернув головы. Казначей встал перед Стивом, и я услышал звяканье монеты, а затем дребезжание звонка.

— Что там еще? — спросил Сомерс.

— Стив опять за свое, — устало сообщил казначей. — На этот раз магическое золото.

Стив бросил на сковородку синтезированную монетку, которую сотворил для него какой-нибудь знакомый чародей. При соприкосновении с холодным железом она, естественно, улетучилась.

— Еще двадцать центов за попытку всучить фальшивые деньги, — постановил Норман. — Наденьте на него наручники и позвоните в прокуратуру.

Стив завзятый любитель розыгрышей, но с Норманом его номера не проходят.

— Можно мне хоть завтрак доесть? — Стив ну просто изнывал от жалости к себе. Норман промолчал, и Стив уплатил все штрафы.

— Веселись, Стив, пока можешь! — посоветовал Эл Донахью, владелец закусовых для автомобилистов. — Вот заключишь контракт с «Магией», и больше розыгрыши с чарами устраивать не будешь.

Я наострил уши.

— Кто сказал, что я стану с ними связываться?

— Никуда ты не денешься.

— Да зачем мне?

— Зачем? Потому что это прогрессивное начинание. Возьми хоть меня. Я предлагаю разнообразнейшие исчезающие десерты во всех моих ресторанах. Можешь съесть разом хоть три, и не переешь, и не прибавишь в весе ни унции. Так вот: я на них терял деньги, но шел на это ради рекламы и привлечения женской клиентуры. И вот корпорация «Магия» предлагает мне то же самое, но за такую цену, что мои десерты начинают приносить прибыль. Естественно, я подписал с ней контракт.

— Естественно. А что, если они повысят цены, когда наймут или выгонят из города всех компетентных чародеев?

Донахью засмеялся самодовольным противным смехом.

— У меня есть контракт.

— Вот как? На какой срок? А пункт о расторжении ты прочел?

В отличие от Донахью я его прекрасно понял. Такое я испытал на себе. Лет пять назад портлендская фирма начала у нас в городе скупать мелкие предприятия и снижать цены — продавали цемент за тридцать пять

центов мешок вместо обычных шестидесяти пяти и разорили оставшихся конкурентов. А потом начали полегоньку поднимать цену вплоть до доллара двадцати пяти центов за мешок. Ребята здорово нагрелись, прежде чем поняли, как их обратали.

Но ты мы все замолчали, потому что встал почетный гость, старик Б. Дж. Тимкен, крупнейший подрядчик. Он произнес речь о «сотрудничестве и служении». Оратор он не ахти какой, но очень неплохо говорил о том, как бизнесмены могут служить обществу и помогать друг другу. Мне даже понравилось.

Когда аплодисменты стихли, Норман Сомерс поблагодарил Б. Дж. и сказал:

— На сегодня все, господа, если только кто-то не хочет представить новый вопрос на обсуждение...

Встал Джедсон. Я сидел спиной к нему и только тут увидел, что он здесь.

— Мне кажется, господин председатель, — заявил он, — такой вопрос есть, и крайне важный. Прошу разрешения на несколько минут, чтобы обсудить его неофициально.

— Пожалуйста, Джо, — ответил Сомерс. — Если это так важно.

— Спасибо. На мой взгляд — очень. Собственно, это продолжение того, о чем раньше спорили Эл До-нахью и Стив Хэррис. Я считаю, что в нашем городе назревают значительные перемены в деловой обстановке прямо у нас под носом, а мы закрываем на них глаза, если только они нас прямо не затрагивают. Я говорю о коммерческой магии. Кто из вас пользуется чародейством в производственных целях? Поднимите руки.

Руки подняли все за исключением двух адвокатов. Но я всегда подозревал, что они сами чародеи.

— Ладно, — сказал Джедсон. — Мы все им пользуемся. Я использую чары в производстве тканей. Хэнк Мэннинг чистит и гладит только с их помощью, а возможно, и красит тоже. В «Кленовой мастерской» Уолли Хейта чары собирают и отделявают дорогую мебель. Стен Робертсон скажет вам, что великолепное оформление витрин «Бомарше» создается чарами, как и две трети его товаров, а в секции детских игрушек и того больше. А теперь я задам вам еще один вопрос:

часто ли процент ваших расходов на магию превышает прибыль? Подумайте, прежде чем ответить. — Он немного выждал. — Ну ладно, поднимите руки!

Рук поднялось почти столько же, что и раньше.

— В этом суть дела. Без чар нам не выстоять. И если в нашем городе кто-то приберет чародейство к рукам, мы все окажемся в их власти. Нам придется платить столько, сколько с нас запросят, назначать цены, какие нам укажут, и довольствоваться той прибылью, какую нам оставят, или лишаться своего дела!

— Подожди, Джо, — перебил председатель. — Пусть все, что ты сказал, правда — а так оно и есть! — но какие основания у тебя считать, что нас подстерегает подобная опасность?

— Самые веские, — ответил Джо негромко и очень серьезно. — По отдельности они таковыми не выглядят, но в совокупности убеждают меня, что кто-то тайком старается прибрать к рукам весь бизнес нашего города. — И Джедсон коротко изложил историю того, как Дитворт затеял организовать чародеев и их клиентов в ассоциацию, якобы для поднятия престижа профессии и как рядом с бездоходной ассоциацией возникла корпорация, уже почти монопольная.

— Секундочку, Джо, — вмешался Эд Пармели, владелец фирмы мелких услуг. — По-моему, эта ассоциация прекрасная штука. Меня попробовал запутать какой-то подонок — чтобы я поручил ему находить для меня чародеев. А я обратился в ассоциацию, и они обо всем позаботились. Больше мне тревожиться не пришлось. На мой взгляд, организация, способная укротить рэкетиров, именно то, что нам требуется.

— Но ведь вам пришлось подписать контракт с ассоциацией, чтобы заручиться ее помощью, так?

— Ну да. Но ведь это вполне нормально...

— А не этого ли добивался ваш рэкетир?

— Так до чего угодно договориться можно!

— Я вовсе не настаиваю именно на этом объяснении, — не отступал Джо, — но ничего невозможного тут нет. И не в первый раз монополисты прибегли к помощи хулиганья, чтобы левой рукой насилем получить то, в чем их правой руке было отказано. А еще кому-нибудь здесь пришлось столкнуться с подобным?

Выяснилось, что — да, и не одному. И я заметил, что многих это заставило задуматься.

Один из адвокатов задал вопрос официально — через председателя.

— Господин председатель, если на минуту перейти от ассоциации к корпорации «Магия»: не профессиональный ли это союз чародеев? В таком случае у них есть законное право объединяться.

Норман обернулся к Джедсону:

— Ты ответишь, Джо?

— Безусловно. Это никакой не профсоюз. Ситуация примерно такая же, когда все плотники в городе работают на одного подрядчика. И вы либо договариваетесь с подрядчиком, либо не строите.

— В таком случае, это чистая монополия... если все обстоит именно так. В нашем штате действует закон Литтл-Шермана, и можно обратиться в суд.

— Думаю, вы убедитесь, что это монополия. Кто-нибудь заметил, что ни один из чародеев сегодня здесь не присутствует?

Мы все посмотрели по сторонам. Джо оказался прав.

— Не сомневаюсь, — добавил он, что с этих пор представлять чародеев на заседаниях палаты будет администратор «Магии». — Он вытащил из кармана газету. — Рискую угодить под суд за оскорбление достоинства и все же спрошу: кто-нибудь из вас обратил внимание, что губернатор назначил внеочередную сессию законодательного собрания?

Эл Донахью презрительно заметил, что у него нет времени на политические игры: надо заниматься делом. Это была шпилька в адрес Джо. Все знали, что он член разных комиссий и много времени тратит на общественные проблемы. Как видно, Джо это задело, потому что он сказал с жалостью:

— Эл, твое счастье, что кто-то из нас готов тратить время на то, чтобы присматривать за затеями правительства, иначе в один прекрасный день ты проснешься и узнаешь, что и на тротуар перед твоим домом они наложили лапу.

Председатель предупреждающе постучал молотком, и Джо извинился. Донахью буркнул, что политика — одна грязь и всякий, кто с ней связывается, сам стано-

вится мошенником. Я потянулся за пепельницей и опрокинул бокал с водой на колени Донахью. Это его отвлекло, а Джо продолжал:

— Конечно, мы знаем, что для созыва внеочередной сессии есть несколько причин, но вчера вечером они опубликовали повестку, и почти в самом конце я отыскал пункт: «Урегулирование чародейства». Стоило ли поднимать такой вопрос на внеочередной сессии, если что-то не назрело? Я тут же позвонил моей знакомой в законодательном собрании — мы с ней заседаем в одной комиссии. Она ничего об этом не знала, но позднее позвонила мне. И вот что ей удалось выяснить: пункт вставили в повестку по просьбе кого-то из финансирующих избирательную кампанию губернатора — а самого его этот вопрос не интересует. Никто словно понятия не имеет, о чем, собственно, речь, однако законопроект уже представлен...

Тут кто-то перебил Джо вопросом о сути законопроекта.

— Я о том и говорю, — терпеливо продолжал Джо. — Законопроект был представлен только заголовком, и содержание его мы узнаем не раньше, чем он поступит на рассмотрение комиссии. А заголовок такой: «Законопроект для установления профессиональных требований к чародеям, регулирования практического чародейства, учреждения комиссии для проверки, выдачи разрешений и наблюдения...» Ну и так далее. Как видите, это даже не название, а перечень, под который можно подвести любые законы, касающиеся чародейства, в том числе и отмену антимонопольных ограничений, если им это понадобится.

Наступило молчание. Полагаю, все мы пытались как-то разобраться в предмете, о котором, в сущности, понятия не имели — в политике. Потом кто-то спросил.

— Так что нам, по-вашему, делать?

— Ну, — ответил Джо, — нам хотя бы следует заручиться собственным представителем в законодательном собрании, который охранял бы наши интересы в сомнительных ситуациях. Еще мы должны хотя бы подготовить собственный законопроект, чтобы представить его, если в этом обнаружатся какие-то подвохи, и добиться наиболее выгодного компромисса. И

внести поправку, которая придавала бы реальную силу нынешнему антитрестовскому закону, хотя бы касательно чародейства. — Он ухмыльнулся. — Если не ошибаюсь, уже четыре «хотя бы».

— Но почему торговая палата штата не может сделать этого за нас? При ней же есть бюро по вопросам законодательства.

— Да, конечно, у них есть лобби, но вы прекрасно знаете, что торговая палата штата не слишком жалуется на нас, мелких предпринимателей. Положиться на нее нельзя. Возможно даже, нам придется дать бой и ей.

Джо сел, и начался хаос. У каждого обнаружили свои соображения, как и что следует предпринять, и все пытались излагать их одновременно. Вскоре стало ясно, что на общее согласие рассчитывать нечего, и Сомерс закрыл заседание, предложив остаться тем, кто хочет выбрать представителя в законодательное собрание. Ушли несколько твердолобых вроде Донахью, а остальные вновь начали совещаться под председательством того же Сомерса. Послать постановили Джедсона, и он согласился. Встал Фельдштейн и произнес речь со слезами на глазах. Он путался, нес невнятицу, но в конце концов выдал из себя, что Джедсону, чтобы чего-то добиться там, нужна порядочная сумма денег и что надо возместить ему расходы и потерю времени. И он удивил нас всех: вытащил пачку долларов, отсчитал тысячу и положил перед Джо.

Такое доказательство искренности привело к тому, что его тут же по общему согласию выбрали казначеем, и сбор средств прошел весьма недурно. Я подавил свои природные наклонности и дал столько же, сколько Фельдштейн, хотя и предпочел бы, чтобы он проявил разумную сдержанность. По-моему, позже и сам Фельдштейн слегка раскаялся — так как посоветовал Джо соблюдать экономию и не швырять доллары на выпивку для этих «прохиндеев в законодательном собрании».

Джедсон покачал головой и сказал, что оплачивать свои расходы будет сам, а собранные средства намерен тратить по собственному усмотрению, в основном для поддержания дружеских контактов. Он добавил, что у нас просто нет времени полагаться только на здравый смысл и бескорыстный патриотизм и что у этих олухов

чаще всего собственного мнения нет вовсе — не больше, чем у флюгера, и они голосуют за того, с кем пили в последний раз.

Кто-то с возмущением отозвался о подкупах.

— Подкупать я никого не собираюсь, — ответил Джо с досадой. — Если дело дойдет до взяток, считайте, что мы уже проиграли. Я просто молю Бога, что там найдется еще достаточно незавербованных представителей, чтобы было кого уличивать или запутывать в разумной мере.

Он настоял на своем, но про себя я согласился с Фельдштейном. И положил себе впредь обращать больше внимания на политику. Я даже не знал фамилии своего депутата! А уж тем более порядочный ли он человек или просто дешевый оппортунист.

Вот почему Джедсон, Боди и я отправились вместе в столицу штата.

Боди поехал потому, что Джедсон нуждался в перwokлассном чародее на роль пойнтера. Неизвестно, что нас ждет, сказал он. А я поехал, потому что мне так хотелось. В столице штата прежде бывал только проездом, и мне было интересно понаблюдать, как варганятся законы.

Джедсон направился прямо в канцелярию секретаря по внутренним делам зарегистрироваться к качеству лоббиста, а мы с Джеком поехали с багажом в отель «Конституция» и сняли номера. Миссис Логан, приятельница Джо в комиссии, заглянула к нам еще до его возвращения.

В поезде Джедсон много рассказывал нам о Сэлли Логан. По его словам, выходило, что в ней хитрость Маккиавелли сочетается с благородством и честью Оливера Уэнделла Холмса. Меня удивила его восторженность: слишком уж часто он ругал на все корки баб, лезущих в политику.

— Арчи, ты не понимаешь, — назидательно сказал он. — Сэлли не женщина-политик, а просто политик и не требует никаких привилегий потому лишь, что родилась женщиной. Она способна нанести удар и дать сдачи самому матерому интригану в собрании. Все, что я говорил о женщинах в политике, святая истина как

обобщение, но к конкретным женщинам никакого отношения не имеет.

Видишь ли, — продолжал он, — большинство женщин в Соединенных Штатах страдают близоруким крестьянским индивидуализмом, плодом романтической традиции, созданной мужчинами в прошлом веке. Им внушали, что они высшие создания, куда ближе к ангелам, чем их отцы, мужья и братья. Их не поощряли мыслить, не учили брать на себя бремя социальной ответственности. Требуются большой ум и воля, чтобы преодолеть такого рода обработку, и большинству такая задача не по зубам, будь они хоть женщины, хоть мужчины. В результате, как избирательницы, они склонны клеветать на романтическую чепуху. Выманить их голос лестью даже легче, чем обработать мужчину. В политике их упоение собственной добродетелью в сочетании с по сути крестьянской психологией порождают мелочную придирчивость и нерасчетливую скаредность. Но Сэлли совсем другая. Ум у нее здравый, и дешевыми эффектами ее не заморочить.

— Ты случайно в нее не влюблен?

— Кто? Я? Сэлли замужем, очень счастлива и мать двух детей, симпатичнее которых я не видел.

— А кто ее муж?

— Юрист. Один из помощников губернатора. Сэлли занялась политикой после того, как ей пришлось заметить мужа во время одной избирательной кампании.

— А ее официальное положение?

— Никакого. Она правая рука губернатора, и в этом ее сила. Никакого поста Сэлли никогда не занимала и денег за свою работу не получала.

После таких рекомендаций мне не терпелось познакомиться с этой идеальной дамой. Когда она позвонила, мы говорили по внутреннему телефону, и я уже хотел сказать, что спущусь в вестибюль, но она заявила, что сейчас поднимется, и положила трубку. Меня несколько ошеломила такая фамильярность, если не выразиться сильнее, так как я еще не понял, что номер в отеле для политиков не спальня, а место деловых совещаний.

Не успел я открыть дверь, как она сказала:

— Вы ведь Арчи Фрэзер, верно? Я Сэлли Логан. А где Джо?

— Он вернется с минуты на минуту. Вы не подождете? Садитесь, пожалуйста.

— Спасибо.

Она шмякнулась в кресло, сняла шляпу и тряхнула волосами. Я поглядел на нее.

Бессознательно я ожидал чего-то внушительного — дородную матрону с мужскими ухватками. А увидел молодую, пухленькую, задорную блондинку с непослушной гривой золотых волос и честными голубыми глазами. Она просто излучала женственность. Ей нельзя было дать и тридцати, но что-то в ней внушало неколебимое доверие.

Мне вспомнились сельские ярмарки, вкус колодезной воды и сахарных лепешек.

— Боюсь, тут можно обломать зубы, — начала она без обиняков. — Я такого не ожидала, но кто-то сколотил внушительный блок для законопроекта номер двадцать два. О нем я и телеграфировала Джо. Что вы, ребята, решили? Попытайтесь покончить с ними напрямую или предложите свой законопроект?

— Джедсон подготовил закон о квалифицированной практике с помощью кое-каких наших друзей из Полумира и парочки юристов. Хотите взглянуть?

— Будьте так добры. Я зашла в типографию и взяла несколько экземпляров законопроекта, против которого вы намерены выступить — АБ двадцать два. Обменяемся!

Я бился над переводом загадочного языка, которым пользуются юристы, творя законы, но без особого успеха. Вошел Джедсон, молча погладил Сэлли по щеке, а она пожала ему руку, продолжая читать. Он пристроился читать у меня за плечом, но тут я сдался и отдал брошюрку ему. По сравнению с ней технические характеристики будущего здания читаются как роман.

— Что ты об этом думаешь, Джо? — спросила Сэлли.

— Хуже, чем я предполагал, — ответил он. — Возьми раздел седьмой...

— Я в него еще не заглядывала.

— А? Ну, во-первых, ассоциация признается полупубличной организацией вроде коллегии адвокатов или приходского фонда и получает право подавать жа-

лобы комиссии. Иными словами, каждому чародею нужно поскорее вступить в дитвортскую ассоциацию и ни в чем не перечить ей.

— Но разве это законно? — спросил я. — На мой взгляд, тут прямое нарушение конституции. Чтобы частная ассоциация...

— Прецедентов полно, сынок! Например, корпорация по содействию всемирным ярмаркам. Их признают, им даже отчисляют бюджетные средства. Ну а конституционность... Неконституционную суть этого закона еще надо доказать, что крайне трудно, хотя он именно таков.

— В любом случае комиссия обязана провести разбирательство дела каждого чародея.

— Конечно, но тут-то и зарыта собака. Комиссия обладает очень широкими правами, почти неограниченными касательно всего, что так или иначе связано с чародейством. В законопроекте полно фразочек типа «в пределах разумного и надлежащим образом», которые попросту означают полную свободу рук, причем сдерживать членов комиссии должны здравый смысл и порядочность. Вот почему я против всяких правительственных комиссий — они исключают равенство в применении закона. Им передаются законодательные права, а потому закон — это то, что они назовут законом. Военный трибунал и то лучше. В данном случае членов предусматривается девять, причем шестеро должны быть лицензированными чародеями первого класса. Вряд ли нужно указывать, что несколько неудачных назначений при создании комиссии превратят ее в связанную круговой порукой самовозобновляющуюся олигархию. Благодаря ее праву выдавать лицензии.

Сэлли и Джо должны были повидаться с депутатом, который по их мнению мог предложить на рассмотрение собрания наш законопроект, а потому они высадили меня у капитолия. Мне захотелось послушать дебаты.

Поднимаясь по широкой величественной лестнице, я испытывал горделивое чувство. Старинное безобразное здание словно воплотило в себе твердость американского национального характера, непреклонную решимость свободных людей самим управлять своими делами. Наши нынешние трудности словно утратили всепо-

глощающую важность. Нет, их следовало разрешить, но лишь как очередной эпизод в долгой истории проблем самоуправления.

Подходя к огромным бронзовым дверям, я по привычке заметил еще кое-что: подрядчик, видимо, хорошо нагрел руки на этих стенах. Известковый раствор был очень и очень жидким!

Я решил побывать в нижней палате, а не в сенате, потому что, по словам Сэлли, заседания там проходили обычно повеселее. Когда я вошел в зал, там обсуждалась резолюция о проведении расследования случая, имевшего место в окрестностях города Сикс-Пойнтс, когда трое организаторов сельскохозяйственного профсоюза были вымазаны дегтем и облеплены перьями. Сэлли заметила, что вопрос этот много времени не займет, поскольку те, кто внес резолюцию, на самом деле вовсе не хотят, чтобы она прошла. Однако Центральный рабочий совет вынес резолюцию с требованием расследования, и депутатам от рабочих избирательных округов пришлось потребовать ее рассмотрения.

Причина, по которой они только делали вид, что требуют расследования, была проста: вышеупомянутые организаторы были не людьми, а корешками мандрагоры, чего совет штата не знал, когда поставил вопрос о расследовании. Поскольку превращение корешков мандрагоры в человекоподобные существа требует наичернейшей черной магии и в высшей степени противозаконно, необходимо было отыскать способ спустить все на тормозах. Рабочие профсоюзы всегда были против такого использования мандрагов, как их называют, поскольку в результате настоящие люди — отцы семейств — теряли работу. На том же основании они выступали против синтезированных двойников и гомункулов. С другой стороны, всем известно, что профсоюзы не прочь использовать мандрагов и двойников для собственных целей: для пикетирования, оказывания давления и тому подобное. Полагаю, они чувствуют себя вправе вышибать клин клином. Гомункулы им не годятся — слишком малы, чтобы их можно было выдать за взрослых мужчин.

Не предупреди меня Сэлли, я бы ничего не понял в происходящем. Все рабочие депутаты по очереди вста-

вали и непреклонно требовали вынести резолюцию о расследовании. Затем кто-то внес предложение отложить рассмотрение вопроса до следующего заседания большого жюри указанного графства. За это предложение проголосовали без обсуждения и переклички, причем, хотя присутствовали почти только выступавшие в пользу первой резолюции, вторая была принята практически единогласно.

В повестке значились обычные предложения нефтяной промышленности, о каких читаешь в газетах всякий раз, когда заседает законодательное собрание. Именно таким был следующий вопрос — губернатору предлагалось заключить соглашение с гномами, чтобы они содействовали в проведении разведки новых нефтяных месторождений, а также рекомендовали людям методы бурения, позволяющие поддерживать давление природного газа в недрах, чтобы нефть поднималась на поверхность. Так я понял, но я не специалист.

Первым выступил сторонник проекта.

— Господин спикер, — сказал он, — прошу проголосовать за этот законопроект под номером АБ семьдесят девять. Цель его проста, а выгоды очевидны. Значительная часть расходов на добычу нефти-сырца падает на капризы разведки и бурения. С помощью Малого Народа они могут быть сведены до семи процентов от нынешней суммы, исчисленной в долларах, так что стоимость бензина и других нефтепродуктов широкого потребления значительно снизится. Вопрос о подземном давлении газа технически несколько более сложен, но достаточно сказать, что в округленных цифрах нужна тысяча кубических футов природного газа, чтобы поднять на поверхность один баррель нефти. Если мы обеспечим надежный контроль бурения глубоко в недрах земли, для человека недоступных, использоваться это бесценное давление будет наиболее выгодным способом.

Единственное разумное возражение против этого закона сводится к вопросу, есть ли у нас возможность заключать соглашения с гномами на выгодных условиях. Я отвечаю «да», поскольку нынешняя администрация имеет прекрасные связи в Полумире. Гномы готовы приступить к переговорам, чтобы отрегулировать ны-

нешнее хаотичное бурение вслепую, которое порой разрушает их жилища, а нередко — и святилища. Они не без некоторых оснований утверждают, что все земные недра — их владения, но согласны на разумные уступки, чтобы положить конец ситуации, для них невыносимой. Если это соглашение даст желанные плоды, а оно их даст, оно откроет путь к другим соглашениям, которые позволят нам разрабатывать все металлические и минеральные ресурсы нашего штата в условиях, весьма выгодных для нас и без вреда для гномов. Только представьте себе, как рентгеновские глаза гномов заглядывают в толщу породы и обнаруживают для вас мощную золотую жилу!

Звучало это очень заманчиво, но после моего краткого знакомства с владыкой гномов я бы не положился на его слово, разве что поручил бы переговоры миссис Дженнингс.

Едва сторонник проекта сел, как вскочил другой депутат и принялся столь же энергично его опровергать. Выглядел он старше большинства членов палаты, и я решил, что он юрист, практикующий в захолустье.

— Господин спикер! — загремел он. — Я прошу проголосовать против! Кто бы мог подумать, что американская законодательная власть падет до подобного унижающего ее вздора? — (Его произношение выдавало в нем уроженца северной части штата, расположенного вдали от нефтяных полей.) — Есть ли у вас хоть одна причина полагать, будто гномы существуют? Кто из вас хоть раз видел гнома? Перед нами просто дешевая уловка политических интриганов, цель которой — лишить избирателей их законной доли природных богатств нашего великого штата...

Его перебили вопросом:

— Следует ли из этих утверждений, что достопочтенный член этого собрания от графства Линкольн не верит в чародейство? Возможно, он также не верит в радио и телефон?

— Отнюдь нет. С разрешения председательствующего я изложу свою позицию столь ясно, что даже мой достопочтенный коллега в том углу зала сумеет ее понять. Некоторые замечательные достижения человеческого разума в своем практическом применении полу-

чили общеупотребительное название чародейства или магии. Принципы эти прекрасно изучены и преподаются, я счастлив сказать, в наших высших учебных заведениях, содержащихся на общественные средства. Я с глубочайшим уважением отношусь к дипломированным специалистам в этой области. Но, насколько я понимаю, хотя сам далек от этой замечательной науки, она вовсе не подразумевает веру в Малый Народец. Но удобства ради предположим, что он существует. Основание ли это для того, чтобы от него откупаться? Должны ли граждане этого штата платить отступного населению подземного мира... — Он помолчал, давая время оценить свое тонкое остроумие, но оно осталось неопцененным, — ...за то, что принадлежит нам законно и по праву? Если этот смехотворный принцип довести до логического завершения, фермеры и дояры, которых я с гордостью числю среди своих избирателей, должны будут платить пошлину эльфам за право доить своих коров!

Кто-то сел рядом со мной. Я повернул голову, увидел Джедсона и вопросительно посмотрел на него.

— Пока ничего, — шепнул он. — Надо подождать. Ну а время можно убить и здесь. — Он отвернулся от меня и стал слушать.

Кто-то уже начал отвечать старому индюку.

— Господин спикер, если distinguished член этого собрания закончил свою речь... — (Я не совсем уловил, куда он выставил свою кандидатуру!) — ...мне бы хотелось привлечь внимание присутствующих к отражению статуса стихий всех родов не только в законе Моисея, в римском праве и английском гражданском законодательстве, но и в решении апелляционного суда штата, граничащего с нашим на юге. Я убежден, что любой человек, хотя бы элементарно знакомый с юриспруденцией поймет, какой прецедент я имею в виду, и назову дело только снисходя к...

— Господин спикер! Я предлагаю изъять последний эпитет...

— Уловка, чтобы получить слово, — шепнул Джедсон.

— Намерен ли distinguished коллега намекнуть...

Так это и продолжалось. Я обернулся к Джедсону и спросил:

— Я что-то не понимаю этого типа, который сейчас выступает. Несколько минут назад он вопил что-то о коровах. Чего он опасается? Религиозных предрасудков?

— Отчасти. Он из очень консервативного избирательного округа. Но он связан с независимыми нефтяниками. Они не хотят, чтобы условия вырабатывались штатом, и предпочтут договариваться с гномами напрямую.

— Но его-то нефть почему интересует? В его округе ею и не пахнет!

— Да, но там есть реклама. Холдинговая компания, которая контролирует так называемых независимых нефтяников, владеет акциями Загородной рекламной корпорации. А это ему может очень пригодиться в предвыборной кампании.

Спикер посмотрел в нашу сторону и один из стражей порядка направился к нам. Мы замолчали. Кто-то потребовал соблюдать повестку дня, обсуждение нефтяного проекта было отложено, и собрание занялось одним из законопроектов о чародействе, который уже был рассмотрен комиссией. Закон сводился к требованию запретить все виды чародейства, магии и колдовства.

Его поддержал только предложивший, а он разразился филиппикой, очень ученой, но не слишком логичной. Он широко цитировал «Комментарии» Блекстоуна, ссылаясь на массачусетские процессы над ведьмами, а в заключение откинул голову, воздел дрожащий перст к небесам и бозопил:

— «Ворожеи не оставяя в живых!» «Исход» двадцать два восемнадцать.

Никто не побеспокоился выступить с возражениями, закон тут же был поставлен на голосование без переключки и к моему полнейшему недоумению не получил ни единого голоса против. Я обернулся к Джедсону, и он улыбнулся выражению моего лица.

— Это ровно ничего не значит, Арчи, — произнес он вполголоса.

— Как?

— Этот депутат — пристяжная своей партии и вынужден был предложить этот закон, чтобы угодить влиятельную часть своих избирателей.

— Ты хочешь сказать, что сам он в него не верит?

— Да нет, верит. Но знает, что это безнадежно. Видимо, было договорено, что закон пройдет на этой сессии нижней палаты, чтобы ему было чем помахать перед избирателями. А закон перейдет в сенатскую комиссию, где и утонет. Никто о нем больше не услышит.

Вероятно, я не совладал со своим голосом, потому что спикер поглядел на нас совсем уж грозно, после того как я охнул. Мы поторопились уйти.

В коридоре я спросил Джо, почему он вернулся так быстро.

— Он отказался наотрез, — ответил он. — Сказал, что не хочет рисковать и настраивать ассоциацию против себя.

— Значит, с нами покончено?

— Вовсе нет. После обеда мы с Сэлли поговорим с другим депутатом. У него сейчас заседание комиссии.

Мы отправились в ресторан, где Джедсон договорился встретиться с Сэлли Логан. Он заказал обед, а я попросил пару банок безалкогольного пива — и обязательно неоткупоренными. Я люблю выпить, но не терплю даже легкого опьянения. Как-то раз я заплатил за закатное пиво, а подали мне что-то алкогольное. С тех пор я требую неоткупоренные банки и бутылки не открывать.

Я сидел, глядя в кружку, и размышлял над тем, чего наслушался в нижней палате, а главное — над попыткой запретить всякое чародейство. И чем больше размышлял, тем заманчивее мне представлялся такой закон. Страна ведь процветала в те дни, когда чародейство не приобрело популярности и не было поставлено на коммерческую основу. Оно причиняло много неприятностей и помимо нынешнего нашего столкновения с рэкетирами и монополистами. Я высказал свое мнение Джедсону, но он не согласился со мной.

Запреты, сказал он, никогда не приносили пользы ни в какой области. По закону или вопреки ему все, на что есть спрос, будет поставляться тем, кому оно требуется. Запретить чародейство — значит попросту расчищать дорогу всяким шарлатанам и черным колдунам.

— Я не хуже тебя сознаю отрицательные стороны чародейства, — продолжал он, — но это как огнестрельное оружие. Бесспорно, пистолеты открывают

возможность почти для каждого убивать безнаказанно. Однако, едва они были изобретены, уже ничего нельзя было изменить. Оставалось только как-то выходить из положения. Закон Салливена и ему подобные не мешают преступникам носить оружие и пускать его в ход, они просто забрали оружие у порядочных людей.

Он помолчал.

— То же и с чародейством. Запретив его, ты отнимешь у законопослушных людей великие блага, которые дает знание великих законов оккультизма, но гнусные, вредоносные тайны, скрытые в черных и красных «Наставлениях», останутся доступными любому, кто не уважает законы и готов заплатить требуемую цену. Не верю, что с тысяча семьсот пятидесятого года по тысяча девятьсот пятидесятый, например, к черной магии прибегали реже, чем до этого времени или сейчас. Посмотри на Пенсильванию и край колдуний, посмотри на крайний Юг. Однако теперь мы пользуемся и благами белой магии.

В зал вошла Сэлли, увидела нас и села на диванчик.

— Фу-у... — вздохнула она с облегчением. — Еле пробралась через вестибюль! «Третья палата» явилась в полном составе. Никогда еще не видела их в таком количестве, и особенно женщин.

— Какая третья палата? — спросил я.

— Она говорит про лоббистов, Арчи, — объяснил Джедсон. — Я тоже заметил и бьюсь об заклад, две трети синтезированы.

— То-то мне показалось, что я почти никого из них прежде не видела, — согласилась Сэлли. — Но ты уверен, Джо?

— Не совсем. Но Боди согласился со мной. Он говорит, что женщины почти все мадраки или андроиды той или иной выделки. Настоящие женщины никогда не бывают столь безупречно красивыми... (да и такими покладистыми). Он сейчас проверяет их по моей просьбе.

— Каким образом?

— По его словам, он умеет определить работу большинства чародеев, способных на такие сложные манипуляции. Нам было бы полезно получить доказательства, что все эти андроиды выпущены «Магией», хотя я

пока не совсем представляю, как мы могли бы использовать этот факт.

Боди даже опознал парочку-другую зомби, — добавил он.

— Неужели! — воскликнула Сэлли и брезгливо поморщилась. — Какие странные вкусы бывают у некоторых людей!

Тут они заговорили о политических делах, мне неизвестных, пока Сэлли расправлялась с довольно внушительным обедом, завершив его солидной порцией торта из мороженого с кремом. Однако я заметил, что заказывала она по левой стороне меню из списка блюд с исчезающими компонентами, вроде алкоголя в моем пиве.

Слушая их разговор, я мало-помалу разобрался в ситуации. Когда предлагается законопроект, он предварительно передается в соответствующую комиссию. Проект Дитворта АБ 22 поступил в комиссию по профессиональной этике. А председательствующий в сенате помощник губернатора предложил точно такой же законопроект и передал его в комиссию по вопросам промышленности.

Нашей первой задачей было найти депутатов, которые внесли бы наш проект на рассмотрение обеих палат, если удастся, и — в оптимальном варианте, были бы членами соответствующих комиссий от своей палаты. Причем все это требовалось уладить до того, как дитвортский проект поступит на рассмотрение в собрании.

Ко второму депутату я отправился с ними. Правда, он не состоял в комиссии по профессиональной этике, зато был членом комиссии по способам и методам, а это значило, что с ним считаются во всех остальных комиссиях.

Он оказался очень приятным человеком. Фамилия его была Спенс — Лютер Б. Спенс, и я заметил, что он искренне хотел оказать услугу Сэлли — вероятно, в благодарность за ее прошлые услуги. Но нам повезло с ним не больше, чем с тем, к кому они обратились первому. К сожалению, сказал он, у него совсем нет времени, чтобы внести наш законопроект — председа-

тель комиссии по способам и методам серьезно болен, и он его замещает до конца сессии.

Сэлли сказала без обиняков:

— Послушайте, Лютер, когда вам в прошлом требовалась помощь, вы получали ее от меня. Мне неприятно напоминать человеку о его обязательствах, но вспомните про прошлогоднюю вакансию в комиссии по охоте и рыболовству. Так вот: в этом деле мне нужны не извинения, а поддержка!

Спенс явно смутился.

— Послушайте, Сэлли, не надо так! Зря вы взъерошили перышки. Вы знаете, я всегда окажу вам всемерную поддержку, но это вам не так уж и нужно, а мне придется пренебречь тем, чем пренебрегать я никак не могу.

— Что значит — «вам не нужно»?

— Не нужно тревожиться из-за АБ двадцать два. Это же просто затравка.

Позже Джедсон объяснил мне, что «затравкой» называют законопроект, вносимый по тактическим соображениям. Вносящие и не пытаются добиваться его утверждения, а используют только для заключения сделки. Нечто вроде «цены с запросом» в торговле.

— Вы в этом уверены?

— Ну да. Практически. Говорят, что готовится другой законопроект, исправленный по сравнению с этим.

Когда мы вышли из приемной Спенса, Джедсон сказал:

— Сэлли, надеюсь, Спенс не ошибается, но я ни на цент не верю Дитворту. Он намерен прибрать эту сферу деятельности к рукам!

— Сведения Лютера обычно верны, Джо.

— Без сомнения. Но это слегка не по его части. Ну, в любом случае, спасибо, детка. Ты сделала все, что в твоих силах.

— Звони, Джо, если понадобится что-нибудь еще. И до отъезда выберись пообедать у нас. Ты же еще не видел ни Билла, ни ребят.

— Обязательно.

Джедсон наконец оставил бесплодные попытки внести наш законопроект на рассмотрение и сосредоточился на комиссии, куда поступили законопроекты Дитвор-

та. Я его почти не видел. Он уходил из отеля в четыре часа на прием с коктейлями и возвращался в три ночи с покрасневшими от бессонницы глазами и сообщал мне последние новости.

На четвертую ночь он разбудил меня торжествующим заявлением:

— Дело в шляпе, Арчи!

— Ты зарезал эти законопроекты?

— Не совсем. Этого у меня не получилось. Но из комиссии они выйдут с такими поправками, что их утверждение нам ничем не грозит. Сверх того, поправки предложили разные комиссии.

— Ну и что?

— А то, что в случае утверждения в своих палатах, они будут переданы объединенной комиссии для согласования, а затем возвращены в палаты для окончательного утверждения. А шансы на это, когда сессия практически завершена, крайне малы. Считай, что оба они утоплены.

Предположение Джедсона оправдалось. Законопроекты были отосланы из комиссии с рекомендацией «утвердить» вечером в субботу. То есть по реальному времяисчислению. Часы капитолия были остановлены за двое суток до этого, чтобы провести в срок первое и второе чтение «обязательного» законопроекта, предложенного администрацией. А потому официально был четверг. Я понимаю, что звучит это по-идиотски, да и вообще это идиотство, но меня заверили, что в конце перегруженной сессии такую штуку устраивают законодательные собрания всех штатов.

Важно было другое: четверг ли, суббота ли, сессия должна была завершиться в этот вечер. Я следил, как законопроект Дитворта был представлен в нижней палате и прошел без обсуждения в исправленной форме. Я вздохнул с облегчением. Около полуночи меня нашел Джедсон и сообщил, что в сенате произошло то же самое. Сэлли вела наблюдение на заседании объединенной комиссии, просто чтобы убедиться, что законопроекты застряли.

Мы с Джо возобновили наше дежурство в нижней палате и в сенате. Собственно, этого не требовалось, но так нам было спокойнее. Около двух ночи за мной

зашел Боди и сказал, что Сэлли с Джедсоном будут ждать нас у дверей зала, где заседает объединенная комиссия.

— Что случилось? — У меня сразу взвыли нервы. — Провал?

— Нет-нет, все в порядке. Идем.

Джедсон ответил на мой вопрос прежде, чем я успел его задать, едва увидев меня и Боди, отставшего на несколько шагов.

— Все в порядке, Арчи. Сэлли была там, когда комиссия завершила работу, не добравшись до этих законопроектов. Все позади, и мы одержали победу.

В честь этого следовало выпить, и мы направились в бар на другой стороне улицы.

Несмотря на поздний час, бар был довольно полон. Лоббисты, местные политики, помощники депутатов — все те, кто толчется в капитолии, пока продолжается сессия, оставались на ногах до утра, а некоторые и вообще просидели в баре весь вечер, дожидаясь новостей.

Нам повезло: мы нашли для Сэлли свободный табурет у стойки и втроем отгородили ее живой стенкой, стараясь привлечь внимание задержанного бармена. Только мы умудрились сделать заказ, как молодой человек похлопал по плечу мужчину, сидевшего на табурете рядом с Сэлли справа. Он тут же вскочил и вышел, а я толкнул локтем Боди, чтобы он занял освободившийся табурет. Сэлли повернулась к Джо:

— Ну, ждать уже недолго. Вон служитель. — И она кивнула в сторону молодого человека, который двигался вдоль стойки, вновь и вновь хлопая кого-то по плечу.

— В чем дело? — спросил я Джо.

— Начинается заключительное голосование, которого они ждали. И «созывается палата», а потому спикер распорядился арестовать отсутствующих членов.

— Арестовать? — переспросил я с некоторым возмущением.

— Чистая формальность. Видишь ли, нижней палате полагается ждать, пока не кончит заседать сенат, ну и почти все депутаты разбрелись перекусить или выпить. А теперь начинается голосование, вот их и собирают.

На табурет, освободившийся неподалеку от нас, плюхнулся толстяк. Сэлли сказала:

— Привет, Дон.

Он вынул изо рта сигару и ответил:

— Как поживаешь, Сэлли? Что новенького? Ах да! Тебя вроде бы интересовал этот закон о магии?

Мы все четверо разом встrepенулись.

— Да, — подтвердила Сэлли. — А что?

— Ну так лучше вернись в зал. Сейчас идет голосование по нему. Ты разве не заметила, что «созывается палата»?

По-моему, мы поставили новый рекорд бега на сто метров. Первой улицу пересекла Сэлли, и полнота ей не помешала. Я спросил было Джедсона, как это могло получиться, но он только буркнул:

— Не знаю. Сейчас увидим.

Нам удалось найти места внизу у самого барьера. Сэлли попросила знакомого рассыльного принести ей экземпляр закона, поставленного на голосование, а за барьером двумя группами собирались депутаты.

У стола руководителя правительственной фракции образовалась порядочная толпа, другая, поменьше, окружила руководителя оппозиционной фракции. Партийные организаторы там и сям останавливали депутатов и что-то им втолковывали напряженным шепотом.

Вернулся рассыльный с экземпляром законопроекта — бюджет для Плана улучшений в средних графствах, — последнего из «обязательных», для рассмотрения которых созывалась сессия, но... дополненный законопроектом Дитворта в его первоначальной самой губительной форме!

Видимо, в качестве поправки в сенате, как уступка подручным Дитворта, чтобы обеспечить большинство в две трети, необходимое для утверждения бюджета, с которым его скрепили.

Тут же и проголосовали. Еще в самом начале переключки стало ясно, что руководитель сплотил свое большинство и закон пройдет. Когда это было объявлено, руководитель оппозиции внес предложение закрыть заседание, и оно было принято единогласно. Спикер позвал обоих руководителей к себе и поручил им

сообщить губернатору и председателю сената о завершении сессии.

Удар его молотка вывел нас из оцепенения, и мы побрели к дверям.

На следующее утро нас принял губернатор, хотя день у него был расписан по минутам. Просто из любезности к Сэлли, что подтвердило уважение, каким она пользовалась в этих кругах. Во всяком случае было видно, что нас он видеть не хотел и времени у него в обрез.

Однако с Сэлли он поздоровался сердечно и терпеливо слушал, пока Джедсон, как можно короче, излагал, почему, по нашему мнению, на закон о бюджете для средних графств вкупе с дитвортским необходимо наложить вето.

Обстановка была не слишком подходящей для объяснений. Губернатор дважды отрывался, чтобы поговорить по телефону — со своим финансовым советником и с Вашингтоном. Один раз вошел секретарь и сунул ему какой-то документ: старик как будто встревожился, нацарапал резолюцию и отдал документ секретарю. Я видел, что некоторое время затем его мысли были заняты вовсе не тем, о чем говорил Джедсон.

Когда Джедсон замолчал, губернатор на несколько секунд уставился на пресс-папье с выражением тоскливой усталости, а потом сказал медленно:

— Нет, мистер Джедсон, вы меня не убедили. Я, как и вы, сожалею, что закон, регулирующий применение чародейства, соединили с совершенно другим. Но я не могу наложить вето на часть закона, а остальное подписать, даже если закон охватывает две разные области. Я ценю усилия, которые вы приложили для избрания моей администрации — (тут я распознал руку Сэлли), — и искренне хотел бы, чтобы мы пришли к согласию и в этом вопросе. Однако План для средних графств я поддерживал с момента моего избрания. Я искренне надеюсь и верю, что с его помощью наиболее бедные районы нашего штата смогут разрешить свои экономические проблемы и без новых безвозвратных

ссуд. Если бы я был убежден, что поправка, касающаяся чародейства, действительно нанесет серьезный ущерб штату...

Он помолчал.

— Но я в этом не убежден. После утреннего звонка миссис Логан я поручил своему юрисконсульту проанализировать этот закон. Я согласен, что он не нужен, но в остальном он разве что чуть-чуть расширит бюрократические процедуры. Конечно, ничего хорошего, но мы же многого добиваемся и при этих условиях, так что такая малость навредить никак не может.

Тут вмешался я. Грубо, не спорю, но я весь кипел.

— Ваше превосходительство, если бы вы сами нашли время внимательно с ним ознакомиться, вы убедились бы, сколько вреда он принесет!

Я не удивился бы, если бы он меня отчитал, но он только кивнул на груду входящих бумаг у себя на столе.

— Мистер Фрэзер, вы видите тут пятьдесят семь законопроектов, утвержденных этой сессией законодательного собрания. У каждого из них есть какие-то недостатки. Каждый из них очень важен для той или иной группы граждан нашего штата, — или для них всех. Некоторые длиной не уступят роману. В ближайшие девять дней я должен решить, какие утвердить, а какие отложить для пересмотра до будущей сессии. На протяжении этих девяти дней по меньшей мере тысяча человек будут требовать, чтобы я принял их по поводу того или иного из этих законов...

В дверь просунулась голова секретаря.

— Двенадцать двадцать, шеф. Через сорок минут вы выходите в эфир.

Губернатор рассеяно кивнул и поднялся с кресла.

— Вы меня извините? Меня ждут на званом завтраке. — Он обернулся к секретарю, который доставал из стенового шкафа шляпу и перчатки. — Джим, вы взяли речь?

— Конечно, сэр.

— Секунду! — вмешалась Сэлли. — А свое лекарство вы приняли?

— Еще нет.

— Перед таким завтраком его надо принять обязательно! — Она кинулась в его умывальную и вернулась с флаконом в руке. Мы с Джо поспешили откланяться.

На улице я принялся злобствовать на то, как нас вышвырнули, и прошелся по поводу тупых, идущих на компромиссы политиканов, но тут Джо меня оборвал.

— Заткнись, Арчи! Попробуй как-нибудь поруководить штатом, а не маленькой фирмой, и посмотри, как у тебя пойдут дела!

Я заткнулся.

Боди ждал нас в вестибюле капитолия. Я заметил, что он очень взволнован. Увидев нас, он швырнул сигарету и кинулся к нам.

— Поглядите! — потребовал он. — Вон туда!

Мы посмотрели туда, куда указывал его палец и увидели две фигуры, выходящие из больших дверей. Дитворт, а с ним — известный лоббист, который ему помогал.

— Ну и что? — спросил Джо.

— Я стоял вон за той телефонной будкой и закури-вал сигарету. Вон в том настенном зеркале отражается нижняя часть лестницы. Я высматривал в нем вас. И вдруг вижу: этот лоббист, Симс, спускается по лестнице вроде бы один, но размахивает руками, как будто с кем-то разговаривает. Мне стало любопытно, и я посмотрел прямо на лестницу из-за угла будки. А он не один! Он с Дитвортом. Поглядел в зеркало — а там Симс один! ДИТВОРТ В ЗЕРКАЛЕ НЕ ОТРАЖАЛСЯ!

Джедсон щелкнул пальцами.

— Демон! — сказал он изумленно. — А мне и в голову не приходило!

Я удивляюсь, почему в поездах самоубийства случаются не каждый день. Не знаю, что может действовать более угнетающе, чем однообразные пейзажи за окном и монотонный перестук колес — ликети-ток, ликети-ток... Я даже был рад, что мог занять голову нашим открытием, что Дитворт не человек вовсе, и не вспоминать беднягу Фельдштейна с его тысячью долларами.

Но при всей своей неожиданности, открытие, что Дитворт — демон, мало что меняло, просто объясняло быстроту и ловкость, с какой нас обошли, ну и подтверждало окончательно наше подозрение, что рэкетеры и корпорация «Магия» — это две головы одного чудовища. Но у нас не было средства доказать, что Дитворт — исчадие Полумира. Попробуйся мы вызвать его в суд для проверки, он наверняка затаится, а вместо себя пришлет двойника или мандрака, точное свое подобие, но в зеркале отражающееся.

Нам было страшно возвращаться, чтобы сообщить о полной нашей неудаче, то есть мне было страшно. Но хоть тут судьба нас пощадила. Закон о средних графствах вступал в силу с момента подписания, а с ним и поправка, включившая законопроект Дитворта. Когда мы сошли с поезда, на вокзале продавались газеты с фамилиями членов новоиспеченной комиссии по чародейству.

Комиссия, также не теряя времени, дала почувствовать свою силу. Она объявила о своем намерении поднять требования ко всем видам магии и возвестила о введении новых экзаменов с более взыскательным подходом. Ассоциация, прежде возглавлявшаяся Дитвортом, открыла курсы повышения квалификации для чародеев, желающих пополнить свои познания в области принципов волшебства и законов магии. В соответствии с благородными идеями, изложенными в их хартии, курсы не ограничивали прием только членами ассоциации.

Какое великодушие! А на самом деле на занятиях постоянно внушалось, что членство в ассоциации облегчит сдачу новых экзаменов. И ничего конкретного, с чем можно обратиться в суд, только косвенные намеки. И ассоциация росла, как на дрожжах.

Недели через две все лицензии были аннулированы, а чародеям было разрешено практиковать, но с обязательством явиться на экзамен по первому требованию. Наиболее ярых из нежелавших заключить контракт с «Магией» вызвали, проэкзаменовали и отказали им в лицензии. Пресс был включен на полную мощность. Миссис Дженнингс тихо удалилась от дел. Боди как-то

зашел ко мне — у меня был с ним контракт на завершение нескольких недостроенных домов.

— Вот ваш контракт, Арчи, — сказал он с горечью. — Я попрошу у вас отсрочки для уплаты неустойки. Мой залог конфисковали тогда же, когда отняли у меня лицензию.

Я взял и разорвал его на четыре части.

— Про неустойку забудь, — сказал я. — Сдашь экзамен, и мы заключим новый контракт.

Он зло засмеялся.

— Не будь наивным.

Я сменил тему.

— Что ты намерен делать? Подпишешь договор с корпорацией «Магия»?

Он гордо выпрямился.

— Я никогда не шел на мировую с демонами. И не собираюсь.

— Молодец! — отозвался я. — Когда на хлеб начнет не хватать, мы подыщем для тебя какую-нибудь работу здесь.

Хорошо еще, что у Боди было кое-что отложено на черный день, потому что я немножко поторопился со своим предложением. «Магия» стремительно нажала еще сильнее, и вопрос уже встал, а буду ли я сам есть досыта. В городе, конечно, оставалось еще немало лицензированных чародеев, не связанных договором с «Магией» — если бы корпорация выжила всех, это было бы подсудным делом, — но только одни бездарности, которые и любовный напиток настоять не сумели бы. А получить надежную и законную магическую помощь можно было только через корпорацию «Магия».

Мне пришлось вернуться к прежним методам даже в мелочах. Поскольку чарами я не злоупотреблял, заниматься этим я мог, с той только разницей, что вместо прибыли выходили убытки.

Я взял Фельдштейна продавцом, когда его агентство лопнуло. Он чувствовал себя как рыба в воде и помог снизить потери. Прибыль он чуял даже на большем

расстоянии, чем я — на большем, чем доктор Уортингтон был способен учуять колдуна.

Но большинство знакомых мне бизнесменов были вынуждены капитулировать. Почти все они пользовались чарами по меньшей мере на одной стадии своего производства, и перед ними стоял простой выбор: либо заключить контракт с «Магией», либо ликвидировать свое дело. У них были жены, дети, и они заключали контракты.

Расценки за чародейство были взвинчены до предела — так, что с магией себестоимость оказывалась лишь чуть ниже, чем без нее. Чародеям от этой прибыли не перепало ничего — все забирала корпорация. Собственно говоря, чародеи теперь зарабатывали меньше, чем прежде, когда были независимыми, но они брали, что им перепало, и были рады хоть как-то прокормить свои семьи.

Джедсону был нанесен тяжелый удар. Сокрушительный. Он пока держался, предпочитая честное банкротство сделке с демонами, но ведь в своем производстве он пользовался магией буквально во всех операциях. Они начали с того, что дисквалифицировали Огеста Уэлкера, его десятника, а затем лишили остальных источников. Ему дали понять, что корпорация «Магия» не желает иметь с ним дела, даже если он будет просить об этом.

Как-то под вечер мы собрались у миссис Дженнингс выпить чаю — я, Джедсон, Боди и доктор Ройс Уортингтон, гроза колдунов. Мы пытались разговаривать на нейтральные темы — и все время возвращались к своим бедам. Любое самое безобидное замечание тут же заставляло вспомнить Дитворта и его проклятую монополию.

После того как Джек Боди минут десять, кривя душой, объяснял, будто несколько не переживает из-за утраты возможности колдовать — у него и таланта к этому нет никакого, и занялся он этим только по настоянию отца, не желая его огорчать, я попытался сменить тему. Миссис Дженнингс слушала Джека с таким со-

страданием, с такой жалостью в глазах, что мне хотелось зареветь в голос.

Я обернулся к Джедсону и пробормотал:

— А как там мисс Мегит?

Та белая колдунья из Джерси-Сити, которая занималась творческой магией в текстильной промышленности.

Он дернулся и посмотрел на меня.

— Элен? Она... у нее все хорошо. Ее лишили лицензии месяц назад, — закончил он бессвязно.

Такой поворот беседы меня не устраивал, и я сделал еще одну попытку:

— А ей все-таки удалось сотворить готовое платье?

Он чуть-чуть повеселел.

— Ну да. Один раз. Неужели я вам об этом не рассказывал?

Миссис Дженнингс проявила вежливый интерес, за что я мысленно ее поблагодарил. Джедсон объяснил остальным, чего они с мисс Мегит добивались.

— Она даже чересчур преуспела, — продолжал он. — Раз начав, все продолжала и продолжала: нам никак не удавалось вывести ее из транса, и она выдала более тридцати тысяч полосатых спортивных платьев маленького размера. У меня все склады ими забиты. Девять десятых успеет испариться, прежде чем я продам приличную партию.

Но больше она этим заниматься не будет, — добавил он. — Слишком вредно для ее здоровья.

— Как так? — спросил я.

— Ну, она похудела на десять фунтов после этого сеанса. Материала для чар почти не осталось. Ей нужно бы поехать в Аризону и год прожариваться на солнце. Эх, были бы у меня деньги! Я бы ее туда отправил.

Я вздернул бровь.

— Попался, Джо?

Джедсон закоренелый холостяк, но мне нравится его поддразнивать, и обычно он подыгрывает, но на этот раз прямо-таки огрызнулся. Вот насколько у него нервы истрепались!

— А чтоб тебя, Арчи! Извините, миссис Дженнингс! Но стоит мне проявить простой человеческий интерес к кому-нибудь, и ты сразу усматриваешь корыстные побуждения!

— Прости!

— Да ладно. — Он усмехнулся. — Мне не следовало лезть в бутылку. Как бы то ни было, а мы с Элен кое-что изобрели — возможно, этот фокус нас всех выручит. Я собирался вам всем показать, когда будет готов пробный образец. Вот! — Из кармана жилета он извлек нечто вроде ручки и протянул ее мне.

— Что это? Ручка?

— Нет.

— Градусник?

— Нет. А ты открой.

Я отвинтил колпачок и увидел миниатюрный зонтик. Открывался и закрывался он как настоящий и был в поперечнике дюйма три. Мне вспомнились японские коробочки с сюрпризами, которые иногда раздают на праздниках. Только те зонтики сделаны из папиросной бумаги и бамбуковой палочки, а этот был из водонепроницаемого шелка с металлическими спицами и ручкой.

— Симпатичный, — сказал я. — И сделан очень искусно. А для чего он?

— Окуни его в воду.

Я посмотрел по сторонам, где взять воду, но миссис Дженнингс уже плеснула из графина в чашку и дала мне. Я обмакнул зонтик.

Мне почудилось, что он пополз у меня по ладони. Не прошло и тридцати секунд, как оказалось, что я держу над головой открытый зонт и выгляжу, наверное, так же глупо, как себя чувствую.

Боди хлопнул кулаком по ладони.

— Самое то, Джо! И как это никто раньше до этого не додумался!

Джедсон выслушал поздравления с самодовольной улыбкой, сказал: «Это еще не все!», достал из кармана конверт и вытряхнул из него прозрачный дождевик в пору шестидюймовой куколке.

— Принцип тот же. Как и у них. — Он вытащил пару галош длиной менее дюйма. — Мужчина может носить их как брелок на часовой цепочке, а женщина — как талисманчик на браслете. И тогда, приобретя зонтик или плащ, можно будет не опасаться дождя. Едва он начнется — хоп! — они увеличатся. А высыхая, опять станут миниатюрными.

Мы восхищаясь, передавали их из рук в руки, а Джо продолжал:

— Вот, о чем я говорил. Для этого дела нужен чародей — это ты, Джек. И организатор сбыта — это ты, Арчи. Мы с Эллен получаем большие пакеты акций. Она сможет отдохнуть и подлечиться, а я уйду на покой, продолжать изучение законов магии, как и собирался.

Я уже вовсю обдумывал коммерческие возможности, и тут вдруг меня огорошила зловещая мысль.

— Погоди, Джо! Мы ведь не можем открыть это дело в нашем штате.

— Да, конечно.

— А чтобы открыть дело в другом штате, нужен какой-никакой капитал. У тебя есть что-нибудь? По правде сказать, я вряд ли и тысячу долларов выручу за магазин.

Он скривил губы.

— Ну, в сравнении со мной ты богач.

Я вскочил и начал нервно расхаживать по комнате. Может, мы сумеем занять необходимые деньги. Упустить такую возможность? Нет уж! Она же нас всех поставит на ноги! Все основания для получения патента, а тогда... Я уже видел коммерческие операции, какие Джо и не представлял себе. Туристские палатки, байдарки, купальные костюмы, любое снаряжение для путешествий. Золотое дно!

И тут миссис Дженнингс сказала мягко своим приятным голосом:

— Боюсь, что найти штат, где вы смогли бы обосноваться, будет не так-то легко.

— Извините, я не понял?

— Мы с доктором Ройсом наводили справки. Боюсь, вы убедитесь, что вся страна скоро окажется в таком же положении.

— Как! Все сорок восемь штатов*?

— Демоны, в отличие от нас, во времени не ограничены.

Я осекся. Опять Дитворт!

* Повесть была написана, когда Аляска и Гавайи были еще территориями. (Примеч. пер.)

Уныние окутало нас как черная мгла. Мы прикидывали и так и эдак, но возвращались все к тому же: что толку от замечательной идеи, если Дитворт обложил нас со всех сторон? Воцарилось утрюмое молчание.

Прервал его я, неожиданно для себя заявив:

— Но послушайте! Такое положение невыносимо. Довольно обманывать себя. Посмотрим правде в глаза: пока Дитворт командует, нам надеяться не на что. Почему же мы ничего не пробуем предпринять?

Джедсон страдальчески улыбнулся.

— Я бы и рад, Арчи, Бог свидетель, но что мы можем сделать?

— Мы ведь знаем, кто наш враг! Дитворт. Так возьмемся за него — законным путем или противозаконным, в открытую или исподтишка.

— В том-то и вопрос. Знаем ли мы, кто наш враг? Да, конечно, он демон. Но какой? И где он сейчас? Его уже давным-давно никто не видел.

— Что? Так ведь совсем на днях...

— Просто манекен. Пустая оболочка. Подлинный Дитворт где-то прячется.

— Но, послушай, если он демон, его же можно вызвать, принудить...

Ответила мне миссис Дженнингс:

— Пожалуй, но это ненадежный и опасный способ. Для этого нам не хватает главного — его имени. Вызвать демона можно, только зная его подлинное имя, иначе он не подчинится, какими могущественными ни были бы заклинания. Я уже не один месяц веду розыски в Полумире, но ничего полезного не узнала.

Доктор Уортингтон звучно откашлялся — словно загромыхала бетономешалка — и предложил:

— Мои способности в вашем распоряжении, и если я могу как-то помочь вам избавиться от этой докуки...

Миссис Дженнингс поблагодарила его, но добавила:

— Пока я не вижу, доктор, как мы могли бы воспользоваться вашими талантами. Но я всегда знала, что вы готовы помочь нам.

— Черное побеждается белым! — неожиданно сказал Джедсон.

— Всегда, — подтвердила миссис Дженнингс.

— И везде?

— И везде, ибо мрак — это отсутствие света.

— Негоже, — продолжал Джедсон, — белому уступать черному.

— Негоже.

— С помощью моего брата Ройса мы можем внести свет во мрак.

Она задумалась.

— Да, это возможно, но очень опасно.

— Вы там бывали?

— Случалось. Но ты — не я, и остальные тоже.

Все, кроме меня, словно бы понимали, о чем идет речь, и я, не выдержав, перебил их.

— Погодите. Может, вы объясните, в чем дело?

— Извини, Арчибальд, мы не хотели тебя обидеть, — сказала миссис Дженнингс голосом, который сразу меня утешил. — Джозеф предлагает, раз мы здесь бессильны, сделать вылазку в Полумир, вынюхать этого демона и напасть на него в его родной обстановке.

Я не сразу уловил дерзкую простоту этого плана, а тогда сказал:

— Чудесно! Давайте, а? Когда отправляемся?

Они начали профессиональный разговор, в котором я опять ровно ничего не разобрал. Миссис Дженнингс достала несколько подплесневевших фолиантов и справлялась по ним о тонкостях, которые были выше моего понимания. Джедсон позаимствовал ее календарь и вышел с доктором во двор посмотреть на луну.

Затем они начали спорить — вернее, обсуждать, поскольку предложения миссис Дженнингс принимались безоговорочно — как обеспечить связь с реальным миром. Насколько я понял, проверенного способа не имелось, а миссис Дженнингс отказывалась что-либо предпринять, пока они не найдут подходящий вариант. Загвоздка заключалась в следующем: они не были черными чародеями, не подписывали договора со Старым Чертом, а потому не считались гражданами Царства Тьмы и опасались вторгнуться туда без гарантий.

— А как насчет Эллен Мегит? — неуверенно спросил Боди у Джедсона.

— Эллен? Ну, конечно же! Она это может. Сейчас я ей позвоню. Миссис Дженнингс, у кого из ваших соседей есть телефон?

— Это лишнее, — перебил Боди. — Просто думай о ней, пока я не протяну линию... — Секунду он впи-
вался взглядом в лицо Джедсона, а затем исчез.

Минуты три спустя Элен Мегит грациозно спрыгну-
ла в комнату из пустоты.

— Мистер Боди сейчас придет, — сказала она. —
Он задержался купить пачку сигарет.

Джедсон подвел ее к миссис Дженнингс и познакоми-
л их. Выглядела Элен действительно плохо, и я
понял, почему Джедсон за нее тревожится. Каждые
несколько минут она судорожно сглатывала и кашляла,
словно страдая увеличением щитовидной железы.

Едва вернулся Джек, как они принялись обсуждать
детали. Он уже объяснил Элен, что они задумали, и
она с радостью согласилась помочь, твердо заявив, что
еще один транс ей вреда не причинит. Тянуть не имело
смысла, и они тут же собрались в путь. Миссис Джен-
нингс отдавала распоряжения:

— Элен, ты в транс будешь следовать за мной,
поддерживая тесный контакт. Думается, на кушетке у
камина твоему телу будет удобно. Джек, ты останешь-
ся здесь охранять врата. — (Наиболее подходящими
вратами оказалась труба камина в гостиной миссис
Дженнингс.) — И будешь поддерживать с нами связь
через Элен.

— Но, бабушка, я пригожусь в Полу...

— Нет, Джек, — перебила она ласково, но твер-
до. — Здесь ты гораздо нужнее. Кто-то должен сторо-
жить путь, чтобы помочь нам вернуться. У каждого
свои обязанности.

Он проворчал, но уступил, и она продолжала:

— Пожалуй, это все. Элен и Джек остаются здесь.
Джозеф, Ройс и я отправляемся туда. Тебе, Арчибальд,
остается только ждать, но по мирскому времени отсут-
ствовать мы будем не дольше десяти минут — если,
конечно, вернемся.

Она засемила в кухню, упомянув про мазь, а
потом повернулась к Джеку и распорядилась, чтобы он
приготовил свечи. Я бросился за ней:

— О чем вы? — спросил я сердито. — Возьмите
меня с собой!

Она посмотрела на меня с ласковой озабоченностью в чудесных глазах.

— Арчибальд, это невозможно!

Джедсон пошел за нами и дернул меня за рукав.

— Не глупи, Арчи. Ну, подумай сам! Об этом и речи быть не может. Ты же не чародей!

Я вырвал руку.

— И ты не чародей!

— Формально нет, но я знаю достаточно, чтобы оказаться полезным. Не изображай упрямого осла. Ты же просто будешь там помехой для нас.

Такой довод опровергнуть трудно. Удар под ложечку и ничего больше.

— Это почему же? — не уступал я.

— Черт возьми, Арчи! Ты молод, силен, смел — и в драке я был бы только рад, если бы ты оказался рядом. Но в этом деле одного мужества или даже ума еще мало. Тут требуются специальные знания и опыт.

— Ну и что? — отрезал я. — У миссис Дженнингс и того и другого хватит на целый полк. Но — вы извините меня, миссис Дженнингс, — она в преклонных летах и слаба. Если силы ей изменят, я ее поддержу.

Джо усмехнулся, и я чуть не дал ему хорошего пинка.

— Но не это требуется в...

У нас за спиной зарокотал бас профундо доктора Уортингтона:

— Мне кажется, брат, что порывистость и невежество нашего молодого друга могут нам пригодиться. Бывают моменты, когда мудрость слишком уж опаслива.

Конец спору положила миссис Дженнингс.

— Погодите! Все вы! — скомандовала она и просеменила к кухонному шкафу, открыла дверцы, отодвинула пакет овсяных хлопьев и достала кожаный мешочек. Он был полон тонких палочек.

Она высыпала их на пол, и мы все трое деловито усталились на беспорядочную кучку.

— Бросьте их еще раз! — потребовал Джо, и она послушалась.

Затем я увидел, что миссис Дженнингс и доктор согласно кивнули, а Джедсон пожал плечами и отвернулся.

— Ты отправишься с нами, — сказала мне миссис Дженнингс с улыбкой, хотя глаза ее оставались озабоченными. — Это небезопасно, но мы тебя возьмем.

Больше времени мы не теряли. Разогрели мазь и втерли ее друг другу в спину. Боди, как привратник, восседал среди своих пентаграмм, мекаграмм и рунических знаков, монотонно и нараспев читая заклинания из пухлой книги. Уортингтон решил отправиться в боевом своем облике — в набедренной повязке, с ног до головы расписанный парасимволами, держа под мышкой голову дедушки.

Некоторое время они обсуждали, в каком облике лучше всего отправиться Джо, и несколько раз прикидывали то один, то другой. В конце концов он получил гнусной формы череп, тощие бока неведомого зверя и длинный косялый хвост, которым он все время повиливал. Меня чуть не вырвало, но он остался очень доволен.

— Прелесть! — воскликнул он голосом, напоминающим скрежетание жести по жести. — Великолепная работа, миссис Дженнингс. Асмодей не отличит меня от родного племянника!

— Надеюсь! — сказала она. — Так в путь?

— Ну а Арчи?

— Мне удобнее оставить его таким, какой он есть.

— А ваше собственное преобразование?

— Об этом я уж как-нибудь сама позабочусь, — ответила она с некоторой резкостью. — Займите свои места.

Мы с миссис Дженнингс оседали одну метлу — я впереди, лицом к свечке, вставленной между прутьями. (В канун Дня Всех Святых часто вывешивают изображение ведьмы верхом на метле палкой вперед. Это грубая ошибка. В таких вещах обычай крайне важен.) Ройс и Джо должны были следовать прямо за нами. Серафим быстро прыгнул на плечо хозяйки и уютно устроился там. У него от приятного нетерпения даже усы подрагивали.

Боди громко произнес Слово, наша свечка выбросила язык пламени, и мы взвились. Я жутко перепугался, но постарался не показывать виду, судорожно вцепившись в палку метлы. Камин разверзся, будто огромная

пасть. Огонь в нем заревел, как лесной пожар, и унес нас ввысь. На мгновение я увидел в вихре пламени пляшущую саламандру и увидел, что это моя саламандра — та, которая почтила меня своим одобрением и порой украшала своим присутствием мой новый камин. Я счел это добрым предзнаменованием.

Врата остались далеко позади, если слово «позади» можно употреблять там, где все направления чисто символичны. Рев огня уже не сопровождал нас, и страх почти отпустил. Я ощутил у себя на поясе ободряющую руку и оглянулся, чтобы поговорить с миссис Дженнингс.

И чуть не свалился с метлы.

Когда мы покидали дом, позади меня примостилась дряхлая старуха, съезжившаяся, морщинистая, чье тело жило только благодаря неукротимому духу. А та, кого я увидел теперь, была молодой, полной сил женщиной, безупречной, ошеломительной красавицей. Описать ее невозможно, в ней нельзя было найти ни единого изъяна, и никакое воображение не могло ничего добавить или отнять.

Вы когда-нибудь видели бронзовую статую Дианы-охотницы? Между ними было легкое сходство, только никакому металлу не дано передать пленительную, дышащую жизнью красоту, которую увидел я.

Но это был она!

Миссис Дженнингс, вернее, Аманда Тодд в двадцать пять лет, когда она достигла высшего расцвета своей несравненной женственности, и до того, как годы начали подтачивать совершенство.

Я забыл свой страх. Я забыл все, кроме одного: рядом со мной была женщина всепокоряющей обворожительности и энергии, каких я никогда не встречал. Я забыл, что она на шестьдесят лет старше меня, что этот ее облик был просто триумфом колдовства. Наверное, спроси меня кто-нибудь в ту минуту, влюблен ли я в Аманду Дженнингс, я бы ответил «да!». Но тогда мысли у меня мешались, и сам я ни о чем подобном не думал. Она была рядом со мной, и все остальное значения не имело.

Она улыбнулась. Глаза у нее были полны теплотой и пониманием. А когда она заговорила, я сразу узнал ее

голос, хотя теперь вместо слабого чистого сопрано я услышал звучное контральто.

— Все нормально, Арчи?

— Да, — ответил я, запинаясь. — Все нормально, Аманда.

Ну, а Полумир... Как описать место, которое не имеет ничего общего с моим миром, миром людей? Как рассказать о том, для чего еще не придуманы слова? Обычно неизвестное объясняется через известное. Но тут не было никакого хотя бы отдаленного соотношения, никаких параллелей. Мне остается только рассказывать о том, какие впечатления я получал через свои человеческие органы чувств, как происходившее воздействовало на мои человеческие эмоции, памятуя, что все это опирается на двойную ложь, — недостоверность увиденного и почувствованного мной, и неизбежные искажения при облечении мысли в слова.

Я обсуждал это с Джедсоном, и он согласился, что трудность эта непреодолима, и все же какая-то правда должна присутствовать в рассказе о том, как я воспринял Полумир.

Между реальным миром и Полумиром есть один разительный контраст. В реальном мире законы природы остаются неизменными, как бы ни менялись обычаи и культуры. В Полумире только обычаи обладают какой-то перманентностью, а законы природы вообще отсутствуют. Попробуйте вообразить ситуацию, в которой глава государства волен отменить закон тяготения, и его указ будет неукоснительно исполнен. Вообразите место, где король Канут мог бы приказать приливу повернуть вспять, и волны ему повиновались бы. Место, где «верх» и «низ» — дело вкуса, а расстояния с одинаковым успехом исчисляются в милях, сутках или цветах. И все же это не хаотическая анархия. Они вынуждены безоговорочно подчиняться своим обычаям, как мы подчиняемся законам природы.

В безликой серости, окружавшей нас, мы повернули влево, чтобы высмотреть в годах какой-нибудь шабаш. Аманда решила встретиться с Самим, вместо того чтобы бесцельно рыскать по непрерывно меняющимся лабиринтам Полумира в поисках некости, которую нелегко опознать и в самых благоприятных условиях.

Ройс нащупал шабаш, но я ничего не видел до тех пор, пока мы не разрешили поверхности подняться навстречу нам и не пошли дальше пешком. Тут возникли свет и формы. Впереди, примерно в четверти мили от нас, высился холм, увенчанный огромным тронем, багровевшим в смутной мгле как раскаленный уголь. Я не мог рассмотреть, кем он занят, но я знал, что это Сам — древний враг рода человеческого.

Мы были уже не одни. Жизнь — сознающая себя злая немертвенность — клубилась вокруг нас, туманила воздух, выбиралась наружу из-под поверхности, по которой мы ступали, а она дергалась и пульсировала у нас под ногами. Бесформенности обнюхивали и покусывали наши пятки. Мы ощущали в туманном сумраке присутствие чего-то или кого-то, что пищало, хрюкало и хихикало. И звуки — чавкающие всхлипы, жадное чмокание, срыгивание, бляение.

Наше присутствие их, видимо, тревожило, — видит Небо, какой ужас внушали мне они! — недаром я слышал, как они сползают или шлепающими прыжками ускользают с нашей дороги, а потом осторожно смыкаются позади нас, бляением предупреждая друг друга.

Нечто плюхнулось перед нами — нечто с чудовищно раздутой головой и мокрыми узловатыми руками.

— Назад! — просипело оно. — Кандидаты в нечисть подают заявления на нижнем уровне! — Его языка я не знал, но понял все.

Ройс ударил его по лицу, и мы прошли по нему, и его хрупкие кости хрустели у нас под ногами. Оно тут же собралось воедино, визгливо изъясняя свою покорность, а затем выскочило вперед и так сопровождало нас до самого трона.

— С ними иначе нельзя, — шепнул мне на ухо Джо. — Дай им сразу в зубы, и они будут тебя уважать.

Перед тронем было что-то вроде поляны, где толпились черные ведьмы, черные колдуны, демоны во всевозможных гнусных облициях и всякая нечисть ниже рангом. Слева кипел котел. Справа некоторые гости трапезничали по-ведьмински, и я поспешно отвернулся. Прямо перед тронем согласно обычаю для развлечения Козла исполнялся танец ведьм. Десятки мужчин и жен-

щин, молодых и старых, миловидных и безобразных вертелись и прыгали в немыслимо сложном адажио.

Танец оборвался, и они неуверенно расступились перед нами, пропуская нас к трону.

— Что такое? Что такое? — раздался хриплый лающий голос. — Да это же моя милая малютка! Иди сюда, сядь рядом со мной, моя прелесть! Ты наконец надумала подписать со мной договор?

Джедсон вцепился мне в локоть, и я проглотил слова, готовые сорваться с языка.

— Я останусь тут, — ответила Аманда с презрением. — Ну а твой договор... Ты сам знаешь.

— Тогда почему ты здесь? И с такими стра-а-анными спутниками?

Он поглядел на нас с высоты трона, хлопнул себя по волосатому бедру и залился хохотом. Ройс дернулся и проворчал что-то, голова его дедушки гневно заскрипела зубами, а Серафим зашипел.

Джедсон и Аманда о чем-то посовещались, и она сказала:

— Согласно с договором Адама я требую права на допрос!

Он хохотнул, и дьяволята вокруг него позатыкали уши.

— Ты чего-то требуешь здесь? Не подписав договора?

— Согласно с вашими обычаями, — отрезала она.

— Ах да! Обычай. Раз ты воззвала к ним, да будет так. А кого ты хочешь допросить?

— Имени его я не знаю. Один из твоих демонов, который позволил себе недопустимые вольности за пределами твоих владений.

— Один из моих демонов, и ты не знаешь его имени? У меня, моя красоточка, семь миллионов демонов. Будешь опознавать их по очереди или всех разом? — Его сарказм почти не уступал ее презрению.

— Всех разом.

— Пусть никто не посмеет сказать, что я не уважил мою гостью. Если ты пройдешь дальше... хм-хм... точно на пять месяцев и три дня, то найдешь моих джентльменов в полном строю, готовых к инспекции.

Не помню, как мы добрались туда. Огромная бурая равнина и никакого неба над ней. Там, готовые к смотру в присутствии своего непотребного господина, по-военному выстроились все дьяволы Полумира — легион за легионом, шеренга за шеренгой. Самого сопровождал его кабинет. (Джедсон назвал их мне. Люцефуте — премьер-министр, Сатаниил — фельдмаршал, Вельзевул и Левиафан — командующие флангами, Ашторет, Аббадонна, Мамона, Асмодей и Инкуб — Павшие Престолы.) Семьдесят князей, командующие дивизиями, стояли во главе их, предоставив герцогам и престолом толпиться вокруг их владыки — Сатаны Мекратрига.

Сам он все еще хранил образ Козла, но его присные избрали себе всевозможные гнуснейшие обличия, какие прились им по вкусу. Асмодей щеголял тремя головами, омерзительными каждая по-своему, которые торчали над задом распухшего дракона. Мамона несколько напоминал на редкость безобразного тарантула, Ашторета же я и вовсе не возьмусь описать. Только Инкуб походил на человека — видимо, этот облик лучше всего выражал его сластолюбие.

Козел взглянул на нас.

— Поторопись! — приказал он. — Мы здесь не для твоего развлечения.

Аманда пропустила его слова мимо ушей и повела нас к первому полку.

— Вернись! — взревел он. И мы оказались перед троном, словно и не отходили от него. — Ты забываешь обычаи. Сначала заложники!

Аманда закусила губу.

— Пусть так, — признала она и быстро посоветовалась с Ройсом и Джедсоном. Я расслышал, как Ройс ответил на какие-то возражения.

— Раз уж идти мне, — сказал он, — будет лучше, если я сам выберу своих спутников по причинам, веским для меня. Дедушка советует мне взять самого молодого, а это, бесспорно, Фрэзер.

— Что, что? — спросил я, услышав свое имя. В свои разговоры они меня демонстративно не включали, но раз уж они заговорили обо мне...

— Ройс хочет, чтобы ты пошел с ним вынюхивать Дитворта, — объяснил Джедсон.

— И оставить Аманду здесь с этими дьяволами? Мне это не нравится!

— Арчи, я могу сама о себе позаботиться, — сказала она спокойно. — Раз уж ты нужен доктору Уортингтону, то поможешь мне, если пойдешь с ним.

— А зачем им заложники?

— Потребовав права опознания, — объяснила она, — вы должны вернуться с Дитвортом, или за неудачу ответят заложники.

Джедсон предвосхитил мои возражения.

— Не изображай героя, сынок. Дело слишком серьезно. Нам ты поможешь, если пойдешь. А если вы не вернетесь, можешь не сомневаться, им придется выдерживать хороший бой, прежде чем они наложат лапы на заложников.

И я пошел с Уортингтоном. Но мы не сделали и нескольких шагов, как я понял, что от паники меня оберегала только близость Аманды. А едва ее влияние перестало меня достигать, как весь кошмар этого места и его жутких обитателей обрушился на меня. Что-то потерлось о мои лодыжки. Я чуть не выпрыгнул из ботинок. Но, покосившись вниз, увидел, что Серафим, кот Аманды, решил сопровождать меня, и мне сразу стало легче.

Когда мы приблизились к первой шеренге демонов, Ройс принял свою собачью позу, предварительно вручив мне дедушкину голову. Прежде меня мороз продрал бы по коже от отвращения, но здесь эта мумифицированная голова казалась чем-то родным и домашним.

Встав на четвереньки, Ройс закружил среди рядов адских воинов. Серафим бросился за ним, догнал и принял участие в охоте. «Пес», казалось, был доволен, что кот взял на себя половину трудов, и, думаю, у него были на то все основания. Я как мог быстрее шел по проходам между ртами, а мои спутники пробегали между рядами.

Мне чудилось, что проходят часы — во всяком случае утомление перешло в деревянную бесчувственность, и ужас сменился тупой тревогой. Я наловчился не смотреть в глаза демонам, и никакие самые невероятные обличия меня уже не удивляли.

Роту за ротой, дивизию за дивизией прочесывали мы, пока не добрались до их конца на левом фланге. Животные мои все больше нервничали. И когда они обогнули первый ряд первой роты, пес подбежал ко мне и заскулил. Вероятно, ему был нужен его дедушка, но я нагнулся и погладил его по голове.

— Не отчаивайся, дружище, — сказал я. — Нам еще остались эти. — И я кивнул на генералов — сплошных князей, — которые стояли перед своими дивизиями. Поскольку мы начали с задних рядов, генералы еще не были проверены. Но меня уже душило отчаяние: что такое поддюжины возможностей против уже проверенных семи миллионов?

Пес побежал к ближайшему генералу, кот не отставал от него, а я следовал за ними как мог быстрее. Пес затыкал еще в нескольких шагах от демона, и я припустил бегом. Демон вздрогнул и начал преображаться. Но даже в этом гротескном облике мерещилось что-то знакомое.

— Дитворт! — завопил я и кинулся на него.

Меня хлестали кожаные крылья, царапали когти. Тут в бой вступил Ройс — более уже не пес, а негр, сложенный как абсолютный чемпион по боксу. Кот превратился в клубок ярости, зубов и когтей. Тем не менее мы потерпели бы полное поражение, если бы не произошло невероятное. Какой-то демон, нарушив строй, ринулся к нам. Я не столько его увидел, сколько почувствовал, и не сомневался, что он явился на выручку своего господина, как бы меня ни заверяли, будто их обычаи это запрещают. А он — помог нам! Выручил своих природных врагов, и действовал с такой мстительной яростью, что победа осталась за нами.

В единый миг все было кончено. Я обнаружил, что лежу на земле, вцепившись не в адского князя, но в Дитворта, к которому вернулся его человеческий облик щуплого обходительного бизнесмена, одетого с неброской элегантностью, и со всеми своими атрибутами — портфелем, очками и зарождающейся плешью.

— Уберите от меня это! — раздраженно потребовал он.

«Это» было дедушкой, который впивался ему в шею беззубыми деснами с бульдожьим упорством.

Ройс освободил одну руку от обязанности держать Дитворта и забрал дедушку под мышку. А Серафим продолжал висеть на ноге нашего пленника, запустив в нее когти на всю длину.

Демон, склонивший чашу весов в нашу пользу, тоже продолжал держать Дитворта за плечи, зацепив его когтями под лопатки. Я прочистил горло и сказал:

— По-моему, мы обязаны вам... — Я понятия не имел, что можно сказать в такой беспрецедентной ситуации.

Демон скорчил рожу, видимо, дружескую, но на редкость страхолюдную.

— Разрешите представиться, — сказал он на моем родном языке. — Агент Федерального бюро расследований Уильям Кейн.

Очевидно, это меня доконало, и я хлопнулся в обморок.

Пришел я в себя, лежа на спине. Кто-то смазал мои раны целительным бальзамом, так что они не омертвели и ничуть не болели, но меня сковывала смертельная усталость. Рядом раздавались голоса. Я повернул голову и увидел всю нашу компанию. Уортингтон и дружественный демон, объявивший себя агентом ФБР, стояли перед Сатаной, крепко держа Дитворта слева и справа. Грозное адское воинство исчезло без следа.

— А, так это мой племянничек Неброс! — задумчиво произнес Сатана, прищелкнул языком и кивнул. — Неброс, ты скверный мальчишка, и я тобой горжусь. Но раз уж они тебя изловили, боюсь, тебе придется помериться силами с их представителем. — Он взглянул на Аманду. — Кто вас будет представлять, дорогая моя?

— Думается, это моя работа, — подал голос дружественный демон.

— Нет, — возразила Аманда, отвела его в сторону и что-то настойчиво зашептала. В конце концов он пожал крыльями и уступил.

Аманда вернулась к остальным. Я кое-как поднялся на ноги и подошел к ним.

— Поединок до смертного исхода, — услышал я ее слова. — Ты готов, Неброс?

У меня чуть сердце не остановилось от страха за Аманду, и одновременно появилась тихая уверенность, что она преуспеет во всем, за что бы ни взялась. Джедсон посмотрел на меня и замотал головой. Не вмешивайся!

Однако у Небиро́са не достало смелости. Все еще сохраняя облик Дитворта и выглядя до нелепости по-человечески, он воззвал к Самому:

— Не смею, дядюшка. Исход предопределен. Вступись за меня.

— Не премину, племянничек. Правда, я немножко надеялся, что она тебя уничтожит. Ты мне еще наделаешь хлопот! — Он обратился к Аманде. — Ну, скажем... э... десять тысяч лет?

Аманда взглядом осведомилась о нашем мнении, к большой моей гордости включив и меня, и ответила:

— Да будет так.

Мне потом объяснили, что приговор был легким — эквивалентным примерно шести месяцам тюремного заключения в реальном мире. Но ведь он ни в чем не нарушил их обычаев, а просто потерпел поражение от белой магии.

Старый Черт резко взмахнул рукой, раздался оглушительных грохот, последовала огненная вспышка, и мы увидели Дитворта-Небиро́са распростертого на скале и скованного по рукам и ногам тяжелыми железными цепями. Он вновь обрел облик демона. Аманда и Уортингтон осмотрели цепи. Она припечатала перстнем каждую заклепку и кивнула Козлу. Мгновенно скала унеслась в неизмеримую даль.

— Вот, пожалуй, и все, — сказал Козел. — Полагаю, вы отправитесь восвояси. Кроме вот этого... — Он улыбнулся демону из ФБР. — Я кое-что для него придумал.

— Нет, — категорично заявила Аманда.

— Что-что, моя крошка? Ваши защитные чары на него не распространяются, а он оскорбил наши обычаи.

— Нет!

— К сожалению, я вынужден настаивать.

— Сатана Мекратриг, — медленно произнесла она, — ты хочешь помериться силами со мной?

— С вами, сударыня? — Он внимательно ее осмотрел, будто увидел в первый раз. — Ну день выдался утомительный, не правда ли? Оставим эту тему. Ну так до следующего раза...

Он исчез.

Демон повернулся к Аманде.

— Спасибо, — сказал он просто. — Жаль, у меня нет шляпы, чтобы снять ее перед вами. — И спросил с тревогой: — А вам известна дорога отсюда?

— А вам нет?

— В том-то и беда. Разрешите, я объясню. Я прикомандирован к отделу по борьбе с монополиями. Мы занялись этим типом Дитвортом, или Небиросом, и я последовал за ним сюда в убеждении, что он просто черный колдун и я смогу вернуться через его врата. К тому моменту, когда я разобрался, что к чему, было уже поздно, и я оказался в ловушке, а потому мне пришлось смириться с мыслью, что так и буду коротать вечность в образе псевдодемона.

Меня его история захватила. Естественно, я знал, что агенты ФБР все либо юристы, либо чародеи, либо бухгалтеры-ревизоры, но до этой минуты мне доводилось встречать только ревизоров. Такое хладнокровие перед лицом невероятных опасностей произвело на меня глубокое впечатление и усилило мое уважение к агентам ФБР.

— Можете воспользоваться для возвращения нашими вратами, — сказала Аманда. — Держитесь поближе к нам. Так отправляемся? — спросила она всех нас.

Джек Боди, когда мы посыпались из камина, все еще бубнил заклинания по книге.

— Восемь с половиной минут, — возвестил он, взглянув на свои часы. — Отличная работа. Все в порядке?

— Да, — ответил Джексон ломающимся голосом, претерпевая преобразование. — Мы добились...

Но Боди перебил его:

— Билл Кейн! Старый мошенник! — закричал он. — Как ты затесался в нашу экспедицию?

Демон-агент успел преобразиться в пути и из камина появился в своем природном облике — худощавого

закаленного молодого человека в скромном сером костюме и шляпе с загнутыми полями.

— Привет, Джек, — кивнул он. — Забегу к тебе завтра и все расскажу. Мне надо доложить по начальству. — И он исчез.

Эллен вышла из транса, и Джо заботливо наклонился над ней, проверяя, не пострадала ли она. Я оглянулся, но Аманды не увидел.

И тут же услышал, как она возится на кухне. Я кинулся туда.

Она обернулась ко мне с улыбкой. Ее чарующее лицо было безмятежным, дышало спокойной красотой.

— Аманда! — сказал я. — Аманда...

Наверное, я бессознательно намеревался поцеловать ее, сжать в объятиях. Но очень трудно решиться на такое, если предмет вашей страсти ничем не показывает готовности ее разделить. Аманда осталась неприступной. Нет, она смотрела на меня ласково, дружески, но нас разделял невидимый барьер ее сдержанности. И я просто бродил за ней по кухне и говорил о пустяках, пока она готовила какао и поджаривала хлеб для всех нас.

Когда мы вернулись к остальным, я сел и не притронулся к какао, а только глядел на нее, и сердце у меня сжималось от смутного разочарования, пока Джек рассказывал Эллен с Джеком о нашем пребывании в Толумире. Вскоре он вызвался проводить Эллен домой, и Джек последовал за ними.

Когда Аманда вернулась, попрощавшись с ними у дверей, доктор Ройс уже спал, растянувшись на коврике у камина. На его могучей груди свернулся Серафим, и оба мелодично похрапывали. И тут я понял, что валюсь с ног от усталости. Аманда это заметила и сказала:

— Приляг на кушетку и вздремни, если хочешь.

Второго приглашения мне не потребовалось. Она подошла, укрыла меня шалью и нежно поцеловала. Засыпая, я слышал, как она поднялась к себе в спальню.

Разбудили меня солнечные лучи, бившие прямо в глаза. Серафим сидел на подоконнике и умывался. Доктор Уортингтон уже ушел — но, очевидно, совсем

недавно, потому что ворс на коврике еще не расправился.

Дом казался вымершим. Но тут я услышал на кухне легкие шаги, вскочил и бросился туда.

Она стояла лицом к старинным часам с маятником на стене, но обернулась ко мне — сухонькая, сгорбленная, невообразимо старая. Жиденькие седые волосы были стянуты в аккуратный пучочек на затылке.

И тут мне стало ясно, почему накануне все ограничилось материнским поцелуем на сон грядущий. У нее хватило здравого смысла за нас обоих, и она не допустила, чтобы я свалил дурака.

Она поглядела на меня снизу вверх и сказала своим обычным мягким голосом:

— Видишь, Арчи, мои старенькие часы вчера оставались. — Она протянула руку и слегка коснулась качающегося маятника. — А сегодня утром они опять пошли.

Рассказывать, собственно, больше не о чем. После исчезновения Дитворта и рапорта Кейна корпорация «Магия» развалилась буквально за одну ночь. А новые законы о лицензиях вышли из употребления еще до того, как были отменены.

Мы собираемся у миссис Дженнингс так часто, как она терпит. И я искренне радуюсь, что она не допустила ничего между мной и своим юным альтер эго. Ведь наши нынешние отношения для меня незаменимая опора. Однако, родись я на шестьдесят лет раньше, у мистера Дженнингса объявился бы упорный соперник.

Я помог Элен с Джо организовать их новое предприятие и порекомендовал в управляющие Джека Боди — меня больше тянуло привычное занятие. Я пристроил новое крыло к магазину и приобрел два грузовика — точно как предсказала миссис Дженнингс. Дела идут отлично.

Содержание

Там, за гранью , роман, <i>перевод с английского А. Дмитриева,</i> <i>С. Фомченко</i>	5
Уолдо , роман, <i>перевод с английского К. Слепьяна</i>	249
Корпорация «Магия» , роман, <i>перевод с английского И. Гуровой</i>	373

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

**Полное собрание фантастических произведений
в двадцати пяти томах**

Книга тринадцатая

Составитель В. Быстров

Главный редактор А. Захаренков

Ответственный за выпуск Е. Чутов

Редакторы К. Королев, М. Проворова, М. Катаева

Технический редактор К. Козаченко

Корректоры К. Вартанова, Г. Бочарова, Е. Ошуркова

Оператор компьютерной верстки Н. Болтач

Художественное оформление серии: М. Захаренкова

Оформление: А. Бибанаев, Л. Булыкина, А. Кириллов

ЛР № 062455 от 23.03.93

Подписано в печать 04.07.94. Формат 84×108/32

Гарнитура Балтика. Бумага типографская. Печать высокая.

Усл. печ. л. 25,20. Тираж 25 000 экз. Заказ № 5260.

Издательская фирма «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Книжная фабрика № 1 Комитета РФ по печати.

144003, г. Электросталь Московской области, ул. Тевосяна, 25.

**Миры Роберта Хайнлайна кн.13 / Пер. с англ. — Рига:
Полярис, 1994. — 479 с.**

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publishers